ГЕЙДАР ДЖЕМАЛЬ

ПОЗНАНИЕ СМЫСЛОВ

ИЗБРАННЫЕ БЕСЕДЫ

Гейдар Джемаль
Познание смыслов
Избранные беседы

Автор проекта и составитель – Константин Тараторин, руководитель издательской группы «Контрудар»

Создание текстов на основе аудио- и видеоматериалов: Руслан Айсин, Динмухамед Миржакып, Константин Тараторин

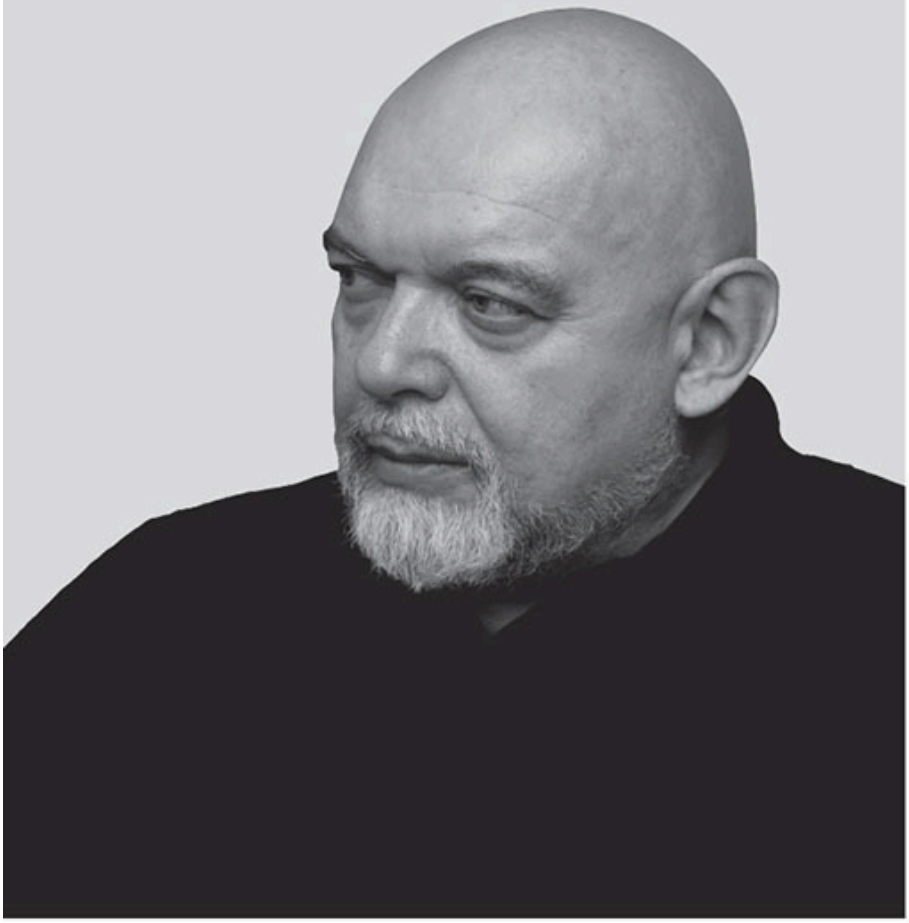
Редактор, автор комментариев – Ахмед Магомедов

Серия «Мудрость ислама»

© Г. В. Джемаль, текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *



Предисловие

В содержание этой книги вошли стенограммы всех телевизионных передач с названием «Разговоры с Джемалем», выходившие на «Радио-медиаметрикс». Выпуски вёл журналист канала Олег Дружбинский. Их начали записывать в январе 2016 года и закончили в октябре. Каждую неделю Гейдар Джемаль выходил в эфир, чтобы в той или иной степени раскрыть тему, которую он сам определял для программы. К сожалению, в связи с ухудшением здоровья Гейдара Джемаля передачи прервались. В начале октября была записана последняя («Столпы традиционализма»). Она должна была иметь продолжение, но вследствие продолжительной болезни, спустя два месяца (в декабре 2016 года) Гейдар Джемаль умер.

Как-то Гейдар Джемаль выразил мысль (я был свидетелем), что такой формат и подход для написания книги ему нравится. Книгу начали составлять ещё при жизни автора, а в 2017 году издательство «Питер» выпустило ее под названием «Разговоры с Джемалем». Так получилось, что в ней отсутствовал ряд тем, поэтому было решено снова поднять весь первичный видеоматериал, переработать его и объединить для переиздания. Была проведена большая работа по восстановлению того видеоматериала, который имеется на «Радио-медиаметрикс», так как некоторые передачи имели технические сбои в звуке.

Джемаль был мыслителем невыразимого уровня. Сам он не жил, он горел идеей, точно подтверждая высказывание классика, что «есть только две формы жизни: гниение и горение. Трусливые и жадные изберут первую, мужественные и щедрые – вторую».

Гейдар Джахидович не был типичным пожирателем книг и знаний, он прикладывал свой ум в практической деятельности, участвовал в политике, причём в нонконформистской, острой, опасной. Делал и

говорил то, о чём некоторые и помыслить-то боялись. Оттого его мысль имеет живое начало, свою перспективу в реализации.

Он сам говорил, что интерес к его идеям будет только расти. И мы наблюдаем это. Пусть эта книга станет еще одним вкладом в интеллектуальную повестку и раскроет всю величину личности Джемаля, который актуален всегда. Мыслить – значит быть!

Динмухамед Муржакып

Конец левой и правой идеи в современном мире

20.01.2016

Комментарий Джемаля к постановке вопроса[1]:

Самое отвратительное в политическом размежевании подобного рода – это его амбивалентность. В принципе, так называемый «левый пакет» на 90 % состоит из правых тезисов, просто распределённых под другим брендом. Что же касается самого крайне правого – так, извините, стержнем этого идеологического «мракобесия» (с точки зрения левых либералов) оказывается… «социализм»! То есть крайне правый всё равно танцует от сверхзадачи идеально упорядочить общество, «починить», в конце концов, этот чёртов «двигатель внутреннего сгорания», чтобы он зажёвывал людей с максимальной эффективностью. Чистая левизна.

После конца советского социализма в мире бывшие коммунисты и особенно социал-демократы пошли прислуживать победителям в холодной войне. Брюссельская бюрократия, рулящая конструкцией НАТО, переполнена бывшими леваками (некоторые из них даже не считают себя бывшими).

Политический ислам справедливо издевается над этим цирком, над этими игрищами многопартийной демократии. **Политический ислам ориентирован на рассмотрение «юдоли человеческой» в контексте сверхчеловеческой вертикали.** При таком подходе выписывать себе «справку» о своей «левизне» или «правизне» – это означает предстать перед историей в статусе безнадёжного идиота.

Для правых и левых есть шанс при условии, что они несут в себе заряд пассионарности. В конечном счёте именно воля к борьбе и победе, любовь к смерти сведёт воедино богатырей протеста, которые уже сейчас, как всадники Апокалипсиса, маячат на горизонте.

■*Сегодняшняя тема, которую предложил Джемаль, звучит так: «Конец левой и правой идеи в современном мире». Давайте попробуем сначала разобраться, что такое «левая» и «правая» идея и почему они должны умереть…*

Я бы хотел предварить так. Оттого что мы это обсудим, сегодняшние «левые» и «правые», которые эксплуатируют свои бренды, не перестанут таковыми быть. Они и дальше, я думаю, будут цепляться за эти отработанные уже ярлыки. Тем более что тут есть достаточно широкое разнообразие, потому что «левых», я думаю, даже не пятьдесят оттенков красного, а сто пятьдесят, может быть.

■*Левыми мы считаем коммунистов, социалистов и всё такое прочее?*

Нюансов очень много. Допустим, человек считает, что налоги должны быть повышены на богатых, – и он уже где-то даже радикал. Есть троцкисты – троцкистов несколько групп совершенно разных: есть посттроцкисты и так далее. Есть международные сталинисты – даже сегодня. Этот большой спектр позволяет маневрировать в таком разнообразии и скрывать суть дела. Конечно, разнообразия у правых гораздо меньше, и идеологическая база более оформленная и более бедная на разные претензии на научность, на предысторию и так далее.

И надо всё это свести к какой-то парадигме – «левой» и «правой».

Моя точка зрения: левые изначально начинали борьбу против Традиции[2], против иерархии. Откуда взялись левые? Левые – это

якобинцы, которые сидели в Национальном собрании Франции, Конвенте. Справа сидели сторонники конституционной монархии, в середине – «Болото», «Жиронда», слева сидели якобинцы. Якобинцы – они, естественно, республиканцы, то есть они были последовательно против иерархии, против церкви. Но не против религии вообще (как известно, Робеспьер был верующий человек; потом они всё заменили культом Великого Существа), – они были против истеблишмента. Потом это всё стало развиваться, диверсифицироваться, всюду оставалась главная линия – против иерархии, против символизма, против трансцендентной нагрузки смыслом, против того, что одни выше других по каким-то сверхчеловеческим причинам – по праву рождения, например, и тому подобное. Далее уже по тому, что кому удалось урвать, – потом это всё стало сводиться на уровень неравенства потребления. То есть когда якобы «добили» (на взгляд обывателя) иерархии религиозного плана, стали уже бороться с иерархиями социально-экономическими…

■ *Левые были за социальную справедливость («Всё отнять и поделить»)?*

Левые были за равенство в потреблении – относительно.

Правые были сначала за сохранение традиций: власть, государство, божественное право и так далее. Но по мере эволюции общества они хватались за то, что возникало. В итоге сегодняшний средний правый отстаивает результаты, получившиеся в итоге двухсот лет наступления левых.

■ *То есть, по сути, сегодняшний правый – обычный либерал («свободный рынок» и всё такое)?*

Да, обычный правый сегодня – либерал, и обычный правый сегодня стоит на защите той платформы, которая лет 100–150 назад

была «нормальная», средняя платформа левых. Левые победили в глобальном метафизическом смысле.

Оказалось, что мир, который они получили в итоге, – это не только мир несправедливый, а он стал гораздо хуже, гораздо несправедливее. После того как исчезла иерархия и возник такой либеральный мир, в котором нет символизма, в котором церковь утратила свои особые высшие функции, монархия стала декоративной, дворянство стало присваиваться каким-то футболистам и так далее, – в этом мире несколько десятков человек сосредоточили в своих руках столько богатств, сколько имеет 3,5 миллиарда, беднейшая часть населения. Что было немыслимо раньше, когда мир был якобы несправедлив.

Теперь у левых есть новый фронт – по крайней мере демагогии: «неравенство собственности, неравенство потребления». Они объясняют это тем, что (конечно, это очень смешно, но тем не менее) налоги не так берутся: вот потому 60 человек собрало в своих руках триллионы долларов, что, оказывается, налоги не так берутся. С другой стороны, есть правые, которые отстаивают статус-кво, – именно тот статус-кво, которого добились левые. Левые добились его – правые теперь отстаивают. Но у левых больше манёвра, конечно, потому что они могут себя показать, им есть с чем бороться ещё, а правые как бы защищают. Но им показывают, что мир-то ужасен и его очень сложно защищать. Поэтому у обычных правых очень дискомфортная ситуация.

■*Может быть именно поэтому в российский парламент не проходят правые фракции последние 10–15 лет? Как только собирается какая-то группа людей под видом правой платформы («Союз правых сил» и так далее) – они все, что называется, «пролетают»…*

Здесь конкретная политика, она не дотягивает до тех высоких мотиваций, которые мы пытаемся сейчас обсудить. На мой взгляд,

правых не пускают в парламент и политику потому, что их проход в Думу сразу же обострил бы социальный вопрос. Пришли бы правые силы, и мгновенно классовая борьба вышла бы из закрытого состояния на поверхность, и тогда можно было бы уже говорить о прямой конфронтации. И чтобы не было прямой конфронтации с защитниками олигархического капитала, им не дают проводить свои группы в публичную политику (под ковёр заметают). Это, мне кажется, элементарный, очевидный политический момент.

Левые и правые идеи дискредитировали себя: справедливости не будет, борьба за справедливость приводит к появлению олигархов?

Со справедливостью есть одна очень любопытная вещь.

Что является справедливостью с точки зрения левых? Они же изначально борются с Традицией, с символизмом, борются с религиозной сверхчеловеческой «нагруженностью» общества. Но общество живёт не для того, чтобы жить, есть, производить, ещё больше есть, ещё больше производить, а у общества есть некие сверхзадачи, у истории есть смысл, есть Бог, есть в конце Страшный Суд, воскресение из мёртвых, – все эти моменты левым были ненавистны, левые их изымали, они боролись с этим как с «бреднями», «поповскими сказками», объясняли, что «производительные силы действуют на производственные отношения», потом действуют на мозги, которые так или иначе всё понимают…

Но есть и другой подход, согласно которому справедливость – это не разделение потребления благ, а **справедливость – это наличие смысла**. Мириады людей проходят бесследно по земле, – и справедливо ли то, что они исчезли в этом потоке песка, который несётся ветром через пустыню времени и бытия? Нет, несправедливо. С точки зрения религии это высшая несправедливость. Жизнь становится абсурдом. Левые считают, что это норма. Но когда они добиваются своего и строят общество,

которое представляется им более или менее адекватным, то есть «социобытие», в котором исключена всякая объективная онтология (все становится социальным), то мы погружаемся в абсурд, в бессмыслицу. **Левые убивают смысл. Они добиваются того, что общество, в котором мы живём, – это общество, которое живёт, чтобы жить.** Оно ничем не отличается от садка кроликов, по большому счёту.

И правые в действительности защищают именно эту сторону. Но есть крайне правые, которые говорят, что то, что уничтожено, – это было ценностью, было смыслом (именно иерархия, символизм, Традиция). Они идут в блок, который называется «консервативные революционеры». Они хотят совершить некую контрреволюцию и восстановить иерархию, смыслы, неравенство и так далее в пользу тех старых слоёв, которые когда-то держали «контрольный пакет акций».

То есть они поменялись местами?

Да. Крайне правые – они как бы «протестные». Понятно, что по большому-то счёту хрен редьки не слаще, потому что то общество, которое деградировало через усилие левых сегодня до «социобытия», в котором нет смысла, – оно отправлялось от той начальной позиции, к которой его хотели бы вернуть эти консервативные революционеры.

Зло не в нынешнем состоянии общества, **зло в социуме как таковом**. Есть нечто в социуме, что является неизбывным античеловеческим элементом, который может проявляться как в господстве феодала над крепостным, так и в бессмыслице социального бытия в какой-нибудь Швеции, где господствуют социал-демократы и где при огромном потреблении самый высокий уровень самоубийств. И там и там – зло.

Так вот, в чём состоит моя идея? Моя идея состоит в том, что ни левые, ни правые сегодня не кладут палец на нервный узел этого

зла, они не обсуждают это зло, для них всё является само собой разумеющимся (как жизнь не задаёт вопросов, не требует вопроса к себе). А ведь надо поставить вопрос о сущности этого зла, и если уж тогда говорить о протесте, – он должен быть не левый, не правый, а совершенно новый.

■*Какой?*

Я думаю, что скорее всего это должен быть **«теологический»** протест.

■*То есть верующие против безбожников?*

Это не так просто. Скажем, тот же Маркс с восторгом говорил, что наконец-то сброшены религиозные одежды с социальной борьбы, что раньше люди облекали свои проблемы, конфликты в религиозные одежды, потому что у них все стояло на голове, а не на ногах, а марксизм всё переворачивает на ноги, и речь идёт о производственных отношениях, – что-то в этом духе. Но оказалось, что всего марксизма с его научным социализмом хватило на 150 лет пудрения мозгов. Это короткоживущая модель.

А, допустим, тема катаров, анабаптистов, гуситов, то есть тема религиозной справедливости и религиозного вызова мировому порядку, никуда не ушла. Она была отложена в пользу научного социализма, в пользу народников, эсеров, которые читали Бокля[3], всяких атеистов, потом «Капитал» и так далее. Но сегодня с этим «Капиталом» некуда идти.

■*То есть скорее должна быть религиозная справедливость или справедливость, основанная на неких религиозных постулатах?*

Потому что о смысле жизни говорит только теология.

И философия…

И философия. Но дело в том, что философия может быть антифилософией. Вот **марксизм – это антифилософия**. Гегель – великий мыслитель, который придал современный вид платоническому дискурсу, Платон XIX века. Потом приходит Маркс, который ничтоже сумняшеся ставит Гегеля, как он выразился, с головы на ноги. А в действительности он просто его разрушает и приводит в некий маразм.

Действительно, в XX веке на все те вопросы, которые стояли перед человечеством, люди получили ответы в виде сталинского коммунизма, фашизма и другого. Эти ответы общество не устроили, поскольку они несли в себе негативный опыт. Вопросы были, как вообще дальше жить всему социуму. Ответов нет, и теперь наступает XXI век, когда снова потребуются эти ответы. Должно ли быть всё по справедливости? Да, действительно, Маркс написал большую спорную экономическую книгу, из которой можно было сделать один вывод: грабь награбленное. И по этому пути пошло народонаселение многих стран…

Давайте тоже не будем упрощать: не «грабь награбленное», а обобществление средств производства для того, чтобы этим производством завалить массы, которые должны были обожраться, и в результате у них должны были проснуться такие «творческие энергии», что эти средства производства и производительные силы от изобилия этого потребления вырастали ещё многократно до тех пор, пока (тут уже начинается некий космизм) человечество не выходит в ноосферу, не начинает управлять таким куском космической энергии, что меняет физические законы. И дальше бифуркация: одни говорят «бред, и все – ради колбасы», другие говорят «нет, всё для того, чтобы остановить второе начало термодинамики». Это не «грабь награбленное» – повыше чуть-чуть.

Но это тупик. Почему это тупик? Потому что даже прекрасная идея остановить второе начало термодинамики не вносит смысла в абсурд.

■*По вашей логике получается, что когда коммунисты молятся сейчас в православном храме, это не абсурд, а они на самом деле двигаются к религиозной справедливости?*

Честно говоря, никаких коммунистов сейчас не осталось, коммунистических партий нет. КПРФ создана исключительно как политтехнологический приём для разводки определённой части населения. Мы живём же в мире симулякров, поэтому мы не будем всерьёз говорить о том, что они какие-то коммунисты.

■*И серьёзно говорить, что они верующие, тоже, наверное, не стоит…*

Конечно. Дело в том, что я не уверен, что можно говорить о том, что нынешний папа Франциск серьёзно верующий. Вообще, можно ли говорить о современных жрецах, что они в истинном смысле верующие? Я же сказал о «социобытии», которое возникло в результате усилий левых в течение двухсот лет. В итоге у нас Олимп – то, что было «небом» для бывшего человечества, – стал, метафорически говоря, просто социальным институтом. Если папа Франциск рассматривает себя, свою религию, литургию, ритуалы как некий социальный институт, который можно адаптировать по некой конъюнктуре (взял и переписал мессу, взял и перевёл её с латыни на местные языки, взял и изменил тему, касающуюся антисемитских ноток в католической традиции так, чтобы устроить, допустим, раввинов), – это о чем говорит? Это говорит о том, что мы уже не имеем дело с религией как с религией. Это просто социальный институт, который ведёт какие-то политические игры. В таком случае, верующий ли Папа? Я думаю, что не совсем.

Как-то я общался в Судане (это было в 1994 году) с министром иностранных дел этой страны (у них было два министра: один христианин, другой мусульманин). Христианин был епископ, рукоположенный в епископат архиепископом Кентерберийским. Он был с юга Судана, нилот, очень чёрный. Я говорю: «Скажите, вот вы представляете страну, записанную как „фундаменталистская ось зла“. Вы – христианин, приезжаете, допустим, в Рим, встречаетесь с вашими коллегами. И как они воспринимают вас, посланца фундаменталистской исламской страны, „оси зла“, и при этом христианина, масона, рукоположенного архиепископом Кентерберийским в епископат? Как у них решается этот когнитивный диссонанс?» И он мне ответил бессмертно – до сих пор помню: «Они понимают мою ситуацию». Это было, конечно, потрясающе.

Вернёмся к концу эпохи левой и правой идеи. Если на месте левых, с вашей точки зрения, должны появиться верующие, люди, ищущие справедливость в религии…

В смысле. В глобальном смысле. **Справедливость – это смысл**, это победа над абсурдом бытия.

Кто будет на правом фланге, кто может заменить правых?

Дело в том, что тот протест против статус-кво, который должен прийти на место левых и крайне правых (они тоже недовольны статус-кво), – он должен откинуть и тех и других и каким-то образом «всосать» пассионарный импульс оттуда и оттуда, преодолев их детские болезни.

Я приведу конкретный пример. Допустим, вы от левого, который отрицает неравенство, иерархию, сакральные символы, всё значимое, выходящее за пределы здесь-присутствия, во имя того, чтобы потреблять поровну, – вы делаете от всего этого шаг в сторону: понимаете, что это всё – выработанный бессмысленный симулякр, и

приходите к протесту, который ставит во главу угла смысл. Что для вас это сразу означает? Вы отказываетесь от идеи равенства, потому что в контексте смысла не может быть защиты равенства: люди не равны, люди рождаются неравными. И сразу идея равенства как то, за что следует бороться, проваливается в тартарары как ложная идея. И еще целый ряд идей, который был связан с этим. А иерархия какая? Иерархия, основанная на деньгах, основанная на праве рождения, иерархия, основанная на жреческих манипуляциях и ритуалах с посвящением? Тогда вы отрицаете и это тоже, потому что вы же не будете возвращаться. А это значит отказ и от правых иллюзий, от крайне правых иллюзий.

И куда же это придёт? К некоему элитному крылу, которое делит общество на сословия?

Не совсем так – не на сословия. Я бы так сказал: есть классы в левом, марксистском представлении. Классы определяются отношением к средствам производства и распределению. Но это сейчас уже мало работающая идея, потому что когда вы имеете дело с Ходорковским или покойным Березовским, которые начинали как комсомольцы и младшие научные сотрудники, потом стали олигархами, потом один стал беглецом, другой зэком, – какие тут классы? Они кто – буржуазия? Они не буржуазия, они люмпены. Но люмпен, который становится сначала богатым, потом опять бедным, потом его сажают, потом выпускают и так далее. Эта тема касается не только фигур, которые на виду (они просто иллюстративны). Сегодня в мегаполисе люди являются пылью, которую то вздымают вверх, то опускают. На самом деле не классы определяют внутреннее напряжение между полюсами внутри человечества, а врождённые установки.

В индийском традиционном обществе есть понятие «касты». Это не сословия, это не классы. Это врождённые состояния сознания, души. Человек рождается либо тем, либо иным. Он не может родиться

«нулевым», как Tabula rasa, он рождается уже кем-то. Он рождается жрецом или воином, или торгашом, или холуём, или люмпеном. Кем-то из этих вариантов. Но понятно, что большинство из этой классификации – пассивные, они только следуют за ситуацией. А две активные являются реальными полюсами: это воины и жрецы. Одни заняты созерцанием и обобщением интуиции жизни (реальности), а другие заняты исправлением ошибок, – при этом на этом пути они готовы приносить в жертву свои жизни. Существуют идеологические доктрины с той и с другой стороны, которые постоянно находятся в сшибке. Их надо расшифровывать: «Доктрина чья, защищает чьи интересы»?

Вот если мы будем смотреть на то, что только две касты, только два полюса являются активными игроками, и борьба между ними определяет всю историю, тогда очень многие вещи для нас изменятся и мы поймём, например, что парадоксальнейшим образом марксизм, который говорит о необходимости диктатуры пролетариата, на самом деле защищает интересы жрецов.

Защищает кастовость?

Нет. Кастовость есть, она никуда не девается. Человек не может родиться без цвета волос, без цвета глаз. Он рождается в касте. Если он рождается ни в одной из этих каст, тогда он люмпен, – это бескастовое. Люмпенов может быть большинство. Может быть страна, которая почти состоит вся из люмпенов. Это большое для неё несчастье. Но всё равно он кем-то должен родиться. И борьба будет всё равно идти между жрецами и воинами.

Так кто же такие, допустим, те же марксисты? Если мы посмотрим, на кого они работают в конечном итоге, то получится, что мировой марксизм работал на папу римского. Это может показаться смешной идеей, но сейчас нет ни времени, ни пространства, чтобы защитить её. Косвенно работал на папу римского. В обобщённом смысле. Это метафора, но это и буквально.

Октябрьская революция первое, что сделала – восстановила патриарха. Февральскую революцию готовили попы, начиная со «старцев», которые ввели Распутина в большой свет. Первые, к кому пришёл Илиодор, монах-черносотенец, стоявший поначалу за спиной Распутина – большевики. Он пришёл к большевикам с предложением своих услуг[4]. Кто написал «декларацию третьего сословия»? Это же написал Аббат де Сийес[5].

Кто окажется на месте правых сил? Недавно, разговаривая со своим знакомым, я спросил его: «А ты пойдёшь на выборы?». Он ответил, что нет. Я спросил: «Почему»? Он ответил: «Почему я, человек обеспеченный, с двумя высшими образованиями, имею такой же голос, как тот же дворник, который во всех смыслах ниже меня?» Я не знал, как ему ответить. Я его вам задаю. Может быть, здесь есть напряжение правого фланга?

Опять-таки очередной симулякр. Потому что выборы всегда и всюду являются манипулируемым процессом, они фальшивые изначально. Особенно они фальшивые в США, где они непрямые – и это в самой главной стране демократии. На самом деле всё не так. Для того чтобы такой человек, как ваш знакомый, не имел один и тот же голос с дворником, отцы-основатели США долго работали и обдумывали, как сделать так, чтобы только голоса «настоящих» людей имели бы значение, а всякая «шушера», которая приползает сбоку, оставалась за бортом. Ещё греческие полисы давали «свободным людям» право голосовать, а остальным, которых вроде никто не гнобил, не пинал ногами, говорили, что они никто: бывшие рабы, вольноотпущенники и всё такое.

В действительности существует маскарад всеобщей демократии. Совершенно понятно, что он настолько «обезврежен», что вопрос вашего друга лишен смысла. Ни его голос, ни голос вашего дворника в равной степени не имеют значения. Они равны не в том смысле, что они оказывают влияние, а в том смысле они равны, что они

вообще «нули», – независимо от того, что один дворник, а другой богач.

Это несправедливо. Не яхты, заводы, фабрики и пароходы должны определять вес человека, а другой принцип, который связан именно с теологическим смыслом и с его участием в этом теологическом смысле. Я считаю, что нужна не диктатура пролетариата, а нужна диктатура касты воинов, которые должны бросить вызов Мировой системе, глобальному обществу.

■*Диктатура, возможно, нужна, и очень часто мы видим, как именно диктатуры побеждают на разных территориях и приводят общество к достаточно гармоничному существованию, но тем не менее… Давайте попробуем понять, кто же на правом фланге. Я представляю, что существуют некие классы, группы или сословия обеспеченных людей, – назовём их «средним классом». Бизнесмен платит налоги – значит, он больше имеет право голоса, а госслужащий, который живёт на эти налоги, имеет меньше прав. Кто платит налоги, тот пусть и голосует. В этом есть некая логика…*

В этом логика опять-таки классовая, то есть марксистская. Потому что кто такой бизнесмен и чем он отличается от «бюджетника»? Только разными отношениями к производительным силам и производственным отношениям, и соответственно – разным распределением материальных благ. Экзистенциально, по «бытийной» сути, этот бизнесмен не превосходит учителя, или чиновника, или пожарника, который получает зарплату. Его реальный внутренний вес как человеческой личности может быть меньше, может быть больше.

■*Что является тогда критерием его личности?*

Каста и участие в некоем глобальном теологическом проекте. Либо этот человек участвует в проекте, либо борется с ним.

Грубо говоря, если «новые левые» – это те, кто будет связан с религией, с теологическим проектом, то правые, условно говоря – это безбожники и те, кто борется с этим теологическим проектом?

Сейчас идёт такой процесс: либералы проигрывают во всём мире, идёт процесс крушения либерального клуба, потому что либеральный клуб связал свою политическую судьбу с современной экономикой, «постэкономикой», которая базируется на финансовой спекуляции, на сверхкредите. Либералы – это же не буржуазия. Либералы – это в значительной степени тоже люмпены, только богемные, высокого разбора люмпены, но они тоже деклассанты. И как они могут связать свою судьбу с промышленным капитализмом? Им там делать нечего, там серьёзная наследственная буржуазия сидит. Поэтому они сделали ставку на политический союз со спекулянтами, с финансовым капиталом.

Финансовый капитал – 90 % богачей сегодняшнего дня. Они надули вообще весь мир пузырём. Но теперь, когда они сдуваются, они с собой в историческую могилу уносят и либералов как клуб, как философию, как 200 лет последних усилий. Что будет за этим? Возвращаются традиционалисты и консервативные революционеры, которые ждут своего часа. Это крайне правые, и за крайне правыми стоят те же самые дома, которые правили до Первой мировой войны. И те же попы вернутся. Но оппонентами им будут только религиозные радикалы. И тогда будут два полюса: с одной стороны – те же самые церковь и монархия, которые были 200 лет назад, но вернувшиеся в новом качестве, а с другой стороны – всё те же самые гуситы, адамиты, Мюнцер, анабаптисты, катары, альбигойцы[6]…

И мы возвращаемся к «очищенному» противостоянию жрецов и воинов. А вот что низы поддержат – всё это зависит от политических

технологий и стратегий обоих этих полюсов.

■*Но большая Европа сегодня не религиозна…*

Ну и что? Это же массовка. Решает-то всё равно небольшой процент.

■*Вы предрекаете гибель либералам, которые сегодня…*

По ним наносят удар не только радикалы со стороны политического ислама, но и новые правые, радикальные правые из консервативных революционеров. Условно говоря, те, кто стоят за крайне правой высшей масонерией («чёрный интернационал»). Они бросают очень жёсткий вызов, они ждут своего часа. Понимаете, Марин Ле Пен, или «Йоббик» («За лучшую Венгрию»), или Партия свободы Австрии, – это такие 10-летние мальчишки с камушками, это «лёгкий вес», они рассеются. За ними стоят настоящие, реальные «волки». А дальше ещё более серьёзные пойдут.

На самом деле битва за человечество будет именно между радикальным исламом и этими крутыми «чёрными интернационалами». Я вам скажу такую интересную вещь: в ИГ (террористическая организация, запрещенная в России) много не просто мусульман из Европы, а это этнические европейцы, принявшие ислам. Эти данные приводит французский журналист Николя Энен, который около 10 месяцев назад был освобождён[7].

■*То есть обычные французы, итальянцы, которые просто переходят…*

Да. Потому что это та площадка, на которой можно бросить вызов статус-кво. Ну что – валять дурака и говорить, что надо повысить налоги на богатство и ходить гордо как наследник Маркса и Ленина?

■*Или бегать с плакатами и требовать «всем по кусочку»… Недавно замечательная статья была о том, что 60 семей владеют более чем половиной собственности в мире…*

Да, шестьдесят две! А несколько лет назад их было триста тридцать с чем-то. То есть в пять раз сузился этот круг. Это называется, марксистским языком, «концентрация богатств в одних руках». Причём у половины человечества за это время уменьшилось то, чем они владеют, на триллион долларов, а у этих шестидесяти, которые владеют аналогичной суммой, выросло на триллион семьсот миллиардов. Не только триллион перекачали себе, но и зацепили ещё и не самых бедных.

Я считаю, что это признак, симптом, но это не главное зло. Левые говорят: «Вот зло: у этих – всё, а у этих – ничего». Но это симптом, это проявление того, что общество превратилось в некую машину зла. Почему? Потому что зло онтологически ему присуще, оно ингерентно[8]. Потому что сама организация социума построена на неких схемах, алгоритмах, которые антидуховны, которые абсурдны, которые «антисмысленны» и которые надо выделять. Религия же всегда против общества – к обществу её приспосабливают жрецы.

■*Да, я помню ваше утверждение, что человек – это враг Бога.*

Обыватель и миф о «прогрессе»

27.01.2016

Комментарий Джемаля к постановке вопроса:

Обыватель верит в прогресс. Это своеобразный гвоздик, на который обыватели навешивают свои ожидания, комплексы, страх перед собственной малоценностью и мечту о постоянном комфорте. Собственно говоря, идея прогресса неотъемлема от идеи счастья, точнее, либерального понимания счастья.

Конечно, есть некое подставное, «расписное» представление о счастье: домик в деревне или, наоборот, на вершине индивидуального холма, разбухшие от молока вымена, детишки, кувыркающиеся перед этим домиком… Но, если честно, счастье – это, безусловно, таинственный и мистический опыт переживания безвременья. Тут обыватель попадает в противоречие с самим собой. Прогресс только усиливает фактор времени, грузит его, повышает стоимость каждой минуты. **Прогресс, распоряжающийся появлением новых гаджетов, – это враг счастья.** Если последнее всё-таки не понято как наличие крепкой избы.

Американцы впервые вбросили такую низменную и сверхпримитивную концепцию счастья, приплюсовав к ней всеобщее право на него. Кстати, внимательное изучение русской литературы, особенно последних десятилетий перед революцией, показывает глубокую зависимость русского гештальта от Конституции США.

Освободить обывателя от идиотизма идеологии прогресса – это дело благое, потому что вместе с таким освобождением обыватель должен перестать быть обывателем. Но поскольку затраты

исторической субстанции на трансформацию обывателя чрезвычайно велики по сравнению с мизерным результатом, те, кто идут в авангарде, лучше пусть сразу освободятся от желания «нести свет людям».

Вы, наверное, уже заметили, что благодаря усилиям медиа в последние десятилетия выведен новый тип человека, который презирает духовные усилия, хочет только потреблять, боится палки и любит попсу. При этом считает себя апологетом и составной частью прогресса.

Давайте немного поговорим о том самом обывателе, которого мы видим вокруг себя. Ведь вокруг нас, собственно, обыватели и находятся. Гейдар, с чего мы начнём разбирать? С мифа о прогрессе или с самой фигуры обывателя?

«Обыватель» не потребует достаточно большого объёма анализа, потому что его очень легко определить. Это человек, который полностью «заточен» на «аргумент тела», а тело, в свою очередь, «заточено» на комфорт. Это гедонист, эпикуреец, но в слабом выражении, осложнённом всякими матрицами этического порядка, то есть с детства ему вбивали в голову, что нельзя отбирать игрушки, нельзя не делиться конфетой, – и это немножко осложняет ему жизнь.

Он бы не хотел делиться ничем, но есть в нем какие-то осколки этических матриц. А так, вообще говоря, ему понятен только материальный аргумент. Если обыватель начинает рассуждать о геополитике, то все его рассуждения сводятся к тому, что «войны идут, потому что передел нефти и газа, гражданские войны вспыхивают, потому что их устраивают спецслужбы, которые, опять-таки, хотят тянуть или не тянуть в данных местах газопроводы», и выше этого он подняться не может, потому что вся история для него – это просто раздел песочницы, это просто толкание локтями в песочнице и отъем жизненного пространства. Это инфантильный

взгляд.

■*Может, это неплохо, что большинство людей живёт понятием «живи вкусно, дай жить другим»?*

Ну это «большинство людей» возникло сравнительно недавно, потому что если мы переместимся хотя бы на 100–150 лет назад, то подавляющее большинство горожан и тем более подавляющее большинство сельских жителей были вписаны в религиозную матрицу, которая подразумевала, конечно же, альтруизм, жертвенность, готовность к физическому самоограничению. Вообще в России, например, среди дворянства и особенно разночинцев была распространена идеалистическая, этическая модель поведения, когда там было стыдно делать то, сё, третье, десятое…

■*Почему эта модель вдруг исчезла? Молодое поколение живёт во многом сейчас ради айфонов. А те самые идеалы космических полётов, которые были ещё популярны 50 лет назад, исчезли. Все стремятся только поближе к корыту…*

На моих глазах происходила борьба между носителями «идеалов космических полётов» и носителей «идеалов корыта». Я сейчас скажу о своём личном опыте, а потом мы перейдём на более общий момент. В 1961 году вышла новая программа Коммунистической партии Советского Союза. Эта программа говорила о том, что наше поколение будет жить при коммунизме через 20 лет – в 80-м году. И она впервые дала определение, что такое коммунизм – с точки зрения Хрущёва и его присных. Это было очень вульгарное описание, чудовищное, роняющее авторитет этого слова, которое пользовалось почти мистическим пиететом. Оно было окружено ореолом некоего сверхъестественного.

Что такое коммунизм? Коммунизм – это голубые сады на Марсе. У Алексея Толстого был такой сборник «Голубые города», и он прямо

указывал на то, что мотивировка страшных лишений, на который шёл российский народ, – гражданская война, холод, пайка 200 граммов хлеба в сутки, мороз и борьба с Деникиным, с Антантой – это не для того, чтобы было от пуза колбасы. А потому, что (как он написал в «Аэлите») Гусев стоял, разглядывал объявление о полёте на Марс и говорил, что полетит туда, чтобы делать там, на Марсе, мировую революцию. На самом деле такие люди были солью. Конечно, мешочники, которых ловили, расстреливали, были доминантной нотой «внизу». Но двигателем исторического процесса, солью, были такие гусевы – носители мечты, «платоновские» люди (Платонов очень хорошо описывает этот тип).

Товарищ Сталин об этом позаботился. Сталин расстреливал, сажал и уничтожал людей, которые были носителями идеализма. Если ты веришь в революцию, если ты ленинская гвардия, то путь тебе только один – в общую могилу, в безвестный ров. Потому что уже в 35-м году, благодаря его «садоводческой» деятельности, в партии осталось менее 2 % людей, вступивших в неё до Октября 1917 года. Что это значит? Это значит, что люди, которые вступили туда по зову сердца, когда партия была ещё ничем, были выбиты. А те, кто были конъюнктурщики и вступили уже после октября 17-го, они как бы ещё выживали, но дальше начинали работать и с ними.

■*Но всё-таки были идеалисты. Королев был идеалист…*

Это учёный. Но они – «шарашка», их использовали. Они могли бы и без шарашки работать, но, видимо, считалось, что в шарашке как-то лучше.

Сталин занимался выведением обывателя. Ему нужен был обыватель, нужен был человек, который ориентирован на корыто, колбасу, на верность хозяину, на безыдейность. Это была целенаправленная установка. Поэтому он покончил с партмаксимумом[9], ввёл «корыто», «вертушку» – такие главные

термины партноменклатуры. И эта мораль распространилась сверху вниз, то есть зацепило всех.

И вот, на моих глазах, в 1961 году, развернулись полемика и борьба после того, как было вброшено: «Что такое коммунизм? Это бесплатная колбаса, которая будет через 20 лет». Народ получил как бы оплеуху. У народа на бессознательном уровне было религиозное чувство, религиозное понимание коммунизма как преображения реальности, преображения природы. Верили в некое таинство, что будет новый человек, что мы сами переродимся, как только коммунизм настанет. А когда он настанет? Это уже было как бы вынесено за порог осознания – как «воскресение» или «вхождение в новую реальность». И вдруг тебе говорят, что коммунизм – это должно быть что-то другое. И что конкретно через 20 лет у вас у всех будет бесплатная колбаса, хлеб, не надо будет платить за квартиру и прочее.

Тогда появились некие молодые люди, учёные (тот же Казанцев, например, автор фантастических романов), которые начали полемизировать: слушайте, у нас нет идей высоких, ведь мы же должны заряжаться неким пафосом, и на самом деле цель-то коммунизма – это выход на уровень ноосферы, как говорил ещё Вернадский, это овладение до 5 % масштаба той энергии, которое солнце роняет на земную поверхность; и как только эти 5 % человечеством будут достигнуты, то человечество выходит в околоземное пространство; а уже как только повысит, допустим, до 10 %, то уже начинает менять физические законы. А что значит менять физические законы? Главная цель (читал это своими глазами в «Новом мире») – это остановить действие второго начала термодинамики в масштабах Вселенной. Она остывает, а человечество делает материю бессмертной. Материя развивается до ноосферы, а потом ноосфера начинает, как Мюнхгаузен за волосы, преображать материю и менять законы. Но там такой вой поднялся на это, этих людей так топтали; какие-то академики минцы и юдины писали в «Известиях»: «Ну о чём мы говорим?! Ну, конечно же,

колбаса, конечно же, всё ради колбасы!»

Может, поэтому Стругацких так долго не печатали – ведь они тоже были представителями идеализма?

Я бы сказал, что это не идеализм, а космизм[10], это осколки, разбегающиеся рамификации[11] от русского космизма. А русский космизм, в свою очередь, тоже является некой ветвью платонической традиции, западноевропейской. Гегель – это просто Платон сегодня или вчера (ну через две с половиной тысячи лет). Это некий итог переваривания Платона западноевропейским Логосом. И вот, одна из струек – это космизм. Не будем забывать, что космист, незаслуженно забытый Сухово-Кобылин (автор «Смерти Тарелкина»), – он же был гегельянец при этом. Он сделал один из опять же незаслуженно забытых переводов Гегеля. Правда, говорят, что этот текст сгорел при непонятном пожаре его усадьбы. Он известен тем, что, с одной стороны, был гегельянец, а с другой стороны – космист.

Но шла борьба с идеализмом большевистского типа, – я бы даже сказал, троцкистского типа.

Интересно, что русские антисемиты ненавидят Троцкого: они говорят, что он убивал казаков, мучил русских людей, – ну всякую бредятину. Они, как люди невежественные, не понимают, что Троцкий был главным защитником всего именно кондово-русского. Во-первых, он был защитником Есенина и его покровителем. Как только Троцкого попёрли из ЦК, Есенина убили под видом самоубийства в «Англетере».

Да и расказачиванием занимался не Троцкий – Троцкий был покровителем казаков. Травили и уничтожали казаков Сталин и его люди, а Троцкий как раз был их защитником. Далее, Троцкий был покровителем русского религиозного национал-большевизма. Я уже упоминал, что он покровительствовал Есенину, но он покровительствовал и Клюеву, который был учителем Есенина. А

Клюев – это уже «старообрядческое» ядро большевизма, ядро большевизма «снизу», народный большевизм, это керженский дух, который есть у Ленина, как Клюев пишет (я не помню наизусть эти стихи, но есть в Ленине что-то такое керженское, – Клюев писал[12]). Этому всему покровительствовал именно Троцкий. Именно Троцкий со всем антирусским боролся.

А вот кто боролся с русским, это был русский Бухарин. Русский Бухарин – кстати, чисто русский, «любимец партии» так называемой, правый коммунист, – он боролся с балалайкой, с Есениным, с кабацкой Москвой, со всей старой Русью, и он был автором лозунга «Обогащайтесь!», то есть был такой «либерал-гедонист».

■*То есть, говоря проще, если бы Троцкий остался вместо Сталина, то у нас идеалистов было бы побольше?*

Прежде всего, если бы Троцкий остался, то, наверное бы, изменилась политическая карта мира, потому что, возможно, уже в 20-е годы Европа стала бы социалистической. В конце концов, именно товарищ Сталин провалил наступление на Европу, и его след есть в том, что сорвалось наступление на Варшаву в 20-м году («Даёшь Варшаву!» не получилось), хотя все карты были на руках. Падение Варшавы открывало путь на Берлин. Сталин срывал и после этого. Например, в 36-м году Франция была на волосок от революции при Леоне Блюме, и Сталин сделал всё, чтобы Коммунистическая партия саботировала народное движение. Мы уже не говорим о том, что в Германии (она ещё не была гитлеровской, она ещё голосовала) с одной стороны были НСДАП, с другой коммунисты. НСДАП получила 11,3 млн голосов, коммунисты 11 млн, на триста тысяч проиграли. Но рядом были на 6 млн социал-демократы, и будь они в блоке с коммунистами, НСДАП было бы не видно. А Сталин запретил коммунистам играть с социал-демократами и сказал, что социал-демократы – это социал-фашисты. Если бы коммунисты и социал-демократы были в блоке в 33-м году, то Гитлер

не пришёл бы к власти вообще. Масса таких моментов, которые показывают, что товарищ Сталин хотел больше всего вписаться к нашим «партнёрам», то есть у него повестка дня была абсолютно современная – вернуться в состав наших «партнёров», но более или менее равноправным.

■*Вернёмся к обывателю. К 80-м, 90-м годам прошлого столетия, когда распадался СССР, во многом обывательская психология наших сограждан вышла на первый план, и все те идеальные представления о мире будущего с яблонями на Марсе и изменениями второго закона термодинамики отошли на задний план, а сейчас про них никто не вспоминает, то есть помимо неких установок сталинского периода были всё-таки какие-то идеалисты, как мне кажется…*

Идеалисты, которые выстраивали свой идеализм от концепции империи. Это «идеал-империалисты».

■*Так вот, обыватель сегодня во многом даже не вспоминает об идеалах. Если в сталинское время или, скажем, в 60-е годы, которые Вы привели, была хрущёвская программа построения коммунизма и всё-таки об идеализме ещё спорили, сейчас уже практически никто не спорит. Или остались представители идеалистического мира?*

Абсолютно, по-моему, нет, – кроме очень узких кругов. Это практически эксклюзив. Ну, может, люди, близкие к Дугину, сам Дугин. Поскольку Дугин уже вошёл в академический истеблишмент – всё-таки профессор, дважды доктор наук, – то можно сказать, что он является уже не маргиналом (мало ли кто есть среди маргиналов – мы не знаем), а это представитель академического истеблишмента. Но он представитель геноновского традиционализма. Вот он – один, может быть, у него есть ещё несколько учеников. Все остальные, которых мне приходилось читать, – это такой звериный даже не материализм, а это агностицизм, это ползучий эмпиризм, гедонизм,

это крайне конкретная заземлённая форма эпикурейства, даже так: их этика – это «идеализм-лайт». Да там нет и этики никакой. Этика не работает в наших российских условиях.

■*Вам не кажется, что в этом есть влияние англо-американского мира, англосаксонской модели?*

Есть. Потому что англосаксонская модель дала много образцов, паттернов того, что я сказал: в частности гедонизм, агностицизм, ползучий эмпиризм – это все привычные для англосаксонской, если можно так выразиться в кавычках, конечно, «мысли».

■*Я в своё время наткнулся на цитату Оскара Уайльда, он определял цинизм так: «Никакой ценности нет, но всему есть цена». Проще говоря, всё можно купить. Эта циничная формулировка очень характерна для англосаксонской модели. Ведь сегодняшнее общество именно в этих категориях и мыслит…*

Англосаксонская модель корректируется тем, что там есть масонско-протестантское ядро, которое абсолютно реально верит в провиденциализм, в конец истории, в преображение мира, в спасение человечества, «Иисус любит тебя» и так далее, – это то, что в голове у таких персонажей, как Буш. Это ядро реально, и оно оказывает серьёзное влияние.

■*Соответственно, «бог хочет, чтобы ты был богатым»?*

Дело в том, что этого коррелята здесь-то нет, здесь нет ничего подобного Бушу, здесь нет ничего подобного «библейскому поясу»[13], фермерскому протестантизму. А на самом деле тут есть более широкий спектр проблемы. Потому что мы начали-то говорить об обывателе и прогрессе. Прогресс для обывателя очень тесно

связан с его «заточенностью» на «аргумент тела», потому что прогресс для него есть повышение комфорта.

Фрейд определял изначальное состояние человека, от которого тот отпадает и испытывает травму рождения, – с чем он порывает? С океаническим блаженством, которое испытывает зародыш в матке, потому что он плавает в околоплодных водах, в жидкости, и у него абсолютная защищённость, абсолютное отсутствие неприятных раздражителей, которые материнский организм берёт на себя и цензурирует. И он находится в таком абсолютном слиянии себя и среды, где субъект и объект не различаются. Это океаническое блаженство. Как некая рыба в воде. Даже лучше, гораздо лучше. Но при этом – травма рождения. Он проходит через родовые пути на жёсткий холодный воздух, в его глаза сразу бьёт свет, сразу в ушах крики звучат, неприятные голоса, – страшный удар. И дальше уже человек стремится вернуться к этому океаническому блаженству, то есть всё, что он делает, – это для того, чтобы погасить удар среды и вернуться в состояние эйфории, когда нет разницы между субъектом и объектом.

Так вот, для обывателя прогресс есть не что иное, как всевозрастающее движение назад от резко неприятной среды к этому состоянию океанического блаженства, к Золотому веку, когда между человеком и средой не было зазора, он не знал, что такое дождь, снег, холод и не нуждался ни в огне, ни в пещере, а просто купался в водах этого мира.

А что такое прогресс? Прогресс – это искусственная технологическая замена мистического Золотого века: гаджеты, самолёты, которые доставляют тебя за два часа за тысячи километров. Это какая-то медицина, которая тебя протектирует. Прогресс привязан к телу.

Но в действительности прогресс имеет ещё и очень серьёзную негативную коннотацию. Если посмотреть на современный мегаполис, то большинство жителей – потомки тех, кто сидели по медвежьим углам ещё три поколения назад. Взять Париж: это

бретонские рыбаки, какие-то крестьяне – а французские крестьяне сто лет назад были очень дремучие, не менее дремучие, чем российские крестьяне. Они все сидели по своим углам и они все были «домотканые», носили берестяные порты, метафорически выражаясь, и время их, с точки зрения тогдашней экономики, стоило копейку. Причём день, год, может быть, вся их жизнь стоила копейку, если посчитать экономически. А их потомки, которые являются уже офисным планктоном, – их час стоит уже дорого. В этом смысле прогресс есть не что иное, как повышение стоимости жизненного времени обитателя мегаполиса. И мы видим, что воронка прогресса заточена на то, чтобы увеличить массу стоимости коллектива человеческого материала. Сначала повышается стоимость времени мужчин, потом видят, что у нас есть ресурс, – «бабы не работают, бабы стоят у плиты, с детьми возятся, – ну-ка давайте их в экономику вбросим и за счёт этого тоже накрутим стоимость их жизненного времени и получим прирост общего капитала, связанного с человеческим временем». Включают женщин. После этого начинают смотреть: а где что у нас ещё? Вот фермеры сидят – сокращают и эти медвежьи углы, заставляют мигрировать в город сначала безработными, потом используют на примитивных строительствах дорог, заводов. Потом, если они в конечном счёте всё равно оказываются безработными, то нагружают их функцией: быть поводом для социальной программы. Безработный получает пособие, и вокруг него крутятся сто человек, которые получают на том, что они занимаются этими безработными, – ходят, проверяют муниципальное жилье и так далее.

Прогресс заключается в том, чтобы наращивать стоимость человеческого капитала, который заключается в оценке времени. А ведь это есть, собственно говоря, отчуждение в чистом виде, это прямое ограбление человека. Да, конечно, офисный планктон не будет сравнивать себя с дедами и прадедами, потому что они ходят на фитнесс, в какие-то бары, ночные клубы, и они довольны своей жизнью, но ведь они абсолютно двумерны. Вся их жизнь – это просто

трансформация длительности их времени в стоимость. Вот это – прогресс.

■*Я так понимаю, что идеализм, который 100–150 лет назад был во многом определяющим поведение общества, он сейчас не продаётся. Продаются автомобили, айфоны, фитнес, а идеализм продать нельзя – разве что в виде секты или религии какой-нибудь?*

Я думаю, что ситуация такова: 150 лет назад идеализм никто не продавал, идеализм был ещё остаточным. Это была инертная задержка неких предыдущих матриц, которые не успели 150 лет назад ещё рассыпаться. Ведь было замечено, что обыватель всегда живёт в предыдущем столетии, а элита – в следующем. Скажем, в XX веке средний человек живёт в XIX веке, а его авангард уже в XXI, в постмодерне, а обыватель и низы – они ещё «в Дарвине», они ещё в теории эволюции, они ещё, так сказать, в борьбе с церковью, которая уже не интересует никого на уровне XX века, но для простых людей это всё ещё актуально.

■*Может, и неплохо, что так много обывателей? Скажем так, пусть стадо себе живёт и живёт, зато за его счёт люди смышлёные, быстро соображающие могут получить много благ от жизни…*

Так это возврат к тому же самому – к колбасе и к аргументу тела. Вопрос в том, что, если мы имеем какие-то цели в жизни, они всегда автоматически уходят за рамки сугубо индивидуально человеческого, они являются «супраиндивидуальными». Реально невозможно иметь серьёзные цели, которые были бы ограничены рамками человеческого формата в телесно индивидуальном смысле. Есть такой убогий, калечный вариант: американская мечта – индивидуальный проект каждого американца. Когда он рождается, у него есть задача реализовать некий гештальт: домик, семья, которая выращивает детей, газонокосилка, определённый комьюнити вокруг

него, и так далее. Но это исключительно инвалидная, уродливая вещь. Она была бы ничего, была бы просто как некий такой сон, было бы даже забавно, если бы это было замкнуто в такой инфернальной склейке ленты. Как в некоторых американских фильмах показывают, что это превращается уже в бесконечное кружение, как на том свете.

Вопрос в том, что человек смертен. А смертность сразу ставит вопрос о смысле всего остального. Она всему придаёт смысл и одновременно она лишает смысла все те детали, которые человек, погруженный в жизненный сон, воспринимает всерьёз. Например домик, газонокосилка, детки, пошедшие в школу.

Я называю это «минимальным человеческим пониманием». Я писателей делю на две группы. Те, которые его имеют, и те, которые не имеют. Не имеющие могут быть очень талантливые, но… Поясню, что хочу сказать.

Вот есть Толстой – он классический обладатель этого минимального человеческого понимания, которое он выразил в рассказе «Смерть Ивана Ильича». Иван Ильич обнаруживает, что он умирает, и он, раз за разом, с каждой минутой, понимает, что всё, что для него было ценностью, абсолютно бессмысленно. Он думает: ну вот у меня есть Аннинская лента, ну вот у меня «Станислав с мечами», ну вот я, допустим, тайный советник. Но всё оказывается чушью. Перед лицом смерти, которое всё перечёркивает и уничтожает, не работают ни «Станислав с мечами», ни «тайный советник», не личная благосклонность государя. Всё это упраздняется. У Льва Николаевича было это минимальное человеческое понимание, которое начинается с отмены всех привычных ценностей жизненного сна перед лицом смерти.

Парадокс, но у Достоевского не было этого минимального человеческого понимания, он избегал его иметь. Хотя у него Мышкин рассуждает по поводу казни, описывает переживание ведомого на казнь. Да и самому Достоевскому имитировали казнь. Ну казалось бы. Но у него вообще нет ни звука на уровне той же «Смерти Ивана Ильича», рассмотрения того, что всё это барахтанье в жизненном сне

бессмысленно перед пропастью. Ради чего? У него этого нет, а у Толстого есть. Достоевский более талантлив, он более драматичный, более насыщенный, но у него нет этого минимального человеческого понимания.

Так вот, Америка стоит на полном отсутствии минимального человеческого понимания. У неё вообще нет идеи, что смерть отменяет весь этот бред, который называется жизнью.

■*То есть концепция заключается в том, что живёшь один раз, и постарайся от этой жизни больше всего забрать, – правильно я понимаю?*

Я думаю, что концепция заключается в том, что ты реализуешь одно желание за другим. Они же говорят друг другу и всем остальным, что в этой свободной стране ты можешь сделать всё что хочешь, стать кем хочешь, реализовать любой план, ты можешь стать даже президентом США. И всё это вместе образует яркий фейерверк каких-то возможностей, в которых исключено то, что эта штука погаснет, что её можно обесточить. И потом, если посмотреть изнутри, то президент США ничем не отличается от чирлидерш – девочек, которые мотивируют команды, размахивая флажками. Всё основано на том, что люди находятся в глубоком сне и этот сон не должен прерываться. И потом ты мягко засыпаешь в доме для престарелых, больше не просыпаешься, к твоему камушку приходят родственники попрощаться.

■*Я когда-то в молодости прочитал концепцию смысла жизни Жана Поля Сартра, которая заключалась в следующем: смысл жизни в том, чтобы поинтереснее замаскировать полную бессмысленность своего существования. И меня, конечно, огорчила эта идея, я пытался как-то маскировать поинтереснее бессмысленность своего существования, ничего особенного не получилось. Что же делать?*

Я почему остановился так подробно на американской бессмысленности? Потому что хотел сказать, что любое движение к смыслу выводит нас за рамки чисто человеческого пространства, чисто человеческого объёма, – то есть дом, семья, некий индивидуальный успех и так далее. Это всегда проект, связанный с перешагиванием через границы.

Почему, собственно говоря, даже в традиции революционных движений, исторического социализма всегда говорилось о «новом человеке»? Потому что нет смысла давать свободу, равенство и полноту материальных возможностей человеку, который имеет место быть сейчас. Мы имеем вокруг себя вот таких людей, которых мы видим, ну допустим, с точки зрения французских просветителей XVIII века, – и что? И мы говорим, что все права человека и гражданина – им, и мы будем добиваться, чтобы короля не было, а вместо этого все бы плясали карманьолу и все эти людишки были бы вместо короля. Даже для самых крутых якобинцев это довольно бессмысленно. Поэтому подразумевалось, что эти люди будут другими, что они действительно превратятся в неких сверхлюдей, в ангелов, в титанов, и им принадлежит уже и равенство, и братство, и свобода, и всё. Но это перешагивание. Если сказать, что всё должно принадлежать именно этим сирым, убогим, ничтожным и так далее, то я думаю, что от этого отмахнулись бы и Робеспьер, и Марат, – все бы отмахнулись.

У всех есть идея перешагивания через границы человеческого. И это правильно, потому что человек, в общем-то, – это туча, которая чревата молнией, что должна из неё сверкнуть, и эта молния есть нечто большее. Я, конечно, не хочу цитировать и повторять Ницше – «…я провозвестник молнии… но эта молния – сверхчеловек»[14], – нет. Сверхчеловек – это не религиозная концепция, это антирелигиозная концепция. Религию надо понимать шире. Религия – это не только поклонение Творцу. И даже более того – это гораздо более внутренняя вещь, для которой поклонение Творцу – это просто некий фон, некое оформление. Религия – это проект свершения, это

действительно преодоление чудовищной тяжести, чудовищного закона тяготения.

Мы находимся все в гравитационном поле. Это то, что превращает энергию в вещество, то, что сгущает субстанцию. Сначала она огненная, лёгкая, свободная и бесконечная во всём протяжении, а потом она превращается в такую чёрную дыру на выходе. И вот это – Рок. Это движение от лёгкого и субтильного к густому, плотному и уже не выпускающему даже свет из своих черных объятий, – это Рок. Это то, что называется движением Времени, движением Рока. И, собственно говоря, в чём состоял пафос древнегреческих героев – Одиссея, Ахилла? В вызове Року. Они поднимались и бросали вызов Року. А это значит, что они бросали вызов гравитации, понятый метафизически и духовно. Это суть религии.

В чём сверкающий пафос монотеизма, ислама? В том, что этим героям дано обещание, что они будут правы. Древнегреческим героям никто не давал – Ахиллу и Одиссею никто не давал такого обещания.

А Прометея приковали к скале и долго клевали печень…

Прометей не герой, он титан. Во всяком случае, герой поднимался, зная, что он обречён. Он поднимался на баррикаду своей экзистенции, зная, что он проиграет. Потому что древнегреческий герой в своём замечательном шлеме с конской гривой, с коротким мечом, с голыми ногами, стоящий среди скал и морей, – он знал, что обречён, но он всё равно поднимался. И в конечном счёте именно этому герою приходит обещание: «Есть в этом мироздании, абсолютно несправедливом и абсолютно ошибочном, такая дыра, через которую ты можешь выйти к свету». Есть обещание. Это, собственно, суть Откровения пророков, – я имею в виду авраамических. Это суть нашего чистого монотеизма, который идёт от Авраама. Древние греки остались без этого, а у нас это есть. У нас это есть, если это правильно понять и правильно использовать.

Поэтому это всегда перешагивание через границу гравитации, понятой метафорически. Мы все погружены в это каждую секунду не только потому, что нас тянет к земле, но и потому, что мы не можем сделать что-либо, и «не можем» – это главное в нашей жизни. «Не можем» – это главное в нашей жизни. Поэтому **борьба с «не можем» – это всегда религиозная борьба**. А искусство возможного, политика, real politic как искусство возможного, – это рептильное искусство приспособления, это как раз **антирелигиозный** путь обывателя.

Ещё раз я хочу подчеркнуть, что прогресс – это, конечно, чудовищный, убийственный, античеловеческий процесс, в ходе которого человек как сейф, из которого берут деньги. Открывают когда нужно, берут пачку за пачкой, тратят. В конце концов рука просовывается в очередной раз – а там пусто на полке, человек уже полностью пуст. Нельзя сделать человека более задействованным и удорожить его время больше, чем сейчас в Париже или в Нью-Йорке у офисного планктона, который крутится как белка в колесе. Вот выше этого уже не прыгнешь. А нет ресурса превратить остаток человечества, этих бедных 3,5 млрд людей, которые живут на доллар в сутки, и подтянуть их к Парижу и Нью-Йорку. Таких денег нет. В СССР решили этот вопрос: 150 миллионов мужиков сделали «стахановцами», «гагановцами», героями и так далее. А сейчас 700-миллионную Африку сделать «героями труда» – нет таких денег.

Почему бессмысленно проектирование идеального общества?

03.02.2016

Комментарий Джемаля к постановке вопроса:

Главный и безусловный враг человека – это общество как таковое. Человек предстоит перед обществом: он, фигурально или буквально выражаясь, стоит на коленях, – общество же является ему в виде огромного храма с широко распахнутыми дверями и сиянием, исходящим изнутри. Там, внутри этого храма, нет жрецов. Точнее, всякий, кто вошёл, становится жрецом.

И в чём же цель проектирования? Неужели кто-то думает, что «идеальное общество» корректирует «искривление» человеческого фактора? Да нет, конечно. Идеальное общество просто отменяет человеческий фактор как глупую архаику.

Но на пути этой машины встаёт союз смертных, община верующих, заключивших завет с Авраамом и всеми, кто от него изошёл, чтобы свидетельствовать об Ином. Вот почему, согласно преданию церкви, Христос говорил: «Царство моё не от мира сего».

Ключ к пониманию того, что такое община, содержится в понятии братства. Это взрывное, сокрушающее понятие, которое вместе с тем амбивалентно. Есть братство, которым повязаны те, кто телесно прошёл одни и те же родовые пути. Такие братья объединены общим для них чревом матери. И, конечно, это физическое кровное братство кое-что может. Однако оно представляет собой антитезу подлинного братства, где братья не входят в мир через единое чрево, а уходят из этого мира через единую для них общую могилу. Союз смертных всегда помнит о том, что подлинное происхождение

революционной знати проявляется не через вагину в начале, а через разверстую яму в конце.

■*Поговорим о социал-утопизме: почему это хорошо и почему это плохо. Почему так долго мечтают люди об «идеальном обществе»? Откуда это взялось, как вы думаете?*

Вообще эта тема, наверное, стала актуальной после реализации советского проекта и особенно после его конца, потому что сразу возникли вопросы: а то ли это было? Не было ли это всё изначально заблуждением, не было ли это все играми воображения и так далее? Потому что советский проект уходит своими корнями в очень серьёзную традицию. Это традиция Мора, это традиция Кампанеллы, и люди одушевлялись – по крайней мере интеллигенты, которые шли в революцию, – этой тематикой. Достаточно только вспомнить Чернышевского с его фаланстерами[15]. И сколько вообще волн поднял этот проект.

А сегодня говорят: «А реально ли было это вообще построить? Был ли это социализм, не был социализм?» Но дело-то не в этом. Дело в другом: есть изначально какая-то чудовищная ошибка в том, что человек пытается решить какую-то свою глобальную проблему через моделирование общества, которое в конечном счёте становится чем более «идеальным», тем более для него страшным.

■*Но ведь мечта об идеальном обществе всегда существовала со времён разговоров об Эдемском рае, о Золотом веке человечества, где все будут счастливы, сыты, все друг друга будут любить, будет свобода, равенство, братство…*

Золотой век – это не совсем общество, не совсем ассоциируется с обществом. Потому что здесь мы должны провести очень чёткую грань. Она может быть стёрта, может произойти слияние двух этих понятий – понятий «человечество» и «общество». Когда мы говорим

о Золотом веке, об Эдемском рае, то мы говорим либо о человеке как Адаме – индивидуальном, предстоящем Творцу, природе, в гармонии, – либо, если говорится о Золотом веке, то есть уже о человечестве, то говорится именно о человечестве, а не об обществе. Общество появляется после Золотого века, оно как раз появляется как ответ на исчезновение Золотого века. Потому что идея общества – это защита человека от враждебной среды.

Что такое «общество»? Это компенсация того, что Золотой век ушёл. Был Золотой век – и человек не чувствовал, что есть дождь, жар, зной, голод, холод…

А был ли Золотой век вообще?

Будем исходить из того, что был. Потому что нам об этом говорят Гесиод («Труды и дни»), говорит традиция масонов, говорит индийская традиция о том, что с «Сатьи-юги» начинается человечество. Будем исходить из того, что как бы был, – если мы уж говорим об утопизме…

Золотой век – это не общество, это человечество, которое находится в абсолютной гармонии со средой. А общество – это компенсация, защита, это такая раковина, которая образуется вокруг человечества, потому что среда становится враждебной. Ну то, что она враждебная, это уже не миф, это уже не обращение к какому-то неведомому прошлому, которое то ли не было, то ли было, а мы свидетели того, что среда-то враждебна. И эта среда должна быть преодолена социумом. **Социум – это такая устойчивая система, которая может выдержать испытание любой катастрофой.** Например, если у племени где-то в лесах Амазонки возникают какие-то проблемы с карпом в данной речке, то племя вымирает. А если мы уже говорим об обществе, даже древнем обществе, древнеегипетском или минойской культуре, то там потоп и землетрясение, но всё равно это всё не стирается, всё равно цивилизация: общество находит ресурс, чтобы восстановиться. Это

некая сверхчеловеческая сила.

■*Почему же тогда вы считаете бессмысленным проектировать идеальное общество? Ведь много раз к этому подбирались. И Французская революция, свержение Бурбонов, порубили голов немерено, – и всё это под мечты о том, что у нас возникнет «идеальное общество»…*

Напомню, что перед тем Руссо писал о «добром дикаре»[16], то есть он готовил почву не тем, что он проектировал некую суперцивилизацию, а тем, что он проектировал уход от цивилизации, – от естественного человека.

■*Французские просветители много сделали на ниве идеализма…*

У них акценты были прямо противоположны большевизму. Потому что большевизм был технократически ориентирован, а просветители французские были ориентированы, скажем так, «экологически». Это был «социал-экологизм» того времени: «добрый дикарь», свободный от язв социума.

Почему идеальное общество проектировать бесполезно? Не то чтобы бесполезно – смотря с какой точки зрения, кем вы хотите быть в этом обществе. Если вы хотите быть там вертухаем, то это самое то – для вас это идеальное общество.

■*В идеальном обществе будут вертухаи?*

«Идеальное общество» – это вертухайская организация.

■*Не об этом же мечтают люди…*

Вы просто возьмите любой текст – возьмите «Город солнца», те же «фаланстеры» Фурье, возьмите то, что описывает Достоевский

(«устроение по разуму», против которого возражает его «человек из подполья»), – это ГУЛАГ, это разные виды ГУЛАГа.

И я хочу сказать, что иначе быть не может, – в силу самой метафизической природы социума. **Социум – враг человека.** Я могу объяснить, почему это так.

■*То есть социум – враг человека. Если человек пытается создавать новый социум…*

Чем более он идеален, тем более он враг. Вот в чём дело…

■*Но ведь можно выстроить социум, который бы устраивал всех людей? Представим себе, что всё человечество не хочет иметь границ, не хочет иметь никаких препон для своего существования, и всё человечество будет акционерами какой-то одной большой корпорации, которой будет принадлежать Земля. Представим себе такую капиталистическую идиллию.*

Великолепно. Вопрос только в том: что будет с человеком как экзистенциальной единицей в этом реализованном идеальном проекте? Потому что у нас есть два компонента: у нас есть человек, который, как говорит Достоевский опять-таки, хочет жить по своему глупому разуму, «по своей глупой воле пожить»[17], и у нас есть идеальное общество, которое может предоставлять или не предоставлять какие-то свободы, возможности и так далее. Но их соединение – это очень тонкая и интересная вещь. Потому что сейчас, будем откровенны, реализована в глобальном обществе утопия в чистом семантическом смысле. Ведь «утопия» что означает? Утопия – это место, которого нет, то есть отсутствующее место. Что такое глобальное общество? Это общество, которого, по определению, нет нигде, потому что оно везде. Утопия уже реализована технически.

И что же мы видим? Мы видим довольно страшную ситуацию. Мы видим, что человеческий фактор в этом обществе умаляется, сокращается. А мало-помалу для нас становится все более ясно, что общество играет роль нечеловеческого фактора в нашей жизни. Я бы так сказал: каждый из нас, рождаясь, сразу предстоит перед обществом как средой. Допустим, если бы я был героем Даниеля Дефо, Робинзоном Крузо, – то ли родился, то ли выброшен кораблекрушением на берег необитаемого острова, – то мне бы предстояли море, песок, пальмы, крики чаек и так далее, то есть **среда**. Когда я появляюсь, рождаюсь в нашем пространстве, я оказываюсь здесь вместо моря, песка и криков чаек (хотя всё это может быть эпизодически в социуме, которое поглотило всё, абсолютно всё). Социум – даже если я поеду куда-то, где есть только крики чаек и песок, – там всё равно будет социум. Потому что пляж, море и так далее стали уже социальным явлением, социальным институтом.

Но в чём проблема? Общество стало судьбой – а может быть, оно давно таким являлось. Общество – это судьба. Для нас общество – это судьба в том смысле, в каком гравитация – это «судьба» физических тел. Вот имеет ли «судьбу» физическое тело? Имеет. Оно имеет закон тяготения, который над ним довлеет, который определяет его «физичность». Вот точно так же «социальность» является судьбой каждого из нас, и эта социальность является фактором чего-то совершенно вне нас находящегося.

■*Хорошо, социум – враг человека. Но ведь каждый человек в отдельности – враг социума? Большинство людей не бунтуют против социума, и я так думаю, что 99 % людей вполне устраивают эти общие социальные нормативы – купить жене шубу, купить машину получше. В этих ориентирах обычный среднестатистический человек отлично себя чувствует и выживает…*

Правильно. Потому что человек прошёл длительный процесс поглощения его как человека, как человеческого фактора, обществом. Допустим, двести лет назад, сто пятьдесят лет назад в медвежьих углах крестьяне русской губернии или бретонские рыбаки не были интегрированы в общество, – по крайней мере в такой степени. Потому что община, которая имела место в деревне России – рыбацкой или пахотной, – это не общество. Это действительно община. Община – это совершенно другое. **Община – это узкий коллектив людей, которые знают друг друга,** и это действительно система личных связей, личных индивидуальных отношений между семьями, между членами этого маленького посёлка, городка, деревни. Но по мере того, как эти люди перемещаются в большие центры, в мегаполисы, их потомки превращаются в винтики, и их человеческое содержание мало-помалу растворяется. То, что они довольны этим, то, что они находятся в некоем социальном сне, – это ведь не говорит о том, что это хорошо.

Вспоминая свой юношеский идеализм, я всё-таки думаю, что во многом именно построение социальных утопий продвинуло человечество вперёд. Давайте вспомним 8-часовой рабочий день, который так долго требовали в царской России, который всё-таки подтвердили большевики. Это одна из ступенек социальных утопий. Давайте вспомним всеобщее избирательное право, которое тоже было сначала придумано в виде социальной утопии и, наконец, его все получили, включая женщин. То есть разные пути, которые человечество сначала придумывало для себя в виде такого проекта идеала…

Возражаю категорически. Потому что и 8-часовой рабочий день, и право женщин голосовать – это не элементы утопий. 8-часовой рабочий день возможен, потому что резко возрастают производительные силы, и 14-часовой рабочий день уже не нужен

просто потому, что будет перепроизводство, – с одной стороны. С другой стороны, есть вполне хищнический настрой хозяев дискурса, хозяев общества на то, чтобы вытянуть женщин из своих кухонь и просто использовать их как разменную монету – в голосовании или послать, опять-таки, на работу, потому что их жизненное время тоже нуждается в капитализации. Вы представляете: половина человечества вообще не задействована в капитализации своего жизненного времени – и это женщины. А мы их сделаем сейчас работницами, введём в «социальный оборот» и посмотрим, насколько резко у нас подскочит стоимость совокупного человеческого капитала. Это хищническая мысль, это не идеальное общество, не проектирование утопии.

■*Если ввести женщин в «социальный оборот» – что и происходило в начале XX века, – ими достаточно было легко манипулировать и тогда, и сегодня…*

Гражданские права женщины в Англии получили в 30-е, а право голосовать в Швейцарии – только в 50-е.

■*Всё правильно, но тем не менее они были введены в «социальный оборот», им предоставили такое же право голоса, и теперь женщина с радостью будет голосовать за мужчину старше среднего возраста, добропорядочного семьянина, который рассказывает, какая она молодец. А то, что он предлагает совершенно какие-нибудь людоедские экономические реформы – ей это будет всё равно, потому что она в этом всё равно ничего не понимает, он просто ей лично очень симпатичен. Естественно, половиной человечества можно будет достаточно легко манипулировать. Я утрирую, но смысл-то в этом. Идеальное общество всегда проектировали, всегда это было…*

Конечно. Давайте посмотрим на этих проектантов – не враги ли они людей? Давайте посмотрим серьёзно на Томаса Мора, которому, кстати, отрубили голову. Ещё надо разобраться, за что. Кстати, все эти утопии писались в тюрьмах, не исключая даже Чернышевского, который, если и писал не в тюрьме, то по крайней мере посидел немножко там.

Давайте не идти в детали: ну права там, голосование и так далее. А давайте посмотрим, что делает идеальное общество идеальным с точки зрения тех же самых Мора и Кампанеллы. Это отсутствие зазора между человеком и социумом, то есть нет конфликта, человек не конфликтует.

■*Социум не требует от него, чтобы он работал…*

Нет, требует, чтобы он работал, требует от него порядка, требует, чтобы строем ходили на обед, с обеда в фаланстер, требует, чтобы все пели песни поутру, радостно обращаясь к светилу и воздавали ему хвалу, – но без внутреннего конфликта. Вот в чём «идеальность». Проект идеального общества – это снятие внутреннего сопротивления индивидуума обществу, которое заменило среду.

■*По сути это – зомбирование каждого конкретного человека…*

Вы назвали очень важную, очень интересную реалию – зомбирование, оно сейчас модно. Конечно, зомбирование. Почему? Потому что глобальное общество, которое сегодня уже построено, реализовано, – просто мы этого не видим, не понимаем, не сталкиваемся с этим, – но реализована та самая утопия, с которой мы начали: **общество, которое нигде, потому что оно везде**. Бог стал социальным институтом, природа стала социальным институтом. Нет элемента Бытия, которое было бы объективным. Любой социальный элемент Бытия стал социальным институтом. И это касается как

времени, так и пространства, и духовных каких-то измерений. Всё стало социальным.

Если мы задумаемся о том, как и почему это произошло, мы увидим, что это связано с фундаментальным кризисом человека. Господство общества, его рассвет, доминация над нами являются оборотной стороной, продолжением кризиса человека.

Какие компоненты кризиса? Кризис Бытия. Я уже сказал, что Бытие стало социальным, то есть из объективного, каким оно ещё было для Гегеля, не говоря уже о Платоне, оно стало социальным. Сегодня социолог, психолог, социальный работник является «философом-онтологом», изучающим Бытие в гораздо большей степени, чем мыслитель, который рассуждает о каких-то категориях и так далее. С моей точки зрения это кризис Бытия, потому что оно просто перестало быть. Социальное бытие – это фикция.

Кризис сознания. Очень важно. Что такое сознание? Сознание – это глубинное переживание «здесь-присутствия», интуиция своей данности здесь и теперь, которая неотрывна от ощущения своей смертности. Это рефлексия собственной конечности. Что делает общество? Общество борется с этим и стремится заменить это интимное сознание гештальтом. Если вы посмотрите на, скажем, рекламную вставочку, где молодые люди либо пьют колу, либо едят мороженое, либо идут по пляжу, то это не что иное, как гештальты, которые абсолютно равны снаружи (как предъявленная картинка), так и внутри в переживании персонажа этой рекламной паузы. У человека, который дан в этом рекламном образе, нет зазора между внутренним и внешним: он и внутри себя есть некто, кто пьёт эту колу. Это гештальт. Люди «теряют сознание» и превращаются в некий пластик.

■*Он мечтает об этой картинке и потом её добивается всеми возможными средствами…*

Просто у него уходит этот момент, потому что тут есть целые системы средств. Ведь человека в значительной степени поддерживает в способности вернуться к рефлексии, к ощущению себя как «здесь-присутствующего», язык, – язык как средство мышления. А сегодняшний язык, благодаря глобальному обществу, всё больше и больше лишается статуса инструмента мышления и всё больше и больше становится сначала чисто коммуникативной условной вещью, а потом посткоммуникацией. На финальном этапе язык превращается в набор сигналов, которые вы не можете связно воспроизвести, потому что там нет никакого содержания. Послушайте, например, выступление какого-нибудь политика или чиновника, который должен объяснить, что «всё не так уж плохо». Например, в Алма-Ате, на медиафоруме, куда я некоторое время ездил каждый год, были довольно серьёзные люди: скажем, сенатор США, который (только что Обама пришёл к власти) приехал, чтобы объяснить смену курса, миролюбие, были нобелевские лауреаты… И его там спрашивают: а как же вы там в Афганистане свирепствуете, а почему же вы оттуда не уходите? И он, начиная отвечать: «Прежде всего позвольте мне выразить вам благодарность за ваши вопросы и за тот интерес, который вы проявляете…». Это первая и последняя фраза, которую вы можете воспроизвести, потому что всё остальное, что он говорит – это просто набор бессмысленных звуков. Это сплошная мука.

Я до этого уже разрабатывал теорию посткоммуникации в современном обществе. И я просто оказался перед таким живым примером своей собственной теории. Я сидел рядом с ним в общей панели – у нас была одна панель, он слева от меня сидел, к залу обращался и гнал, и я слушал и не верил ушам. Я понимал все слова, но я не мог понять ни одной мысли: там вообще ничего не было! Там люди сидели и тоже хлопали глазами. Виртуознейшая вещь. И, кстати, он был чистым гештальтом: человеком, у которого внутри не было ничего.

■*Давайте подумаем о людях, проектировавших идеальное общество на разных этапах истории, которую мы можем обозреть. Давайте возьмём Ленина с Марксом, и командой, может быть, Наполеона, который хотел делать единую Европу. В конце концов, его идея вернулась в виде сегодняшней единой Европы. Эти люди были идеалистами – или они были больше манипуляторами, то есть понимали ли они что делают?*

Они, конечно, были искренними…

■*Прошу прощения, я вот задумался: ведь Ленин с командой были такими злобными картавыми карликами в песочнице с детьми. Он ведь повели за собой крестьян, которые вообще плохо что понимали…*

Крестьяне как раз в меньшей степени пошли. Пошли гимназисты…

■*Но тем не менее они во многом обманули. И идея самого проекта идеального общества – они в это верили или это была жёсткая манипуляция?*

Конечно, верили. Потому что, если кто читал «Государство и революция» Ленина, эта книга была написана перед революцией, и там совершенно чётко излагалась идея, что «государство – это враг» и идея революции состоит в том, чтобы ликвидировать его необходимость, отменить его, снять его. И там пафос – ориентир на прямую демократию. Но когда реально власть оказалась у революционеров, которые были не только большевики, Ленин внезапно увидел, что в Советах-то не только большевики, а есть ещё и эсеры. И если дать власть Советам по-настоящему, то, собственно говоря, а кто пахал-то? Поэтому он сказал, что – нет, пока подождём, пока государство будет ещё над Советами, рядом с Советами и так далее, давайте с государством не торопиться. Он был не только

идеалист, но и реальный прагматик, исходящий из необходимости удержать власть в руках своей партии. Но, конечно, он был искренний человек.

Я могу сказать, что он был занят не проектированием идеального общества, он был занят достаточно радикальной космистской идеей. Ведь в чём состоит дух и сущность ленинизма? Материалистическая идея заключается в том, что материя через сингармонизм сверхсложности развивается, развивается, повышая свой статус до появления ноосферы, а потом эта ноосфера задним числом начинает менять законы материи, начинает преобразовывать эту материю. Это как бы главная материалистическая идея. Ленин переносит это всё в социальную сферу. Аналогом материи является простой «чёрный» народ, которому (помните: «кухарка должна управлять государством») даётся возможность через Советы управлять собственной судьбой. И в итоге народ сам себя вытаскивает за волосы. То есть он приходит к тому, что он осваивает некий «ноосферный» разум. Социум от чёрного перегноя низших классов поднимается до сияющих высот.

■*Понятно, что были устроены великолепные социальные лифты в 1917 год и далее…*

Это метафизическая идея. Здесь надо смотреть не на практику (на то, что там были социальные лифты, допустим), не на то, что поднялись такие люди, как Цандер и Королев, а на метафизическую идею самоуправляющейся материи. Она самоуправляется будто бы в космосе, порождая человека и так далее, и она должна самоуправляться в социальном плане. Чёрный народ, кухарки приобретают статус «саморуководящихся». Идея была именно в этом.

■*Шариков идёт руководить отделом очистки…*

Пародия очень чёткая, потому что можно сказать, что пёс трансформируется в человека, а потом становится главным.

■*Вы считаете, что не нужно проектировать идеальное общество? А что же нужно проектировать?*

Дело не в том, нужно или не нужно. Проектируют и являются жертвами разные люди. Одни проектируют, другие – жертвы.

Мы же должны определить, собственно говоря, что такое общество, и мой тезис заключается в том, что общество – это отнюдь не сумма живущих. Некоторые думают, общество – это семь миллиардов людей на планете. Так вот, общество – это не сумма семи миллиардов живущих. Общество – это сумма **живших**, это сконденсированное жизненное время мириадов человеческих существ, которые прошли и оставили свой след в виде соборного капитала. Всё, что мы видим – это плод бесчисленных поколений, включая рабов Рима и Древнего Египта: любой камень, любое, на что мы посмотрим, – от станков с цифровым управлением до садов с пальмами, высаженными где-нибудь на Крите, – это всё конденсированное время мириадов существ, которое оценивается, переоценивается (в том числе задним числом). Например, особняк, построенный в XIX веке, сегодня объявляется памятником истории и стоит в сто раз больше, чем он стоил при постройке. Черепок, который не стоил в момент создания кувшина ничего, – через три тысячи лет его достаёт археолог, и это уже на вес золота или дороже, потому что это свидетельство какой-нибудь пупырчатой культуры.

■*То есть всё, что мы видим вокруг себя – это и есть наше общество, включая наших предков и того, что они нам передали?*

Хозяин жизненного времени умерших. Общество – это «книга мёртвых». И на самом деле этот хозяин – это не человеческий фактор. В целом это некая система, когда живые предстоят

сокровищнице смерти, сокровищнице прожитого времени, прожитого бесчисленными поколениями, которые сконденсированы в некоем факте, здесь и теперь поставленном перед нами.

Когда я говорю «хозяин», имею в виду само общество и не имею в виду персонально какого-то хозяина. Я имею в виду Хозяина с большой буквы. Я имею в виду Хозяина, отчуждённого от человеческого фактора. И это он решает, это не кто-то навязывают обществу, это общество ведёт игру, и оно приказывает Америке вести себя так, а России этак, а Ирану и Китаю ещё как-то. Потому что это всё – пешки внутри этого социума. Государства и нации с их цивилизационными матрицами – они как клетки в шахматах.

■ *Кто же тогда определяет поведение этих пешек?*

Это очень хороший вопрос. Мы исходим из того, что социальное бытие съело все реалии большой жизни. В начале времён, в глубокой древности человек типа царя Одиссея или Ахилла предстоял, с одной стороны, природе, виноградникам, морю, с другой стороны – Олимпу. И он обращался к Олимпу с тем, чтобы тот повлиял на эту природу, чтобы она была добра к нему. Было два фактора: природа и Олимп. И вот, этот человек, который перед этим стоял, – индивидуум с экзистенциальным центром. Общество было не более чем посредником между Олимпом и природой – с жрецами, с пифиями и так далее. Но мало-помалу этот посредник стал всё пожирать. Он съел и Олимп, который стал, как я уже сказал, просто институтом внутри этого социума, он съел эту природу, и теперь он хочет, как Цирцея – Одиссея, пожрать и превратить его в какую-нибудь свинью, которая забыла о том, куда она плывёт и какое у неё назначение в жизни. Общество – это не человеческий элемент, это элемент, я бы сказал, инфернальный. Общество – это инфернальный[18] элемент.

В своё время говорили «сердце царёво в руце Божией» или «султан – тень Аллаха на земле». И так говорили, конечно, попы всех цивилизаций. Они говорили, что фараон, кесарь – «помазанник

божий» и так далее. Я думаю, что здесь есть глубокая правда, только она вывернута с чёрного на белое. И на самом деле всё обстоит наоборот. Общество в лице своих лидеров, в лице своих руководителей, и само оно (руководители же они тоже пешки, которые обслуживают общество) – это абсолютно инфернальная вещь.

■*То есть, проще говоря, это все дьявольские штучки?*

Это не дьявольские штучки, потому что это снижает. Я бы сказал, что это Денница. Я не говорю «Сатана», потому что у людей сразу возникает идея о вилах, крыльях и так далее. Я скажу так: Денница. Денница в том смысле, что это такое светозарное существо, Аполлон. Денница с точки зрения единобожников – это Сатана. Аполлон – это Сатана. Но просто мы должны понять, что в данном случае это Бытие как таковое. Потому что **Бытие как таковое противостоит Духу**. А Дух непосредственно воплощается в том самом нашем индивидуальном сознании здесь и теперь, в том самом интимном присутствии, которое тесно связано с ощущением неизбежной смерти, которая является тем, что отличает нас от всего, – от камня, от животного, – потому что для них смерти нет. И для людей с гештальтом – у которых сознание заменено гештальтом и баночкой колы в руке, – для них тоже нет смерти. Для них есть только гибель. Для собаки есть гибель, для неё нет смерти. Смерть есть только для людей, у которых есть абсолютная рефлексия внутрь себя. И общество является ненавистником и врагом этого. Это «книга мёртвых», которая играет на повышение стоимости того капитала, который она изъяла из жизни живших и превращает в линейный прогресс, в линейное бесконечное будущее.

■*Чем больше общество пытается из себя что-то спроектировать, тем хуже получается?*

Я бы так сказал: **общество основано на поглощении нашей жизненной энергии, оно переводит нас в стоимость**. Не в буквальном, грубо экономическом смысле. А в стоимость как ресурс. Наше время, наши возможности, наше человеческое бытие формализуется в качестве потока информации и становится социальным ресурсом. И пока мы живы, мы ещё можем маневрировать. Мы ещё предстоим этой внешней среде, но когда мы умираем, мы уже полностью поглощены социумом, который нас съедает, оприходует, интерпретирует, присваивает себе.

Из нашего общества, получается, выхода никакого нет?

Только не надо говорить «нашего», потому что оно, во-первых, не наше, во-вторых, у слушателей может возникнуть иллюзия, что мы конкретизируем это всё до масштабов России или ещё чего-то. А на самом деле мы, конечно же, говорим о глобальном обществе, в котором сегодня уже находятся и папуасы Новой Гвинеи с проблемами каннибализма в их деревнях и джунглях. Раньше они были предметом интереса Миклухо-Маклая, а сегодня они через интернет, через социальных работников ООН – составная часть глобального общества. Они – составная часть глобального общества, и они интегрированы в это глобальное общество. Поэтому не будем говорить «наше». Кстати, и слово «общество» тоже немножко нас дезориентирует семантикой, потому что оно нам настойчиво навязывает, что это некий коллектив. Это не коллектив, это сущность, это отдельная сущность.

Есть ли выход? Выход есть, я считаю. Потому что этот опыт экзистенциальной рефлексии «здесь-присутствия» внутри человеческого сердца имеет своё самовыражение в религии. Но не в какой-нибудь религии, не в религии, которую нью-эйджевские люди считают религией, то есть сесть в асану, начать какие-то дыхательные упражнения, послушать какие-нибудь советы о том, как быть счастливым, – это как раз гештальт. А религия, которая связана с

подлинным, эссенциальным зерном религии. Это авраамический инстинкт абсолютно Невозможного.

Если мы вспомним эпопею Авраама, который является праотцом той крупицы истины, которая есть в человечестве, то Авраам в своём поиске обращался ко многим символам величия – звезде, ветру и так далее, – и раз за разом он закрывал эти темы, потому что они были манифестированными символами величия, которое отменяемо. В конечном счёте он пришёл к тому, что абсолютная альтернатива всему, что может быть увидено, воспринято, пережито в опыте и так далее, – вот только это есть истинный Бог. Неведомость является Его атрибутом. И эта Неведомость является не фантомом, а она вдруг обнаруживается в твоём сердце. Тайна твоего сердца и есть клеймо того истинного авраамического Бога, к Которому он обращается. Это и есть выход, потому что от авраамизма мы переходим к общине, к братству, которое противостоит этой сущности, отнимающей у нас жизнь.

Евразийство и Атлантизм

10.02.2016

Комментарий Джемаля к постановке вопроса:

Очевидно, что евразийство и атлантизм представляют собой синонимы чингизидской Орды и великого Рима. После того как XX век обозначил порог, отделяющий ровное течение классической истории от бури, смешавшей все исторические карты, Орда Чингисхана внезапно стала очень привлекательной для большой группы россиян, от «белых», находящихся в эмиграции, до «красных», которые их курировали из стен Лубянки: неожиданно оказалось, что Орда была для своего времени воплощением «социалистического» права, закон Яса[19] гарантировал и «справедливость», и «интернационализм»... Короче, с приходом в Большую Евразию монгольской Орды всем якобы «стало счастье».

Атлантизм, разумеется, является злобной и подлой антитезой чингизидства. Он построен на торговле, на ростовщичестве, не останавливается перед геноцидом. Атлантизм – это абсолютно деструктивное начало. Принцип евразийства выражается в аналоговых системах, принцип атлантизма – в цифровой.

Поэтому в логике геополитиков, которые играют в «Орду против Рима», азиатское, чингизидское начало более «человечно», а атлантизм «ведёт к трансгуманизму». Фанаты Орды, разумеется, увязали чингизидскую идею с политической географией «Восток-Запад» и фактически сделали некую комбинацию из конфликта цивилизаций и географического символизма.

Никакой перспективы у «ордынской идеи» нет, потому что она насквозь мифологична, а в историко-фактологическом плане – ещё и

фальсифицирована. Но, самое главное, она так же бессмысленна, как все другие горизонтальные построения. Визионеры евразийства не понимают, что никакого конфликта между Чингисханом и большим Западом не было. Чингиз и его потомки в своих управленческих решениях шли параллельным курсом с «Вечным Римом». Запад всегда стремился на Восток – и вот, наконец, он в лице монголов получил имперское колониальное устремление Востока… опять же на Восток!

С нашей точки зрения, и за Чингизом, и за атлантистами стоит один и тот же «центр управления полётами», одна и та же инстанция, которая на макроуровне курирует ход событий. Не случайно главным врагом Чингиза и его наследников был ислам.

■ *Сегодня поговорим о евразийстве и атлантизме. Почему это две стороны одной медали? Что такое евразийство и что такое атлантизм?*

Евразийство, как известно, возникло где-то в 20-х годах XX века в эмигрантской среде. Крупнейшими представителями были как раз некоторые интеллектуалы эмигрантского зарубежья – ну не только эмигрантского, потому что академик Вернадский жил в России, – историк Флоровский, князь Трубецкой. Из их шинели, можно сказать, вышел Гумилёв, который всем известен. Евразийство, чтобы не ходить вокруг да около, ориентируется в историческом аспекте на империю Чингисхана. И для Трубецкого, и для Флоровского, и для Вернадского, и для Гумилёва, конечно же, империя Чингисхана, союз народов под Ясой, – это добродетельное, позитивное пространство, которое своими ценностями (общественное выше личного, служба выше частного интереса, честь выше прибыли и так далее, – целый набор идей, заложенных Ясой, то есть определённые моральные установки этой империи) представляются этаким Золотым веком единого евразийского пространства. Всё это пересекается, между прочим, с геополитическими выкладками западных интеллектуалов,

которые имели место и в Германии (К. Хаусхофер), и в англосаксонском мире (Хэлфорд Маккиндер, позднее Спикмэн, Киссинджер, всем известный мастодонт геополитики, но с атлантической стороны).

Евразийство – это цивилизация суши, наследница практик Чингисхана.

■*Атлантизм?*

Атлантизм, с точки зрения геополитического контекста, это власть моря (талассократия), это власть торговых морских цивилизаций. Это Западная Европа, это Великобритания как островное государство и, в некотором роде, и новый Карфаген и наследница Рима (конечно, наследница Рима: она была основана как Альбион римскими легионами). Ну и дальше уже «новая Атлантида» – это США как центр атлантического мира. По отношению к нему уже Западная Европа выступает как некая окраина, как «прибрежная полоса».

И атлантические ценности – это, как правило, свободный рынок и либеральная демократия.

■*И, соответственно, все те установки евразийства, о которых Вы говорили, – тут всё наоборот? Получается, личность выше государства, прибыль выше чести и так далее?*

В принципе, да. Хотя, если взять набор масонских установок начиная с Ротари-клуба, то там тоже, кстати говоря, этот жест – «общественное выше личного» – присутствует. Но это некие избранные, которые невидимо скрепляют своими сетями гражданское общество. А гражданское общество, которое живёт само по себе, преследует частный интерес, который для него, естественно, является наивысшим.

Вот это два полюса противостояния друг другу. Но я хочу попробовать указать на то, что на самом деле это комплементарные

полюса, что их противостояние иллюзорно: они сто́ят друг друга, потому что и то и другое является матрицами глиняного человечества. И то и другое противостоит миссии Духа на человеческом уровне. Эта миссия Духа представлена, прежде всего, авраамическим Откровением в его динамике. И этот фундаментальный пафос является действительно неким стержнем, в одинаковой мере отрицающим ценности и атлантизма, и евразийства. Тут надо ещё говорить о том, что ценности, которые декларируются евразийством или атлантизмом, являются на самом деле пропагандой. Они фактически не существуют в той форме, в которой они декларируются.

■*Изначально морские цивилизации всегда претендовали на какой-то кусок пирога евразийской цивилизации…*

Конечно. Противостояние было всегда: Рим шёл на Восток, но и Восток или Азия шли на Запад. Поэтому здесь можно сказать, что есть два встречных движения.

Я бы сказал, что это движение двух Магдебурских полушарий[20] к соединению. Чингисхан шел на Запад… Кстати говоря, все эти разговоры о том, что Русь, как щит, приняла на себя «страшный удар монгольских орд», ослабила их и сорвала этот поход на Запад, – это всё одна из тех мифических картин, которыми евразийство так славится. Конечно, никого Русь не остановила, деревянные города и дружины не могли ослабить удар монгольской конницы, оснащённой тогдашней китайской техникой, огненными стрелами, сжигавшими эти города под корень…

Но концепция Чингисхана при стратегической оценке значения Европы была такая – условно скажем: «Нам это пространство скученных не интересно». Они сделали дугу, загибающуюся к Адриатическому морю, и решили, что Западная Европа вполне может существовать сама по себе.

И она стала существовать сама по себе со своим атлантизмом…

Да. Но тут вот в чём дело. Мне бы хотелось поговорить не о прекрасно разработанной теории «прибрежной зоны», – это так называемые «Римланд», «Хартлэнд» («центральная суша»), их противостояние морю, талассократии, вся эта геополитика, которая напоминает некий синтез шахматной доски с картой, и всякие игры. Мне хотелось бы поговорить о том, что существуют некие парадигмы – атлантическая и евразийская, – на самом деле резко отличающиеся от того, как они сами себя презентуют и что они сами о себе думают. Потому что правда гораздо более жёсткая и более пессимистичная в обоих случаях: это глиняное человечество.

Глиняное человечество имеет очень часто необоснованные претензии на некую полноту, духовность, рафинированность. В то время как в действительности более глубокий анализ вскрывает некие омуты человеческого фактора.

Начнём с евразийства. Чем характеризуется евразийство? Прежде всего – если мы берём его в историческом, культурном, цивилизационном комплексе, – доминантой материализма. Империя Чингисхана – да, она, конечно же, не проповедовала марксизм-ленинизм, как наследник Чингисхана – Советский Союз. А Советский Союз многими современными геополитиками евразийской ориентации прямо рассматривается как реинкарнация империи Чингисхана. Естественно, при Чингисхане не было декларированного материализма – он только подразумевался. Он был в духе тенгрианства – «широкое небо над нами, просторная земля под нами» и так далее. Это глубокий материализм космистского толка. Это не «ползучий» эмпиризм – как работает материализм западного человека, – это на самом деле абсолютное доверие физической правде среды. Человек евразийства доверяет физической правде среды, физическому космосу, и он его обоготворяет. Потому что сами образы «верха», сами образы того, что для него представляется духовной проекцией, – это широкое, покрывающее небо. Сам образ

этот конкретный – он, условно говоря, носит геометрический характер. Небо фигурирует во всех архаических традициях, но это же языческие традиции.

Это всё материалистическая подоплёка, но, скажем так, она абсолютизирована. Если в архаическом эллинском фольклоре это уравновешивается другими моментами – персонализмом, например (персонализмом олимпийских фигур, божеств), то в евразийском контексте этот материализм является доминантным. С этим же связано то, что этот материализм предполагает знаменитую чингисхановскую веротерпимость, которая на самом деле является просто всеядностью и безразличием к любой религии (там все религии – чужие). Единственная религия, которая вызывала неподдельную ненависть у монголов – ислам. Они его не переварили и вели конкретную, системную борьбу с ним.

Кстати, почему?

Потому что они как бы на рыбью кость в своей глотке напарывались. Потому что последовательность, бескомпромиссность и абсолютная оппозиция глине: в исламе как финальной стадии авраамической линии содержится абсолютная оппозиция онтологии. Есть авраамическая линия, связанная с Откровением такой бездны, которая не дана в опыте; тут самое главное – бездна, не данная в опыте индивидуально. Вот настояние на этом вызывало конвульсии и ненависть. Пока не произошло обращение хана Узбека в ислам, и тогда уже пошёл процесс исламизации чингизидов. Но надо сказать, что Хулагу – чингизид, который контролировал Ближний Восток, – всю свою жизнь посвятил борьбе с исламом, очень беспощадной борьбе.

Но в остальном представителям династии, если вынести за скобки ислам, было всё равно: христианство, конфуцианство, манихейство – да ради бога, что угодно. Потому что им было на это наплевать. Они ни во что это не верили, они стояли на тенгрианской позиции. И

отсюда идёт очень интересный феномен, который конкретно совершенно проявлен в евразийской матрице, – он работает, он работает реально и мы встречаемся с ним. Это глорификация, оправдание, теодицея, если можно так выразиться, лжи.

Вот в евразийском сознании лжи как таковой нет. Есть целесообразный миф. Ну, скажем, ложь – это то, что технически противоречит конкретным целям, конкретным задачам евразийской власти. А вот то, что соответствует её техническим задачам, некая концепция, некий миф – правда.

Взять Романовых. Вся романовская история, романовская идеология, романовская самооценка – кто они такие? Не будем же отрицать, что «романовы» – это евразийское? Они из Германии пришли – ну и что? Да, они были «либералами» – по российским стандартам, но они всё равно усвоили евразийскую матрицу. И всё, что понимали Романовы о себе, и то, что они преподносили российскому обществу о себе (кто они такие) – всё это ложь. Именно здесь секрет. Для нас это ложь – как для людей, смотрящих со стороны. Для них это не ложь, для них это миф. Это ложь, которая приобрела легитимность, прославлена и воздвигнута на уровень исторического мифа, который справедлив, безусловен, преподаётся в гимназиях на уровне закона Божьего, за оспаривание которого карают, посылают на каторгу. Это установленная система убеждения, это интерпретация реальности, но это – ложь.

Какие ещё примеры можете привести?

Много примеров. Мы не будем пускаться в конкретику – кто хочет, может сам найти массу иллюстраций. Здесь есть очень тонкое расхождение с оппонентами – с атлантизмом, например. Начнём, чтобы быть последовательным, с материализма. Атлантизм стоит на совершенно другой платформе – не материализма, – он стоит на платформе психологизма. Атлантизм – это матрица, которая выстроена на культе эмпирических ощущений человека. Человек

воспринимает реальность, и его сенсуалистский набор впечатлений сосредоточен на нём, на его теле: он поглощает и впитывает в себя красное, зелёное, сладкое, острый укол, световой раздражитель, набор всех этих физиопсихологических ощущений, – это отправная точка. Он привязан к опыту своего тела. И он считает, что материальная среда – это некая условность, следствие ощущений, интерпретация этих ощущений.

Давайте посмотрим на то, что думают Юм, Кант по поводу того, что такое «внешняя реальность». Внешняя реальность обыграна постольку, поскольку это следствие наших ощущений. Мы добавляем к этому суждение, это суждение интерпретируем, но в основе всего является наш телесный опыт, – психологизм. Что для них религия? Ну, это психологический настрой, это такой выверт, это потребность человека, это «психология общества» и так далее. Психологизм – но не материализм.

С точки зрения евразийства такой психологизм – если использовать советскую догматику, – это идеализм чистейшей воды, по поводу которого плевались, шипели, говорили о «буржуазном идеализме». Конечно, это никакой не идеализм. Это материализм, обращённый внутрь, «интровертный» материализм. Это не вера в «широкое небо над нами», а некий ползучий эмпирический солипсизм. Всё что есть – это некое следствие интерпретации ощущений. И всё топчется вокруг скепсиса по поводу «а так ли всё на самом деле?» – скажем, тот же Юм.

И теперь, если мы перейдём к вопросу язычества, тут сложнее, потому что в действительности это сложная тонкая работа с некоторыми влияниями и заимствованиями из средиземноморской среды, – попросту говоря, с библейскими влияниями, которые переработаны в языческом, эллинском, ключе. Это глубокий синтез, который полностью лишает остроты, пафоса, глубины библейское откровение, превращая его в универсальную парадигму. Потому что именно европейский набор представления о «духе», о «смысле», о «человеческом достоинстве» и так далее – это набор библейских

терминов, подразумевающих эллинское содержание. Это Платон, который пересказывает Библию в своём собственном ключе. И вот это является содержанием, которое атлантические товарищи везли и продавали, условно говоря, туземцам (в будущую Латинскую Америку, в Азию и так далее). Это некий универсальный продукт. Продукт синтетический, фальсифицированный.

И здесь мы подходим к отношению атлантизма ко лжи. Если в евразийстве ложь глорифицируется и возгоняется до статуса мифа, то в атлантизме ложь используется как оперативное прикрытие, как некий флёр, как некий такой крем, которым…

■*Сейчас выгодно обмануть, но не надо из этого делать общественное достояние?*

Возьмём два типа пропаганды – евразийский и атлантический. Евразийский тип пропаганды – элементарный. Берёшь некий концепт – «распятый мальчик», допустим. Мальчика никакого не было, реально не могло быть, но делается некая постановка, гештальт, и она вбивается в голову гвоздём, и все, открыв рот: «Да, какой ужас, мальчика распяли!» Потом, может быть, узнают, что нет, не распяли, но главное, что есть вброс абсолютной фикции.

Что такое атлантическая пропаганда? Берётся некая реальность, переворачивается, облекается во вранье, преувеличивается, изменяются цифры, изменяется статистика, изменяются акценты, – и всё это подаётся такой конфетой, внутри которой, извиняюсь, совершенно не конфетная начинка. Это чисто западный продукт. Правда, смешанная с ложью, правда, покрытая ложью. Правда там уже не существует как правда, потому что она не терпит смешения с ложью. Но условно можно всегда сказать: «Но ведь было же это». А про мальчика нельзя сказать, что он был. А вот про то, что атлантисты выдвигают, – про это говорят: «Ну это же было». Допустим, были репрессии: 30 ли миллионов человек репрессировали? Да нет, не 30… нет, извините, а репрессии были? Ну были репрессии… Вот

видите, были репрессии! А 30 ли миллионов или 30 тысяч – это уже другой вопрос. Вот это атлантический подход. А евразиец говорит: «Нет, репрессий не было, карали только преступников». Это евразийский подход.

Здесь фундаментально разное отношение ко лжи. А это ведь принципиально разное отношение к познанию мира, к гносеологии. И естественно, что и отношение к религии у атлантистов тоже другое: некий тоталитарный подход.

И если у Чингисхана была «тотальная терпимость», у советской власти была тотальная нетерпимость. Советской власти было всё равно – ислам, православие, буддизм, – мочить всех, разоблачать и так далее. Тоже всеядность, но с обратным знаком.

А у атлантистов как? Евроцентризм. Если ты не протестант и не католик, то ты просто туземец, который пляшет вокруг каких-то деревянных идолов. Даже если ты не пляшешь вокруг деревянных идолов – да наплевать, ты всё равно пляшешь, потому что ты туземец. Достаточно посмотреть книжки, которые писались про ислам во время крестовых походов, – это не то чтобы про жизнь на Марсе, но это рядом. И был Иоанн Дамаскин, который при дворе халифа работал, будучи христианином, и писал про ислам. Открытое пространство.

Вот что писали в Западной Европе об исламе? Что мусульмане поклоняются «пророку», который сидит там на каком-то троне, у него рога, ему какие-то страшные жертвоприношения человеческие, – поток какого-то бреда. Почему? Потому что абсолютно тоталитарное неприятие никакой версии, никакой альтернативы, никакого сдвига по фазе. Это сейчас европейцы «толерантные», это сейчас они «политкорректные». Но эта политкорректность возникла после 45-го года на фоне разбомблённых городов Европы. Когда туда пришли оккупационные войска, европейцы стали дико политкорректны. А вообще-то говоря, они всю жизнь вытирали ноги о весь мир, обо всё человечество.

Вспомнить индейцев Северной или Южной Америки…

Есть реальные исследования, одно из которых проведено ООН, и они показывают, что после Хиросимы (между «Хиросимой» и 2015 годом – за 70 лет) Запад уничтожил 50 миллионов человек. Если же говорить о том, сколько со времён великих географических открытий, во время великой колонизации мира, колониальные империи – Великобритания, Испания, Португалия, Голландия, потом Бельгия – уничтожили народу, то это уже сотни миллионов человек. Кому-то может показаться, что это явное преувеличение. Но давайте возьмём простую вещь: вот Леопольд II, бельгийский король в начале XX века, уничтожает 10 миллионов человек в Конго, но потом это повторяется ещё в 60-е годы, и там ещё миллионы человек. Это – маленькая Бельгия, это – точка в Конго, маленький район в Африке. Если же мы начнём с Колумба и миллионов уничтоженных индейцев, или вспомним уничтоженных тасманийцев, – то число «миллиард» не выглядит так уж…

Всегда противопоставляли себя морские цивилизации сухопутным, всегда они были по разные стороны баррикад. Англия много раз стравливала державы на континенте. Соответственно, континентальные державы воевали частенько против Англии как главного представителя атлантизма. И идеология разная, и отношение к миру разное. Но сейчас, по моему ощущению, всё-таки атлантисты побеждают. Они победили в холодной войне, и США насаждают по всему миру свои вкусовые и эстетические взгляды на жизнь: скажем, тот же Голливуд – это лучший пропагандист атлантизма в чистом виде. Все принимают установки атлантизма…

Это чистая иллюстрация темы лжи в двух вариантах – атлантистской и евразийской. В чем успех Голливуда? В том, что это правда, покрытая ложью. Поэтому сразу, инстинктивно, не отторгаются все эти сериалы, все эти фильмы и так далее. А

евразийский вариант – это открыто в лоб, это такая «лапша на уши», какой-нибудь «Гараж»[21], какие-то совершенно несуществующие производственные отношения в советское время. Этого нет, но тебе дают фильм, причём сделанный так, что вызывает определённые сантименты. Но этого нет. И куда бежать, задрав штаны, за каким Голливудом бежать в системе познания мира, основанной на абсолютной мифологии? Конечно, «правда, покрытая ложью» будет выигрывать.

■ *И это у атлантистов отлично получается. В итоге победит атлантизм, и вся эта история евразийской цивилизации, наследников Чингисхана, сгинет?*

Дело не в том, что сгинет евразийство или сгинет атлантизм. Дело в том, что они оба являются врагами Духа. И на самом деле при своём противостоянии они подыгрывают друг другу. На самом деле конвергенция[22] – это не вымысел старческого, геронтократического политбюро от бессилия. А это реальная тема, реальный проект сближения как некая идеологическая версия.

Было две версии, как известно. Одна версия – крах СССР, а другая – конвергенция, когда советский лагерь и западный лагерь создавали совместно «мировое правительство» и выходили на уровень совместного империалистического контроля над миром. Это называлось «мондиализмом». Мондиализм не получился, мондиализм не состоялся, потому что Советский Союз всё-таки рухнул. Но тем не менее тенденция создать эту «совместность» была, эта конвергенция была не напрасна. Это не трусость Брежнева. Конечно, он не понимал, зачем ему полная победа социализма. Он смотрел и не знал, что делать дальше после победы социализма.

Но за этим стоит глубокая комплиментарность и родство атлантизма и евразийства – об этом никто не пишет, потому что у нас есть куча евразийских патриотов, которые исступлённо говорят об абсолютной полярности. А вот я хочу сказать не о полярности, а о

внутренней идентичности, о сродстве евразийства и атлантизма, потому что они являются двумя дополняющими друг друга матрицами ветхого, глиняного человека. Этому противостоит третье, принципиальное начало – начало Духа, начало, которое апеллирует к Богу пророков, которое рассматривает человека как носителя непостижимого, особого ядра, особой точки в его сердце, которая вложена Творцом. Именно в пророческом понимании – не в понимании язычников, индуистов, пантеистов, которые говорят об Абсолюте, о «широком небе», о тотальном тождестве всего всему. А непостижимый Бог пророков, к Которому Авраам пришёл, последовательно отвергая любую предложенную ему проекцию поклонения. Он пришёл к тому, что нет ничего в сущем, что заслуживало бы поклонения. И сущее существует только как указание на Непостижимое, которое находится в его сердце.

■*То есть нет ни внешнего материализма, ни внутреннего?*

Да. Это отрицание психологизма. «Дух», о котором говорят философы-эллины, это на самом деле не Дух. Это просто разреженная, рарифицированная материя, это просто возгонка Solve («Solve et Coagula[23]»). Если субстанцию мы поднимем до состояния пара, то она не перестанет быть субстанцией: она же не порвёт со своей вещественностью.

■*Религиозный человек, человек, верующий (в хорошем смысле этого слова) в идеализм, – он будет противопоставлять себя атлантизму и евразийству?*

Он будет не только противопоставлять себя – он несёт совершенно альтернативный проект, он несёт гносеологический интеллектуальный проект прежде всего потому, что он не принимает ни лжи – как глорифицированного и поддержанного полицейской системой мифа, – ни правды, обёрнутой ложью, которая как бы

«демократически» предлагается на выбор в супермаркете, но если ты её отвергаешь, то можешь тоже кончить за решёткой. Самое главное, что в конце-то всё равно: если ты не хочешь покупать, ты кончишь за той же решёткой, что и в евразийском варианте.

■*Каковы шансы победить евразийство и атлантизм у человека верующего?*

Во-первых я хотел бы отметить, что уже где-то в середине XX века наиболее чуткие, острые атлантические теоретики (я не помню конкретно кто, но из разряда бжезинских, киссинджеров) говорили о том, что возвращение к религии станет основной чертой конца XX – начала XXI веков. Они предвидели, что основным компонентом истории будет борьба между десекуляризацией и секулярностью. И на этом пути возникают очень сложные комбинации.

С одной стороны, атлантисты и евразийцы могут входить в союзы против человека духовного, против человека верующего, с другой стороны, на каких-то этапах и евразийцы, и атлантисты могут протягивать руку друг против друга этому верующему человеку. Ну, например, как моджахеды в Афганистане. СССР вторгся в Афганистан, а атлантисты тут как тут: предлагают моджахедам побороться с советской материалистической империей «за свободу родины». Ну и не только родины – там и иностранные моджахеды подъехали ещё из арабских стран. Почему бы и не вступить в союз? Но это эпизод, это не доминирующая характеристика. Союз атлантистов и евразийцев против человека верующего – это гораздо более стандартная вещь. И мы слышим постоянно от деятелей той и другой стороны, что «у нас общий враг». Но при этом, естественно, используются термины, которые обывателя сразу напрягают, повергают в ужасы, лишают всяких сомнений в правоте властей предержащих, но суть заключается в одном: объединение атлантистов и евразийцев против человека духовного, человека

верующего, человека библейского, – скажем так: против людей Книги, людей Откровения…

И какие, вы спрашиваете, возможности победить на этом пути? Дело в том, что человек – это такое очень сложное существо, у которого может быть сердце чистое, а голова отравлена испарениями либо евразийства, либо атлантизма. И человек, который не освободился от той или иной матрицы при том, что он верующий и на правильном пути стоит, но у него нет, как сказал бы Декарт, метода – он не победит. Почему он не победит? Потому что ему на каждом шагу придётся принимать какие-то решения, чего он не сможет реально сделать точно и верно. Поэтому для того, чтобы его поставить на путь, имеющий историческую перспективу, ему надо дать **политическую философию**, которая бы последовательно и сознательно освобождала бы его мозги, его рациональное видение мира и от атлантизма, и от евразийства. Мировоззрение, которое коррелировало бы с его сердцем монотеиста. Пока этого ещё нет в полной мере.

Европейский капитализм долго боролся с Советским Союзом в течение XX века, но после того, как Советский Союз рухнул, все так мило подружились, хотя весь XX век вырабатывались доктрины, как противостоять. Мгновенно объятия раскрылись после 91-го года…

Я когда читаю таких авторов, как Данилевский, Достоевский, – они накачаны таким гневом против Запада, что я как будто бы читаю советского идеологического пропагандиста. Но когда я понимаю, в каком контексте они писали, – так ведь, извиняюсь, Россия была частью мирового истеблишмента, она была в теснейшем слиянии. Ну, были там какие-то конфликты с англичанами, австрийцами, с прусаками, но на самом деле Россия управлялась немцами, она была «взасос» с этим западным миром, – при этом она была евразийской. Но если вы почитаете «Дневник писателя» Достоевского, то такое впечатление, что это пишет какой-то красный комиссар, который

проклинает обывательщину, буржуазную природу Запада, его бесперспективность. Такое впечатление, что это два идеологических полюса. Сам Достоевский, несмотря на всю свою гениальность, прозорливость, проницательность, религиозную пафосность и так далее, на самом деле ничего не понимал в реальной жизни.

■*Что будет в XXI веке с атлантизмом и евразийством, придёт ли им на смену «человек библейский» или верующий? Один из самых интересных вопросов…*

Я верю, что придёт. Но это будет очень мучительный и очень неоднозначный процесс.

Тупиковость имперской идеи в современном мире

17.02.2016

Комментарий Джемаля к постановке вопроса:

Имперская идея совершенно неадекватна современному миру по очевидной причине: современный мир представляет собой пародию на империю, откровенный фейк. Что такое Евросоюз? Разве не империя с формальной точки зрения? Безусловно! Но почему же никто психологически не воспринимает ЕС как империю, а Брюссель – как новый Рим или Каракорум? Потому что это пародия при сохранении всех требуемых внешних черт: единство многонациональных территорий, единство административных правил, господство наднациональной бюрократии, которая давит национальную и так далее. Но при этом даже Советский Союз, который был устроен по тем же лекалам, что и «Соединённые Штаты Европы», был большей империей. По крайней мере, он не был симулякром!

В чём же разница? Сегодня очень многие теоретики активно используют термин «империя» по отношению к глобальной мировой системе. Рим как будто бы распространился на весь земной шар, и все осколки старых цивилизаций, ещё уцелевшие на периферии, построены по правилам новой римской легитимности. Даже в странах, где официально шариат упоминается как источник права, это не более чем дезинформация, адресованная массам. В действительности правовое поле и Египта, и Малайзии организовано вокруг либеральной концепции закона. Первоисточником этого был

кодекс Наполеона, который в свою очередь отправляется от Римского кодекса.

Мир поставлен на колени и подчинён диктатуре «классных наставников», которые всюду заходят с «проверками» (этакие прокураторы!), и бьют очень больно указкой – хорошо, если по пальцам.

Но всё равно это не империя. Главное, что отличает современный мир от настоящей империи, – это **отсутствие мотивированной власти**. Мотивированная власть – это проявление Великого Существа на земле в зеркале человеческого пространства. Это проявление всегда связано с некой специфической сверхзадачей. Как только эта сверхзадача оказывалась дискредитированной, не состоявшейся – империя кончалась. Проявление Великого Существа без сверхзадачи – а такое на определённом этапе было нормой – это царство. Вавилонское, Аккадское, Шумерское… Всё это – царства, но не империи, потому что первые лица в этих образованиях были не деятелями, а скорее живыми памятниками Великому Существу.

Сегодня организовать царство по архаичным лекалам невозможно, потому что мир становится площадкой, где разворачивается титаническая борьба между двумя полярными взаимоисключающими метафизическими основаниями человечества: Бытием и сознанием. За Бытие – так называемые элиты, но при этом у них нет поэтапно разворачивающегося внематериального и сверхматериального проекта. У радикалов, которые стоят на стороне сознания, такой проект есть, потому что радикалы – это носители эсхатологической идеи.

Эсхатология указывает на Последние времена. Доктрина финализма – это просто слегка отредактированное переиздание эсхатологии. В условиях такой поляризации всё, кроме этих двух борющихся полюсов, будет подделкой и симулякром, – и империи, и национальные государства.

■*Сегодня будем говорить о великих империях и куда они сегодня пришли…*

Это очень интересная тема, поскольку она волнует очень многих наших современников. У очень многих людей империя ассоциируется с силой, цветением, праздником некой политической мужественности, антилиберализмом, то есть торжеством над всеми такими проклинаниями…

■*То есть всем тем, о чём сегодня мечтают сограждане нашей страны…*

Да, многие мечтают. И американцы мечтают, и у англичан есть ностальгия. Некоторые левые или антиглобалисты называют сегодняшний мировой порядок Империей с большой буквы, не уточняя, какая это империя: США ли это или это вообще некая мировая система, уже оторвавшаяся от какой-то квалификации. Но при этом надо сказать, что империя – это вчерашний день, несмотря на весь флёр, весь аромат этого грозно звучащего слова. Империя сегодня уже перестаёт работать. А для того чтобы это понять, нужно вспомнить, откуда она вообще взялась, когда она появилась.

По большим историческим меркам «империя» – сравнительно недавняя вещь. Но как сравнительно недавняя? Вот я лично считаю, что империю как концепт создал Александр Македонский. Некоторые мне возразят, что Македонский реагировал на великую Ахеменидскую империю, на Иран, который был самым первым в этом качестве. Но ни Древний Египет, ни Иран не были империями. Это были просто архаичные монархии, которые экспансионистски расползались. Они расползались, раздвигали свои границы в региональном пространстве. В общем-то, Иран всё равно был региональный.

Первым, кто создал империю в классическом смысле слова, был Македонский, потому что он соединил реально Восток с Западом, он создал эллинизм как некий интеллектуальный ключ к мировой

цивилизации (не к какой-то там конкретной матрице, а к мировой цивилизации). Он Платона и Аристотеля превратил в некий код, с помощью которого можно было дешифровать абсолютно всё что угодно: хоть буддизм, хоть индуизм, хоть империю инков, если бы она попалась ему на пути. Это был универсальный общечеловеческий код. В этом тайна эллинизма и в этом ключ империи. Но не только.

Кто у нас был Александр Македонский, кто были его диадохи? Это самое главное для понимания: они были воинами. И куда бы ни приходил Македонский, он унижал, свергал и отстранял жрецов. Пришёл он в какой-то полис эллинский типа Афин – сразу ногой по треножнику Пифии, пришёл в Иран – потушил огни Персеполиса. Всюду, куда бы он ни приходил Македонский, он унижал местную клерикальную братию.

Может, во многом потому, что он сам себя считал божественным?

А почему он считал себя божественным? Потому что он вырывал с корнем, выдирал с кровью этот статус у жрецов, которые определяли, кто божественный, кто не божественный. Это уже после него появились кесари, которые заставляли приносить себе жертвы, курить фимиам, называли себя «живыми богами». Это всё после него.

А вообще жреческая каста правила миром безвозбранно. Вообще-то она и сейчас правит на самом деле, но это неочевидно для обычных людей.

Жрецами мы можем назвать идеологов сегодня?

Нет. Конечно, нет. Это метафоры современного либерального политикума. Они не работают. Жрецы есть жрецы. Это те, кто работает с «благодатью», кто работает с определённым сакральным пространством, кто является наследниками жрецов старого калибра,

старой закваски. Они и сегодня при делах, они и сегодня контролируют ситуацию. Но дело в том, что в определённый момент этот жреческий «глобализм», который был до Македонского, в архаическую эпоху, стал испытывать мощные кризисные явления. И поднялась каста воинов, которая была «служебной», которая была встроена в иерархию. Если мы вспомним «Республику» Платона, он описывает – как рупор и пресс-секретарь жречества, – как на его взгляд было бы идеально. Вверху стоят философы, мудрецы (под «философами» он имел в виду не профессоров в университете, на кафедре, а носителей сакрального знания), и они правят всем. Ниже стоят воины, которые обеспечивают их власть жёстким применением насилия, санкционированным сверху. И дальше – ремесленники, торговцы и так далее. Все традиционные общества были построены таким кастовым образом. И каста – это врождённая тема. Все люди рождаются либо воинами, либо жрецами, либо ремесленниками, либо торговцами. Все рождаются в кастах, но действенными являются только две: жрецы, которые созерцают, и воины, которые действуют, жертвуют собой и другими.

И в какой-то момент воины вышли из повиновения и бросили вызов. В лице Македонского это был первый такой акт: сын Филиппа, провинциального монарха, не тирана, но из легитимной династии Аргеадов, – особо из себя ничего не представлял. Но он стал глобальной фигурой: соединил Европу, Индостан, Центральную Азию, Северную Африку, Египет, Вавилон, – такие центры соединил в колоссальное человеческое сверхпространство. Причём когда? За 300 лет до рождения Иисуса Христа: это вообще, можно сказать, архаическое время. И он заложил очень многое. Вот то, что мы сейчас пользуемся универсальным языком, который понятен от Китая до Испании и Великобритании, – в этот универсальный язык включается и Африка, и исламский мир, и Европа, – это всё последствия экспансии Македонского. Потому что он превратил Аристотеля в систему мышления, которой пользуются все.

Наверное, империя была очень нужна, и никто не понимал, как она могла существовать. А то, что Александр создал, пусть и ненадолго, – она развалилась после его смерти…

Она развалилась, потому что мир был не готов к империи, потому что жречество было ещё очень сильным, потому что местные матрицы, управляемые жрецами, тут же взяли верх: диадохи пошли на поводу у местных жрецов, местных метафизических традиций. И их тут же столкнули друг с другом: классический пример Птолемеев, которые стали зависимыми целиком от древнеегипетской традиции. И это всё развалилось до Рима. А Рим был уже пересмотром этой имперской темы, продолжением восстания воинов против жрецов. Никто не будет спорить, что воины в Риме стояли социально выше: жрецы были никто и звать никак – какие-нибудь авгуры[24], над которыми все смеялись и которые были объектами анекдотов и пословиц, где выставляли их лицемерами и мошенниками. Рим был воинская организация.

Это была постоянная, непрерывная борьба воинов. Почему? Не создалось единой империи. Империя не сложилась как универсальный ответ касты победителей. Воины не стали кастой победителей. Жреческая мощь за кулисами мирового порядка приводила к тому, что империя перманентно рушилась. Были какие-то возобновления. Допустим, на Западе после Рима это была Священная Римская империя германской нации, основанная, опять-таки, на воинах. Воины-германцы разошлись по всем колониям Рима и создали новую единую систему, основанную ещё и на общности генетического происхождения.

Дальше, самая современная – это викторианская Англия, великая английская «империя, над которой не заходило солнце». Она появилась потому, что там был майорат: аристократия передавала по наследству поместье. А куда деваться средним и младшим сыновьям?

Было много свободных рук…

Не просто рук, а воинских, аристократических рук, привыкших к шпаге и заряженных пассионарностью: это были дворяне шпаги, аристократы. Их двинули по расходящейся, и они создали эту колоссальную империю.

Что такое Испанская империя, мы тоже знаем. Франсиско Писарро – это явно не сиделец в лавке, не торгаш, это чистый воин, это последствие Реконкисты.

Эти империи были в разных отношениях, более или менее проблемных, с жрецами. Даже испанская монархическая католическая империя с её инквизицией и католическими королями, – и там были проблемы, и там было острое напряжение. Именно потому, что там были очень привилегированные позиции у церкви, эта империя и не зажглась на свете. Она очень быстро проиграла британцам и голландцам, у которых меч стоял точно над крестом.

Что касается Востока, то там имперский вариант наиболее перспективный. И даже не знаю, можно ли назвать это империей, но, наверное, в какой-то степени можно. Халифат – если брать Восток – это первое проявление после Македонского. На Западе был Рим, а здесь – халифат. Халифат – это воины, это точно антижреческое движение, оно стремительно разошлось от Атлантики до Тихого океана, интегрировав всё это пространство. И как послание превосходства воинской идеи над жреческой ислам работает до сего дня. Навстречу исламу и против него вышел Чингисхан, который создал альтернативную империю языческой Ясы.

Вы считаете, что первый исламский халифат создавали воины?

Это была точно идеология воинов, это было Откровение для воинов, это было первое в истории выделение касты воинов как самостоятельных игроков на метафизическом поле.

В одной из передач мы говорили, что первый успех исламского халифата во многом был потому, что пророк объединял в себе и светскую, и религиозную власть на первом этапе. То есть это единственный случай, когда религиозный лидер…

Его религиозная власть была не такая, как у жрецов. Она была другого качества. Она была не корпоративная, это была персональная власть Пророка, который является посланником Неведомого Бога. Вот что важно. При этом он являлся воином, который участвовал в 62 битвах, из них в более 30 он непосредственно командовал и планировал эти битвы. Пророк создал из людей разного социального состояния касту воинов, потому что когда к нему приходили люди, они приходили из торговли, из криминала, из финансов, из пастухов и так далее, и они превращались в воинов, – лишались своего прежнего состояния и становились воинами. Они входили в систему жёсткой дисциплины и жёсткого оправдания своим действиям. Они превращались в тех, кого мы сегодня называем «сахабами», то есть сподвижниками. И эта каста потом завоевала фактически весь мир. И первоначально была очень чёткая дискриминация между «истинными первыми», которые были арабы, и теми, которых называли «аджам», то есть позднее присоединившиеся, не арабы. Первые осознавали свою кастовую избранность.

Но и потом, когда интернационализация произошла и поглотила арабов как отдельный этнос, идея халифата всё равно строилась на системе взаимоотношения амиров, султанов, беков, то есть знати меча, которая была воинской структурой, а не жреческой. При них были алимы, знатоки Корана, которые статуса фактически не имели. Единственная ситуация, которая выбивается из этого, где по факту создана церковь, которая не имеет отношения к исламской традиции, – это шиитский мазхаб, где де-факто создана церковь: как мы сегодня это видим в Иране. Но она поэтому и окружена негативом и всеобщим давлением критики со стороны остального

ислама. В самом исламе алим – это человек, который что-то изучал, и если он претендует на статус клерикала, это в некотором смысле незаконный и самозваный статус. Хотя при этом постоянные попытки людей, которые по своему рождению принадлежат к касте жрецов, выкроить себе местечко внутри ислама не прекращаются. Вот халифат. Халифат – это была первая попытка, после Македонского, на Востоке создать империю. Она была наиболее успешной.

Чингиз, Тимур – всё это в последующем провалилось. Чингиз очень быстро провалился. Тимур опирался на тюркскую воинскую аристократию, которая разошлась по всему евразийскому пространству от Малой Азии до Китая, и это было более успешно. Потом Османы. Османы тоже воинский проект.

Если говорить обобщающе, то что мы можем сделать в качестве вывода? Что такое империя? Империя – это синтез власти как сакральной вертикальной организации общества и насилия, которое прямо ассоциируется с властью, повенчано с нею. Это единство власти и насилия является сакральным в глазах подданных, в глазах подавляющего большинства. Насилие чётко ассоциируется в данном случае с властью. Но, если мы вспомним жреческий подход к этому (в более архаических вариантах, когда жречество правило открыто), жречество дистанцировалось от насилия: оно это передавало всё, как у Платона в «Республике», воинам. Воины при этом не были сакральными, насилие не было сакральное, они были просто «полицейские», блюдущие порядок на улице. А тут всё это возвышается до статуса автономной мистерии, которая стоит «над». Ну и, конечно же, выходит за всякие этнические границы, потому что в этнических границах это всё не построишь. Тут должен быть некий моментум, некая масса. Всё это прошло.

■*Когда вы перечисляли великие империи, которые помнит человечество, это всегда воспоминания, связанные с гордостью: великий Рим, великая Британия, Османы, Российская империя, сегодня,*

допустим, это империя США, – так или иначе за каждой империей в общественном сознании существуют какие-то представления о Золотом веке (как американцы о себе говорят, что «они – капитаны Вселенной», и вся нация этим гордится), так или иначе многие страны вспоминают о своих империях и гордятся этим. Почему же Вы думаете, что имперский путь стал тупиковым?

По одной простой причине: каста воинов проиграла приблизительно сто лет назад – проиграла жрецам, и она вытеснена в социальный, в политический маргиналитет. Она сегодня перешла на позиции противостояния с мировым порядком, она не является больше системным элементом мирового порядка. Каста воинов не может быть подчинена жрецам в классической форме, и жрецы не доверят ей ничего. Они заменили воинов давно – уже через либеральный порядок, организованный ими из-за кулис, – они создали бюрократический институт современных вооружённых сил, который с началом абсолютизма отменил эту касту…

Недавно видел фотографию четырёх министров обороны стран Европы: сидели четыре женщины – четыре министра обороны. И это уже какой-то смех над кастой воинов…

Каста воинов уже давно выброшена из основных исторических игроков в своём пространстве. Не случайно либералы приведены на первый план, потому что либералы – это втёмную разыгранные, бессознательные инструменты жречества. Сами либералы искренне верят в материализм, в скепсис, в синхрофазотрон, во второй закон термодинамики, они от «аргумента тела» считают, что главная цель человечества – это повышение гедонистического наслаждения комфорта в холлах пятизвёздочных отелей, на пляжах. Это, как они представляют, и является целью. А за их спиной стоят люди, которые сегодня, например, в Голландии встречаются. Но они тоже не вершина, они только фасадная часть, которая показана обывателю. Обыватель с недоумением и восторгом следит за этой встречей,

обсуждает её («тысячу лет не было её, вот встречаются; судьбоносно; что же они скажут друг другу?»). Что они сказали – совершенно непонятно. По крайней мере то, что объявлено, – явно не то, что всерьёз обсуждалось. Но дело в том, что они только представляют некий истеблишмент. Незримая-то часть уходит далеко-далеко за пределы понимания толпы. И либералы обслуживают это, они обслуживают это фасадом.

Сейчас они тоже уже исчерпались – скорее всего, либералы будут уходить. Но это не значит, что касту воинов кто-то позовёт назад. Потому что когда на место либералов придут традиционалисты, более удобные для жрецов, то силовым элементом будут какие-то избранные на статус жандарма государства, возможно, даже и частные военные компании, к чему дело идёт всё больше и больше. Потому что вопросы в Афганистане, в Ираке, мы видели, решали частные военные компании, которых численно было не меньше, чем сотрудников министерства обороны США.

■*Когда появляются наёмные воины, то они готовы за деньги убивать, но они не готовы за деньги умирать. Здесь есть существенная разница…*

Система делает ставку на абсолютное превосходство в технике, огневой мощи, лазерных пушках, установленных на гиперзвуковых космических аппаратах, ставку на дроны, на тотальный электронный контроль над всей поверхностью земного шара и так далее. Хотя на самом деле не только им доступны технологии. Возможно, что тут будут очень неожиданные и неприятные для этой системы ходы…

■*К сожалению или к счастью – воинов заменили «ботаники» и «умники», которые сидят теперь возле компьютеров…*

Ботаники у компьютеров и убийцы, предпочитающие играть в одни ворота на местах. Но дело в том, что произошла интересная вещь.

Во-первых, почему империя теперь не может состояться? Потому что насилие перестало быть сакральным, перестало быть связанным с благом. Вот в империи насилие было связано с концепцией блага. Как оно сакрализовалось через власть? Власть идентифицировалась с концепцией Бытия, то есть блага. В платоновском сознании Бытие и благо – это синонимы.

■*Рим захватывал новые провинции – всем римлянам раздавался хлеб, устраивали зрелища, и общество города Рима радовало то, что захватили какую-нибудь Галлию…*

Конечно. И триумф потом происходил. Во время триумфа удавливали приведённого царя туземного, которого вели на верёвках, и толпа ликовала, потому что осуществлялось сакральное насилие, глубоко апеллирующее к каким-то бессознательным тёмным пластам.

Теперь насилие десакрализовано. Есть новая сакрализация насилия, но она идёт за пределами власти, она идёт вне властного дискурса, – «антивластная» сакрализация. Это сакрализация, которая идёт через враждебные системе действия, – партизанские действия. Че Гевара – это насилие, которое идёт против власти, и это сакрализация насилия вне контекста власти. А на Че Геваре империю не построишь.

■*Че Гевару, правда, сегодня используют в качестве бренда буржуазного и рисуют на майках…*

На место Че Гевары приходят другие, новые вариации, но у них единая черта – они «***антивластны»***. Новая сакральность: насилие связано с тем, что это насилие революционное или вызывающе негативное деструктивное насилие. Так рождается новая сакральность.

А на стороне власти насилие уже не сакральное. Оно уже подвергается рассматриванию в лупу, полиция прячет когти, очень стесняется самой себя: масса журналистских исследований, запросы в парламенте. В общем, либеральное пространство не способно обеспечить сакральное насилие, оно фальшиво и лицемерно пользуется таким опосредованным, проклятым, насилием.

Есть, безусловно, попытка новой сакрализации насилия и новой интеграции касты воинов как игрока и как субъекта. Но ведь она идёт не в форме империи. Это сетевая структура, которая противостоит мировому порядку. Это не империя, потому что империя не может иметь сетевую структуру. Империя – «империецентрична». И империя должна мыслить себя в отождествлении с «мейнстримным» мировым порядком. А если она противостоит мировому порядку, то это «антиимперия», партизанщина, – это совсем другое. И вот как раз каста воинов сегодня оказывается «антиимперией», и она оказывается сетевой структурой. А мировой порядок, который не собирается ни сдаваться, ни уступать и будет увеличивать, наращивать свою тоталитарность, свой контроль и так далее – он не будет имперским.

А каким же он будет?

Я думаю, что это будет мировое правительство с опорой на наёмные силы и на технологии. На наёмных контрольных палачей, полицейских, жандармов.

США сегодня явно работают как мировой жандарм, но они уже не выдерживают, они ломаются. Кстати говоря, Штаты не собираются извиняться, в отличие от Европы, за насилие, в том числе не только творимое вне, но и творимое внутри. Они очень жестки, они повышают уровень жёсткости в обращении со своим населением, но от этого насилие, которое творят американцы, не становится сакральным ни в Афганистане, ни в Айдахо, ни в Колорадо, ни в Ираке. Их насилие проклинается всем человечеством. Они пока ещё

за него не извиняются, но понятно, что это либеральная империя, которая в противоречии сама с собой. И она уходит.

На её место могут быть выдвинуты другие государства, которые будут работать как военные компании, как наёмная сила на переходный период. Потом, может быть, и от государственного элемента это будет освобождено. Будет мировое правительство, наёмные структуры и технологии с возможностями контроля, с проникновением спецслужб. Конечно, это будет основано на том, что мировое правительство будет исполнять прежде всего жреческий заказ, потому что очень близко с ним будут работать те, которые мотивированы идеологически (как масоны). Человек, которого будут посылать внедриться в подрывные структуры, который будет заниматься борьбой с оппозицией, – он будет не наёмником, он будет человеком, который верит в эту глобальную мировую систему, основанную на традиционалистском клубе, то есть он будет традиционалистом классического типа, как масоны старого образца.

В каком-то смысле он будет религиозный человек?

В каком-то смысле он будет религиозный человек. Религиозность традиционалистов и религиозность их оппонентов – радикалов, касты воинов, которая будет им оппонировать, – будет противоположного типа: «чёрное» и «белое». Но это уже было так. Потому что если мы вспомним секты, боровшиеся за социальную справедливость, – анабаптистов, Мюнцера, – это была противоположная католическому истеблишменту религиозность. Была религиозность католическая, которая во многом и искренняя (не только же там монахи были обжоры и проходимцы, были серьёзные люди – святые типа Бернара Клервоского[25], и были такие фанатики, как Гус[26]). Это было противостояние двух религиозностей: религиозность сакрального истеблишмента и религиозность справедливости. Мы возвращаемся к этому.

Сегодняшняя Россия испытывает сильный прилив патриотизма, и память о Советском Союзе расправляет крылья; ощущение империи, великой страны, ощущения того, что можно противостоять каким-то тёмным силам, – это во многом вдохновляет людей на какие-то поступки. Если мы вспомним весь двадцатый век, то Россия дважды превращалась в пепелище (Первая и Вторая мировые войны, гражданские войны): 10 %–15 % от промышленного потенциала оставалось. И всё равно это всё поднималось, Россия оставалась мировой державой. И это во многом от того, что ощущение было, что мы империя. И только это двигало людей. Работали же не за телевизор или новый автомобиль. И пришёл XXI век – и станет ли Россия мировой державой, станет ли она империей?

Рывок, который сейчас был сделан, – начиная с Крыма и кончая Сирией – это, в общем-то, рывок на тему превращения в империю и, по крайней мере, вход в число государств-субъектов первого или второго ряда, которые не являются объектами, не являются фигурками на шахматной доске, а «право имеют», выражаясь языком Раскольникова.

Но тут вот какой вопрос: без сомнения, в XIX веке Россия была империей, но она была империей за счёт того, что правящий слой, основной его кусок, был наследником чингизидской империи, то есть это были воины-татары, потомки мурз, баскаков, – с одной стороны. А с другой стороны, это были германские бароны и графы, которые пришли и получили здесь статус местной аристократии. С одной стороны – Ольденбурги, с другой – Юсуповы. «Русских» Рюриковичей не так много было.

Опричнина на 90 % состояла из «искателей приключений». Это традиционный силовой элемент. Во главе всего этого стояли такие люди, как Александр I, а до этого Павел, после Александра – Николай I, откровенный немец, который был помешан на военной дисциплине, на кавалергардских смотрах, и так далее вплоть до Николая II, стрелявшего ворон у себя в саду.

Дальше что? Вся эта военная аристократическая верхушка была сметена или, скажем, частично просто «слилась». Некоторая часть её интегрировалась с большевиками – как Бонч-Бруевич, разные генштабисты, которые сделали ставку именно на Троцкого, на Ленина (это были офицеры, которые поняли, что это сила, которая может сохранить единство территории). Но дальше что получилось? Ведь для того, чтобы была империя реально, как мы уже сейчас в процессе нашего разговора выяснили, нужна ставка на воинов. А Сталин побоялся даже Жукову доверить или сохранить за ним какой-то серьёзный статус. Военное сословие на территории СССР было переформатировано в такую категорию людей, которые точно на себя политическую ответственность не могут принять и не примут. А с чекистами империю не построишь, потому что это уже другой тип людей. Они – как евнухи при дворе византийского императора. Но они и провалили эту византийскую империю.

■*Хотелось бы подольше пожить и увидеть, будут ли какие-то заявки на империю…*

Есть у традиционалистского клуба виды на Россию: в качестве смены караула после США. Но не хотелось бы, честно говоря, потому что тогда Россия превращается в «жандарма номер два», и это исторически тупиковый путь и неблагородный.

Невозможность возврата в сталинизм

24.02.2016

Комментарии Джемаля к постановке вопроса[27]:

I. Одна из причин невозможности возврата в сталинизм заключается в том, что российские правящие круги, по большому счёту, из него и не выходили. Чтобы понять суть этого парадокса, надо просто всё расставить на свои места: ленинизм, троцкизм, сталинизм, оппортунизм («оппортунизм» – в терминологии маоистских товарищей)…

Сталинизм был в чистом виде ликвидацией большевизма и возвратом к царской империи. Понимание сталинизма открывается через ясное представление о том, кто такие Романовы и зачем они были нужны Западу. Романовы были «смотрящими» – прежде всего от Британской империи – на огромных просторах «ледяной пустыни», по которой бродил «лихой человек с топором». Романовская, а по сути – объединённая германская – династия, опираясь на прямое рабовладение и коррупцию, осуществляла жандармские функции в интересах ещё относительно слабой системы, штаб которой формировался в Лондоне.

Сталин выждал десять лет с момента поднятия красной большевистской волны и приступил к реализации проекта «Советский Союз как жандарм англосаксонского мира». Благодаря Соединённым Штатам были осуществлены проекты коллективизации, что дало возможность Кремлю шантажировать население перспективой голода. Время от времени этот голод становился грубой действительностью, уничтожая миллионы людей. Но это не значит, что у советской власти в полях ничего не росло или

же рассыпалось из грузовиков по пути и сгнивало в хранилищах. Советский Союз производил сельскохозяйственные продукты в изобилии. Дефицит и голод были партийной политикой. Вывоз продовольствия на Запад осуществлялся в огромных масштабах…

США содействовали Сталину и в другом проекте – скоростная индустриализация. Верхушка англосаксонской знати в Штатах и Великобритании прекрасно понимала логику сталинизма: содействовать приходу в Германии к власти Гитлера, как лидера европейского бунта против ростовщичества. Таким образом, новая Германия и новый тренд Европы делали сталинскую империю абсолютно необходимой для США и Великобритании.

Собственно, то, что мы видим в истории XX века, есть не что иное, как колоссальное предприятие по спасению англосаксонского мирового господства от континентального европейского вызова. Во имя этого, совершенно чуждого для него господства, СССР потерял десятки миллионов людей. Европа была раздавлена и на протяжении последующего полувека поэтапно перешла под полный контроль англосаксов (включая те восточные регионы, которые первоначально достались Москве).

Вернуться в это? Снова стать жандармским кулаком Запада? Так ведь эта парадигма и не нарушалась. Только Россия ведёт игру, правила которой прописаны не Сталиным, а теми стратегами, которые выиграли холодную войну с СССР. Надо запугать Европу до колик в животе – Россия пугает. Надо объявить войну исламу – как против внутреннего врага и внешнего? Россия входит в Афганистан, Сирию, готова применять силу на постсоветском пространстве. Какого ещё сталинизма вам надо? Имперский гламур, реализация ностальгических сериалов, в которых обязательно присутствует Красная площадь, абакумовы, берии и так далее? Это не получится наяву, извините! Советский Союз, будучи пособником англосаксов, вместе с тем был разгромлен в холодной войне, демонтирован, и это означает, что ни с каких колен ему уже не подняться. Однако организовать кровопролитие в Сирии, в Турции, в Афганистане – это

можно. Под прикрытием лицемерного осуждения со стороны западной общественности и бессмысленной риторики внутренних медиа.

Системная функция России – быть одновременно контрапунктом и неотъемлемой частью Запада – остаётся сегодня фактически такой же, как во времена Петра I. Недаром он висит (или висел при Ельцине) в кабинетах всех начальников.

II. Иосиф Сталин до сих пор остаётся одной из самых острых и конфликтных фигур в массовом сознании россиян. Несмотря на то что с момента его смерти прошло 63 года, по крайней мере дважды полностью обновился поколенческий состав и страна имеет очень мало общего с тем, что происходило на её просторах в первые послевоенные годы, Сталин и сталинизм никого не оставляют равнодушными.

Разумеется, главным в личности Сталина остаётся то, что он символизирует собой – по крайней мере в мироощущении подавляющего большинства – пик в историческом развитии России. При Сталине Россия впервые стала партнёром Большого Запада; при нём же Советский Союз превратился в ядерную сверхдержаву и вошёл составной частью в мировую империалистическую систему, сохраняя «левую» риторику.

В каком-то смысле прохановский проект по объединению белых и красных растёт именно в той почве и является знамением той эпохи. У современных россиян революционеры первой волны, зачищенные сталинскими органами, не вызывают ни симпатии, ни даже минимального сочувствия. В мировосприятии наших современников Великий Октябрь был «исторической подставой», прерыванием якобы органического пути российской государственности. Сталин будто бы восстановил эту преемственность, преодолел «сбой» в логике развития России. Иными словами, Сталину удалось вернуться в имперское измерение старой российской державы, войти второй раз в реку.

Вопрос сегодня, однако, ставится так: можно ли войти в эту реку третий раз? Ностальгия по сталинизму имеет вполне историческое измерение: большинство россиян хочет быть империей.

Многие факторы указывают на то, что это невозможно. Российская государственность лишилась как минимум половины своего географического и человеческого ресурса. Ушли территории, которые образовывали остро необходимый для функционирования империи ресурс. Это то, что касается ситуации внутри бывшего СССР!

Но ещё более серьёзной потерей стала утрата Восточной Европы, завоевание которой (с согласия и при поддержке Большого Запада) оказалось той основой, на которой только и возможно было построить империю.

Кроме того, нельзя упускать из виду, что население современной России имеет мало общего с ментальной матрицей советского народа, сложившейся между 30-ми и 50-ми годами. Нынешние люди всерьёз принимают свои крайне правые комплексы за аутентичный сталинизм, не подозревая, что суть той эпохи выражалась в особой форме левизны, противостоявшей как социал-демократии, так и классическому троцкизму. Сталинизм жил в динамике глубоких внутренних противоречий. Реально проживать то идеологическое и политическое пространство могли лишь люди действия, в некотором смысле титаны, которые находили самовыражение в символических актах космического масштаба: перелёт Чкалова, челюскинцы, строительство городов типа Комсомольска-на-Амуре и тому подобное. Империя для тогдашних людей-титанов была соответствующим необходимым одеянием. Сталин оказался идеальной фигурой, в которой воплотилась «точка сборки», где объединились воинствующая ксенофобия и интернационализм, мечта о справедливости и беспощадная жестокость по отношению к инакомыслию…

Как бы ни ностальгировала нынешняя телевизионная аудитория по сталинизму, понятому крайне поверхностно и неадекватно, ни у кого из ныне живущих и действующих лидеров нет ни единого

шанса на третий заход в реку Истории.

Сегодня ностальгия по имперскому прошлому, связанному с именем Сталина, широко распространена. Сталинизм рассматривается как эталон процветания и успеха великой державы. И сегодня уважаемый Гейдар будет говорить о том, что возврат в сталинизм невозможен. А я попробую с ним поспорить.

И будем говорить о сталинизме, а не о различных имитациях: так называемые «твёрдая рука», «полицейский режим» и прочие всякого рода судороги – это не сталинизм. Сталинизм принято ассоциировать с имперскостью и появлением колоссальных возможностей государства. Это возможности перекрывать Енисей, это ГОЭЛРО, атомный проект, это ликвидация безграмотности, подготовка полета в космос (реализовали при Хрущёве, но началось при Сталине), это колоссальный вес на международной арене, – всё то, что принято связывать с «империей». Про империю мы уже говорили. Говорили про то, что империи – это вчерашний день. Но империя – это всё же неисчерпаемая тема. Есть разные аспекты подхода к империям. И империя – это очень специфический момент в динамике того, что люди называют «историческим прогрессом». Но, когда они говорят о прогрессе, как правило, имеют в виду нечто очень близкое им, но не то, что является, по сути, стержнем и смыслом прогресса.

Обычно «прогрессом» что называют? Появление различного рода удобств, рост количества материальных благ, комфорта, гаджеты: вчера мчались на тройке, а сегодня на электромагнитной подушке или самолёте, вчера нарочным посылали вестовых – а сегодня смартфоны и так далее. Якобы это – прогресс. Но в действительности прогресс – это совершенно другое. А вот наличие всяких технических удобств – это только внешние проявления, как язвы бубонной чумы – это проявление болезни, а не она сама.

Если вдуматься в то, что такое прогресс в самом широком смысле, – это рост стоимости человеческого времени, рост

капитализации человеческого фактора. Крестьянин, который сидит у себя в медвежьем углу, ничего не стоит: его жизненное время ничего не стоит. Он сам себя обеспечивает. Он никому не нужен и ему ничего не нужно. А потом его за ухо выволакивают и превращают в кого-то, а его дети становятся пролетариями, а его правнуки становятся офисными работниками и их жизненная минута стоит больше, чем весь жизненный путь его пращура. Это – прогресс. Это капитализация жизненного времени. Собственно говоря, вся динамика социума крутится вокруг этого: переоценка стоимости жизненного времени.

Вот Маркс, говоря о рабочем времени, сосредоточивался только на аспекте превращения этого рабочего времени в прибавочный продукт. Но этого мало, это очень ничтожная часть проблемы времени. Стоимость жизненного времени включает в себя и досуг, и переоценку уже умерших поколений, потому что идёт непрерывно игра на этом: «фьючерсы» на времени ещё не родившихся. Зачем выпускают деривaты акций, огромное количество фиктивных ценных бумаг? Это, собственно говоря, попытка капитализировать время ещё не родившихся поколений. Очень неудачная попытка, которая ведёт к катастрофе, но тем не менее.

Так вот, империя – это очень специфическая ситуация в этом «прогрессе», в повышении стоимости жизненного времени, когда взрывным образом время огромного числа людей из близкого по стоимости к нулю переводится в очень крупную цифру. Люди были никто и звать никак, и внезапно они становятся кем-то, как аббат де Сийес говорил: «Кто были третье сословие? Никто. Кем они должны быть? Всем». То же самое можно сказать о четвёртом. Четвёртое сословие товарищ Сталин предложил сделать «всем». И сделал в какой-то момент. При этом, конечно, эти люди должны желать стать «всем» – это не то, чтобы их за ухо тянули. Вот в Англии, например, шёл процесс «вытаскивания за ухо»: сгоняли с земли, «огораживали». Это – насильственное. А тут – должны хотеть. Вот

появляются миллионы людей, которые хотят стать кем-то...

Я попробую вам здесь оппонировать: ведь сама идея коллективизации, которую Сталин стал продвигать в 30-е годы, с параллельной индустриализацией, как раз и была, что называется, «тянуть за ушко да на солнышко». Крестьян собирали в колхозы, и очень многие крестьяне, оставшись без возможности пропитания по разным причинам, просто шли в город рабочими. Это был такой взрывной переход из одного качества в другое. Из крестьянской России в пролетарскую Россию. Это было необходимо для качественного индустриализационного скачка. То есть тоже, наверное, было некое «огораживание», только в виде колхозов?

Гигантский процесс, который был неоднозначен. Да, колхозы и какая-то часть, конечно же, была вытащена насильственно из своих медвежьих углов. И, конечно же, было сопротивление, был уход в глухую защиту, но было некое ядро, которое стремилось к этому. Это ядро было низшим слоем сельского населения, это было сельское батрачество, безземельное крестьянство, сельские люмпены, которые внезапно переводились в состояние кого-то. И они оказывались между такими жерновами обстоятельств, когда выживали люди, которые проявляли минимум способностей. Для этого существовали ликбез, всякие призаводские школы, некие формы обучения, которые продвигали их вверх. Ведь тот же Косиор[28] говорил в 1934-м или в 1935 году на съезде комсомола, что 500 тысяч юношей и девушек пришли на командные советские посты.

Я боюсь, что они там все были с тремя классами церковноприходской школы...

Это не важно. Если посмотреть на Россию 1913 года, то это огромное море людей, которые в подавляющем большинстве были малограмотны или неграмотны, были узко ориентированы, жили

домашним, натуральным хозяйством. Это огромное число, потому что численность населения царской империи в канун войны была примерно 150 миллионов человек. По тем временам это гигантская цифра. Это в 4 раза больше, чем в Австро-Венгрии, которая была не последней империей Европы. И вся эта цифра внезапно перелопачивается, взлохмачивается, переводится в состояние жёсткого стресса сначала четырьмя годами окопной войны, потом гражданская война, голод и так далее. И потом некий проект, который придаёт всему этому хаосу смысл, движение…

Получилось, что вся страна взлетела в «социальном лифте»?

Да, это правильное слово. Но я хочу сказать, что здесь нет эксклюзива. Если мы посмотрим на наиболее яркие примеры возникновения современных империй недавнего времени, то это та же самая парадигма. Вот яркий пример – Япония. Хорошая иллюстрация. Когда коммодор Перри, если не ошибаюсь, приплыл в Эдо стрелять из пушки, посылая предупреждение от лица «мирового сообщества» закрытой Японии, сёгун поставил вопрос перед японским населением: что-то вроде «что делать ввиду агрессии западного сообщества, каким образом отстоять страну, её образ жизни, её суверенитет и так далее?». Он получил 30 тысяч предложений со всех сторон. Из них только 17 принадлежали не самураям – при том что население было образованным, грамотность была 90 %. Это означает, что всем, кроме самураев, было глубоко наплевать на судьбу Японии.

В 1905 году, примерно через полвека после этого, под Порт-Артуром те же самые потомки крестьян, которым было на всё наплевать, дрались не хуже тех же самураев, которые были их офицерами. Япония была мобилизована уже как империя. Крестьянство, которое было никем (и мы знаем, как жёстко крестьянство было никем в самурайской феодальной Японии), внезапно превращается в японский народ, который стал «детьми

императора – потомка богини Аматэрасу». Они были никто и стали кем-то. И возникает японская империя.

Наполеоновская империя возникла точно так же. Французы, которые до 1789 года были никем, и французский сеньор мог встретить, возвращаясь с охоты, французского крестьянина, убить его и омыть в его крови свои усталые ноги. Так вот, после взятия Бастилии эти люди стали кем-то, и то, что они стали кем-то, выразилось в Наполеоне. Причём это выразилось так круто, что не получилось вернуть всё это на бурбоновские старые рельсы, – пытались, но не получилось. Пришлось пережить очень сложный процесс возвращением маленького племянника Наполеона III. То же самое.

В 50-м году XIX века тот же Маркс писал о Германии как о самом захудалом, забытом богом крестьянском уголке Европы (то есть абсолютно неразвитая крестьянская территория). Ещё у Достоевского мы находим комментарий по поводу немца, что немец – это что-то необычайно отсталое…

И вот Бисмарк переводит этих «никто» в кого-то, и получается империя, которая сотрясала мир в течение следующих ста лет.

Ни Японию сегодняшнюю, ни Германию сегодняшнюю, ни Францию не вернёшь в то состояние. Почему? Ресурс повышения статуса, повышения капитализации, исчерпан, и он исчерпан в России тоже.

■*Тогда сталинизм, по-вашему – это некая энергия расщепления ядра, перехода из одного социального слоя в другой – крестьяне становятся пролетариями, – и это действительно даёт много энергии, социальные лифты начинают работать, на глазах всё взлетает, и именно это толкает страну к новому прорыву. Если мы с экономической точки зрения посмотрим на революцию 1917 года и последующую гражданскую войну и разруху (к 22-му году промышленного потенциала по сравнению с 1913 годом осталось*

15 %), – считай, что ничего нет. И за пару десятков лет Россия выходит в мировые державы. Потом Вторая мировая война – снова пепелище и так далее. Но тем не менее это качественный переход высвобождения очень сильной энергии, Вы считаете, что это и есть сталинизм?

На одном конце мы имеем человеческую массу, время которой ничего не стоит. Имя каждого из них, то есть «атомарных единиц», составляющих эту массу, ничего не значит: Иван Иванычи и Петры Петровичи, жив, умер – никакой разницы. И следующий шаг – и они являются авангардом человечества. И уже каждый из них – это просто герой, на которого равняются сотни тысяч молодых людей на какой-нибудь Кубе, в Мексике, Европе: наш Иван Иваныч теперь просто посланник «нового светлого завтра». Это колоссальный выброс энергии. В «миниатюре», возможно, Сталин обобщил эту парадигму, которую мы можем найти и в Японии, и в бисмарковской Германии, и в наполеоновской Франции, – он обобщил это, довёл до максимума, и сделал это на таких просторах, что это превратилось уже в метаисторический факт. Но повторить это нельзя, потому что люди уже исчерпали возможность повышения.

■*Правильно ли я понимаю, что вся ностальгия по сталинизму, по «твёрдой руке», по тому, что «вся страна в порыве как один», – для этого нет энергии, да?*

Путают, не понимают. Они думают, что сталинизм – это «твёрдая рука». Ну, Пиночет – это «твёрдая рука». В Аргентине при хунте была «твёрдая рука». Но это же не сталинизм. И Франко не сделал империю, хотя «твёрдая рука» у него была. При Салазаре в Португалии была очень «твёрдая рука», но это было захолустное, совершенно периферийное, убогое государство, которое даже не смогло вырваться на уровень какой-нибудь средней Европы. Только после Салазара что-то там произошло. А «твёрдая рука» была.

Грубо говоря, наш народ сможет простить «неосталину» твёрдую руку только в обмен на то, что он будет делать из страны новую империю? А если не будет делать, то, соответственно, не простят…

Для этого необходимо, чтобы был потенциал. Откуда взять людей, которые никто, и знают, что они никто, и хотят стать всем? Потому что огромное большинство ныне живущих людей о себе много понимают, они являются образованцами, городскими люмпенами, которые что-то о себе представляют, имеют какие-то понятия. У них есть запрос на уровень потребления, они не способны с тачкой и кайлом строить Беломорканал. И куда от этого прыгать? У них, конечно, могут быть фантазии: им хотелось бы быть гражданами не России, встающей с колен, не уже вставшей, а уже и всех поставившей на колени вокруг себя. Но это же фантазии. Для этого нужно перейти от состояния «ноль» в состояние «сто», от состояния льда в состояние пара. А они уже являются водой.

Получается, что все уже великие империи «отстрелялись», кроме, наверное, Африки, как я понимаю?

Тут есть, конечно, ещё над чем работать, но тут есть одна закавыка: для того чтобы 150 миллионов неграмотных мужиков перевести в состояние стахановых или учёных, спортсменов, деятелей партии, комсомола работников и так далее, – вот чтобы это реализовать, нужны были огромные жертвы, преодоление сопротивления, естественно, и, конечно же, финансовые ресурсы. Откуда их взять? Надо было забрать у крестьян зерно, у «бывших» – их сбережения, и бриллианты из лифчиков великих княгинь, из Эрмитажа взять полотна и продать их в обмен на станки, то есть провести громадную трансформацию ценностей, на которую можно было бы наложить руку для стимула этого преобразования. Для того чтобы сегодня поднять африканцев до такого статуса и сделать великую империю, нет этих графинь, герцогинь, нет этого зерна, нет людей, которые

способны вложиться в это. Чтобы 800 миллионов африканцев поднять к взрыву новой империи, «сверхновой», для этого нужны колоссальные ресурсы, а на земном шаре их больше нет. Стоимость перевода Африки в новую империю больше стоимости самой Африки. Отдача не оправдывает этого усилия. Поэтому проще Африку «убить», с точки зрения мирового правящего класса, чем превратить её в часть себя.

Вернёмся к нашей стране, к Российской Федерации. Действительно, ведь осталась сильная ностальгия наших соотечественников не по тому сталинизму, которого все боялись, а по тому внутреннему ощущению энтузиазма и радости…

Вот мои дедушка и бабушка действительно участвовали в подъёме страны, и я от них слышал, что было с каждым днём все радостнее жить. Понятно, что была пропаганда, были весёлые фильмы…

Были жёсткие репрессии, люди ждали приезда ночью, они понимали, что в случае шага влево-вправо, если ты оступился, колосок украл, то тебя ожидает очень незавидная судьба. При этом эйфория так и пёрла. И эти весёлые фильмы, эта пропаганда ведь не могла идти против потока. Вот если люди чувствуют себя в тяжёлой депрессии, то любое веселье воспринимается достаточно оскорбительно и провоцирующе. А тут всё это складывалось в общий хор. Почему? Потому что те, кто были никем, ощущали, что они становятся всем, – и именно этот момент делал их такими «эйфорическими». Этот процесс универсален в значительной степени. Почему они всё это терпели? Почему они превозмогали любые трудности? А почему Великая армия вот так по морозу дошла и ушла – до Москвы и обратно – и при этом не свергла Наполеона, а продолжала сражаться за него и в 1814-м, и в «сто дней», когда он сбежал, а Франция за него стояла до самого конца? Потому что вот эта способность терпеть во имя некоего символа. Символа чего? Превращения людей, которые ещё помнили, как они были никем и

стали повелителями Европы, когда монархи сидели в приёмной у Наполеона и дожидались очереди, как просители, и француз, какой-нибудь обычный полковник, мог открыть к любому итальянскому или немецкому герцогу дверь ногой. Вот ради этого люди дрались до конца.

■*Ресурс исчерпан и, соответственно, идея сталинизма и возрождения России в новую империю или в мировую державу бессмысленна? Не будет из России больше мировой державы?*

Будет. Только нужна свежая кровь.

■*Надо чью-то кровь пустить?*

Нет, надо чью-то кровь влить. Нужны люди, которые являются на сегодняшний момент никем и которые уже хотят стать кем-то. Но, к сожалению, их всех с колыбели воспитывают в сознании того, что они много значат и что они уже «кто-то», и что у них есть «великое прошлое». Как, понимаете, из дворян николаевской или александровской эпохи нельзя было сделать империю. Можно было сделать империю из петровских дворян. Вот петровские дворяне были никто и стали кем-то. При Екатерине, скажем, фавориты тоже знали, что они никто, при Екатерине тоже был этот драйв, что люди превращались из нуля в кого-то. У них было ощущение, что они мощно раздвигают локтями пространство: шведов налево-направо разбрасывают, немцы падают на колени. А потом уже это как бы устоялось, создался этот слой осевших и много о себе понимающих помещиков. Екатерина зафиксировала это указом о вольности дворянства. Дворянство о себе понимало очень много, и при Николае (это уже показала Крымская война) империя осталась только по названию, как инерция. Нельзя было из этих людей что-то сделать, потому что они уже о себе много понимали. А разрыв с

мужиком остался, его били палками, розгами, да и дворянам при любом шаге показывали их место.

Но идея того, что мы теперь что-то значим – она убийственна для империи. Для империи нужно начинать голодными.

■*Почему в 1917 году никто из верхушки российской элиты не выступил против большевиков и, соответственно, против нового строя? Деникин был как штабной генерал, Колчак вообще адмирал, Врангель – не представляющий из себя ничего командир дивизии, то есть эти люди были второй, третьей очереди. А где та самая элита?*

Многие военные поддержали большевиков поначалу, потому что они исходили из имперской идеи, они видели в большевиках ту политическую силу, которая приведёт их именно наверх, то есть силу, которая освободит колоссальную энергию, заключающуюся в анонимных атомах человеческого моря, и всё это превратится в то, чем оно и стало потом. Бонч-Бруевичи[29] входили даже в ленинское окружение…

■*Они были дворянами. Но где все эти фамилии: воронцовы, шереметьевы, волконские и так далее? Они же все куда-то разбежались, в лучшем случае – погибли в гражданской войне. Элита полностью деградировала… Мне рассказывали, что когда-то перед войной в театре Вахтангова в оркестре на скрипке играл последний граф Шереметьев. Просто играл на скрипочке, потому что, наверное, его в детстве учили играть и он сидел в оркестре и играл… Его периодически вызывали в НКВД, допрашивали: граф же всё-таки…*

А жил он, кстати, в одной из башен в Новодевичьем монастыре.

■*Не знаю, возможно…*

Актёры Вахтанговского театра рассказывали, что он один раз пришёл с допроса, и его спрашивают: «О чем был допрос?». Он говорит: «Они спрашивали меня, боролся ли я с царизмом и тому подобное… и я им сказал, что боролся, я им сказал, что, когда я играл с детьми царя, я частенько их бивал…». О чём это говорит? О том, что элита Российской империи превратилась в какое-то посмешище…

Но давайте перейдём к сегодняшнему времени, ведь сейчас тоже формируется элита. Социальные лифты в 91-м году в определённом смысле сработали. Все те, кто хотел пробиться в первый ряд, они прошли в правительство: сначала либеральный замес, потом силовики и так далее, в общем, сформировалась некая общность. Не зря Патрушев упоминает нам о новых дворянах…

Это совсем не то. Конечно же там есть определённый переход со ступеньки на другую, и этого хватает, чтобы выдвинуть запрос на изменение статуса России с проигравшей холодную войну империи третьего ряда на империю как минимум второго ряда. То есть вернуться в статус держав, которые что-то получают не только со своих подданных в рамках национальных границ, но имеют и международный охват, – с международного пространства что-то получают, как, например, Великобритания и Франция, не говоря уже о Штатах. Такой запрос есть. Но это не империя по-настоящему, потому что те люди, которые сегодня передвинулись в правительство, в значимые силовики, они уже были кем-то. Они не были анонимны. Никто из тех, кто поднялся после 91-го года, не был анонимен, все были кем-то, – начиная с Чубайса, Явлинского и Гайдара и кончая кем угодно. Кстати говоря, ни один диссидент не попал в истеблишмент.

■ *Павловский был какое-то время там был рядом, но сбоку…*

Павловский – это белый воротничок, референт, он не носитель власти, он носитель папки. Бывшие папконосцы типа Гайдара

перешли во власть. Единственная значимая диссидентка – Новодворская, которая исполняла фриково-театральную роль. Никто не вошёл. Куча народу противостояла советской власти. И где они? Их разметали. Криминал, да – криминал пригласили. Криминал что-то стал значить. Но криминал про себя всегда понимал, что они кто-то, они не с нуля начинали. Поэтому это люди, которые были не удовлетворены своим статусом при советской власти, но уже были кто-то, они заняли первые места в ложе. Но это совсем не то, это не японские крестьяне, которые внезапно превратились в детей императора. Были вообще мусором, которых рубили, если не сходили с дороги достаточно быстро при встрече с самураем, и вдруг они – «дети императора» и, стало быть, внуки «богини солнца».

■ *Кстати, я подумал, что и американская империя сегодня имеет тоже эту энергию высвобождения: туда много приезжало и приезжает людей…*

Абсолютно точно, я хотел это упомянуть. Я вам скажу другое. С 1870 года по 1900 год в Америку приезжали миллион человек каждый год. 30 миллионов за 30 лет. Это гигантская цифра. Если мы сравним с сегодняшними цифрами (миллион в Европу), то это уже какие-то вопли страшные. Эти люди попадали сразу в крайне жёсткие условия: достаточно вспомнить фильм «Однажды в Америке». Это трущобы, гетто, это 16-часовой рабочий день, абсолютное отсутствие всяких перспектив, – и так было до конца 30-х годов, до начала Второй мировой войны. Все эти люди были переведены в нечто именно со Второй мировой войной. Вторая мировая война сделала из них Американцев с большой буквы, которые приехали на танках в Европу устанавливать новый демократический либеральный мировой порядок. Были никем, стали кем-то. И вот империя американская началась именно с 1944 года.

Действительно, произошёл качественный скачок. Понятно, что Америка на Второй мировой войне заработала неплохо…

Она и на Первой заработала, но даже в Первой она не стала чем-то значимым, потому что она не выбила Великобританию со своих позиций, она была страной второго ряда. Вудро Вильсон выполз на Лиге наций со своими предложениями («19 пунктов Вудро Вильсона») – его на смех подняли, никто слушать не захотел. К нему относились как к клоуну. Хотя именно вмешательство Америки позволило Антанте победоносно закончить войну, потому что Германия-то не собиралась сдаваться. Даже после подписания Брестского мира освободились определённые ресурсы, и они били французов, а англичане думали о том, как им вообще спасаться с европейского континента. Это всё ещё в 18-м году было. И тут американцы вступили – и что-то хрустнуло. Но это не было оценено в 20-е годы. Великобритания не уступала своих позиций страны № 1 и ещё оставалась ею долгие 25 лет. Необходима была ещё Вторая мировая война, прежде чем Америка стала страной № 1. Но и это всё-таки в тандеме с СССР. Без СССР Америке бы не на что было рассчитывать. США и СССР в тандеме и ломали хребет Британской империи. Как две стороны, которые на пару перестраивали этот мир. И эта связь постоянно сохранялась до самого конца. И сохраняется, наверное, и сейчас.

Давайте поразмыслим над будущими источниками энергии Российской империи. Кто же это такие? Это что – иммиграция из Средней Азии?

Это в частности. Но думаю, что не только. Я думаю, что здесь необходим опыт Америки, которая открыла свои ворота мигрантам в XIX веке самым широчайшим образом. Если учесть, допустим, что сегодня…

■*Но они ведь собирали в своё время, не побоюсь этого слова, отбросы мировые…*

Да. Потому что они их собирали как рабов. У них же не было проекта быть светочем и нести куда-то факел. Хотя они при этом всё равно какую-то идею «американской мечты» и центра, точки сбора для всех ищущих свободу, обозначили. Ну кто там ехал на эту американскую мечту – это уже другой вопрос. Но у них не было проекта и у них не было сита, с помощью которых они бы отсеивали. Им чем проще, тем лучше. Приехал – вот тебе казарма; если ты попал во время гражданской войны – вот тебе винтовка. Все, кто приезжал, сходил на берег в Нью-Йорке в 1861–1864, тут же призывались в федеральную армию и отправлялись на фронт против конфедератов. А после уже в казармы рабочие – работать на потогонной системе, на шахты, строить железную дорогу с запада на восток и так далее.

Но тут вопрос, собственно, кого приглашаем, какие сита и какие средства отбора ставим? Широчайшие, я думаю, должны быть. С минимальными ограничениями возможности приезда. Потому что Россия – это страна, в которой плотность населения менее 10 человек на квадратный километр. Это уникально, такого нет больше нигде.

■*Просторы у нас огромные. Идея, где можно взять эту энергию для следующего рывка, который мы условились называть сталинизмом, в общем, понятна, хотя, конечно, в общественном сознании сталинизм это нечто иное. Мы можем пустить китайцев…*

Только не китайцев. Почему? Объясняю. Потому что, во-первых, китайцы не являются материалом для чужих империй. Это люди, которые знают о себе, что они некто. Они уже некто – благодаря Китаю. Мао Цзэдун сделал их из «нолей» кем-то. Вот Китай – это ещё один пример. До начала XIX века китайцы много о себе понимали, очень много. Но Англия опиумными войнами, интервенцией великих

держав всё это разметала, унизила империю. Солдафоны входили в Запретный дворец, всё было оскорблено и растоптано. Огромные потери. Оказалось, что вся великолепно отстроенная система китайского чиновничества не работает. В общем, унижение было сравнимое с тем, которое понесла Германия после Первой мировой войны.

После этого что началось? Полоса гражданских войн, вторжение Японии, «полевые командиры», которые поделили Китай между собой, – то есть запустение страшное. На всём этом поднимается Мао Цзэдун, который берёт китайских крестьян – наиболее забытую, отброшенную с обочины истории в никуда массу, – и превращает всё это в империю. В империю, которая сегодня заставляет о себе говорить. В общем-то у неё ВВП сравним с американским, если реально подходить к вопросу. Это первая экономика по количественным показателям – не по технологии, а по количественным показателям. Армия у них тоже вторая в мире. Потом мы очень многого не знаем об их ядерном оружии, потому что они врут и не краснеют, говорят всё время, что у них там 80 каких-нибудь ракет на жидкостном топливе. В общем есть догадки, что это всё совершенно не соответствует действительности.

Короче говоря, китайцев нам не надо, потому что они, во-первых, о себе уже кое-что знают, а второе: когда они приходят и работают на чьей-то чужой территории, они не вмешиваются в судьбу этой страны. Вот китайцев полно в Штатах (чайна-тауны всякие), но они не собираются участвовать в политической борьбе, они никому не мешают, они ходят как в марсианских хрониках – местные тени сквозь прилетевших землян…

Мы говорили о невозможности возврата сталинизма. И как бы мы ни боялись, сталинизм действительно к нам не вернётся, потому что нет для него никаких предпосылок.

Нет человеческого ресурса – прежде всего.

Различие «государства» и «политического общества»

02.03.2016

Комментарий Джемаля к постановке вопроса:

Государство – это одно из наиболее расплывчатых и ускользающих понятий. Исходный смысл этого слова в западных языках связан с термином «состояние».

Но что это такое? Состояние чего? Скорее всего, изначально имеется в виду хаос человеческих масс, захваченных определённым состоянием, которое жёстко структурирует начальную, «догосударственную», ситуацию.

Правящим кругам так нравится думать. Есть-де жуликоватые и ленивые крестьяне и торговцы, которые по естественным склонностям погружены в беззаконие. На них мы, правители, набиваем обручи, как на бочку. Так что она становится крепкой, приобретая чёткую форму, и не рассыпается.

Только это совершенно лживый миф. И он возникает именно тогда, когда правящие круги ощущают свою далеко зашедшую слабость, а управляемая масса становится величиной или фактором Х. Тогда-то и возникает философия государства.

Когда Великое Существо проявляется в зеркале мира через личность фараона или кесаря, власть не нуждается в этих мифах. Сам термин «государство» ей чужд. Власть говорит об интересах Великого Рима или Парфии, или Египта, не нуждаясь в концепции государственных интересов, вмешательства государства в частную жизнь и т. п. Власть как проявление персонифицированного Бытия строит вокруг и под собой «политическое общество», то есть

эшелонированную иерархию носителей частицы или блика, исходящих из центральной власти, из божественной личности кесаря или богдыхана. Политическое общество всё в той или иной степени участвует во власти.

В позднейшие времена возникает бюрократия, организованная в аппарат. Эта конфигурация ликвидирует на своём уровне, а стало быть, и на более низших эшелонах в принципе саму идею власти. Власть заменяется агрессивным суетливым контролем; связь между эшелонами социума снизу вверх прерывается.

Бюрократия становится единственным инструментом для проведения сигналов сверху вниз. Поскольку она узурпирует «оргфункции», она же и определяет, какими будут эти сигналы, как они дойдут до низов, какими будут последствия и т. п. Бюрократия становится настоящим хозяином.

А происхождение бюрократии – это вольноотпущенники, освобождённые рабы. Сегодня статус вольноотпущенника трансформировался в статус организованного люмпена, существа без корней и предшествования, как бы вывалившегося из ниоткуда.

Бюрократия создаёт первую корпорацию, истинная цель которой – паразитизм. Бюрократия печатает деньги, которые механически подвержены инфляции. Они дешевеют с момента их отправки в Центральный банк. Это удешевление денежной массы должно быть компенсировано наращиванием эксплуатации. Причём необязательно в прямой форме.

Так или иначе, государство как бюрократия является уникальной корпорацией, экономическая цель которой – не прибыль, а убыток. Даже наиболее паразитические ростовщические структуры в конце года показывают кредит, и только государство обеими ногами прочно остаётся на дебете.

Поэтому сравнение государства и политического общества неправомочно и абсурдно. Политическое общество состоит из людей, погруженных в бытийные связи, коммуникации.

Госбюрократия состоит из существ, которые находятся в плоском виртуальном пространстве межкабинетных игр.

Политическое общество и государство враждебны друг другу и взаимоисключающи. Поэтому даже сегодня, когда политическое общество стало историей, тем не менее есть силы, которые бросают вызов бюрократии, используя легальные, а иногда и нелегальные политические инструменты. Вызов бюрократии бросила национал-социалистическая партия Германии, поддержанная уцелевшей юнкерской знатью. Вызовом бюрократии был также приход Ленина к власти. Советы в их первом концепте и оформлении – до вмешательства партии – это гениальный инструмент разрушения государства. Проблема современного человечества, которое на 80 % состоит из неорганизованных люмпенов, – это их слепая вера в корпорацию организованных люмпенов, таких же, как они, только приобретших божественные черты отчуждения от частной жизни. Законы, которые изобретают организованные люмпены, для их аналогов с улицы имеют сакральную значимость.

■*Тема нашего разговора: «Различие государства и политического общества». Государство в современном стиле слова существует не более 300 лет. В этот период формируется бюрократический аппарат, который и является истинной сущностью государства. Применение термина «государство» политическим обществом до начала эпохи модерна только создаёт путаницу, ведь природа государства в буквальном смысле антиобщественна. Давайте немного поговорим о государстве и о политическом обществе, как мы их разделяем?*

Прежде всего, наверное, нужно начать с политического общества. Мы привыкли читать в учебниках истории, что первые государства в Междуречье или где-нибудь в Южной Америке появились две, три, четыре тысячи лет назад, что «Рим – это государство» и так далее. Но, конечно, это неправильно. Это сбивает с толку, потому что

появляются и фиксируются политические общества. Что имеется в виду? Что значит «политическое»? «Политическое» значит, что главным предметом, стержнем этого социума, является власть, феномен власти. Не выживание, не прокормление.

До тех пор, пока люди сбиваются в кучу для того, чтобы есть корешки или грибы или ловить мамонта, – это не общество. Хотя я не верю, что такой период был или что это было «мейнстримом» человеческой истории, потому что это эволюционистская теория развития человеческого общества по Энгельсу. Но мы, снисходя к устоявшимся стереотипам, будем делать вид, что верим: были какие-то такие мамонты, были охотники за мамонтами, и у них, конечно, главной целью было коллективно загнать этого мамонта и съесть. Делаем вид, что мы в это верим, но это не общество. Точно так же существуют реально какие-то племена и сегодня в бассейне Амазонки, которые действительно зависят от природы: у них есть экологическая ниша. Напомню, что человечество тем и отличается: у него нет экологической ниши, а вот у лисы, зайца или у некоего племени в бассейне Амазонки есть экологическая ниша.

Что означает экологическая ниша? Это означает, что если перекрыт какой-то приток и в результате исчезает некий карп, на которого данное племя охотится с острогой, то это племя гибнет. А человечество не гибнет ни при каких условиях, что бы ни произошло, – даже если Йеллоустонский заповедник взорвется[30]. Даже примитивное общество – нет, настоящее общество не примитивное, даже если у него нет гаджетов, – а такое, скажем, как крито-микенская культура: страшные катастрофы – но ничего, выжили. Определённая ситуация, стиль жизни, некий «имидж» поменялись, но этот регион продолжал жить, существовать и так далее.

Реальное общество не зависит от экологии, не зависит от катастроф, потому что реальное общество имеет в себе некое измерение, которое ***сверхприродно***, и в нём реально – не хочу вдаваться в подробности, – но в нём не действует второе начало

термодинамики. В нём простая энтропия преодолена. Причём преодолена на третьем уровне, потому что на втором уровне находится биологический организм, который демонстрирует, что не зависит от простой энтропии, которая есть вне органики. А уже третий уровень – это когда вы видите, допустим, пирамиды или водопровод, сработанные рабами, то есть людьми, которые получали очень мало, а сделали очень много, если говорить совсем просто.

Вот политическое общество – оно не о том, чтобы прокормиться, не о том, чтобы выжить. Как бы Маркс ни говорил, что сначала люди должны поесть и одеться, а уже потом всё остальное, но на самом деле всё не так. Люди едят и одеваются при любых обстоятельствах, – и это практически всегда. Если этого нет, то не о чем говорить. Поэтому «поесть и одеться» мы выносим за скобки и сразу говорим, о чём общество. Общество о власти.

Что такое власть? Вот это интереснейший вопрос. Здесь есть очень много спекулятивных домыслов: подчинение, отношение раб-господин, доминирование, Гегель, Ницше, Франц Фанон[31], биполярность человеческих отношений, – это тоже всё не то. Власть – это просто Бытие в онтологическом, метафизическом смысле слова, проекция Бытия на человеческий уровень, на уровень «реального» бытия.

Представим себе, грубо говоря, что люди толпой, не видя друг друга, находятся в огромном храме, где абсолютно темно, двери и окна закрыты, и только в куполе есть маленькая дырочка, через которую проходит луч света и падает пятном на пол в центре. Есть тот, кто стоит в этом пятне света – и тот, кто не стоит в этом пятне, того как бы нет. Даже если речь идёт о семье и родственниках, то брат, который встал в это пятно, – он есть, а брат, которого вытолкнули из этого пятна, – его нет, даже если он пока жив. Поэтому вокруг этого пятна всегда шла борьба не на жизнь, а на смерть. Тот, кто встаёт в этот луч, тот существует. В этот луч встаёт тот, кто является концентрацией Бытия как символ объективной реальности, независящей от человеческой грёзы, фантазий, воображения и так

далее. Это объективное Бытие. Оно воплощается в личности кесаря, фараона и так далее. Поэтому, собственно говоря, люди очень всерьёз относились к фараонам и кесарям: как к живым богам. Не потому что они были идиоты или сикофанты, или там подлизывались, боялись топора, палача, или хотели каких-то чинов, званий и так далее, а потому что действительно в этих фигурах воплощалось Бытие.

Но специфика политического общества в том, что между этим Бытием и самым последним элементом человеческого пространства («атомом») есть обратная связь. Это не то, что какой-нибудь раб может стать сатрапом. Бывало, что и сатрапом. Но не в этом дело. А в том дело, что раб мог дойти до фараона или через какие-то инстанции передать своё предельное недовольство, неким образом просигналить. И позиция фараона, его причастность к Бытию, его воплощение Бытия, – она тоже касалась и раба в самом низу: это каким-то образом шло вниз. Все эти люди были ангажированы в некоем целостном проекте. Собственно говоря, это было и есть движение того, что Гегель называл «мировой дух». Вот это поднятие импульса снизу вверх и опускание сверху вниз, и фараон как центральная такая фигура, которая стоит между небом и землёй.

Поэтому можно сказать, что политическое общество – это триптих. Это триптих Бытие-власть-дух: Бытие и власть – как синонимы, и дух в гегелевском смысле («Мировой дух»), который является «кровью», обменивающей все состояния, все пласты человеческого пространства снизу доверху и соединяющей их. Это не значит, что это тот Дух, о котором говорят пророки. «Мировой дух» в смысле Гегеля и Платона – это не Дух в смысле Библии и Корана. Поэтому, когда мы, единобожники, говорим о Духе, мы подчёркиваем: Святой Дух. Когда Гегель говорит о духе, он говорит «Weltgeist», но это не Святой Дух, это «социальный» дух. Поэтому-то он и сказал, что этот Weltgeist на последнем этапе своей динамики выражается в Прусской монархии. На самом деле очень реально это говорил, и, кстати, его не поняли, начали над ним издеваться, что «гора родила

мышь» и так далее. Он очень серьёзно сказал, что прусский монарх – это воплощение Бытия в его (гегелевском) смысле. Но тогда уже всё было настолько либерализовано и настолько было царство модерна кругом, что никто не понял, о чём Гегель толкует. Так вот, это – политическое общество. Это триптих Бытия, власти, духа, в котором идёт взаимообмен по вертикали.

Правильно ли я понимаю, что политическое общество всегда имеет лидера, которого это политическое общество выдвинуло?

Не оно выдвинуло. Оно консолидировалось вокруг лидера, потому что оно консолидируется вокруг концепции Бытия, которая становится живой и воплощается в этой фигуре.

Наполеон был последний человек в истории модерна, который пришёл к власти архаическим, или классическим, образом, то есть с нуля. Мы не говорим о Каролингах, Капетингах, о французских династиях, казнённом Людовике, который был последним отголоском того сакрального. Всё шло по наследству, по наследству, а потом обнулилось, – хаос, пляска карманьолы на площадях, гильотина, период директорий, Баррас и так далее. И всё – чистый лист, «перезапуск». Появляется лейтенант, который потом попросту убегает из Египта, приходит и в конце концов, вырывая из рук папы римского корону, надевает её на себя, и вот – он император. Его французское общество выдвинуло? Да нет. Оно консолидировалось вокруг него, потому что все эти люди на самом деле Бытия не имели, а имели реальность смерти, выражавшейся в гильотине, они были в хаосе чистой деструкции.

И Наполеон явился и, пусть даже это очень инфернально, он явил в себе конкретный прорыв онтологии: это конкретное Бытие, которое тут же стало строить все остальные выродившиеся монархии. Они стали строиться вокруг него. То есть он вступил в этот луч в тёмном храме, который падает в единственное пятно на полу, о котором я говорил. Он ступил и стал единственно реальным, единственно

живым, сакральным, – и все так его и воспринимали. Поэтому его так и ненавидели монархи вокруг, потому что они понимали, что они выродились в отношении онтологии, они уже как-то очень условно воплощают этот символический принцип. А вот человек с нуля, с чистого листа вступил в это. Так же, как Август. Август, собственно говоря, тоже был никто. Почему ни прусский король, ни австрийский император не осмеливались себя прямо соединить с языческим Римом, а Наполеон соединил себя с Римом, с кесарем? Значки легионов с орлами, и его герб с пчёлами, – это он не сам придумал, это было в его дворянском гербе, он корсиканский дворянин. На его гербе, кстати говоря, изображены пчёлы, это тоже в общем-то очень старый, очень архаический языческий герб, который по форме напоминает шестиконечную звезду. Это сакральный символ – шестиконечная звезда. И на мантии много пчёл, которые связаны с солнцем, с концепцией солнца, с культом солнца. Потому что пчёлы – это мёд, а мёд является одним из символов благодати солнечной.

Поэтому политическое общество – это проблема власти, это тема власти как Бытия. А что касается государства, которое появляется с эпохой модерна, то там власти нет. Там есть контроль. А контроль есть нечто противоположное власти. Контроль – это препятствование Бытию быть, если можно так выразиться.

■*То есть, говоря образно, этот самый лучик света огорожен заборчиком и поэтому из темноты люди не могут зайти в этот луч?*

Совершенно точно. Заборчик есть, а по поводу лучика и по поводу этого пятна – большой вопрос. На самом деле, аппарат первоначально возникает как заборчик вокруг этого лучика, то есть лучик по инерции существует, и там ещё существует, допустим, какой-нибудь Луи XIV, который говорит «L'État c'est moi» («Государство – это я»), но вокруг него уже существуют какие-то анонимные клерки, шелестят персонажи без имени, которые либо реализуют некий

проект, либо не реализуют. Возникает процедура, возникает разрыв между теми людьми с именем, которые приходят на «министерство», и теми людьми без имени в «министерстве», которые всегда остаются, кто бы ни пришёл сверху. И формируется, как признак эпохи модерна, аппарат, который является отличительным признаком государства. Это совершенно самостоятельная реальность, которая пресекает взаимодействие верха и низа. Первая функция государства – это разрыв между низом и верхом. Но не только пресечь доступ низа к верху (это одна сторона: понятно, что пресечь), но и пресечь воздействие верха на низ и понимание верхом низа. Это тоже функция государства: не дать «верху» вступить в контакт с «низом».

А замкнуть всё на себя?

Замкнуть все на себя – это самостоятельная реальность. Причём, что интересно, всегда бюрократия должна иметь хозяина. Обязательно. Бывает ситуация, когда хозяина внутри страны нет, по каким-то причинам исчезает хозяин. Тогда бюрократия ищет себе хозяина вне страны, находит себе его в иностранном господине. Но хозяин всегда должен быть. Бюрократия всегда создаёт себе некую культовую инстанцию, к которой она апеллирует. Вот в СССР, например, бюрократия была организована в качестве КПСС. КПСС (тогда ВКПБ), как очень правильно сказал Троцкий, превратилась в политическую организацию бюрократии. Хозяином был Сталин. Но как только Сталин умер, то мгновенно возник колоссальный вакуум для бюрократии. Именно с этим связан проигрыш, поражение СССР, что для бюрократии исчезла внутренняя автономная мотивация к существованию. Мировой порядок заступил на место Сталина. «Как же мы будем противостоять мировому порядку? Кто хозяин?» А хозяин – мировой порядок. Значит, надо с ним договариваться – конвергенция, слияние, сдача и так далее.

Бюрократия, вообще говоря, удивительный и очень интересный феномен, потому что в основе своей это корпорация деклассированного элемента. Но деклассированный элемент, который сейчас существует во всех мегаполисах мира, является доминантным фактором, он делится на две неравных группы. На улице ходят неорганизованные деклассированные элементы, которые дезориентированы, зависят от внешних источников информации, внешних импульсов, политических партий, политических клоунов, телевидения и так далее. Это одно. А есть организованный деклассированный элемент. Это бюрократия. Она отбирает себе кадры из тех люмпенов, потому что деклассированный элемент – это люмпен.

■*Человек без профессии, назовём его так…*

Не совсем так. Люмпен – это особое состояние человека. Первоначально, когда Маркс использовал слово «люмпен», он имел в виду пролетария, который не ходит на завод. И вообще, «люмпен» по-немецки – «лохмотья». Но на самом деле мы пользуемся словами, которые «проэволюционировали» за этот период: теперь мы не вкладываем то же самое значение в слово «люмпен». Люмпен – это человек, который оторван от своих корней, от любых сословных кодексов чести или правил поведения, от этики, он «внеэтичен», но он, может быть, сохраняет некоторую память о том, что дед или прадед имели какие-то устои, когда жили в деревне. Но сам он уже давно живёт в городе, и сам он очень цинично относится к каким-то правилам, к каким-то принципам и так далее.

■*Позволю себе с вами поспорить. Но ведь не весь наш государственный аппарат существует «вне этики»: частично люди, которые в нём работают, – они, так или иначе, за то, чтобы народ жил лучше…*

Проникнуть в их сердца и мысли не представляется возможным, потому что и обычный человек является «чёрным ящиком», а уж лидер, который что-то декларирует на публику, – это «чёрный ящик» в квадрате. Я не думаю, что для каких бы то ни было властей когда бы то ни было благосостояние народа вообще было бы целью и задачей.

Это прагматическая задача. Можно ли сказать, что благосостояние стада является целью пастуха? Да, но не в этическом смысле. Благосостояние является целью, но не в этическом смысле. Он не чувствует родство душ со стадом, не хочет поднять это стадо до своего уровня и так далее. Потом, надо помнить, что те лидеры, которые имеют имена, – они возглавляют партии, выступают, борются на общественных площадках публично перед общественностью, как Трамп, допустим, с Хиллари и так далее, – это не бюрократия, а политики, это другая категория.

Бюрократы – это некая сила; она постоянно находится в поисках символического «варяга», которого призывает себе, но при этом представляет собой такую «виноградную лозу» связи анонимных кабинетов, где существует две абсолютно страшные силы – Подпись и Процедура. Бюрократия торгует подписью, и бюрократия контролирует с помощью процедуры. И на самом деле это колоссальная, могущественнейшая сила, потому что всё вместе, в целом, образует того идола, который приобретает сверхъестественные черты.

Допустим, в политическом обществе, особенно в языческом политическом обществе, существуют идолы как указания на того «мирового духа», который бродит в венах, сверху донизу, на то Бытие, которое воплощено в кесаре или в фараоне. Это идолы, которые символически указывают на объективное Бытие вне человеческого разумения, вне человеческого объёма. А государство – оно само по себе тот идол, который в себя же включает и то Бытие, на которое он указывает. Здесь «социальное» бытие становится

имманентным и одновременно идолом. Это идолократия в чистом виде, это власть идола.

Почему, собственно говоря, Гоббс забежал немного вперёд с «Левиафаном»: в его время это всё только начало формироваться. Но, видимо, он уже это хорошо чувствовал.

Если режиссёр не умеет снимать кино или ставить спектакль, хотя он учился на режиссёра, то он идёт в критики. Если человек не стал писателем, он идёт в критики. А если человек не стал предпринимателем, он идёт в налоговые инспекторы. И получается, что государство – это те самые режиссёры, которые не стали режиссёрами, те самые пролетарии, которые могли бы производить какой-то продукт, но они перешли на другую сторону. Вот один из основных аргументов в спорах в сети Интернет – противопоставление родины и государства. «Я люблю свою родину, но государство мой враг», – очень часто можно это утверждение услышать. На это обычно отвечают следующим образом: наше государство – это такие же наши граждане, откуда взять других, хороших? А с вашей точки зрения, я понимаю, это не совсем так: то есть человек, переходящий в государственный аппарат, меняется?

Как священник, который является «служителем церкви». Церковь – это самостоятельная реальность, независимая от человеческого фактора. И известно, что священник может быть пьяницей, может грешить, но в момент осуществления им одного из таинств его человеческая натура, его греховность или негреховность не имеют никакого значения, – по учению церкви. Да, он является «сосудом, через который проходит благодать», потому что она не соприкасается и не оскверняется вот этим каналом, через который она действует. Точно так же в обратном смысле: государство, некоторым образом, – это «антицерковь». И точно так же человек, который идёт работать в государство, лишается своей человеческой

природы в пользу сверхчеловеческой или внечеловеческой (но не в «высоком», а в инфернальном смысле) природы государства.

Государство – это очень страшная вещь, особенно потому, что она для огромного большинства людей действительно заменяет Бога и действительно является (в идолократическом пространстве) фиксацией всех высших ожиданий. Но интересно, что проблески государства были ещё и в древние времена. Это не значит, что модерн – то, что мы сейчас понимаем. Если взять вольноотпущенников в домах богатых людей, то это первые проблески представителей будущего государства. Когда вольноотпущенник становится управителем, секретарём, он является уже тем, кто решает вопрос о допуске к телу. То есть приходит, допустим, представитель дома Флавиев, бедный родственник из далёкой провинции, к лидеру дома в Риме с каким-то вопросом, с каким-то подарком или просьбой что-то решить, и встречает вольноотпущенника – возможно, даже не римлянина, не латинянина, – который останавливается перед ним и спрашивает: «Ты кто такой, что тебе надо, куда ты пришёл? Мало ли что… ну-ка давай посмотрим что ты принёс…».

Это уже первый проблеск государства на самой заре.

■ *Формируется психология вахтеров, в каком-то смысле…*

Это, конечно, очень сильное упрощение, но если посмотреть, как это формировалось в николаевские времена, то при Петре государства не было. Да, при Петре было огромное количество несправедливости, насилия, бритья бород, волюнтаризма, но при этом были конвульсии политического общества, еще была обратная связь безумствующего Петра с уровнем мужиков, крепостных, кого угодно. Это агонизирующее состояние. А вот когда мы переходим ко временам Клейнмихеля, Бенкендорфа и так далее, то тут мы попадаем как раз в стадию формирования настоящей бюрократии, которая, что интересно, заложила парадигму, действующую и в

постцарские времена. И когда товарищ Сталин создавал свой аппарат, в аппарат он верил свято. И когда он формировал этот аппарат, то образцом для него был Николай Павлович. И там общность этой модели настолько очевидна, что она была воспроизведена практически сознательно, тут и спорить не о чем.

Да, огромная система согласования существовала при Сталине. Надо отдать должное, он и сам вникал в процесс работы, вычитывал литературу…

Николай тоже. Более того, это человек, который говорил Пушкину: «Я буду вашим цензором». И Сталин то же самое говорил. Но это были хозяева. А что происходит, когда такой хозяин уходит? Естественно, сразу же бюрократия начинает искать себе хозяина, и хозяин может быть где угодно, – в том числе и за океаном. Когда бюрократия не находит себе хозяина дома, она начинает работать на геополитического врага. И это химический процесс, тут ничего не изменишь.

На самом деле тут интересный есть момент. Ведь бюрократия, государство – это феномены модерна. Сейчас популярна мысль, которая высказывается в очень широких кругах, начиная от Могерини[32] до каких-нибудь там экспертов ООН, что национальный суверенитет – это нечто ограничивающее и нарушающее очень тонкие гуманитарные вещи, это удар по правам человека и так далее, и нужно переступать через все эти вещи и прочее. Идёт наступление на национальные суверенитеты. Это уже эпоха постмодерна. А постмодерн характеризуется появлением гражданского общества. Что такое гражданское общество? Гражданское общество – это имитация или пародия тех самых находящихся на низшей стадии развития племён, которые заняты мамонтом. Это, в некотором смысле, такая карикатура на те представления…

■*Что же для них тогда мамонт? Они охотятся на бюрократов?*

Гражданское общество хочет кушать, и гражданское общество требует комфорта. Гражданское общество говорит, что «у нас есть права, мы должны реализовывать какую-то возможность самодеятельности, пусть государство не вмешивается в нашу экономическую жизнь, давайте сократим присутствие государства в нашей повседневной практике – экономической прежде всего». То есть это «мамонт». «Мамонт» в форме современной колбасы. Но они говорят, что настоящий бизнес невозможен без прав и свобод, и чтобы иметь развивающийся бизнес, нам нужна в дополнение к бизнесу возможность иметь свободу, высказывать свою точку зрения. При этом соединяться в какие-то союзы, общественные организации, в самодеятельность гражданского плана. Это на горизонтальном уровне, никаких претензий на вертикаль нет. Гражданское общество не претендует на политическую вертикаль, гражданское общество хочет быть сетевым и оно хочет просто заниматься своими делами, чисто человеческими, – это имманентный профанический уровень, но «только на этом уровне нас не трогайте, пожалуйста». Это кризис идолократии. «Не верим мы больше в вашего Левиафана, мы хотим, чтобы этот страшный слон, разрисованный ужасными, непонятными иероглифами, не топтался бы на нашей грядочке, где мы выращиваем нашу редиску». Это гражданское общество, это антитеза бывшему политическому. Это новый фактор, который характеризует эпоху постмодерна.

■*То есть политические претензии общества как бы сняты, получается?*

Да. И сегодня идёт такая интересная игра, что гражданское общество является политикой второй очереди. Наступление на гражданское общество со стороны государства и возражение гражданского общества по поводу этого наступления составляют

политическую жизнь. «Мы хотим собираться, мы хотим устраивать какие-нибудь выступления, протестовать против каких-нибудь вещей, это нужно для того, чтобы хорошо шёл бизнес, и вот вы мешаете, а поэтому мы опять-таки собираемся и прочее». Это – политика. Но это политика второй очереди. Она не о власти, потому что власть – это Бытие. А здесь нет власти. Это вопрос о контроле: быть контролю всеобъемлющим и тотальным или как-то его сокращать. Но контроль на самом деле – это ограничительная вещь, она не созидающая. Контроль – это цензура. Контроль – это «вычеркнуть», это «туда нельзя, сюда нельзя». И в данном случае мы начинаем жить не в реальной политике, не в реальной истории, а в тени политики и в тени истории. Это характерная черта постмодерна.

■*У нас получается, что бюрократия отгородила этот лучик власти своим заборчиком, чтобы туда лишний никто не попал…*

А этот лучик исчез. Лучика нет, потому что тучка наверху взошла и закрыла ту щель, через которую этот луч света проникал.

■*Периодически народная масса, гражданское общество, разрушает этот забор. Мы видели это: та же Октябрьская революция снесла все эти заборы, и народ рванулся к центру, к этому лучику; Наполеон тот же. То есть периодически накапливается раздражение общества против государственного аппарата, хотя у нас не так много времени в историческом периоде посмотреть, как выродившееся из политического общества в гражданское на самом деле себя поведёт. Гражданское общество рассчитывает на систему выборов, что некий «наш» представитель рано или поздно придёт, что-то наладит, – и каждый раз эти надежды не сбываются…*

Дело в том, что 17-й год и Наполеон – это как раз эпоха слома последних остатков политического общества. В XIX веке в российском пространстве ещё существовали остатки политического

общества, потому что существовала богопомазанная монархия. Естественно, эта монархия была связана ограничениями не конституционного порядка (конституции до 1905 года не было, да и после она была в общем-то фикцией), а она была связана ограничениями, скажем так, «концептуально-ментальными», – ограничениями, встроенными уже в голову правителей. Было очень много такого, через что монархи не могли перешагнуть, в отличие от предыдущих, и тем не менее, всё-таки они пытались сохранять вот эту идею Weltgeist, идею «сгущай и растворяй», потому что уваровская концепция «православие, самодержавие, народность» – это всё-таки попытка протянуть руку «к земле», вниз, и поднятие, скажем, Распутина наверх. Как князь Жевахов в своих мемуарах возмущался, что кто-то смеет ставить под вопрос право монарха поднять к себе народ в лице мужика, который обожал царскую чету и…

■ *И мог, кстати, донести что-то от народа…*

Это последние осколки умирающего политического общества, – может быть, даже в карикатурной форме, но тем не менее. И травля Наполеона как зверя монархами в начале XIX века – это тоже добивание политического общества, потому что это открытие уже прямого пути бюрократизации всех этих суверенных монархий. Вот Меттерних[33] просто открыл дорогу. Кроме Николая, в Европе ещё Австро-Венгрия была наиболее бюрократическая, – недаром же эта империя Кафку родила. У нас Салтыков-Щедрин, а там Кафка.

■ *«Будет ли когда-нибудь сформировано снова политическое общество?» – спрошу я с надеждой.*

Да. Но только оно будет принципиально не прежнего варианта, потому что здесь уже Святой Дух в понимании пророков непосредственно должен прийти в конфронтацию с Weltgeist Гегеля,

с мировым духом язычников. Потому что под этим пеплом, образованным модерном, постмодерном, Weltgeist язычников жив. Но жив и Дух единобожников – Святой Дух. И битва будет как раз между двумя этими версиями духа.

Почему важна территория, а не народ

09.03.2016

Комментарий Джемаля к постановке вопроса:

История как описание есть описание народов и племён, проходивших там и тут, оставлявших какие-то материальные знаки своего присутствия на земле и уходивших в **возможность не быть**. Но территория, по которой носил их Рок, оставалась.

Мы не собираемся исподволь возвращаться к геополитике или политической географии. В этих бесперспективных заделах всегда присутствует мысль о том, что свойства территории определяют живущих на ней людей в их цивилизационных «наработках», психологических состояниях и прочее. Это странная идея. Территория одна и та же, но североамериканские индейцы не имеют ничего общего с заселившими Америку европейцами. Германия времён Арминия ничего общего не имеет с немцами, появившимися после Бисмарка. Россия – колоссальная территория от Балтийского моря до Японского – острее всего подчёркивает пропасть между землёй и теми, кто на ней живёт, её смыслом, символизмом и т. п. Без преувеличения можно сказать, что в уравнении «земля-народ» земля есть нечто постоянное, а народ – нечто случайное, заселяющее эту землю в силу исторических обстоятельств. Исчезнут эти обстоятельства – народ уйдёт или трансформируется настолько, что станет неузнаваем для своих, даже недавних, предков. Пример: немцы после поражения. Ну а кто такие, например, румыны? Даки они или маргинализированные римляне? Какую бы территорию мы ни взяли, она будет свидетельствовать о чехарде народов в своих

границах. Однако любая территория имеет цель, имеет смысл, совершенно не относящиеся к геополитике.

В этом плане наиболее интересной территорией является территория Великого Севера, которой недавно именовался СССР, а сейчас пока называется Россией, – ещё раньше это была территория Орды, а до этого она хранила в себе тёмные пространства финно-угорского шаманизма, перемежавшиеся со светлыми пятнами скифских и сарматских формаций.

Чем же так интересна эта территория? Это Великий Север, который находится в оппозиции ко всему остальному миру. Политические нестыковки от Ивана Грозного до сегодняшнего дня – это воля территории, а не тех людей, которые по ней расселились. Ведь очевидно, что русские времён Грозного ничего общего не имели с сегодняшними обывателями, – по крайней мере крупных городов. Задача, которую можно и нужно ставить тем, кто берёт на себя политическую ответственность за эту территорию, есть выявление и актуализация тех императивов, которые заключены в границы этой территории. Приведение в соответствие воли данной территориальной конфигурации на Земле с той сверхзадачей, носителями которой явится будущий политический класс.

В истории человечества борются две тенденции: одна, примером которой служат евреи, делает ставку на кровную общность, неразрушимую временем и не зависящую от страны проживания; другая, воплощённая в США, строит город на избранном «холме», в кавычках, приглашая к участию толпы мигрантов всех племён. Какая из этих тенденций на самом деле работает в России?

Очень интересная тема. Территория, народ – народ проливает кровь за территорию. Что более важно – народ или земля?

Действительно, есть народы, которые совершенно не скованы проблемой территории и готовы нести комплекс, называющийся «страной», «нацией», «цивилизацией», «культурой», с собой куда

угодно. Например, англичане, которые всюду, куда ни приезжали, устраивали «Новый Йорк» или что-нибудь такое. Но в этом плане ещё и голландцы очень знаменательны были – особенно в период XVII–XVIII вв. Принц Вильгельм Оранский, например, говорил, что голландцы – свободный народ и Голландию с собой несут куда угодно, и если им в Голландии станет невыносимо, если их прижмут, то они спустят плотины, уедут, и Голландия будет в любом другом месте. Самой Голландии не будет, но… но она будет, потому что голландцы просто переберутся в другое место. И надо сказать, что это не пустые слова, потому что с начала XVII века они устраивали такую Голландию в Южной Африке (буры). Я бывал в Кейптауне в историческом музее, видел своими глазами куски, фрагменты скал, на которых голландцы, первые моряки, писали какие-то патриотические надписи. Да и Манхэттен – это Новая Голландия. Потом их немножко поприжали. Такую же Голландию они пытались устроить в Индонезии. Но это примеры – мы же не о Голландии говорим, а о разных странах.

Это в какой-то степени реализовывали и англичане, потому что где бы ни ступала нога англичанина – там была Британия. Британия не привязана к территории. С другой стороны, есть территории, которые совершенно свободны от своего человеческого контента. Они готовы наполниться любым контентом, а у стран есть собственное значение. Я не напрасно упомянул Америку в качестве примера, потому что, хотя Америку и начинали англичане, но Америка тут же приобрела «территориальное» значение, то есть **территория как идея**. Я не скажу, что идея была сформирована сразу, с первых же шагов, но искала она себя через образ Атлантиды. XVI век – это уже чётко сформулированная идея «Новой Атлантиды». Более того, появлялись романы XVI века, тексты на эту тему (дошекспировские, чосеровским[34] языком ещё написаны), которые так и назывались «Новая Атлантида» и вариации.

Идея была такая (и она остаётся по сей день), что Америка – это Новая Атлантида. По всем параметрам она воспроизводит

платоновский миф: некие особые достижения в технической цивилизации, сверхмерная гордыня, власть над окружающими народами, господство над морями и так далее. Вот эта атлантическая идея там доминирует. И этот «сияющий город на холме» нельзя куда-то перенести. Это именно Атлантида.

Концепции атлантической территории, атлантического союза, атлантической зоны мира, северной Атлантики, НАТО и так далее, – это всё концептуально, очень привязано к территории. Какие там люди? Да ради бога: подключатся чёрные – чёрные, жёлтые – жёлтые. В конечном счёте современному «атлантоориентированному», условно говоря, англосаксу наплевать на расово-генетический контент.

Есть, конечно же, «средний» вариант, который совмещает культ территории и культ расовой общности. Это китайцы. Не сдвигаются они с места якобы пять тысяч лет – на самом деле меньше, конечно, но возьмём их мифологический концепт, что им пять тысяч лет. Вот пять тысяч лет не сдвигаются. Это как гармошка – раздвигаются на Байкал, потом сжимаются. Но если мы посмотрим на Великую китайскую стену, которая под Пекином вообще проходит, – а она же против чужих.

Есть старая шутка про то, что они построили Великую китайскую стену для того, чтобы китайцы не разбегались.

Но я бы хотел вернуться к теме «Народ или территория – что важнее?». Начнём с евреев, о которых мы в самом начале говорили. Если мы взглянем в прошлое на две тысячи лет назад или еще дальше, то сейчас в современной Европе не осталось египтян, не осталось древних греков, римлян, финикийцев, в общем, никого не осталось, одни евреи остались и немного армян. Тем не менее евреи, несмотря на то что не имели фактически никакой территории и государства, сохранились как нация, как народ и как единая общность,

без всякой территории. Да, у них появилось государство после 1949 года, как известно, они благополучно за него воюют…

На самом деле не такая уж и состоявшаяся, о чем свидетельствует хотя бы то, что диаспора никуда не делась. Приехало много, но на фоне реальной диаспоры это небольшая часть, и это символический якорь. Более того, существует, в общем-то, конфликт между государством Израиль как национальной территорией и концепцией еврейства как концепцией глобальной. Потому что существует мировоззрение глобального еврейства, которое организовывает политическую диаспору, и существует мировоззрение «русско-израильское».

■*Тем не менее за эти две тысячи лет многие государства, имеющие значительные территории, не сохранились. Не осталось Карфагена, не осталось Римской империи и так далее. То есть территория, оказывается, не так важна, как внутренняя общность, если она там объединена какими-то религиями, правилами…*

Правильно. Здесь мы подходим к очень важной мысли: территория территории рознь. Если территория не является самостоятельной идеей, если она не является самостоятельной концепцией, то есть площадкой для некоего народа, для конкретной культуры (Древний Египет, допустим), – то земля остаётся, естественно, даже название переходит в веках, но понятно, что нельзя ставить знак равенства между Египтом фараонов, Египтом Птолемеев и нынешним Египтом. Просто есть некоторая преемственность – ну, есть пирамиды, например. Но совершенно другие, другой гештальт возник. Потому что та идея, которая связана с Египтом – это культурная идея. Это определённое присутствие в библейских текстах, в Традиции и так далее, но это не массивный исторический функционал, как, допустим, те же Штаты. Естественно, когда мы говорим о Карфагене, это ещё более очевидно, потому что вместо Карфагена существует Тунис. И,

собственно говоря, это просто некое место для поездки туристов. Просто эти территории на сегодняшний день лишены идеи.

А есть территории, у которых такая идея есть. И этим территориям всё равно, кто туда придёт. Они живут своей жизнью, они берут этих людей и используют их для того, чтобы эту идею реализовывать. Новая Америка – это такая территория. И я убеждён, что Россия в этом смысле тоже такая территория, – если брать большую Россию, идущую от Прибалтики до Сахалина, в нынешнем её виде. Я хочу напомнить, что в XIX веке люди, писавшие о путешествиях по территории нынешней России, писали: «Доехали до границы России, дальше начиналась Сибирь», – допустим, в ссылку. Россия кончалась где-то возле Урала. Дальше шла Сибирь как не-Россия.

Но будем говорить всё-таки о единстве этой территории, и немножечко дистанцируемся от привязки к «была ли она Россией, не была ли она Россией». Где-то, как Гумилёв говорил, «Евразия», северная Евразия. Опять-таки, не в евразийском смысле, а в географическом. Просто от Балтики до Тихого океана.

Вот эта территория перезагружалась населением очень много раз. Только с Ивана Грозного, за последние 500 лет, думаю, расово-генетический контент поменялся на территории России раза четыре.

■*Поскребёшь русского – татарина найдёшь…*

С татарином тоже очень сложно, потому что как раз эти стереотипы и мифы попадают, что называется, пальцем в небо. Татарина там как раз и не найдёшь. Потому что кто имеется в виду? Если имеется в виду Батый с его тюркским завоеванием – в основном тюркским, – то это в основном российская аристократия. Она уничтожена, а частью смешалась с германской аристократией на протяжении XVIII–XIX вв. В 17-м году эти люди либо уничтожены в ходе гражданской войны и последующих индустриализации и репрессий, либо же они бежали. А вот то, что осталось, никак не проработано батыевским влиянием,

потому что батыевское завоевание касалось только элитных пластов.

То есть, условно говоря, были Юсуповы, которые сбежали…

Это Юсуповы и все, которые сбежали. А вот если брать обычных людей, предки которых были крепостные, мещане, духовенство и так далее, то сейчас, конечно, тут доминирует угро-финский элемент. Я думаю, что он составляет большинство.

Под угро-финским Вы имеете в виду прибалтийскую связь, литовское княжество?

Нет. Москва – это финское слово, здесь все топонимы финские. Здесь жили вепсы, масса всяких племён. Пермь – это чисто финское место, пермяки – финское племя. Это угро-финны – и дальше за Урал, к палеоазиатам. И небольшой язычок славян, который подтянулся сюда в домонгольское время с киевскими князьями, взявшими всё это под политический контроль. Но в основном это всё переработано в политическое русскоязычное пространство угро-финского поля, которое в значительной мере осталось. То есть идут эти блоки: мордва, удмурты. Чуваши – угро-финны по крови, тюрки по языку.

Дальше что получается? Дальше их закрепощает этот аристократический слой, который, с одной стороны, состоит из европейцев, пришедших при Романовых, даже при Иване Грозном стали приходить (литовцы, поляки), с другой стороны, это татарские роды, которые переходили и становились здесь князьями, именитыми людьми (Аксаковы, Киреевские и так далее).

Понятно, что на этом стыке, в этих реальных российских условиях происходило генетическое смешение. Дворовые девушки, которые были объектом вожделения своих помещиков, – родившиеся от них незаконные дети становились опять же мальчиками, казачками, прислугой при тех же самых помещиках. Потом грянуло освобождение крестьян, и огромная масса крепостных несла

определённый генофонд своих бар. После 1861 года они оказались выброшенными на улицу, и это было мощное вливание в города. Они стали полуобразованными люмпенами. Естественно, частично они пошли в криминал, частично пошли в революцию. Вспомним Смердякова – гениальный Достоевский все эти тенденции русской жизни схватывал. Смердяков – это Фёдор Павлович (барин), с одной стороны, с другой стороны – бомжиха Смердящая Лизавета. Контрастно. Роман «Подросток» – та же самая тема. Тоже помещик и крепостная, и главный герой – это прообраз, в некотором смысле пародия, на Герцена. У Герцена, правда, не крепостная была, а элитная немка, которую подхватил его отец, путешествуя по Европе, но не важно – аллюзия понятна. Русский мезальянс.

Этот мезальянс создал совместно с семинаристами такой слой образованцев, который стал потребителем широкой демократической культуры. Но это был новый народ. Это была перезагрузка. Потом эмансипация евреев из черты осёдлости. Это новая перезагрузка, новый этнический удар по структурам, потому что, во-первых, после 1917 года евреи оказались привилегированным классом, женились на поповнах и дворянских девушках, которые были в этом плане…

Я знаю эту историю из рассказов своих бабушек, дедушек, что после революции было модно выходить замуж за еврея, потому что они занимали какие-то высокие посты…

Новый правящий класс. Особенно мощно это происходило в годы Второй мировой войны, когда, по словам поэта Слуцкого, большинство евреев было в тылу, находясь на должностях. И тогда возникло очень много таких как бы «новых русских», которые родились от одиноких женщин и евреев-хозяйственников. Это совершенно новый тип русского человека в мегаполисе, который имеет другой менталитет, но при этом не соответствующий своей матрице. Потому что многие из них не знают о своих генах, о своём

происхождении, многие из них считают, что они родились, допустим, от погибшего отца-фронтовика. Мать-то им не рассказывала, как всё было. И очень много сегодня мы видим среди русских националистов людей с явными еврейскими чертами, но при этом это люди, которые совершенно чётко убеждены в своём арийском происхождении, в приоритете славянско-арийского комплекса и так далее. Это новая «перезагрузка»…

■*Получается, народ, человек формируется по принципу самоидентификации, то есть, если он считает себя русским, то независимо от того, кто у него в крови – татарин, еврей или угро-финн – он внутри себя считает русским?*

Это один слой. Теперь возьмём такой факт, что на протяжении довольно продолжительного времени страна называлась СССР. Правда, в середине её оставалась РСФСР, то есть неким боком Россия, но в целом это был СССР, бывшая Российская империя. Территория была, территория осталась, но она была «перезагружена». Была концепция «новой общности». Главная задача была – сохранить эту территорию. А новый советский патриотизм предполагал абсолютный интернационализм – таджик ты там, киргиз, русский, еврей и так далее. Главное – это территория.

В некотором смысле это напоминало американскую парадигму, американскую модель. Вообще между американской и российской историческими парадигмами есть отчётливый сингармонизм, причём идущий и в XIX век.

■*Тем не менее в Советском союзе было дифференцировано всё: там казахи, здесь таджики, тут литовцы и так далее. А США – это всегда какая-то общая… Ведь там штаты не делятся по национальному принципу…*

На самом деле советская новая общность реально была создана, и мы все свидетели, кто застал это время, что были люди, у которых советская матрица чётко доминировала над национальной. Было единство неких специфических черт: идея уравниловки, определённой справедливости, культ государства, советской империи, вера в коммунизм, в вождей, вера в Ленина, и так далее. Таджики, киргизы все были в этом. И, кстати говоря, в большей степени, чем русские. Просто времени было мало.

Перенесём это на американский опыт: в 1776 году Штаты обрели свободу. Если мы прибавим к этому те 70 лет, при которых существовала советская власть, то мы выйдем на 1840–1850 годы. Это тот кризис, за которым в США начинается Гражданская война Севера и Юга. А тут разваливается Советский Союз. Это очень интересная аналогия, которую никто не проводил. Кризис СССР по времени совпадает с тем временем, которое было отпущено на строительство США до гражданской войны. Потом начинаются раскол и распад. В США тоже ведь был распад, который был преодолён победой Севера над сепаратизмом Юга. Просто США в этом смысле повезло удержать ситуацию: вызовов таких не было. А Советскому Союзу не повезло: вызовы были чересчур мощные.

■*Совсем недавно Путин на одной встрече сказал, что вина за распад СССР лежит на Ленине, который заложил это федеративное устройство, то есть Ленин заложил бомбу под развал Союза, поскольку в своё время было принято решение не ассимилировать все республики и народы, а их специально разделить, и когда пришёл момент надлома, тогда все республики и разбежались.*

Во-первых, республики не хотели разбегаться. Мы же прекрасно помним, что на референдуме все голосовали за сохранение Союза. Назарбаев ещё после Беловежской пущи долго не верил, что состоялось такое, и отказывался признать его во внутреннем порядке в Казахстане. Инициатива распада принадлежала Москве, и Москва

это сделала вместе с Шушкевичем и Кравчуком и поставила перед этим фактом всех остальных. Здесь абсолютно несправедливо, жёстко получилось. Только Прибалтика рвалась ещё задолго до Беловежской пущи наружу вон из СССР. Все остальные были твёрдо просоветски настроены.

Когда говорится о каком-то распаде, сепаратизме, бегстве, это просто откровенное игнорирование фактов. Это три славянские, условно говоря, столицы решили всё это развалить.

К чему я клоню? Я клоню к тому, что Россия представляет собой территорию, которая безусловно является ценностью и идеологией «сама в себе». Эта территория от Балтийского моря до Сахалина имеет свой собственный смысл, стремится к тому, чтобы жить отдельной, самостоятельной жизнью, и постоянно перезагружается новым народом.

■*То есть, правильно ли я понимаю, что если на территорию России приходят какие-нибудь выходцы из Средней Азии или какие-нибудь беженцы с разных проблемных сторон, то это всё не страшно, это всё будет перемолото, русский этнос не будет размыт, территория России всё это удержит, переварит и всё равно сформирует…*

Когда вы говорите, что русский этнос не будет размыт, вы в данном случае выходите из цепочки логики, потому что русский этнос, его ценность и сохранение его в «неразмытом» виде, – это одна тема, а сохранение территории – это другая. И может статься так, что в какой-то момент необходимость сохранить единство территории придёт в конфликт с необходимостью сохранить единство этноса. И эта тема уже поднималась – что нужно создавать русскую национальную республику и так далее, резко отсекать себя от всех остальных, сжиматься до размеров Московского княжества и прочее. Но все эти разговоры исходят из того, что надо сохранять русский этнос.

Совершенно другая линия – это необходимость сохранить территорию. Именно необходимостью сохранить территорию обуславливался советский интернационализм в 1917 году.

Вот Колчак на предложение Маннергейма признать независимость Финляндии в обмен на помощь в изгнании большевиков из Питера и Москвы ответил что-то вроде: «За ликвидацию красных в Финляндии награжу Георгием, за отделение Финляндии от империи повешу». Маннергейм пожал плечами: «Сам дурак». Что произошло с Колчаком, мы знаем.

Так вот, большевики прекрасно понимали, что если они сделают ставку по-колчаковски, по-деникински («а-ля Александр III») на единую и неделимую в этническом смысле, то ничего не получится, всё развалится. Поэтому они сделали ставку на интернационализм и переименование всего в СССР в перспективе. И они сохранили эту территорию. Здесь чётко обозначился конфликт: территория и этнос.

■*То есть если бы Колчак, Деникин, Врангель и все, кто участвовал в гражданской войне на стороне белого движения, были готовы уступить в своё время немцам Украину, если бы они объединились с Махно, если бы они не возражали против отсоединения Польши и Финляндии и так далее, то есть раздавали бы империю по кусочкам, то они имели бы шанс тогда выиграть?*

Но большевики же не отпустили Украину, и хотя они объединялись с Махно, они его потом замолотили. Они отдали Польшу, потому что это была объективная необходимость, но в 1921 году была попытка взять ее назад, и не вина большевиков, что она провалилась: её провалил Тухачевский. Может быть, за Тухачевским стояла определённая группировка в партии, но конкретным виновником был Тухачевский. А так «честно» шли на Варшаву. Что касается Финляндии, с ней можно было бы разобраться чуть попозже. То есть они всех отпустили, а потом «честно» всех собрали на основе интернационализма. В 1918 году существовал Азербайджан

независимый, существовала независимая Грузия и даже возникла независимая Армения. Потом армия Фрунзе в 1921 году, дав три года просуществовать этим образованиям на Южном Кавказе, пришла «помочь», выполняя «интернациональный долг», местным рабочим. Но если бы Колчак был поумнее, он бы сказал Маннергейму: «Давай, вперёд!» и не стал бы его оскорблять. Маннергейм, может быть, дошёл бы до Москвы и открыл бы фронт. И большевикам было бы намного сложнее. Но Колчак был очень ригидный человек, проще говоря: они мыслили все в терминах этнического империализма, киплинговского. Они были элитой.

Ну какой из Колчака – в таком грубом, нынешнем футбольно-фанатском смысле, – какой из него русский? Это был элитный человек, у него тюркская фамилия, предки – турки с германской аристократической кровью, – смесь турецкой и германской крови. Ну какой это русский? Но в британском смысле это был русский этнический империалист. Британские империалисты ведь тоже не все англосаксы в генетическом, «лабораторном» смысле: это могут быть кельты, могут быть… Вот Дизраэли, например, был еврей, сын итальянского еврея. Это был самый страшный империалист в истории Британской империи. А его папа ходил с шарманкой и обезьянкой по Лондону[35].

В этом плане большевики были инстинктивно правы, делая установку на сохранение территории. У них в голове, конечно, был марксизм, прибавочная стоимость и диктатура пролетариата, но, как сказал бы Гегель, Мировой дух использует людей, которые думают, что они решают свои частные вопросы или вопросы идеологии, а на самом деле являются пешками в руках Мирового духа, который ведёт свою сюжетную линию. Для Мирового духа важна эта территория. Почему она важна? Это отдельный вопрос. И она может называться Россией, а может называться и не Россией, – она в прошлом называлась не Россией. Если мы посмотрим с высоты птичьего полёта во времени, то эта территория объединялась Аттилой, объединялась Чингисханом, потом она объединялась уже

движением с Запада на Восток, когда Москва интегрировала эти территории, по горячим следам чингизидов. Потом это делали большевики – и при этом названия менялись. При чингизидах это была огромная территория, которая называлась Орда, – не важно, главное, что эта территория была единой.

В чём специфика, в чём идентичность этой территории, которая требует своего сохранения, а «загружаться» может кем угодно? Прежде всего, мне кажется, это стремление к доминации, воля к доминации, это противостояние Западу и противостояние Востоку. Противостояние, с одной стороны, реальному, «жёлтому» Востоку (Китаю, Японии, буддизму), с другой стороны, это противостояние «Риму», то есть Риму в метаисторическом смысле, «вечному Риму». Это такая «распорка», которая не даёт им соединиться вместе. Потому что понятно, что есть тенденция у Востока и Запада сойтись, несмотря на Киплинга[36]. Они стремятся слиться – начиная с Александра Великого, который рвался далеко на Восток, а Чингисхан рвался на Запад. Но есть та «распорка», которая им не даёт сойтись.

А что произойдёт, если Восток и Запад сойдутся? Наверное, какие-то шансы на свободу у людей (каких-то людей, не важно – живущих здесь), живущих в мире, исчезнут. Потому что тогда, что называется, воды Мирового океана сомкнутся над сушей, и не останется ни одного клочка, где поставить ногу, и всё будет сплошное море.

■*Когда я вас слушаю, у меня возникают аргументы «против». Да, территория важна, но важен и народ. Давайте вспомним историю Пруссии. Вот сейчас на месте Пруссии у нас Калининградская область, город Кёнигсберг перестал существовать, от Пруссии тоже ничего не осталось. Где этот прусский дух, где прусская военщина? Да, они куда-то разбежались по территории Германии, но пруссаков…*

Вы знаете, что «пруссаки» – это не немцы. Это балтийский народ, который был взят за шкирку, католизирован для начала, потом они перешли в протестантизм, были онемечены, превратились в

образцовых немцев, в пример для подражания, будучи не немцами вовсе. Потом их заменили сегодня на пришельцев. Но пруссаков не было и тогда, когда там немцы были. Истинные пруссаки – это некоторые племена в Латвии и в Литве.

Да. Но тем не менее, мы вспоминаем прусскую военщину XVIII века… территория вроде бы есть, это территория Калининградской области сегодня. Ну, есть и есть. А народа нет. Да, возможно, когда-нибудь на этой территории сформируется новая нация, новое общество. Думаю, вряд ли. Будет ли она сильна, будем ли мы её вспоминать?

Маленькое отступление, чтобы сделать определённую смысловую иерархию. Пруссию и вообще этот маленький закуток создал не народ, его создал Тевтонский орден. Это были рыцари, собранные вместе как мистическая, метафизическая организация, так сказать, метафизическое воинство, которое покорило окружающие племена, ткнуло их носом в землю и создало эту территорию – Пруссию. Это земля, которая является просто землёй рыцарского ордена. Её назвать территорией в обычном смысле нельзя. Это орденское поместье. Орден был разгромлен, орден превратился в «орден креста и розы», из которого потом вышел СС (настоящий СС, внутренний). Это всё разгромлено, эти люди ушли. Территория эта – это как сегодня говорить, допустим, про Шереметьево или какое-нибудь название усадьбы, куда ездим отдыхать. Сокольники – были там какие-то помещики, сейчас их нет, остался парк. Это вот такой «парк». Это не территория в настоящем смысле. Когда мы говорим о геополитической территории, Россия в нынешнем своём виде – это геополитическая территория, которая имеет собственную идеологию.

Я сделаю некий шаг в за пределы научного дискурса. Многие знают, что в Тибете находится вход в Шамбалу. И туда постоянно стремились западные силы, которые знают толк в этом вопросе. В 1904 году британские войска взяли Лхасу именно по этой причине. А

потом китайцы взяли Лхасу. И вот сейчас они плотно сидят своей китайской, извиняюсь, задницей на этой Лхасе, и Лхаса из-под них никуда деться не может. В Лхасу немцы рвались, и Глеб Бокий из НКВД рвался, и люди из СС тоже ряд попыток проникнуть туда делали. Запад рвётся туда. Не могу сказать, что и Лхаса оттуда не рвётся на Запад. Рвётся. В лице Далай-ламы она активно окучивает Запад.

Вот российская территория как раз есть та «заглушка», тот непроводящий фарфоровый изолятор, который стоит между этим «катодом» и «анодом». Лично я убеждён, что если Запад, этот мистический Рим и мистическая Шамбала сойдутся вместе, то это будет конец духовной истории человечества и победа Антихриста.

Новый интернационализм без «левых» и «правых»

16.03.2016

Комментарий Джемаля к постановке вопроса:

Прежде всего следует понять, что такое «старый интернационализм». Интернационализм всегда был атрибутом протестного движения. По традиции он связывается с левым дискурсом, опираясь на тезис об «отсутствии отечества у пролетариата». Однако существует и правый интернационализм. Он выявляется в той мере, в какой именно правый дискурс приобретает характер антисистемного протеста. Например, национал-социалистическая идея вдохновляла представителей самых разных народов: от европейцев и вплоть до семитов. Послевоенные арабы активно использовали национал-социалистическую платформу для переформатирования её в «арабский социализм»...

Старый интернационализм исходит из предположения (описания), что нация есть естественный феномен, существующий чуть ли не как природная данность. Даже крайне левые говорили именно об объединении представителей различных наций, носителей различных национальных «матриц», которые должны подняться на сверхнациональную вершину материалистического понимания экономики и истории. Не преодолеть матрицу, а подчинить её другому уровню миропонимания.

Новый интернационализм исходит в принципе из представлений, которые уже даны в элементарном свёрнутом виде в марксистском дискурсе. Прежде всего это концепция ложных общностей. Иными словами, общностей, которые разработаны и искусственно внедрены

в человеческое сознание дирижёрами «спровоцированной жизни». Это понятие «das provozierte Leben» было введено впервые германским поэтом Готфридом Бенном[37]. К таким ложным общностям «спровоцированной жизни» относятся, например, секты разного рода, контент которых сделан буквально «на коленке».

Нация, которая принадлежит к тому же роду ложных общностей, есть явление гораздо более сложное и серьёзное, нежели какая-нибудь секта. Для возникновения наций требовался особый период, когда политическое общество умирало и заменялось государством. В полноразмерном политическом обществе нация не имеет смысла, потому что объединителем выступает монарх, который представляет собой власть, – проекцию Бытия в этот «наш» мир.

В политическом обществе в какой-то степени все причастны к той тени, которую отбрасывает сакральная фигура монарха, – тени власти. При этом конкретные участники этого союза в политическом обществе скреплены личной лояльностью данному монарху безотносительно к тому, каким языком они пользуются с рождения.

Исторических примеров более чем достаточно: Испания, чингизидская Орда и так далее. Но в какой-то момент сакральность и харизматичность уникального присутствия «зверя из бездны» в качестве вершителя судеб размывается. И на смену приходит вместо власти контроль. Это значит, что участие в той «тени», которую отбрасывал трон, следует заменить другой концепцией соучастия: принадлежности к определённому дискурсу. Сегодняшняя нация реально сводится просто к флагу, гимну и гербу, под декларацией верности которым в той или иной форме подписывается носитель этой фиктивной административной идентичности.

В XIX веке принадлежность к нации ещё не была столь откровенно административным делом, поскольку тогда в национальных коллективах ещё сохранялся некий призрак политического общества, который придавал нации инерционную сакральность. Именно на использовании этого атавизма политического общества современным империалистическим державам удавалось

развязывать истребительные войны, в которых участвовали добровольно и с полной отдачей миллионы людей. Речь идёт о постнаполеоновской эпохе, поскольку Наполеон был последней харизматической презентацией «Зверя». Эпоха Наполеона была амбивалентна, поскольку лояльность его фигуре реализовывалась вне всякого отношения к национальной принадлежности. Вместе с тем некоторые общности – например поляки – инвестировали в него свои национальные ожидания, которые были чётко связаны не с сакральностью монархизма, а с суверенной государственностью административного типа, отобранной у поляков несколько ранее.

Следует понять, что новый интернационализм выступает как разрушитель этих ложных общностей. Сама идея общины как братства есть уничтожение всех других форм связи между людьми. Поэтому новый интернационализм не предполагает, что безлимитная масса человеческого сырья, полагающего себя французами или алжирцами, египтянами или немцами, отречётся от своих идентификаций, усвоенных дома и в школе. Лишь достаточно узкий круг пассионарного авангарда мирового протеста встанет вне всяких «матричных» квалификаций, потому что общность этого узкого круга будет опираться не на веру в жизнь и не на попытки заполнить словами и символами бездонную пустоту глиняного человечества. Новый интернационализм исходит из единственной достоверной правды, – правды финала.

Именно поэтому для следующей волны протеста, который должен если не сокрушить, то потрясти мировой порядок, не нужна сложная разработка о прибавочной стоимости или заговоре ростовщиков. Достаточно встать на позиции категорического отрицания «человеческого, слишком человеческого» со всеми его клише, матрицами и «клубами по интересам». Интернационализм как «универсальный растворитель» того, что глобальная культура называет «ценностями», вполне достаточен как базовая идеология нового протеста, в котором нет места высосанным из пальца

«левым» и «правым».

Сегодня у нас пойдёт разговор о новом интернационализме, без «левых» и «правых» – мейнстриме завтрашней протестной идеологии. Короткий анонс: мировой порядок всё ещё использует национальные идентичности, чтобы держать в узде протест. «Левая» и «правая» идеология остаются частью системы. Интернационализм лишает почвы власть предержащих в их способности манипулировать народами.

Итак, поговорим о «новом интернационализме». Что же это такое?

Я не случайно говорю именно о «новом интернационализме», потому что интернационализм как феномен достаточно хорошо знаком людям: это идеология левая, марксистская, которая основана на классовой солидарности трудящихся. И к ней отношение неоднозначное. Сегодня её продолжают использовать левые, как известно. В Европе они делают ставку на интернационализм, который превратился из интернационализма в мультикультурность, толерантность и так далее. Но это уже не интернационализм, а это именно мультикультурность, поскольку речь идёт о среднем классе, который утратил некие исторические цели. Потому что интернационализм марксистов исходил из того, что у трудящихся есть какие-то большие исторические задачи построить новое общество без эксплуатации, угнетения и отчуждения, и в этом проекте они должны быть солидарны. Ну а средний класс – это класс потребителей, поэтому потребители всегда очень ревниво относятся к тому, что какие-то «лишние люди» могут им бросить вызов, да и вообще помешать комфорту. Поэтому интернационализм превращается в «толерантность». Это ещё всё-таки тень левой идеи – бывшей левой идеи.

Что касается правых, то, понятное дело, они делают ставку на национальную солидарность. Но у крайне правых тоже есть некая

разновидность интернационализма. Причём она появилась не вчера и не сегодня – она достаточно старая. Скажем, Священный союз, организованный Меттернихом, поддержанный Николаем I, несёт на себе печать некоего интернационализма, интернационализма знати, интернационализма «охранителей», консерваторов. Если брать крайне правых XX века, то несмотря на то, что всё было построено на жёстком национализме (итальянском, немецком и так далее), всё равно за фасадом этого стоял тоже некий, скажем, не интернационализм, а «сотрудничество между людьми крайне правой ориентации». Как мы знаем, орган СС был достаточно многонациональным, причём он включал не только европейцев, но и арабов, персов, индийцев как подразделения, я уж не говорю о гражданах СССР многих национальностей и так далее. Ну и сама Европа – тоже очень пёстрая – была интегрирована в нацистский немецкий проект.

Интернационализм присущ и правым, потому что он является некой площадкой, без которой им не обойтись. Интернационализм этот является рабочим инструментом Системы. Тем более что и правые, которые серьёзно могли как-то потрясти её и вызвать какие-то проблемы, и левые, которые готовили какие-то революционные взрывы и великие потрясения, столь нелюбезные господину Столыпину, – они сегодня не те: они переродились, стали на побегушках у реальных хозяев дискурса, у реальных хозяев планеты, у мирового порядка. В общем, они только прикидываются какими-то страшными, показывают зубы, – особенно правые: когда они показывают зубы, встав на задние лапки, пытаются рычать, это особенно смешно.

Почему «новый интернационализм»? Потому что он, прежде всего, исходит из прямого понимания и отрицания того, чем является современный мировой порядок как система несправедливости. Потому что он исходит из отрицания бюрократии и государства как структуры отчуждения людей от истории и от исторического процесса, потому что он выступает против политических наций,

которые являются ложными общностями, используемыми как инструмент манипуляции на всех этапах. Кроме того, новый интернационализм говорит о том, что так называемая «классовая солидарность» – это тоже фикция, потому что изначально она была построена на характеристиках, достаточно внешних человеку. Но это было неочевидно и скрыто в XIX веке, где класс был замаскирован традиционным сословием, то есть пролетарий по своему классовому содержанию практически совпадал по сословным характеристикам с нижайшим слоем горожан, вышедшим из деревни. Сегодня нет таких пролетариев, сегодня изменилось и село, которого тоже нет в прежнем смысле.

■*Если мы представим тот интернационализм, о котором когда-то мечтал Троцкий и за который боролся, – действительно было жёсткое разделение: вот пролетарии, вот крестьяне, вот духовенство, вот дворянство и так далее. Сейчас этих классов не осталось.*

Кроме двух верхних классов, которые немножко от «массовки», от массового общества чуть-чуть укрылись, оттянулись за кулисы. Просто раньше мы видели, условно говоря, попов и знать на переднем плане как истинных хозяев, а сегодня они ушли за кулисы, выставив вперёд себя своих собственных лакеев, швейцаров, одев их в костюмы больших политиков.

■*А также политических клоунов и прочих шоуменов…*

Так вот, сегодня у нас есть большой класс офисного планктона, называемого так, то есть те люди, которых раньше назывались служащими, а сегодня они работают в офисах и что-то такое при этом делают, и есть, допустим, класс каких-то производителей…

Есть бесчисленные «оказатели» услуг, начиная от адвокатов и кончая парикмахерами, которые производят в общем-то очень

значительную долю ВНП, а производство выведено туда, где оно стоит по себестоимости копейки, – в третий мир. Но дело даже не в этом – дело в том, что сегодня социальное положение человека на Западе очень неустойчиво. Мы уже об этом говорили. В наши дни можно вчера быть тем же самым служащим, офисным планктоном, потом вдруг внезапно превратиться в олигарха, потом в зэка, потом в политического беженца, а потом внезапно умереть в ванной. И это серьёзно характеризует положение сегодняшнего человека, который поднимается и бросается вниз колесом фортуны.

И в зависимости от того, сколько людей в данный момент оказывается внизу, сколько вверху, – в разные времена преобладали разные процессы: социальные лифты над «дауншифтингом» или «дауншифтинг» превышает социальные лифты. Но человеческая сущность теперь уже явно не определяется этим социальным статусом. Если ты сегодня, допустим, комсомольский работник, завтра олигарх, то кто ты на самом деле? Это же ничего не определяет. Ты люмпен, чандала, или ты воин, или ты несостоявшийся поп, или ты вообще как бы никто – некий ноль, человек без свойств? Во всяком случае, ссылаться на классовое противостояние, классовую солидарность становится сложно. Но вместе с тем понятно, что есть «макроделение». Есть некий принципиальный «верх» – как Арктика, которая, сколько бы она не подтаивала, всегда есть как некая шапка снегов и льдов, которых ничто не возьмёт – ни революции, ни войны, – это шапка снегов будет на Северном полюсе. И некая Антарктида, которая живёт в своих фавелах, гарлемах и которую тоже ничто не возьмёт, какие бы там социальные улучшения, прогресс ни происходили, есть огромный массив вот этого «льда» внизу, который составляет вечно нищих. А между ними идёт флуктуация вверх-вниз.

Новый интернационализм обращается не к этим людям, которых колесо фортуны гоняет через экватор к «Арктике» или «Антарктике», не к шапке наверху и не к шапке внизу. Новый интернационализм обращается к тем, кого мы можем назвать aliens, «чужие». Чужие,

лишние на пиру жизни. По-арабски это называется красивым словом «гураба». Я помню, что Ю. Арабов сделал такой интересный фильм, сейчас его забыли: «Гураба», «Чужие». Это aliens. Как бы не совсем инопланетяне – это то, что называлось в Средние века desdichados, то есть «лишённые наследства». Это те, кто являются лишними, «лишние люди», – тема в русской литературе, русскому читателю она знакома. Но тут планка повыше, чем у Печорина. То есть «лишние люди» – это не те, кому нечем заняться, не те, у кого нет дела, даже наоборот – дело-то у них весьма и весьма есть. Это лишние люди, которые не встраиваются, по своему формату, в сложившийся порядок. Они могли бы, конечно, капитулировать перед ним, устроиться дворниками или офисным планктоном, делать какие-то деньги, заводить семьи, но по своей структуре, по своему темпераменту, психологии – они не способны этим заняться. Это вечно «младшие сыновья». Это так называемый слой пассионарной молодёжи, которая есть всюду и во всех нациях. Они есть среди французов, даже среди шведов, как ни странно. Больше всего, конечно, их среди мусульман, но это не значит, что их нет среди немцев, англичан и так далее. Это интернациональный слой. «Младшие сыновья», «лишние люди», «лишённые наследства».

■*Я просто к слову вас перебью. Мне приходилось бывать в Индии, в штате Гоа, и там довольно много собирается так называемых «дауншифтеров» и людей, приехавших из разных стран, и они как эскаписты: люди, сбежавшие от современного мира, пытавшиеся найти своё какое-то понимание. И они не то чтобы себя противопоставляют социуму, они просто не хотят иметь с ним дело…*

Эскаписты и дауншифтеры в Гоа – это совершенно не те, кого я имею в виду, потому что там люди ищут прежде всего бесплатного минималистского комфорта, абсолютно уклоняясь от каких-то вызовов, задач, каких-то сложностей, каких-то проектов, какой-то

напряжённости. Они просто сдают какие-то квартиры, которые у них, по тем или иным обстоятельствам, есть в собственности, и на очень небольшую денежку, получаемую оттуда, просто живут на пляже. Вечный пляж, вечный сироп, минимальная одежда, прибой. Это совсем не те люди. Это чистые beach comrade, чисто человеческая пенка.

■*А где те, про которых вы говорите? Они где обитают?*

Они обитают среди нас, они являются нашими детьми, они являются частью большого города, и они необязательно имеют или не имеют какую-то собственность, которая держит их на плаву. Просто эта собственность и устройство – это, так или иначе, не их тема. Их жжёт необходимость внутренней связи с каким-то ветром Духа, они хотят быть в мейнстриме, как то третье сословие, о котором Аббат де Сийес говорил: «Кто такие третье сословие? Никто. Кем оно должно быть? Всем». Вот они – desdichados, они – никто. А хотят быть всем. И это пассионарные люди, это наполеоны без сожалений и без внутренней трещины Раскольникова. Не то чтобы они по старушкам хотят специализироваться – старушки для них никто и ничто, и не будут они размениваться на криминал. Они брезгуют криминалом. Потому что понятно, что тот, кто собирается доказать, что он – Наполеон и для этого идёт в криминал, как Раскольников, – этот уже заранее человек, обречённый на скулёж и капитуляцию перед своей экзистенцией. В этом смысле гениальный Достоевский очень правильно расставил все акценты…

■*Если позволите, я хочу привести один очень интересный пример, который подтвердит или опровергнет вашу идею. Недавно я беседовал с одним очень известным человеком, и он мне рассказал о своей мечте. Он мне рассказал о виртуальном сетевом государстве, в котором люди стали его гражданами, но каждый из них живет там,*

где хочет. Там они могут принимать какие-то коллективные решения, бороться против усиления государств, и есть юристы, которые будут их защищать, и так далее. То есть идея глобализма такого побуждает людей выйти из государственной клетки и перейти в другое качество. Им хочется расширить границы и перейти на уровень других взаимоотношений. Если я правильно помню, конец XIX века – начало XX века, Первый Интернационал, Второй, Третий, то, что делал Ленин, Троцкий, это ведь было объединение людей по другим признакам, – не по признакам наций, а по признакам уже классов…

Они апеллировали, естественно, к трудящимся, а сами были интеллигентами, которые хотели оседлать трудящихся и от их имени начать диктовать свою волю мировому порядку. Они хотели власти, естественно, но к власти интеллигент – даже трижды заговорщик – прийти не может: это на своей шкуре испытал Огюст Бланки, который большую часть жизни провёл в разных французских тюрьмах. Поэтому они пришли к очень здравой мысли, что надо говорить от имени масс.

Масса, которая танцует карманьолу, бесполезна. Поэтому надо говорить от имени масс, которые уже построены и организованы и которым можно легко объяснить, почему эти массы лишены того, что им причитается. Они сделали всё правильно. Здесь ключевым моментом является то, что это интеллигенты, хотевшие власть и готовые рисковать в той или иной степени.

Но ошибка заложена в том, что есть сильный зазор между теорией (мы будем в будущем об этом говорить) «пролетариата, который должен победить и стать локомотивом истории» и тем, что эту теорию выдвигают и реализуют не пролетарии, а интеллигенты – то есть разночинцы с определённой дворянской, семинарской прослойкой (но не пролетарии). И этот зазор рано или поздно должен был сильно проявиться и стать миной под этим проектом. В принципе, Сталин, когда организовывал свой термидор против Троцкого, он на этом и сыграл. Потому что он выбивал именно эту

породу интеллигентов и заменял их люмпенами снизу, которых он немножечко «доводил»: сырую глину обжигал и превращал их в тех бюрократов, которые ему были нужны.

Я же говорю о новом интернационализме, предполагающем ту особую человеческую поросль, которая хочет не власти в мировом порядке. Они не хотят войти в мировой порядок, не хотят его оседлать, не хотят действовать от чьего бы то ни было имени, – они видят себя как носителей инструментов Духа, как инструменты мировой истории, и они хотят выйти из этого мирового порядка и вывести за собой всё человечество. Это метафизическая идея. Это идея, которая бросает вызов Року (как у древнегреческих героев). И в этом смысле можно сказать, что это «предварительный материал» для воссоздания касты героев.

■*Мне всегда казалось, что в интернационализме, в этом замесе идеи мировой революции всегда была жажда социальной справедливости, и во многом это был протест против общества богатых, то есть интернационализм всегда объединялся против кого-то. Есть хорошая поговорка «Против кого дружим?». Интернационалистов XX века объединяли зависть, ненависть, жажда социальной справедливости по отношению к богатым.*

Очень точно подмечено, и здесь как раз интернационализм бросает вызов этому принципу «разделяй и властвуй», – разделения на национальности прежде всего. Потом он отвечает тем же самым: разделению на национальности, которые являются инструментами мирового порядка, он отвечает таким же фиктивным разделением на классы.

Новый интернационализм отказывается от этого принципа по одной простой причине: этот материальный фактор «недоплаченности» рабочему прибавочного произведённого продукта и так далее, необходимости пустить этот прибавочный продукт на детские дома и санатории, – все эти прекрасные

социальные примочки вообще не являются предметом интереса нового политического протеста и нового интернационализма.

Новый интернационализм является движением и импульсом метафизическим. От этого он, конечно, не становится менее практическим, не становится менее вступающим в принципиальный конфликт с мировым порядком. Но мотивируется он не социальной справедливостью, которая основана на разделе благ, а другим пониманием справедливости – гносеологическим. Справедливость, с точки зрения новых интернационалистов, – это смысл жизни.

Мы все читали, допустим, про Павку Корчагина, читали Шолохова, и там очень много пафосных слов о смысле жизни: «смысл жизни, отданный народу» или «в борьбе за счастье человечества», и так далее. Причём это всё очень туманные термины – «счастье человечества» или «жизнь, отданная народам».

Смысл означает, что твоя жизнь включена в Книгу Живых, которая есть у Бога. Ты – не пыль на ветру. Смысл жизни – это не «смысл жизни», а это просто Смысл с большой буквы. Есть ли смысл у сущего? Или, может быть, этот смысл за пределами сущего? Но воля связать себя и свою судьбу с этим смыслом – это главное, что движет этими новыми интернационалистами.

■ *Правильно ли я понимаю, что человек задаёт себе вопрос: для чего я родился? Неужели я родился для того, чтобы выплатить ипотеку и работать на это всю жизнь?*

Скажем так: этот уровень задавания вопросов – это уровень «попутчика». Принадлежащие к касте героев уже с момента рождения проходят фазу задавания вопросов, они уже сразу ответили: нет, не для этого. И они уже инстинктивно ощущают, чем пахнет этот Смысл. Этот смысл абсолютно противоположен комфорту, социальной удаче, то есть всему, что связано с коробочкой, внутри которой есть ватка, в которую можно уютно лечь и накрыться крышечкой, – это всё исключено заведомо с самого начала по самой

экзистенциальной структуре этих людей. Для них обустройство в социальном пространстве равноценно гибели.

И вот что ещё очень важно – эти люди различают между гибелью и смертью. Гибель – это как раз исчезновение в качестве материального объекта: вот есть чашка – и она разбилась, есть собака – её переехал трактор, она издохла. Это гибель. А смерть – это встреча с той подлинной сущностью, которая есть внутри тебя и которую ты можешь увидеть только в какой-то последний момент или в зеркале внезапно обнаружить в таком особом, экзистенциальном. Смерть – это твой финал, который оказывается тем, ради чего и чем ты живёшь. Смерть – это то, что неповторимо в тебе и благодаря чему ты воспринимаешь весь окружающий мир. Умираешь ты только один – никто за тебя не умрёт. И эта **твоя смерть и есть твоё истинное Я**. Это абсолютно нетождественно гибели.

■*Если не ошибаюсь, у Лосева была такая фраза: «Если нет смерти, то все бессмысленно»…*

Можно соединить это с фразой Достоевского «если нет Бога, то всё позволено» – то же самое, что всё бессмысленно. Если всё позволено, значит всё абсурдно. Если нет смерти, то всё бессмысленно, и если нет Бога, то всё хаос, всё бессмысленно. Тогда получается, что смерть – она и есть лик Бога внутри тебя, это и есть аспект Бога, который в тебе присутствует и проявляется в тебе как твоя абсолютная, исключительная нетождественность всему. Обнаружение этого тождества между смертью и Богом – это и есть смысл. И есть люди, которые desdichados, «гураба», которые являются носителями этого импульса. И, конечно же, у них будут попутчики: те, которые задают вопросы, те, которые хотят сетевое государство. Это методики, это поиск людей, которые уже поняли, что их время утекает в песок, что называется. Но не они будут двигать этот проект. Проект будут двигать те, которые в какой-то степени уже являются

телом этого проекта.

■*А куда он может двинуться? Давайте над этим подумаем. Ведь, действительно, и левые, и правые в современном мире во многом, что называется, дискредитировали себя. Постоянная клоунада, битва нанайских мальчиков, чепуха, поверхностность и так далее.*

Исходя из того, что и левые, и правые – это часть системы и были частью системы не только сейчас, после 45-го года, они были и до 45-го года, просто большинство из них этого не знало. Они были втёмную использованы как некие носители вызова, бунтарства.

■*Недавно общался с представителями КПРФ. Вот они должны были быть нашими классическими левыми – за социализм, за справедливость. Да, лозунги остались, но на самом деле всё не так…*

Они ни разу не процитировали классиков за 25 лет в публичных выступлениях: я от Зюганова ни разу не слышал ссылки ни на Ленина, ни на Маркса, и, по-моему, он искренне их не знает и не читал. Более того, массу вещей он бы тут же посоветовал Роскомнадзору запретить.

■*Как в своё время Цицерон, кажется, писал, что каждый из сенаторов очень приятный и умный человек, но сенат вместе – чудовище. Когда они все вместе, они вынуждены выступать, клеймить что-то, но это выглядит по меньшей мере глупо. В личном общении это нормальные, адекватные люди. И вот этот, что называется, театр, или я даже не знаю как назвать, – «карнавализация» публичных протестов и, так сказать, столкновение правых и левых между собой, – это вызывает, честно говоря, неприятие у любого разумного человека.*

Так вот, вопрос: какое будущее ждёт политическую, социальную жизнь, и что будет с новым интернационалом, о котором вы говорите?

Исходя из того формата, который мы уже немножко выявили, чуть-чуть нарисовали, очевидно, что этот формат может быть только эсхатологический. Есть представление об истории либерально-рациональное – что это катящийся вперёд по дороге времени прогресс, рост, с одной стороны, автоматизации, механизации и комфорта, а с другой стороны – рост стоимости жизненного времени. Этот процесс создаёт очень острые диспропорции, потому что нарастить стоимость жизненного времени всего населения Земли невозможно, не получается, и тогда возникают сильные перекосы и, что называется, поршни начинают стучать в моторе. Это как бы одно представление. Время, которое линейно катится вперёд, – «всё будет больше, лучше», и так далее.

Есть другое представление, укоренённое в метафизическом понимании, которое говорит о том, что история конечна. Опять же, есть традиционалистский взгляд, согласно которому история циклична и повторяема. И есть взгляд, связанный с монотеистической традицией Откровения: история завершается смертью и Воскресением, Страшным Судом и разрыванием земли и неба и созданием Нового Бытия.

Скажем так: «хомяки» живут концепцией линейного времени и бесконечного прогресса. Правящие классы – истинные хозяева реальности – живут и укоренены в представлении о конечности истории, связанной с повторением и выходом к Золотому веку, новому Золотому веку, новому циклу человечества, в который они должны войти как зерно следующего человечества. Естественно, что это оставляет концепцию, эсхатологическую в подлинном смысле, этим новым интернационалистам (desdichados). Это концепция того, что на нашем цикле, на нашем человечестве история должна остановиться, и вместо Ветхого Бытия явиться Новое Бытие.

Это эсхатологическая идея конца истории в «антифукуямовском» смысле (Фукуяма как раз имел в виду вот это вечное «движение вперёд» по либеральной модели – бессобытийное, бестравматическое). А здесь конец истории как гипертравма, после которой начинается Новое Бытие. Вот это и есть цель касты героев.

Ведь, собственно говоря, истинным Роком является представление о жизни у этих «хозяев социума». Идея циклов, идея бесконечного «повторения равного» и возвращения к Золотому веку, – это и есть то самое колесо Зервана, Чархи фаляка[38], о котором говорили зороастрийцы. Вращение небесного свода, которое крушит, уничтожает и возвращает, уничтожает и возвращает. Это фундамент традиционалистской идеи, это то, на чём построено мировоззрение Господ с большой буквы, которые были всегда, – и три тысячи лет назад, и пять тысяч лет назад, и сегодня. А остановка Чархи фаляка, остановка небесного свода в его вращении и разрушение его одновременно, разрушение Олимпа, – это и есть идея Авраама, авраамическая идея.

■*Правильно ли я понимаю, что через какое-то время есть вероятность перенаселения земного шара; человечество может быть смыто волной какой-то, назовём её условно «волной потопа», но она может быть разной волной. Понятно, что правящая прослойка будет думать о выживании, о том самом зерне, в котором оно останется после перерождения этого колеса, и, соответственно, те самые лишённые наследства (desdichados) попробуют с этим делом «поконкурировать»…*

Видите ли, конец человечества происходит, конечно, катастрофически, но его тотальный конец, переход вообще к новому циклу, осуществляется не через метеориты, йеллоустонские заповедники или взрывы атомной бомбы на дне Мирового океана, – он осуществляется гораздо более глубоко и страшно.

Представьте себе, что семь миллиардов людей просыпаются в какой-то момент и обнаруживают, что они забыли язык: человеческий язык выключен из их сознания, как у младенца новорождённого. Это означает, что мир исчезает полностью, потому что если вы не знаете слова «ручка», то вы не знаете, что это ручка и что это такое, – вы её не видите – и весь мир мгновенно гаснет. И такая операция даже более вероятна технически. «Технически» – не значит, что какой-то луч там и так далее, но в глубоком техническом смысле она ещё вероятнее, чем метеорит, о котором говорят, что метеориты уничтожили динозавров. Вполне может быть, что люди просыпаются, и они не знают язык. Это случается с каждым из нас. Иногда человек просыпается и несколько секунд не помнит ни одного слова и не знает, что это абажур, и комната кажется ему набором пятен, и так далее.

■*То есть мир может исчезнуть…*

Мир исчезает и, естественно, это гибель для всех, но кто-то либо сохраняет язык, в отличие от всех остальных, либо он телепатическими или иными сверхспособностями адаптирован к невербальному состоянию, к невербальной экзистенции людей Золотого века. И для него, для той маленькой группки не существует проблемы гибели через забвение языка как средства коммуникации и постижения окружающего. Они переходят в следующий этап. Это именно те реальные хозяева, – ну и те, кто стоит за ними и дает им такую возможность.

Что же касается desdichados, то всё, что они строят, они строят на языке, потому что база, на которой всё основано, – это база Откровения, это база Скрижалей, которые получил Моисей, это база Торы, это Коран. Это язык в высшей степени.

И поэтому здесь абсолютно противоположные полюса, потому что сама борьба идёт вокруг дискурса. Почему говорится: «хозяева дискурса»? Почему вся борьба всегда шла за интерпретацию, за

комментарии, за, в конце концов, изменение текста, фальсификацию текста (имеется в виду Священные Писания)? Именно поэтому. Если выдернуть из розетки этот шнур, то, конечно, идёт обесточивание всякого сопротивления, всякого противостояния. Тогда то, что стремится к эсхатологии, гибнет, оно проигрывает. И остаётся только Вечное Возвращение, вечное «повторение равного» и победа Золотого века будущего.

Революционное неравенство: кто заменит пролетариат в роли «гегемона»

23.03.2016

Комментарий Джемаля к постановке вопроса:

Начало Нового времени ознаменовалось тезисом равенства, которое вместе со свободой и братством стало формулой преображения старого мира. С точки зрения радикалов более позднего разлива требование равенства было, во-первых, глубоко фальшивым, во-вторых, сугубо буржуазным и носило в основном отрицательный характер. Буржуа требовали отмены привилегий и уравнения в правах с дворянством. На самом деле это было клерикальное требование: попы во все времена опирались на класс торгашей и ремесленников как свою наиболее лояльную базу. Вместе с тем клерикальный конфликт с «людьми шпаги» проходит красной нитью через все повороты истории.

Марксистская революционная социология обнаружила нового гегемона: пролетариат. На требование равенства буржуа тогдашние радикалы ответили требованием нового неравенства – диктатуры пролетариата. Это был очень сильный ход, прежде всего в стратегическом плане. Пролетариат знать не знал о том, что его назначили в господствующую верхушку грядущего. Поэтому от его имени диктатуру должны были осуществлять интеллигенты (концепция Грамши об отдельном новом классе интеллигенции как участнике исторической борьбы на самом деле не уводит от марксизма, а открывает важнейший его секрет).

Именно эта двойственность марксистской идеи «пролетариата – выдвижение его в гегемоны при полной невозможности

самостоятельно осуществлять эту миссию – фактически обрекала весь проект на провал. Грамшизм де-факто стал господствующей практикой в социалистическом лагере. Партийная бюрократия в своём доминирующем большинстве состояла из интеллигентов. В конце концов «ползучий грамшизм» заставил руководящие круги Коминтерна отказаться от идеи диктатуры пролетариата, заменив её на общенародное «социальное государство».

После этого на социализме можно было поставить крест. Диктатура пролетариата стала водоразделом между упругим, восходящим, живым порывом революционных сил вверх и (при отрицании этой диктатуры) началом упадка и гниения.

«Общенародное» – это возврат к равенству. А «равенство» означает буржуазию, цеховиков, Горбачёва, и так далее, и тому подобное.

Новым революционным силам «равенство» – как кость в горле. Но не пролетариат же, давно исчезнувший и разложившийся в люмпенов, криминальных гопников и тому подобную публику, снова вытаскивать в качестве политического фактора! Это уже даже не смешно.

Понятно, что революционные силы не должны искать кого-то на роль гегемона помимо самих себя. Здоровый революционный проект, имеющий шанс на то, чтобы состояться, должен уйти от этой лжи, когда правят бюрократы в очках, а чествуют в качестве «соли земли» стахановых.

Революционные силы состоят из одиноких героев, нашедших друг друга, – таких, как Че Гевара и Кастро, как Баадер и Ульрика Майнхоф[39]. Но откуда берутся эти одинокие герои? Это осколки разгромленной касты воинов, которые были выведены из пирамиды политического общества при замене государя на президента или премьер-министра. Легитимация насилия исключительно в рамках государства сделала офицерские должности лицензируемыми, а военные машины (армию) состоящими из дрессированных

крепостных. По сути, государство создало небывалый феномен: армии рабов под командой вольноотпущенников.

Феномен Спартака был экспроприирован и освоен «правовым государством». Но возник серьёзный парадокс. Участники пирамиды политического общества – воины архаичного типа – были носителями той самой «тени Зверя», которая обеспечивала их лояльность. Изгнанные из политического общества в никуда прежде, чем эта тень успела исчезнуть, воины сохранили тот самый импульс, который приходит в мир из Бытия, генерируя на человеческом плане власть.

Только у воинов этот импульс переродился в свою противоположность. Воин не может быть лоялен контролю. Его естественная жизнь состоит в отрицании всего, что ему безусловно чуждо. А революционер – это аристократ, лишённый титула и всякого смысла. Его революционная повестка – это бывший титул, который возвращает ему смысл. Вот кто должен быть гегемоном в организации будущего политического пространства. Речь идёт о восстановлении политического общества – но без кесаря!

Это политическое общество основано на диктатуре касты героев. Суть этого небывалого статуса в том, что искра причастности к Бытию после отторжения от него становится искрой «анти-Бытия», искрой Духа. Религиозное монотеистическое Откровение обращено в первую очередь к ним, воинам. Потому что в них есть эта субстанция, которая позволяет услышать послание из бездны.

Цитата из Маяковского: «Я всю свою звонкую силу поэта тебе отдаю, атакующий класс». Революционная борьба против старого порядка подразумевала авангард, претендующий на политическое господство. Демонтаж социализма начинался с упразднения идеи диктатуры пролетариата. Сегодняшние оппоненты системы беззубы, ибо не выдвигают альтернативную элиту. Но кто станет элитой завтра?

Об этом мы как раз и поговорим сейчас.

Я предлагаю использовать нашу площадку и данную тему для того, чтобы понять очень много острых и проблемных тем, которые, в общем-то, касаются каждого. Например, все мы знаем, что Французская революция выдвигала лозунги Liberté, Égalité, Fraternité – «Свобода, Равенство, Братство».

Со свободой понятно.

Равенство. Как мы знаем, равенство не получилось. Может быть, в какой-то степени в 1793 году оно было, но очень краткосрочно, и разрешилось оно очень печально для всех участников этого равенства. А дальше не получилось, потому что был Наполеон, были реставрация, буржуазная эпоха и так далее. Ведь ради буржуазии всё делалось. Тут ещё вот какой вопрос: всегда революция делается во имя некоего «атакующего» класса, пользуясь выражением Маяковского, всегда выдвигается некто в роле авангарда, но за этим стоит реальный бенефициар.

Если вспомнить революцию 17-го года, то хоть и объявлялась диктатурой пролетариата власть, но все те, кто «рулил» – они не были пролетариатом. Были дворянами, разночинцами.

Совершенно точно. Условно говоря, они были интеллигенцией. Но в случае Французской революции буржуазия была объявлена «всем». А кто объявлял-то? Аббат де Сийес («Третье сословие ничто. А чем оно должно быть? Всем!»).

Я долго изучал этот вопрос, честно говоря. Жореса «Историю Французской революции», огромный том, изданный в 1914 году, прочёл ещё в средней школе, где-то в классе седьмом. Это был большой труд: мелкий шрифт и огромный том. Последующие размышления привели меня к тому, что бенефициаром хотела быть церковь. Она хотела снести абсолютистскую монархию, чтобы реально контролировать ситуацию, опираясь на буржуазию. Опираясь на буржуазию как на своего реального союзника, который

был бы ей подконтролен. Потому что абсолютистская монархия не была ей подконтрольна, то есть церковь существовала таким же «цезаропапистским»[40] образом, как и в России, – без синодов, конечно, так как всё-таки католицизм.

Церковь готовила антироялистский переворот, прикрываясь просвещением, прикрываясь Вольтером. Так же как во многом русская церковь готовила и революцию 17-го года. Вспомним знаменитого безумного Илиодора[41], который привёл к царю Распутина. А после 17-го года пошёл к большевикам. Вообще в церкви зрела большая ненависть к монархии, к истеблишменту, потому что монархия опиралась на бюрократию и вытирала о церковь ноги.

■ *Ну ведь и финансировала частенько. Церковь была почти государственным институтом.*

Вот это её и убивало, потому что как государственный институт она не имела никакого влияния. По данным тогдашнего царского МВД в 1913 году 20 миллионов русских людей были кем угодно, кроме православных: старообрядцы, которых церковь не считала своими, молокане, баптисты, хлысты, кто угодно. Это гигантская цифра, если учесть, что всего было сто миллионов тогда.

Может, кого-то и удовлетворяло положение такого «теплохладного» прислужника на зарплате, но было ядро в церкви – настоящее ядро, подключённое и к старцам, естественно, – которое ненавидело такое положение. Напомню, что как только большевики взяли власть, первое, что было сделано, – была восстановлена патриархия, упразднённая в 1708 году Петром: после 210-летнего отсутствия она была восстановлена.

■ *Извините, но не сами ли церковники избрали Тихона патриархом?*

А кто им позволил? Дали возможность, открыли широкую улицу. Это определённая плата – по крайней мере на первых порах. Дело в том, что интеллигенты, которые стояли за выдвигаемым вперёд пролетариатом, – это была отличная от французской ситуация. Во Франции, конечно, революцию готовила церковь (чисто технологически).

Я напомню, с чего началась Французская революция. Она началась со скандала, который был организован кардиналом де Роганом, который подарил за миллион (или там за сколько-то тогдашних гигантских денег) колье королеве и потом сделал это публично известным. После чего народ, евший в провинциях траву, просто поднялся. Это была провокация. С точки зрения обывателя – где же логика? Кардинал наносит удар по имиджу церкви. Но нет, не по имиджу церкви. По имиджу короны.

Дальше, как мы помним, поднялись последователи Гольбаха, которые тут же заявили о том, что содержание нашей революции – атеистическое (карманьола и так далее). Но якобинцы сразу жёстко ввели смертную казнь за оскорбление религии. Правда, немножко условно: они ввели культ Великого Существа. Тут есть большая тонкость.

И здесь мы подходим к очень важной теме. Поскольку всегда есть такой дуализм, то есть бенефициар и выдвигаемый на первый план авангард различаются, то в итоге ни бенефициар, ни авангард не становятся гегемоном. А становится гегемоном кто-то третий. Вот во французском случае положение церкви во Франции стало небывало жалким. Весь XIX век её сводили на нет. А кто же пришёл? Кто победил в результате этого переворота, сноса абсолютизма? Буржуазия, которая, по Сийесу, должна была бы стать всем? Она не стала всем, потому что вперёд вышли либеральные партии, вышли клоуны, вышел маленький племянник большого дяди – Луи Наполеон. На первый план вышел деклассированный элемент высокого полёта, скажем так. То, что в Индии, в кастовом обществе, называется «чандалы». Это деклассированный элемент, но не

люмпен, а высокого разбора. Это те, которые позируют в роли военачальников, олигархов и так далее. На самом деле это деклассированный элемент. Они не буржуазия. Они генетически происходят из клуба людей свободных профессий. Это тот клуб людей, который сформировался на паразитировании на обществе.

В том числе адвокаты, журналисты и так далее.

В первую очередь. Именно адвокаты, журналисты, зубные врачи и частнопрактикующие люди всех направлений. Они к Французской революции, к середине XVIII века, набрали такую силу, что стали представлять собой политическую партию. И вот когда церковь задумала свалить абсолютистскую монархию и стать главной направляющей силой, «честью и совестью эпохи», то в итоге ни она не подошла к финишной прямой, ни буржуазия, потому что буржуазия стала заложницей политической игры. Кто стал заправлять ситуацией? Ситуацией стали заправлять политические партии, гамбетты[42] всякие. Эти клоуны. И они потом в конце концов вырулили на Первую мировую войну, и дальше мы уже знаем.

Теперь, если говорить о большевиках, о диктатуре пролетариата. Кстати, Маркс знал, что этот очень горячий блин нельзя легко сразу кусать, можно обжечься. И он не был фанатом обязательной революции, он полагал, что можно подойти к смене общественных систем мягким, «демократическим» путём. Ну, конечно, если будет сопротивление, то – да, но можно как-то и так: в силу кризиса разрыва производительных сил, производственных отношений так вот немножечко всё это перестроить. Он понимал, что это полуутопично, но диктатура пролетариата – это «естественная необходимость». Был ли он пролетарием – понятное дело, что вопрос излишний. Сын адвоката, женат на аристократке. Несмотря на то что был еврей, крещёный в шестилетнем возрасте, женат был на девушке, которая происходила из баронской семьи Вестфален, родственной Гогенцоллернам (один из самых древних домов

Германии). Семья, конечно, её выгнала, что не помешало им жить долго и счастливо, родить пять дочек. Баронесса Женни фон Вестфален, которая имела отношение к Гогенцоллернам, и еврей крещёный, сын адвоката, – и вместе они придумали диктатуру пролетариата.

Проживая на содержании у Энгельса, ещё надо добавить…

Капиталиста Энгельса, кстати, Маркс не очень уважал, как явствует из его писем другим людям.

Кто были те люди, которые пришли в России к власти? Конечно же, пролетарии там, может быть, и были. Если брать первый состав ВЦИК, людей с рабочим прошлым было несколько. Киров был с рабочим прошлым, условно говоря. Но в основном – конечно нет. А если взять вообще историю подготовки русской революции – эсеров, народников, – это всё, конечно, интеллигенция чистейшей воды. Это были настоящие интеллигенты. Что это значит? Они были из семинаристов, из дворян, – крайние идеалисты с высокими этическими планками жертвовали собой, очень серьёзные люди. Но к диктатуре пролетариата они имели очень косвенное отношение. И поэтому не получилось у этих интеллигентов тоже. И пролетариату не вышло по-настоящему быть гегемонами. Ведь неслучайно в советскую эпоху «гегемон» стало издевательским словом, издёвкой, потому что пролетариат был в загоне в советское время, его использовали в хвост и гриву.

А интеллигенты… Представить себе в хрущёвское время и брежневское, что партийный бонза – интеллигент… просто хохот. А в 20-е годы – да, он был интеллигент. Все, кого ни возьми, – начиная от Троцкого и кончая Пятаковым или Стекловым, – они все были интеллигентами. Но их разменял товарищ Сталин, потому что, если вы, ребята, врёте истории, если вы говорите, что вы осуществляете диктатуру пролетариата, а сами являетесь чёрт-те кем, интеллигентами, то история вас наказывает. И приходят люмпены. Но

не адвокаты – деклассанты высокого разбора, чандалы, – а приходят парии, батраки из села, которые, забив ближайшего соседа лопатой, отправляются в город, кончают рабфак и становятся партийными деятелями.

Таким образом возникла нынешняя бюрократия, бюрократия советская и её последствие. А что получается? Получается, что революция врёт истории: есть какие-то другие силы, которые хотят стать бенефициарами. Они понимают, что в лоб они претендовать на гегемонию не могут – как, допустим, в 1910 году, или в 1790-м, или раньше. Представим себе, что Белинский, Герцен или Плеханов говорят: «Мы требуем диктатуры интеллигенции!» – это смешно, какая тут диктатура интеллигенции!? В это никто не поверит.

То есть пролетариат использовали и обманули. Буржуазию тоже в своё время использовали и обманули – прямо и ответственно вам говорю. Она не получила политической власти, пронесли власть мимо носа.

И на смену этим адвокатам и журналистам пришёл простой, обычный люмпен, который с двумя классами образования вдруг затеял руководить…

В Европе, где не было социалистической революции, «высокий люмпен», – чандала, условно говоря, – остался: все эти Могерини и так далее – вся эта брюссельская бюрократия (естественно, наследники тех самых, «обслуживающих» либеральных профессий). А здесь, где была социалистическая революция, приходит деклассированный элемент, потому что революционеры лгут. Пролетариат же не был революционером: он не делал революции. Более того, он выражал недовольство сразу же. Первое, что он сделал, – устроил забастовку, и большевики сразу жестоко её подавили. Интеллигенты лгут: они используют пролетариат. Но идея была, конечно, электризующей. Идея «диктатуры пролетариата» была крайне притягательна. Она крайне заводила таких людей, как

Маяковский, Пабло Неруда и Назым Хикмет, – в общем, всё это поколение мощных левых, серьёзных. Не этих антиглобалистов…

■*В то время это был прогрессивный класс, если можно так сформулировать…*

Когда Горький, «великий пролетарский писатель», говорил от имени пролетариата, – но какой он «пролетарский писатель»?! Он босяк, богема, женат на Андреевой, живёт на Капри. И никто не чувствовал фальши. Потому что имелось в виду совсем другое – имелся в виду не настоящий пролетариат, не Стаханов, который был просто напыщенный дурак, который начал спиваться очень быстро. Имелись в виду не эти люди. Имелось в виду, что «пролетарский» – это значит «идущий против мирового порядка», идущий против «культурных ценностей», против фальши, бьющий кулаком по столу, когда сталкивается с лицемерием, – то есть оппонент привычной пошлости. Вот в этом было нечто радикальное, крутое. В слове «пролетарский» был такой заряд. И конечно все понимали, что имеется в виду это – личная персональная «круть», то, что ты радикал, а не то, что ты рабочий. Имелось в виду это.

■*Манифест Коммунистической партии, который написали Маркс с Энгельсом, – это был призыв «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Соответственно, речь шла о прогрессивном классе, который начал нарождаться в середине XIX века. Сейчас у нас есть класс креативный, так называемых «креаклов», появляется новая общность социальная, «пролетариев» нашего времени, их будет всё больше и больше, и на них мы будем опираться, и ради них мы делаем революцию…*

В чём огромная разница? Почему Маркс выбрал пролетариев? Выбрал понятно почему, – потому что пролетариат был человеческим инструментом массового производства. Но социально-политическая,

даже экзистенциальная причина была в том, что пролетариат был построен «по-армейски» естественным образом. Об этом даже они все писали прямо: что крупное производство, собирающее в одной точке от пятисот и более рабочих, которые работают с шести утра до десяти или до восьми вечера, – это фактически уже готовые батальоны. Они тяжелейшими условиями труда приучены к страшным, инфернальным трудностям, поэтому это, естественно, такие «рабочие армии». И это та сила, которая несёт в себе большой заряд, энергию ненависти, энергию разрушения, с одной стороны, с другой стороны, она дисциплинирована, разбита на цеха, на десятки и так далее. Вот почему нужен пролетариат.

Другое дело, что пролетариат генетически происходит из сельских людей… Почему Ленин говорил, что для них важен пролетарий во втором или третьем поколении, ну, на худой конец, проработавший на фабрике в городе 25 лет. Однако пролетарий, который вышел из деревни 4–5 лет назад, является потенциально врагом, – на него Ленин смотрит как на ненадёжный элемент, как на пятую колонну. А вот тот, который родился уже в третьем поколении в бараках фабричных, который ничего, кроме грохота машин, нищеты и свалок вокруг фабрики не видел, – вот это опора для Ленина. Он прекрасно понимал, что сельское ядро в человеческой душе – это очень ненадёжная вещь. Она и мелкособственническая, и конформистская, и ориентирована на соглашательство, она трусовата и так далее.

Но вопрос в другом. Понятно, что те люди, которые готовили сначала служение абсолютистской монархии, потом свержение капиталистического строя, – они не могли заявить истории прямо свои претензии на власть. Потому что в это никто бы не поверил и их подняли бы на смех. И, в общем-то, когда Маркс диктаторски вёл себя в своём собственном окружении Первого интернационала, он тоже вызывал как минимум негатив, ну а в лучшем случае – смех. Потому что его диктаторские замашки всерьёз не воспринимались. Это были очень умные люди, но они не были тем, кого Шадр

изобразил в скульптуре «Булыжник – оружие пролетариата», – они точно не были этим пролетарием с булыжником.

Но этот период исчерпан, и сегодня речь уже идёт о том, что эта эпоха, которая началась где-то с 1642 года, кончилась, видимо, в 1991 году. Целая эпоха перехода из нового состояния человечества в другое. До 1642 года существовало общество, построенное на органической пирамиде, где наверху стояли люди, по человеческим качествам реально превосходившие тех, кто внизу. Аристократы, или «князья церкви», как их тогда называли, были сверхчеловеки по отношению к мелким ремесленникам или крепостным. Это не в переносном смысле, а буквально. Их человеческое качество, их бытие весило безмерно больше.

В 1649 году Карл I теряет голову на плахе. После этого начинается очень специфическая эпоха, – эпоха переформатирования человечества, начинается эпоха вызовов в адрес социума во имя новых ценностей, которых в старом социуме не было. В старом социуме было Бытие. Бытие как сверхценность. И вот что такое Бытие? Ну, допустим, есть свечка – и это мало огня, есть пожар или в камине горит мощное полено – это много огня. Вот, скажем, в обычном человеке маленькое пламя, как свечка, а допустим, монарх – это ревущее пламя. И там иерархия. Это было главной ценностью.

Причём интересно, что ведь речь шла о религиозном обществе, о традиционном обществе, об обществе, которое считало себя связанным с Небом. И вдруг был поставлен вопрос: а где справедливость? Справедливость-то где? В чем эта «связанность с Небом»? А это, оказывается-то, Бытие инфернальное, это Бытие сатанинское, это Бытие, которого лучше бы не было. Где справедливость? И рубят голову королю, объявляя его врагом народа, предателем. Ну и дальше начинается интересная полоса. Появляются либералы, появляются Локк, Гоббс, которые начинают говорить о том, что такое общество, «общественный договор», индивидуальные свободы, Левиафан и так далее, французским утопистам. И всё это идёт до того момента, как рушится социализм,

который апеллирует к идее справедливости (он до самого конца пытался апеллировать), но его закрывают. Всё! Мы возвращаемся к точке, которая у нас была, только с другого конца: справедливости нет, общество едино, средний класс един, все должны подчиняться начальству, «которое знает лучше». Только Бытия, которое было во времена людовиков, нет, потому что нет этих великих сверхлюдей. И никакой справедливости нет и предполагается, идеологически, что-то искать. Мы проходим фазу в почти 400 лет, насыщенную потрясениями, революциями и так далее, и выходим к универсальной, банальной, плоской пошлости, когда всё одинаково: глобальная цивилизация.

Есть некое разочарование, потому что за что наши отцы проливали кровь наших дедов? Так много лет человечество боролось внутри себя за ту самую справедливость, и, казалось бы, социалистический строй – её вершина. Вдруг всё рухнуло. Зачем были все эти жертвы?

Рухнуло – и без замены видимой, очевидной, потому что те революционеры, которые бросали вызов этому порядку дискредитированного Бытия от имени справедливости, которой нет, но которая должна быть, – они лгали истории, они ставили себя в мыслях своих на место руководящего слоя, руководящей элиты, а выкатывали вперёд кого-то подставного – буржуазию, пролетариат и так далее. А это кончилось.

И теперь возлагают надежду на средний класс. Я в своё время с любопытством и с некоторым внутренним юмором прочёл книжку Кагарлицкого – не помню названия, но там главная идея была, что обнищавший средний класс поднимет восстание. Было очень смешно, потому что средний класс характеризуется тем, что это люди, которые напрочь лишены пассионарности, – и именно это и делает их средним классом. Они являются искателями комфорта, они ориентированы на потребление, на воспроизводство, на мечту о

постоянном замкнутом жизненном цикле: «Мои дети пойдут тоже в колледж, и потом они пойдут тоже в офис…»

■*То есть в этом болоте не будет никакого шторма, это понятно…*

Да. Им наносят мощный удар: не будет колледжа для твоих детей, ипотека твоя, придётся отдавать денежки, и сам ты пойдёшь на свалку ночевать. Но будет ли из этого некий бунт и протест? Способен ли средний класс заявить какие-то претензии на власть? Нет. И вот почему: потому что среднему классу не приходит в голову, что власть связана с Танатосом. Власть и любовь к смерти – они тесно связаны. И если ты не любишь смерть, если ты хочешь только жить, то власть не про тебя.

■*Хорошее утверждение. Действительно, такая дуалистическая модель существования. Если человек, наверное, один из первых людей вышел на скалу и решил самостоятельно совершить акт самоубийства, подумав: «Почему я сам не могу покончить со своей жизнью?» – соответственно, он поставил на кон свою жизнь, с одной стороны, а с другой – сказал: «Почему я не могу завоевать себе весь мир?» Говоря о Македонском: если ты готов умереть, то ты можешь завоевать и мир.*

У Гумилёва, который ввёл термин «пассионарий», есть подробная разработка иерархии пассионариев. На самом верху стоит тот, кто горит желанием принести себя в жертву. Дальше идёт великий авантюрист, который горит желанием завоевать, – не принести себя в жертву, а завоевать, – при этом он не боится гибели. Дальше стоят великие бандиты, полководцы и так далее, а внизу стоит, допустим, уже какой-нибудь наркоша, которого, когда он смотрит за окошко на светлый день и на улицу, кишащую народом, охватывает ужас при мысли, что надо выйти за хлебом, потому что сил на это у него нет, он находится в самом низу этой энергетической лестницы. Поэтому эта

разработка – лучшее, что Л. Н. Гумилёв сделал в своей жизни. Всё остальное, все его рассуждения об этногенезе – игрушки. А вот именно эта классификация, идея пассионарности, – она рабочая, она гениальная. Там ухвачена тема Танатоса и уход от этого к жизни, и переход от жизни к неспособности с этой жизнью вообще иметь дело в самом конце. К сожалению, он воспринимал это всё как бы одним цветом.

Пассионарность есть двух типов.

Есть пассионарность тела – это смелость тела, в том числе идущая на крайние опасности. Это смелость тела, которая присуща сильным людям с улицы. Есть как бы такие «дворовые герои», которые собирают вокруг себя ватаги, становятся естественными лидерами, но обычно плохо кончают, и они не знают, зачем они берут всё под контроль, но они знают, что они хотят власти. Власть, естественно, к ним идёт, они оплачивают это перманентным риском и потом получают пулю или нож.

Есть пассионарии ума. Пассионарий ума – это визионер, который прорывается сквозь пелену обычной логики, который видит на самом деле фундаментальные бездны, скрытые от обычного человеческого разума, но который горит этим визионом в своём кабинете. На улицу ему тяжело выйти, а если выйдет, то его побьют, – и это будет очень мучительно и оскорбительно для его высокого разума, потому что он получил в зубы даже не от серьёзного человека, а от плохой шпаны.

Но потрясающа возможность объединения и тех и других. Вы Македонского упомянули. Это классический пример соединения пассионария ума и пассионария тела. Потому что в том, что Македонский был пассионарием ума, никакого сомнения нет: это был ученик Аристотеля – дальше ехать некуда, выше не прыгнешь. Более того, он был в полемике с Аристотелем, а это делает его не просто учеником, а именно пассионарием.

Потому что полемизировать с Аристотелем было непросто в те времена. Я вспомнил один факт о Ленине, который, бесспорно, был визионером и пассионарием, но лично был достаточно труслив…

Нет, он не был труслив. Я хотел его вторым назвать.

Я просто вспомнил случай про то, как он ехал на машине, и какой-то грабитель ограбил где-то, и он требовал отдать деньги и всё такое…

Возможно, такой случай был, но это означает, что он очень чётко владел собой, очень был холоден и к тому же прекрасно понимал, что было бы абсолютным идиотизмом рисковать получить от грабителя пулю. Не просто от какого-нибудь белого террориста из подполья, а от какой-то шпаны получить пулю, когда колоссальный проект в руках. Мы знаем, что очень многие серьёзные люди, оказавшись в зависимости от какой-то шпаны, которые даже не подозревают, с кем имеют дело, говорили: «Отдайте, отдайте то, чего они хотят», но потом они, конечно, разбирались с ними.

Но Ленин был не трус. А почему он был не трус?

Во-первых, он приехал в гущу событий, узнав о Февральской революции.

Он забрался на броневик, он вышел на балкон Кшесинской. А это ещё хуже, потому что он просто выступал перед людьми, идущими по улице, и выступал день за днём, и любой мог бы вытащить браунинг из кармана и достать его. Потом, когда его Керенский начал искать, уехал в шалаш в Разлив с браунингом в кармане. Его вытащила партия и заперла в Выборге с телохранителями, чтобы вступить в соглашение с Временным правительством и начать подготовку к Учредительному собранию. Узнав об этом, он, нацепив парик, с браунингом опять же, обманув свою охрану, приезжает и врывается в партийную явочную квартиру, как раз когда идёт беседа с эсерами о том, как будут делить места в Учредительном собрании. И просто разгоняет это всё. Ленин отнюдь не трус. Но трус бы и не смог жёстко

рулить такими людьми, которые были вокруг него. Он же их строил своей харизмой. Сталина строил, который ему мешки с «эксов» носил. Стал бы Сталин, который рисковал жизнью в кавказских эксах, трусу носить мешки с деньгами? Нет. Ленин был тоже пассионарий ума и тела.

Потенциально всё же есть прообраз той элиты, которая придёт требовать своё, – именно та, которая поднимается после 1991 года. Это именно пассионарии ума и тела, которые это соединяют в себе. Это люди, которые несут в себе Танатос, и это, конечно же, аристократы. Но не «аристократы» старого образца, не какие-то банальные рабовладельцы или помещики крепостные. Это новые аристократы, которые несут на себе бремя обязанности перед людьми, которые защищают людей, а не имеют их.

Революционное неравенство: кто заменит пролетариат в роли «гегемона» (продолжение)

30.03.2016

Давайте продолжим нашу беседу и поговорим о том, кто же будет новым гегемоном…

Эта тема не так проста, как могло бы показаться. Она не решаема с ходу, потому что прежде всего требуется определить само понятие. Что означает «гегемон»? Гегемон ведь действует не в безвоздушном пространстве. Гегемон в определённой ситуации, в определённом общественно-политическом контексте осуществляет свою гегемонию над кем-то. Скажем пролетариат, который был для нас примером изначально, был гегемоном при социализме и осуществлял свою диктатуру над «непроизводительными» классами. Над бывшими эксплуататорами, но не только: трудовая интеллигенция, крестьянство – над ними тоже диктатура. Потому что «диктатура пролетариата» – а не «пролетариата и крестьянства» или «пролетариата, крестьянства и прослойки в виде интеллигенции». Диктатура одного пролетариата. А все остальные были объектами этой диктатуры.

Хорошо, а был ли кто-то, претендовавший на роль гегемона до этого?

Если мы посмотрим немножко назад – не пускаясь в историю, просто чуть-чуть открутим в рамках понятия, – то буржуазия рвалась к тому, чтобы стать гегемоном. Но у неё это не получилось принципиально, потому что она вынуждена была противопоставлять

своим оппонентам – феодализму, абсолютистской монархии – идею демократии. Правда с имущественным и гендерным цензом: до середины XX века во многих странах Европы женщины не допускались к выборам. Но тем не менее – демократия, причём электоральная. Тут какая может быть диктатура?

Если мы ещё открутим, то мы попадаем в феодализм. При феодализме можно было говорить о некоторой диктатуре – специфической, особой, – потому что там силовые структуры и класс, осуществлявший диктатуру, совпадали. Ведь дворянское сословие – это воинское сословие. Не служиво-бюрократическое, а именно воинское, обладающее независимостью, группирующееся вокруг своего лидера, который являлся коронованным носителем благодати, помазанником божьим, который в германских племенах, разрушивших Римскую империю, поднялся из племенных германских вождей. Это очень интересный, глубокий феномен, потому что вся история Европы – это борьба воинов против жрецов, торговцев и мелких производителей, которую они проиграли. Воины в Европе проиграли. Но в те времена действительно диктатура реально осуществлялась теми, кто на неё претендовал, – от их имени, непосредственно ими самими, и они же были как раз сами силовой структурой.

Естественно, для того чтобы осуществлять диктатуру, нужны силовые структуры, которые, правда, имеют тенденцию в современном обществе эмансипироваться от того, от чьего имени эта диктатура осуществляется. Но, когда мы подходим к этому вопросу, мы должны тогда понять, в каком пространстве будет действовать будущий гегемон, какие цели он будет иметь и, самое главное, на какую экономику, на какие источники и ресурсы он будет опираться. Он же будет гегемон не в безвоздушном пространстве – вокруг него будут люди. Во имя чего, как он будет ими править, и, главное, какие цели, какие задачи? Гегемон не может быть просто захватчиком и узурпатором. Если этот гегемон – захватчик и узурпатор, то это просто некий условный сегмент бандитизма, который людьми не

принимается. И такой гегемон социально-исторически быстро пролетит.

Поэтому нужно разобрать эти вопросы и дать ответ на то, каким будет то пространство, в котором гегемон этот проявится, в котором он придёт к власти.

■ *А в принципе, какое-то из сословий обязательно должно в какой-то момент доминировать или какая-то группа людей всегда будет доминировать в обществе? Сейчас мы уже пришли к какому-то равноправию, к условной демократии, каждый человек имеет один голос, и вроде бы размыты те сословные границы, которые в своё время существовали…*

Сословные-то размыты. Кастовые продолжают функционировать, потому что они не зависят от этих «брендов». Люди всё равно рождаются принадлежащими к тому или иному психосоциальному типу, который органически проявляется. Причём в отличие от традиционных консервативных обществ, сейчас наследственный принцип воспроизводства этого психосоциального типа – «в семье брахмана рождается брахман» – не работает или работает очень ограниченно; как правило, это происходит скачками…

■ *Я правильно понимаю, что с каждым новым поколением будут рождаться воины, будут рождаться торговцы, будут рождаться жрецы, будет рождаться обслуга?*

Потому что это заложено в человеческий архетип. И это более фундаментально, чем деление на расы. Потому что деление на касты проходит через расы – оно вертикально. Жрецы и воины есть у чёрной Африки, есть у жёлтой Азии, есть у белой Европы. Это не зависит от расы. И чёрные жрецы ближе к белым жрецам, чем, допустим, чёрный ремесленник к своим чёрным жрецам или чёрным

воинам.

Согласен здесь с вами, потому что в любой мальчишеской группе есть самый боевой, то есть уже родился воин – и неважно, из какой он семьи…

Да, и здесь очень сложное сочетание: цивилизационные матрицы используют касты, а внутри матрицы идёт жестокая борьба между ними. Например, христианство – в течение всего того времени, когда Европа реально была христианской, была борьба между папой и императором, между гвельфами и гибеллинами[43], между жрецами и воинами. И это была очень жестокая борьба, в том числе и с внешней экспансией, потому что отправка рыцарей в крестовые походы – это один из «политтехнологических» приёмов папства для того, чтобы обескровить воинскую касту в Европе. И, в общем-то, они добились результатов, потому что колоссальные потери, которое понесло рыцарство на этом пути, дали возможность перейти к новым форматам религии, где религии пришлось разделиться на католичество и протестантизм. Но и в католичестве, постреформатском католичестве, и в протестантизме воины проиграли. Возникли абсолютистские монархии католического и протестантского образца, – как мы знаем по примеру Центральной Европы, это дало возможность перейти уже к следующему этапу: появились уже «лицензированные» армии, и так далее.

Но мы же говорим о будущем. Где то будущее пространство, в котором проявится новый гегемон, без которого обойтись нельзя? Потому что есть лидирующий психосоциальный тип, который берет на себя миссию. Эта миссия всегда религиозна – говорим ли мы о современности, говорим ли мы о прошлом. Говорим мы сегодня о либеральном фасаде – а он всё больше облупливается, штукатурка идёт трещинами, и снова вылезает старая кирпичная кладка крепостной стены. Говорим ли мы о прошлом или настоящем – психосоциальный тип обслуживает некую религиозную сверхидею.

Она может камуфлироваться: например, в либеральное время, после XIX века, «когда человек произошёл из обезьяны», для всех (90 % населения Запада) она камуфлируется в идеи прогресса и так далее. Но всё равно за этим стоят религиозные корни, религиозный генезис.

Сегодня настало такое время, когда эти корни будут всё больше и больше выползать из земли, обнажаться, и религиозная мотивация исторического действия будет всё более и более явной. То, что Энгельс сказал, – что раньше человек одевал свои социальные стремления в религиозные одежды, а теперь мы их можем сорвать и эти социальные устремления будут выступать в своём явном виде[44], – это было очень временным периодом. Это было периодом, скажем так, с XIX-го и пусть весь XX век. Двести лет. На двести лет этого тезиса Маркса-Энгельса хватило.

Но до этого социальные стремления носили религиозный характер. Сам термин «справедливость» не может быть сведён к разделению материальных благ. Это понятие изначально религиозное. Это потом его Фейербах, Маркс превратили в «колбасу» (я, конечно, немножко задеваю их память, – тем не менее превратили в «колбасу» на двести лет). А сегодня опять этот вопрос кончается, опять мы возвращаемся к анабаптистам, Мюнцеру, – к религиозному контексту.

■*Вы знаете, для меня во многом есть понимание, что у какого-то сословия или касты в какой-то момент появляется своя харизма. Не знаю, какой термин ещё подобрать, но в своё время у военного сословия, дворян, была своя харизма, поэтому они держали, скажем, европейский мир. Потом, когда начал появляться пролетариат, у них тоже была своя харизма, как у нового класса. Черномырдин когда-то точно сказал, хоть и смешно, что «в харизме надо родиться»…*

Я не уверен, что мы сейчас не уклонимся от нашей главной темы, но в двух словах я всё-таки не премину ответить. Посмотрите на

барона XII века, в кожаной жилетке в пятнах от кольчуги, и на дворянина XIX столетия – не важно, героя Салтыкова-Щедрина или холёного и светски лощеного джентльмена Великобритании, – если вы их поставите рядом, то поймёте: барон XII века – это человек, который заходит в любое пространство, и это пространство становится на колени или где-то тихо отдыхает в углу. В то время как светский джентльмен может быть крайне обаятельным, и все понимают, что это человек более изысканный, «воспитанный» и так далее, – но из этого не следует, что этот джентльмен имеет наследственные права приказывать, править и присваивать себе львиную долю общественного продукта, потому что он более светский, более воспитанный и прочее. Современное дворянство (XVIII–XIX века) не убеждает никого. Дворянство X–XII века очень убеждало. Причём не обязательно кулаком, железной перчаткой, мечом, а просто своим присутствием. Это люди, которые весили экзистенциально в десять раз больше, чем «обычные», даже свободные, вокруг них. Собственно говоря, они-то изначально составлялись отбором именно из тех, кто весил в 10 раз больше, чем другие.

Мы не будем говорить о том, кто сейчас будет весить в 10 раз больше, чем другие. Сначала поставим логический вопрос: а в каком пространстве должен появиться этот грядущий гегемон? Мы сейчас находимся на переходе от одного глобального мирового строя к другому, одной общественно-политической формации к другой. Я уверен, что социализм – эта идея будет встречена в штыки, это один из элементов капитализма, одна из фаз капитализма. Это очень специфическая фаза, я согласен. Там есть некоторые элементы, которые не ложатся в паттерн капитализма полностью, – это касается формы мобилизации человеческого ресурса, – но тем не менее это разновидность капитализма. Это всё кончается.

Мы переходим к **посткапиталистической** и **постпотребительской** общественно-политической фазе, когда будут снесены границы, когда не будет суверенных государств и будет мировое

правительство. Когда старые традиционные классы – те, которые корнями своими происходят из знати, – и жреческие аппараты, которые будут заряжать их смыслом и энергией, станут господствующим слоем. И они будут править очень жёстко теми, кого сочтут полезными для себя в качестве обслуги. Всех остальных будут рассматривать как лишний биологический балласт, который можно будет изводить путём эпидемий, бомбёжек и так далее, – стравливая между собой и помещая в мировой концлагерь и прочее. **Мы вступаем в постлиберальную, антигуманную сферу тиранической диктатуры традиционалистов**, которая будет намного более жестокой, чем во времена Римской империи.

Она, естественно, будет базироваться на информационном обществе, на «умной» экономике, потому что та самая обслуга, которая будет сохранена этой правящей сверхэлитой, – это будет обслуга из умов, обслуга из людей, которые решают интеллектуальные проблемы. Они будут отобраны, чтобы обслуживать, чтобы контролировать физический мир с его вызовами и проблемами. А скажем, что необходимо для жизни – будет решаться: по возможности производить всё что угодно, минимальным количеством низовых ручных работников, работников физического труда.

Действительно, это та самая глобализация, о которой так много говорят, – как и о том, что международные корпорации будут захватывать всё новые рынки, а границы будут падать. И в итоге миром будет управлять структурированная группа суперолигархов или суперэлиты, которая с помощью информационных технологий и остальных возможных инструментов будет дурить голову подавляющему большинству людей, развлекать их…

Может быть, дурить голову уже не будет никакой необходимости, потому что это будет другое пространство. Заигрывание с массами с помощью «хлеба и зрелищ» – это уже элемент демократии. А

демократии не будет никакой. Нет необходимости вставать на корточки и сюсюкать с низшими: с ними разговор будет очень жёсткий. Это будет тот формат и те условия, на фоне которых появится будущий гегемон.

■*И гегемон появится в качестве бунтаря?*

В качестве жёсткой оппозиции, в качестве лидера тех масс, которые будут выброшены за скобки, за колючую проволоку, из правил игры, из субъектности, из истории, из смыслов, как угодно. И гегемон должен стать лидером этого, и на вопрос «В каких условиях проявится гегемон?» мы отвечаем: это будет условие глобального общества новой тирании, нового рабовладения, где гегемон является не лидером в создании условий существования, а лидером в сопротивлении нечеловеческим условиям нового будущего порядка. Это ответ на первый вопрос.

Второй вопрос: какие цели будет преследовать этот будущий гегемон? Естественно, это цели, которые связаны с историей, с интерпретацией истории, и эта интерпретация может быть только эсхатологической и религиозной. Это цель не потребления, не присвоения продукта, и это даже цель не распределения по так называемой «справедливости» этого продукта. Эта цель – ограничение тирании, которая, по мере успешности этого ограничения, ведёт (мы касались этого в предыдущих беседах) к эсхатологическому завершению времени, к вмешательству Бога в исторический процесс. Потому что Бог вмешивается только в тот исторический процесс, в котором хотя бы малая часть человечества проявила себя адекватно Его замыслу.

■*То есть Вы считаете, что будущий гегемон – это прежде всего религиозный…*

Метафизически мотивирован, но при этом антижреческий, потому что жречество является центром, сердцевиной и нервом того традиционалистского олигархического порядка, который будет глобальным. Тот, который будет наверху, будет иметь своим стержнем, своим полюсом именно жречество. Почему? Мы этого касались в предыдущих беседах: потому что у них тоже религиозная цель, они будут встречать Антихриста, это всё – «комитет по встрече Антихриста».

■ *Это сегодняшнее жречество?*

И сегодняшнее, и завтрашнее. Причём об этом говорится и в исламских, и в христианских источниках. Говорится о том, что, когда выйдет «зверь из бездны», то перед ним встанут на колени и покорятся и цари, и епископы, – все они его будут приветствовать. Это происходит сегодня на наших глазах. А это будет ещё в неизмеримо большей мере. Поэтому, собственно, у них тоже религиозная цель.

Кстати, Жак Аттали[45], банкир, который ещё баловался и философскими экскурсами, написал очень давно книгу «Горизонты двухтысячного»[46]. Там, правда, он делает выкладки, которые сегодня не вполне состоялись, но вектор тот, о котором мы говорим. Он указывает, что то, что он описывает – это ужасная, безрадостная картина, внушающая крайний пессимизм, но каков же смысл, какова цель, в чём нерв той негативной картины, которую он предрекает как будущее человечества? И дальше он пишет (банкир, вполне прагматический человек), что цель и смысл того, что он описывает, – религиозный. Иными словами, он указывает на то, что новая эпоха, приходящая на смену этому либеральному прагматизму, будет носить открыто религиозный характер. Но не тот религиозный характер, который бы устроил большую часть населения Земли.

■*То есть это будет, в определённом смысле, реформация? Как когда-то Лютер прибил свои тезисы на двери соборов, заявив о том, что Католическая церковь себя исчерпала, – то есть будет религиозная реформация?*

Приход, скажем, олигархов на сакральной платформе. Это будет консервативная революция, которая восстанавливает традиционализм в его наиболее жёсткой форме – как имманентную духовность, принадлежащую избранным. Я бы так это сформулировал. Это имманентная духовность «здесь и теперь», которая принадлежит избранным в ущерб всему остальному человечеству, и в финальной манифестации которой является именно Антихрист. Это, скажем так, «имманентный антигуманизм». Он всегда был присущ жрецам во все времена. Если мы вспомним психоощущения и самосознание фараонов, кесарей, царей Вавилона, Ниневии и так далее, то мы увидим, что это был, конечно, имманентный антигуманизм.

Они воспринимали себя (и справедливо) как манифестацию Бытия, с большой буквы, здесь и теперь. Ведь, согласно Корану, фараон Египта говорил своему народу, что он – верховный господь, кроме него никого нет[47]. Он ставил себя на место бога, при этом он не подразумевал, конечно, что он является богом вместо Озириса, к примеру, или вместо Анубиса. Нет, он является воплощением этого, он является его представителем, является тем, что для вас есть эксклюзивно: «Пожалуйста, не думайте, что вы можете от меня пойти за правдой к Озирису. Я – Озирис. Кроме меня, в качестве Озириса для вас нет никого». То же самое касалось и кесаря, и так далее. Вот эта форма возвращается, но форма правления, которая будет осложнена холодным термоядом, неограниченным избытком энергии, неограниченными возможностями в электронно-цифровой сфере, неограниченной способностью создать любой артефакт через программирование и через контроль материи на наноуровне, и так далее.

И ещё, видимо, значительное увеличение продолжительности жизни у элиты?

Ну это всё равно имеет определённые границы, через которые нельзя перешагнуть, но, может быть, некоторое увеличение будет достигнуто. Но вопрос в другом: какова работа и на что будет опираться гегемон, который этому будет противостоять? Сущность гегемона, которая будет этому противостоять, может быть определена так: это будет коллективный герой. Подобно тому как во времена Античности или даже в более архаичные времена, до античности, герои, как Ахилл или Одиссей, противостояли Року. Они противостояли в своём индивидуальном качестве бесконечной мощи Времени, которое стирает, поднимает и стирает. Рок как абсолютно неуязвимая сила, которая убивает даже олимпийских богов. Предполагается, что вызов этому бросать бесполезно. Это было до того, как герой получил доступ к монотеистическому Откровению, которое довело до него, что победа возможна, что Рок на самом деле одолим и более того: весь смысл экзистенции в возможности одолеть Рок. Но, естественно, что этот «оптимизм» – не решаемая так просто задача. Мы видим, что проходят столетия, мы видим, что проходят тысячелетия, а колесо Времени по-прежнему стирает народы, стирает в пыль людей.

Вот этот новый гегемон поднимется в качестве коллективного героя, который будет рассматривать Рок как глобальный мировой порядок, как глобальное общество, слившееся и переродившееся в Систему. Система будет физически выполнять функцию Рока, – того Рока, который был очевиден для архаичных людей. Он сегодня будет выглядеть как система, глобальный социум, управляемый мировым правительством. Это и будет Рок.

Мне кажется уже есть определённые проявления появления будущего гегемона: анонимусы, хакеры в сети, всякие движения

неформалов, начиная от панков и заканчивая религиозными сектами и так далее. Это ведь всё равно некий протест против той самой глобальной элиты, которая сегодня руководит миром… А что это, если не протест?

Это уже следующий слой проблемы. Это уже третий вопрос: в каком экономическом пространстве, над кем будет господствовать этот гегемон, кого он будет вести, лидером кого он будет являться? Ведь понятно, что глобальное общество – исходя из того, что оно держит в руках бразды этой неиндустриальной, «умной» экономики, контролирует людей, которых оно отобрало к себе на службу, – создало условия для производства любого необходимого артефакта, любого необходимого предмета, который воображение может себе представить, включая космические аппараты и так далее… в этих условиях – где будет платформа для такого объективного устойчивого существования нового гегемона и тех, кого он ведёт? Я думаю, что это будет параллельная экономика, потому что в таких условиях масса учёных, инженеров, рабочих, фермеров, торговцев, интеллектуалов будут просто выброшены из жизни. Они будут просто не нужны по идейным соображениям, даже будучи востребованы при «новом порядке»; они пойдут к этому альтернативному полюсу, этому альтернативному субъекту, который будет их лидером и защитником. Этот коллективный герой предоставит защиту этому огромному большинству людей, выведенному прочь из истории…

Я с вами здесь соглашусь, потому что действительно с каждым годом растут технологии, и в сельском хозяйстве уже не нужны люди, и в производстве не нужны люди, потому что работают программы, машины…

То, что вы описали, будет скорее контролироваться олигархией…

■*Естественно. То есть я к тому, что все люди будут не нужны… люди будут отправлены за борт истории…*

Совершенно верно. И вот этот коллективный герой – он же гегемон – будет естественным защитником. И понятно, что в данном случае не хакеры, о которых вы говорили, будут составной частью этого гегемона, – они как раз будут под его защитой, будут его последователями, – но понятно, что главной функцией защиты будет силовая функция. Потому что без применения силы такое социальное преобразование не осуществишь, и после разгона государств главным инструментом станут частные военные компании (ЧВК), которые будут подчиняться непосредственно мировому правительству. Борьба против этих ЧВК, ограничение вездесущего контроля олигархии станет постоянной функцией нового коллективного героя, нового гегемона. Это будет повседневное проявление борьбы с Роком. Как Одиссей стоял на вёслах посреди своей команды и плыл к своему любимому острову – и это было его повседневное проявление оппозиции Посейдону.

Вот, так сказать, этот рисунок: в каком пространстве, лидером кого, во имя каких целей и опираясь на что. Мне кажется, что этот коллективный герой будет состоять из людей, которые явятся ниоткуда, они не будут иметь специфической социальной, этнической и расовой привязки. Здесь как раз тот самый новый интернационализм, о котором мы говорили в предыдущих беседах. Он будет внешней, можно сказать, экзотерической фасадной плёнкой, за которой будет стоять сокровенная миссионная сущность.

■*По сути, если не будет госграниц, то и нации будут размываться, и поэтому совершенно спокойно будут все объединяться и бороться против мировой элиты…*

Это уже кастовый вопрос. Конечно же, коллективный герой будет состоять из людей, способных принять на себя бремя вызовов его материальному и физическому существованию, бремя угроз его

личному бытию. Более того, его личная экзистенция будет утверждена на принципе самопожертвования. Это и есть определение пассионарности – даже по Гумилёву.

Хочется помечтать: кто же победит в этой глобальной битве? Новый гегемон или удержится мировая элита, мировая олигархия?

С точки зрения традиционализма наше человечество является одним из бесчисленного ряда в числе прочих, уже исчезнувших. И Вечное Повторение является нормой для этого традиционалистского утверждения Вечного Бытия, пульсирующего Бытия. Они хотят подвести к финалу нынешнее человечество, которое они перешагнут и войдут в будущий Золотой век, будучи зерном следующего цикла.

Для оппонентов, для нового гегемона, задача стоит так: победа над несправедливостью, смерть и воскресение для Суда. Потому что этот Суд имеет своим смыслом определение прегрешений или заслуг перед Святым Духом, который для олигархической группы просто не существует как тема. Святой Дух, который был вложен в Адама. Когда Люциферу, Деннице было предложено поклониться Адаму, он с негодованием это отверг, сказав, что он сделан Всевышним из огня, из чистой примордиальной энергии, а Адам – из глины. Он не знал, что в эту куклу был вложен Святой Дух, который был просто неизвестен.

Что такое Суд? Это суд: ты был против Святого Духа или за Святой Дух – пока у тебя была возможность быть «за что-то». Но это касается только человечества, которое сделало максимум на этом пути служения, где энергетический порыв достиг красной черты.

Очевидно, что бесчисленные человечества прошли до нас, не достигнув этой красной черты, потому что иначе были бы созданы Новая Земля и Новое Небо, и праведники, которые служили этому Святому Духу, были бы в Раю, и нас бы не было, не было бы этого человечества, не было бы ветхого повторяющегося бытия. Поэтому здесь амбивалентный вопрос: либо мы проигрываем (те, которые за

Святой Дух), либо выигрываем. Всё это зависит от того, есть ли «критическая масса» этого коллективного героя внутри нынешнего человечества, и если есть – тогда есть шанс. Но ведь коллективный герой состоит из пассионариев, объединивших в себе пассионарность ума и пассионарность тела в гармоническом сочетании. Мы об этом тоже говорили в прошлый раз. Поэтому или выигрываем, или проигрываем. Это вопрос уже Провидения. Это провиденциально решаемый вопрос. Тем не менее – двигаться по этому пути! **Делай что можешь, а Всевышний решит за тебя, каков будет итог.**

Возможна ли свобода?

06.04.2016

Комментарий Джемаля к постановке вопроса:

Есть свобода воли, а свободы нет! Я могу пожелать чего бы то ни было, но это не значит, что моё желание каким-то образом исполнится. Есть ли свобода у яблока, падающего на лысину Ньютона? А ведь это яблоко в процессе своего падения вспоминает, что его сорвала Ева и ел Адам в доказательство того, что его воля свободна. Яблоко закрывает глаза и проливает слезу, но его встреча с лысиной учёного неизбежна.

Конечно, когда мы говорим о свободе, надо определить, кто тут раб, а кто господин, кто свободен и кто несвободен. Банальное **представление о свободе как праве на выбор идиотизирует всю проблему**. Тема свободы исчезает в механических комбинациях, развилках при «выборе решений» и тому подобной бессмыслице. Кроме того, любой выбор, который делается не с помощью подкидывания монетки, так или иначе навязан извне: прежде всего своим бессознательным. Но подкидывание монетки окончательно лишает такую свободу всякого смысла. Вот почему это столь популярный жест в западных фильмах. Он должен символизировать абсурд существования, абсурд мира. Это полная девальвация свободы.

А ведь это понятие заряжено волей к смыслу, к обретению безусловной и непоколебимой подлинности. Идея свободы тесно переплетается с жаждой порога, с ожиданием встречи с пределом, чтобы перешагнуть через него. Но такая свобода, о которой

неартикулированно мечтают неграмотные рабы, конечно же, не имеет отношения к экономике и правам человека.

Мы приходим к тому, что отправной точкой в поиске свободы является состояние рабства. Абсолютной несвободы. Тогда оказывается, что при взгляде на большой социум мы не обнаруживаем там бенефициаров. Берём подсовываемых нам банкиров-ростовщиков, «кровососов». Ну и что? Они не бенефициары массового рабства. Деньги, которые идут через них, не они создали, не они их выпускают. Тогда, может, те, кто выпускает деньги, оказываются бенефициарами? И тут нет. Они могут напечатать раскрашенные бумажки, но сила этих бумажек основана на глубоком внутреннем рабстве тех, кто ими пользуется. Внешним признаком этого рабства является явное доверие к деньгам, убеждённость, что в этих деньгах сосчитана реальная ценность.

Бенефициарами не оказываются ни организаторы либерального пространства, ни обустроившиеся в этом пространстве представители старых господствующих классов, которых либералам удалось отжать на второе место.

Что же это за общество такое, где нет видимого бенефициара? Нет того, кто в личном плане ест субстанцию социума, как яблоко. Нет оступившегося и согрешившего Адама. А что есть? Есть только рабы. Рабы, зорко подсматривающие друг за другом.

Рысий глаз обитателя бидонвиля[48] оценивает владельца джакузи в двухэтажных апартаментах, прежде чем воткнуть в какую-то точку на его теле беспощадную финку. Но обладатель рысьего глаза ошибается. Джакузи не указание на то, что его обладатель – господин. И всё-всё, что люди имеют или могут иметь по мере карьерного успеха, – акции, оффшоры, министерские кресла, частные бизнес-джеты, – всё это не показатель свободы или принадлежности к классу господ. Все, кто стоит наверху, – это просто мытари, взыскующие жизненные соки с тех, кто внизу. Но мытари – это такие же рабы, как и объекты их поборов. Главным видимым сборщиком

является первое лицо государства. Но от внимания населения ускользает его «мытарский» статус.

Получается, что все индивидуальные фигуры, которые родились и умрут в современном обществе, – это рабы. Тогда «господами» являются не ротшильды и чубайсы, а социальные институты, которые свободны от физиологических процессов и закономерностей. Но и социальные институты могут быть закрыты простым распоряжением «главного мытаря». Из этого следует, что финальным господином и, соответственно, окончательным бенефициаром является общество как таковое, – независящее от людей, от физических персон, а также от их продукта, будь то материальные блага или же разные организационные формы. **Общество – единственный сверхчеловеческий окончательный господин.** Все физические персоны – рабы.

Но мы должны помнить, что социум как внечеловеческий фактор – коллективный фараон – есть проекция Великого Существа (Иблиса) на землю. В конечном счёте Великое Существо является окончательным хозяином. Для людей же оно как Бытие воплощается в социуме как в Джаггернауте – беспощадной машине, заменившей архаичное понятие о Роке. Общество – это судьба.

Итак, вернёмся к главному вопросу: возможна ли свобода? Борьба за эту свободу – возможна! Более того – это императив. Что касается самой свободы как приза в этой борьбе – то нет, она невозможна.

Свобода невозможна без вмешательства из Невозможного. То есть Того, Кто уничтожает аналогии и подобия, будучи Сам не подобен ничему. Ведь что означает стать свободным? Это значит просто перестать быть «образом и подобием» того, кого люди считают Богом и кто на самом деле представляет собой совокупность всех состояний возможного, то есть абсолютной ложью.

■*Сегодня тема нашего разговора: «Что такое свобода и возможна ли свобода?»*

Мы знаем, что свобода – это одно из самых фундаментальных понятий. Вокруг этого понятия выстроена масса теорий, концепций, в которых свобода является опорным, стержневым понятием, на котором строится всё, – и либерализм, естественно. Но и не только либерализм. Если взять религиозные доктрины, то, например, свобода воли – это один из коренных принципов христианского богословия, который выстраивает человека, как некую особую тварь, обладающую тем потенциалом, которым никто другой не обладает из сущего…

Извините, а действительно в религии есть свобода? В чём она? Ведь человек должен подчиняться заповедям, форме…

Согласно христианской теологической норме, человек имеет свободу подчиняться или не подчиняться, – свободу выбора. И здесь свобода является решающим понятием. Но мне кажется, что имеет смысл, прежде чем углубляться в частные ответвления этих разработок, всё-таки посмотреть на фундаментальную категорию, которая нуждается в определении: что же такое **несвобода**, прежде всего? Свобода – это противостояние несвободе, которая более первична, на мой взгляд. Потому что человек рождается несвободным очевидно, потому что когда он родился, пищит в колыбели, то у него, во-первых, выбора нет никакого. И он не мог не родиться. Дети, агрессивно выступающие в конфликт с родителями, говорят: «А я что – просил вас меня родить?»

То есть это первое – он пищит в колыбели и он не свободен. Второе – он обладает телом. Совершенно понятно, что есть физические законы, которые сразу на него начинают действовать: тяготение и физиология. Третий момент – он рождается в определённой матрице. Он рождается, допустим, в нищей Африке, в племени тутси, или он рождается в Москве в интеллигентной семье среднего класса.

И вокруг него есть нормы, правила, которые он обязан соблюдать…

Да, которые сразу начинают его обрабатывать. То есть несвобода первична. И чтобы понять, что такое свобода, нужно посмотреть, что же такое несвобода.

Я считаю, что несвобода очевидно представлена тремя уровнями. Первая несвобода предстаёт перед человеческим существом в форме Рока. Что это такое? Это Время – наиболее архаическая древняя концепция Рока. Как в Коране бедуины спорят с Пророком, – мол, что ты нам тут рассказываешь, мы же знаем, как устроена реальность: мы живём и мы умираем, и убивает нас только время. Это фундаментальная категория, знакомая всем архаичным язычникам…

Я ещё вспомню древнегреческие трагедии, где герои борются с Роком как таковым, с неизбежным Хроносом, временем…

Да, тут мы приходим к главному узлу, но есть ещё фундаментальное понятие (мы его затрагивали в предыдущих беседах), – это то, что в зороастрийской Традиции называется «Фаляк», то есть небо. Чархи фаляк – это Небесное Колесо, которое вращается по кругу, снимает и возрождает, снимает и возрождает. Очень фундаментальная метафизическая категория – «Чархи фаляк». Но Зерван – это вообще Время. Зерван как древнейшее название божественной протореальности у зороастрийцев – это то самое, что в Коране бедуины, ссылаясь на время, называют «дахр», Рок. Время как Рок – это Зерван. Это самое широкое, объёмное, самое древнее представление о несвободе. «Не кончиться ты не можешь, ты взялся и ты кончишься», – вот это Чархи фаляк.

Ты все равно будешь подчинён Року?

Ты уже обречён. Это первичная, органическая, категория.

Вторая несвобода – Судьба. Это близко, но это не Рок. Говорят же, что «география – это судьба», «родители – это судьба», – это некие предпосылки, которые предопределяют. Вот яблоко сорвалось и упало Ньютону на голову – он понял закон тяготения. Закон тяготения для яблока – это не Рок, Рок – то, что этого яблока не будет: оно есть, но его не будет, – это Рок. А вот то, что, сорвавшись, оно упало на лысину Ньютона, – это, конечно, судьба, это закон тяготения, который является условием. Это – Судьба.

Можно, конечно, сказать, что яблоко детерминировано законом тяготения, но здесь я имею в виду немножко другое, другой аспект: свободу выбора. Человек думает, что у него есть свобода выбора, но у него свободы выбора никакой нет, он мотивируется вполне просчитываемыми, изначально заданными импульсами: голодом, сексом, жадностью, всякими страстями. Несвобода как детерминированность внутренними обстоятельствами – экзистенциальная, психологическая несвобода, наиболее внешняя, – это третья несвобода. Если Рок как обречённость – это несвобода «в начале начал», то это уже на выходе этакого развитого, сформировавшегося существа, это как бы конечная стадия.

Если мы поняли, что несвобода – вот эти три принципа, то как эти три принципа связать в нечто общее, как нам понять, откуда эта несвобода берётся? Если обобщить несвободу во всеохватывающем понятии, то это – юдоль[49]. Юдоль человеческая. В более широком смысле это то, куда ты вброшен для того, чтобы оказаться один на один с этой несвободой. Ты присутствуешь на некой площадке, в некоем пространстве, где ты абсолютно связан, где твоя экзистенция – это экзистенция отражения в зеркале.

Мы тут подходим к ключевому вопросу. Если мы задумаемся над тем, образ чего нам конкретно даёт наиболее глубокое впечатление о несвободе, то это будет именно отражение в зеркале. Есть такая прекрасная сцена у великого австрийского писателя Майринка, в его романе «Ангел западного окна». Герой романа – Джон Ди, известный

астролог, оккультист, советник королевы Елизаветы, политический авантюрист, интеллектуал своего времени, много пьет и проводит время во всяких кутежах. И вот, возвращаясь к себе в особняк с трагическим чувством жизни, отвращения к себе, он входит в холл, видит себя в зеркале и начинает избивать своё отражение. И избивал он своё отражение не просто потому, что он ненавидел себя, – такого мерзкого, пьяного, потерявшего время на бессмысленный кутёж, – он хотел, чтобы отражение от боли сделало какой-то жест, который не совпадает с его движением, чтобы оно эмансипировалось, продемонстрировало ему возможность вырваться из этого зеркального плена, в котором оно заморожено, погружено. Он бил его и кричал: «Сделай хотя бы что-нибудь, что я не делаю!» Ну и потом, устав, бросил хлыст и ушел спать бессмысленным пьяным сном.

Этот гениальный образ избивания отражения связан с концепцией Великого Существа и его отражений в зеркалах миров. Потому что есть Бытие как Великое Существо, которое в разных традициях называется Денницей, Люцифером, Иблисом.

■*Правильно ли я понимаю, что для человека несвобода – в основном продукт окружающего его мира, социума, его собственного отражения, то есть то, что вокруг тебя и делает тебя несвободным?*

Первично то, что человек является отражением оригинала. Оригинал – это Великое Существо. Вот в Библии есть (мусульмане считают, что это внесённые, добавленные в переписанную в Вавилоне Библию, идеи), что человек создан «по образу и подобию…». С точки зрения монотеизма никакого «образа и подобия» у истинного Бога быть не может. Бог не только не материален, Он не имеет даже какого-либо идеального содержания, которое всё равно является представимым, интеллигибельным[50], а этого быть не может. Но человек действительно создан по образу и

подобию Первосущества, которое потом взбунтовалось.

■*Человек подобен Люциферу или дьяволу…*

Конечно. Потому что альфой, в онтологической лестнице творения, было то любимое существо – и об этом тоже говорит традиция, что это было первое существо, которое было создано и которое было любимым в акте творения. Это уже потом возник такой раскол, когда возник спор между этим первым альфа-творением и Творцом, когда Творец потребовал поклониться Адаму, отнюдь не первому элементу в этом творении, и тот сослался на свою именно первичность, что отражено и в Коране: «Ты создал меня из огня, а его из глины».

И это неповиновение стало базой вселенской, глобальной метафизической драмы. Согласно Корану, опять-таки, этот Иблис, Первосущество, говорит своему Творцу, что этого человека, на которого Бог делает такую ставку, собьет с Божьего пути. И Творец предоставляет Сатане время для попыток до Судного дня. Иблис говорит: «Я буду заходить на него слева, справа, спереди, сзади, и я его собью с дороги»[51]. Вот это «справа, слева, спереди, сзади», собственно говоря, образует плоскость несвободы. Образует плоскость мира – плоскость того мира, в котором человек является просто его отражением.

Человек является отражением Великого Существа, Люцифера, Денницы, – довольно мутным, опосредованным отражением, и между ними существует такая же связь, как между реальным отражением в зеркале и оригиналом. Оригинал поднимает руку – и отражение поднимает руку. Всё остальное, чего мы касались, – аспекты архаического Рока как уничтожения, обречённости, Судьба как подверженность обстоятельствам проявления, и внутренняя детерминированность по поводу выбора, – всё это уже как бы проявления фундаментальной, первой несвободы.

Итак, несвобода есть отношение оригинала и отражения, а плюс к этому ещё, вне этой поляризации, существует точка непознаваемого

– Творец, Который не входит в эту ось общения между оригиналом и отражением, Он является чем-то вынесенным за эти скобки.

Вот теперь мы можем приступить к анализу понятия свободы.

Прежде всего, если человек – это просто отражение, размещённое на некой зеркальной плоскости, – откуда вообще берётся концепт неповиновения, «выхода за рамки», бросания вызова, свободы в каком бы то ни было смысле? Ну, герои бросают вызов Року. Конечно же, Одиссей, Ахилл, Геракл, потрясая копьём, мечом, щитом, глядя вверх и полагая, что они, наследники богов, бросают вызов Вечному Времени, – они прекрасно знали, что и олимпийские боги стираются этим Роком, и они уничтожимы. Это как мышь, вставшая перед бульдозером. Это бессмысленно.

Да, кстати, в греческой мифологии подробно прописано, как одни боги уничтожали других…

И «Рагнарёк», «Сумерки богов» и так далее. Есть чистое уничтожение, «зачистка», и есть циклическое обновление, – Чархи фаляк, который универсален в том числе и для греков. Тем не менее они всё равно бросали вызов, потому что для них не бросить вызов было невозможно: это был смысл их здесь и теперь, вот сию секунду. Либо они являются мёртвыми объектами уже сейчас без этого вызова, либо они – субъекты и они подлинно живы в момент вызова.

Почему? Что их заставляет, если они – отражения? На этот вопрос ответ только один: они являются носителями, в той или иной степени, того, что не содержится в Первосуществе, что не отражено в зеркале, не проявлено в этой плоскости, потому что этого нет в оригинале. И действительно, почему Творец требует от Иблиса поклониться Адаму? Потому что прежде, чем пробудить глиняную куклу, Он вкладывает в Адама от Своего Духа. Потом пробуждает Адама и говорит Иблису: «Поклонись!». Тот думает, что перед ним оживлённая глиняная кукла, но не знает, что у Адама в сердце есть непостижимая

точка, представляющая собой искру Божьего Духа, Святого Духа.

■*Соответственно, это, видимо, и есть то самое подобие, «образ и подобие»?*

Это не подобие. Образ и подобие предполагают форму, а эта точка – она есть антитеза любой форме, любой аналогии…

■*Позвольте я отгадаю, что это за точка. Если рассуждать так, то действительно: если мы берём концепцию монотеистической религии, сначала был падший ангел, он же дьявол, он же Люцифер, Иблис и так далее. И у человека эта точка – это жажда, любовь к творению, к творчеству, к созиданию? Отгадал?*

Нет. Эта точка есть просто **сознание**. Сознание как антитеза Бытию. Как свидетельствование. Всё что есть, включая Великое Существо, – это объект. А эта точка есть принцип субъектности, потому что принцип субъектности – это полярность любому сущему. На самом деле всё, что мы видим вокруг, всё, что свидетельствуем, – мы свидетельствуем и понимаем только потому, что мы не являемся вещью среди вещей. Мы не тождественны ничему из того, что нас окружает. Только мы. Собака, виляющая хвостом, которая бы здесь сидела, – она одна из этих вещей. Она не понимает, что она собака, что вокруг вот эти вещи, – она вброшена в гештальт. В лучшем случае как живое существо, в котором идёт нарушение второго закона термодинамики, она заперта в свою экоструктуру, эконишу, и она действует в режиме «запрос-ответ». А мы способны абстрактно воспринять всё: звезды, эти стены, собеседников и так далее, потому что мы – ничто из этого (каждый из нас). Это точка прокола в сущем. А Первосущество ничего об этом не знает, потому что в него ничего такого не вложено, – оно гомогенно, как лист бумаги, в котором нет ни малейшего штриха, прокола, дырки. Сплошной лист бумаги,

который никогда не кончается. А мы – рисуночек, в котором дырка.

■*То есть правильно ли я понимаю, что человек может вырваться из системы или круга аксиом неких правил, и через них как-то выйти на следующий уровень и бросить вызов сущему миру, поставив на кон свою жизнь?*

Да. Потому что в нем есть нечто, не совпадающее ни с чем, что является онтологической или, лучше сказать, «контронтологической» базой свободы.

■*Допустим, человек когда-то, наш древний пращур, поднялся на вершину скалы и из своих соображений бросился с этой скалы, то есть он поставил на кон свою жизнь и принял решение самостоятельно свою жизнь закончить, – в этом есть свобода?*

Тут трудно понять, о каком именно пращуре мы говорим, потому что если мы говорим о людях совсем глубокой древности, людях Золотого века, то они были подобны Великому Существу, потому что к ним ещё не пришёл Адам. Бегали люди, которые находились в абсолютном гармоническом тождестве со вселенной, – как младенец в утробе матери, который ещё не пережил разделения на «Я» и «не-Я» и находится в состоянии, как выразился Фрейд, «океанического блаженства»: для него свобода и несвобода совпадают в чистом благе. Он не свободен в утробе матери, но эта несвобода не является бременем, потому что она является блаженством: он там защищён, потому что не переживает разделений. Никакой оппозиции себя с чем-то, и поэтому свобода и несвобода сомкнуты в благе как в простом утверждении. И так были люди Золотого века.

Потом к ним приходит Адам, в котором есть эта искра, а в них нет, им эту искру никто не вкладывал. Вложили в глиняную куклу Адама и дали ему язык: Творец научил его языку, язык имеет божественное происхождение. Адам приходит, и он – не будем пускаться вглубь

теологической историографии (Адам и Ева, потомство и так далее) – так или иначе даёт язык этому человечеству. И после этого, овладев языком в значительной степени насильственно, то есть принуждённые заговорить, они как бы рождаются.

Вот ребёнок родился из утробы – и сразу жёсткий холодный ветер, крики, яркие цвета раздирающе действуют на его пять органов чувств. И язык является этим актом рождения. Сверху что-то обрушилось – это «дождь», жжёт – это «солнце», «холод» морозит и так далее, то есть мгновенно кончается этот комфорт и возникает «Я» и «не-Я». Язык является принципом разделения. И в языке заложено отражение этой точки, которая есть реально в Адаме, а виртуально – во всех, кто приобщился к языку. И всякий, владеющий языком, говорящий на языке, даже условно являясь потомком Адама, приобщившись к нему через язык, становится, вообще говоря, потенциальным «требователем» свободы. Язык является базой свободы.

■*Позвольте я уточню. Если я правильно помню начало всех монотеистических религий, всё-таки Адам был первосуществом, а Вы упомянули некоторых людей из золотого века, которые были до него. Тут нет какого-то расхождения?*

Обычно говорится первочеловеком. Первочеловек в истинном смысле слова, то есть он был первочеловеком как именно человек. И от него происходит естественно некое потомство – тоже, опять-таки, не будем детализировать, каким образом это потомство возникает через Адама и Еву, потому что есть люди, которые иллюзорно полагают, будто всё человечество – это потомки этой первой пары…

■*Если я помню, там была ещё какая-то Лилит, которая появлялась на какой-то небольшой промежуток времени…*

Это уже факультативное добавление такого вавилонского типа. Они не являются официальной частью.

Да, это апокрифы…

Апокрифы. Адам и Ева, и их потомство, которое рождается… естественно, они не могли бы воспроизводиться внутри себя. Есть, правда домыслы, что они должны были дожидаться второго поколения родившихся, чтобы потом жениться между собой – но это уже от безвыходности, потому что сама презумпция, что Адам и Ева – это именно первая пара, от которой всё, она тупиковая. На самом деле, они оказываются среди протолюдей или людей золотого века, которые не являются человеками в истинном смысле слова, то есть не являются адамитами, носителями искры святого Духа. Это просто такие, видимо, обладающие невероятными оккультными способностями, телепатией и всё такое, но такие животные человекообразные…

Полуживотные…

Да. Но без языка. И на них обрушивается, силовым образом, это откровение языка. Они телепатически воспринимают это учение, как ребёнок… как ребёнку мать может дать язык? Он же не имеет словарей, ему не к чему апеллировать, не с чем сравнивать. Он воспринимает то, что ему говорит мать, и понимает слова и запоминает их, потому что он телепатически улавливает смысл. К двум, трём годам этот телепатический момент проходит и он является остаточным.

А те люди были непосредственно в коллективной коммуникации, как пчелы. И благодаря этой телепатии они усваивают смыслы, потом становятся носителями. Но для них это катастрофа. Они превращаются в людей, но превращение в людей – это травма. Это исход из Рая, кстати говоря. Это катастрофа. И когда нам говорят, что

кроме первой пары людей не было, во-первых, это очень упрощённое представление, которое в ходу у совсем низовых представителей религии, берущих крайне упрощённую, периферийную версию религиозной истории в виде мифа. Есть гораздо более сложное, более глубокое, более аутентичное понимание этой истории не в форме условного мифа, который преподаётся в школе в «Законе Божьем», а на уровне масонского предания. Оно нам говорит, что там были люди как протозаготовки и был Адам как первый пророк. В исламе он официально называется «первый пророк». Тут есть специфика: дело в том, что в исламе пророк – это расул, то есть посланник, в русском языке слово пророк связано с речением, пророк – это тот, кто речёт, а в арабском языке «расул» – это послание, это посланный. А к кому может быть послан посланник, если никого нет, кроме него? Он приходит на землю, а она безлюдна…

■*Ну, да, понятно. Видимо, кто-то был – я понимаю, к чему вы ведёте.*

Да. Но когда ты говоришь с людьми: «К кому послан посланник?» Они говорят: «Ну, наверное, к своим последующим детям». Но это уже от безвыходности, потому что есть привычка думать вот таким штампом, что Адам был единственным. На самом деле нет, конечно.

■*Я правильно понимаю, что именно в первого человека – Адама – было заложено стремление к свободе?*

Да. Но как её реализовать? Понятно, что Адам несёт эту возможность, она у него реальна, потому что она вложена Творцом. У других через язык эта возможность виртуальна, но у них есть выбор присоединиться и пойти за Адамом. Тогда они должны встать в оппозицию к Бытию, они должны стать в оппозицию Великому Существу, простой копией которого они здесь, в этом мире, как в

зеркале, и являются. Бросить этому вызов. Ну, в конце концов, мир – это боль, которую причинял Джон Ди своему отражению: бил хлыстом, надеясь, что тот поднимет руку несинхронно. И вот здесь, в этом мире предложено, опираясь на виртуальную возможность, содержащуюся в языке и в причастности к человеческому, отвечая на эту боль, сделать некий жест, который не запрограммирован в Великом Существе, в великом Всё, отблеском которого является микрокосм.

■*Соответственно, наследник Адама, человек с Божьей искрой, может поставить на кон свою жизнь и захватить полмира, как это сделал, например, Чингисхан, Наполеон, Македонский или кто-то ещё, – правильно я понимаю некую логику? Если ты внутри себя чувствуешь эту искру свободы, ты имеешь право покорить народы?*

Подобные действия могут быть совершенно разными по смыслу. Действительно, Македонский, мне так кажется, руководствовался этой искрой…

■*Он вообще считал себя сыном бога, если я не ошибаюсь, или просто богом, в каком-то смысле.*

То есть бросал вызов року. Вот говорят – «это язычник». Сегодня монотеисты говорят: «Мы считаем, что Зулькарнайн в Коране – это не Македонский в истории, потому что Зулькарнайн – это позитивная фигура в кораническом истории, а Македонский – это полный гад». Почему же он полный гад? «Ну, вот, он там считал себя богом и так далее. Это гнусное язычество».

Подождите-подождите!!! Контекст тут совершенно другой. Когда он считал себя богом в том контексте, это означало не более чем то, что он считает себя героем и бросает вызов року. То есть это не более чем традиция абсолютного отрицания Чархи фаляк, этого Зервана, этого дахра. То есть это как раз протомонотеизм. Потому что

в устах Македонского, прошедшего школу Аристотеля (за которым стоял Платон, а за Платоном Сократ), бог – это технический термин, который обозначает его свободу, его право на свободу.

Что касается Чингиза, то это прямо противоположная вещь. Да. Он завоеватель. Но ведь Джон Ди, допустим, поднимает руку, и он добивается, чтобы отражение опустило руку. Движение-то похожее, но оно смысл имеет другой. Чингиз имеет задачу уничтожить эту искру. Он выступает как душитель свободы.

■*Вот как?*

Конечно. Чингисхан, Яса, то есть закон Чингисхана, Орда – это всё пространство подавления свободы.

■*Может быть – упорядочивание хаоса?*

До Чингисхана там не было хаоса, он снёс Бухару, Самарканд, снёс великолепные города. Снёс исламскую цивилизацию, пришёл в Багдад. Дикие монголы, которые были на много ступеней ниже, Китай завоевали. Чингисхан пришёл, всё снес, дал Ясу, сказал: «Ребята, живите спокойно под этой Ясой». Проблема в чём?

Он преследовал ислам и поддерживал жрецов. Всюду, где были жрецы, священники, священническая каста, – она получила мандат на благополучие и деятельность от Чингисхана, а суть, внутренний нерв ислама, он преследовал очень жестоко. Конфуцианство он поддержал, поддержал православную иерархию…

■*Я помню, как Лев Николаевич Гумилёв в своей концепции пассионарности довольно много писал о монголах как о «людях длинной воли», и то, что все эти монгольские орды пошли к «последнему морю», чтобы завоевать всю территорию, весь мир, – по моему впечатлению, это была некая свобода. Столько пройдя, от*

Монголии, где они кочевали между рек Орхон и Керулен, и до Адриатики, всё захватив…

Практически от Японии до Югославии.

■*Так вот, я понимаю, что в тот момент общее невежество скорее говорило этим скакавшим людям, что в любой момент может быть обрыв, а после него – «край земли», то есть туда просто провалишься…*

Во-первых, они прежде всего взяли Китай, а взяв Китай, они использовали всё, что Китай знал, – а Китай очень много знал о тогдашнем мире. Во-вторых, эти люди были далеко не так неинформированы. Не невежественные степняки – несколько столетий очень сложной подготовки к такой жёсткой и силовой работе с миром. Я напомню, что Аттила происходит оттуда. Где-то семь веков, как минимум, – это масштабная работа степных кочевников с большим миром.

Но, если говорить о Чингисхане, то тут поразительна смычка по парадигме действия с Римом, потому что Рим, который завоёвывал весь мир вокруг, начиная с Греции, был невероятно проще, грубее, чем то пространство, которое он брал «за бороду». Кстати, бороду Рим рассматривал признаком варварства. Поэтому «barbaros» – это от «бороды». Бородатый – значит поклоняющийся каким-то своим туземным божествам, родоплеменной, а у нас граждане – универсальный суперполис. При этом всё это было очень примитивно.

Для них эллины были недосягаемыми учителями; мировоззрение римлянина – лучшее из того, чего они достигли, – это Лукреций «О природе вещей», и то это материалистическое произведение. Маркс, Энгельс любили это произведение, но это вульгарная вещь.

■*Римляне всегда считали себя наследниками древних греков…*

Но при этом они были по отношению к грекам как замполит, который проводит с солдатами политинформацию, к «Капиталу» Маркса, – вот примерно такое же соотношение.

Так вот, я хочу сказать, что Чингисхан в этом смысле очень похож на Рим: это дисциплина, это ноу-хау. Во главе угла всегда ноу-хау. Почему они били всех? Они били рыцарские армии, княжеские армии, били огромную китайскую армию. Потому что у них было ноу-хау, колоссальная дисциплина, никаких внутренних вопросов, никакого экзистенциального сомнения. В принципе это римская идея – создать пространство дисциплины, в которой закон является началом и концом, альфой и омегой всякого существования. Это подчинение человека Великому Существу. Не всякий закон является принципом подчинения человека Великому Существу. Есть шариат. Идея шариата как божественного Откровения – это рассогласование отражения в своих движениях с движениями Великого Существа.

Потому что Яса придумана Чингисханом, и в этой Ясе нет самого главного – в ней нет идеи Смысла. В ней есть идея некой справедливости горизонтального плана, практической пользы. Вот город взят – и на три дня пей, гуляй допьяна, как писал Багрицкий.

Вернёмся к свободе. К той самой, может быть, экзистенциальной свободе – человек один против всего мира…

Человек один против всего мира – это одинокий герой. А в одной из передач мы коснулись темы «коллективный герой». С какого-то момента одинокий герой получает весть, что его бунт против Чархи фаляк, Колеса Времени, не так уж безнадёжен. Что в этом дуализме, который совершенно безнадёжен, заперт замком, в этом дуализме оригинала и отражения есть третий момент – источник искры в Адаме, то есть непостижимый Субъект, Который находится вне Бытия, вне сущего, вне интеллигибельности. Субъект, Который присутствует в твари в качестве точки нетождества, которая есть рассогласование оригинала с отражением.

Эта точка нетождества есть сознание, свидетельствование, принцип свидетельствования. И здесь мы обнаруживаем, что весь исторический процесс, всё, чему нас учит цивилизация, все правила игры, – есть не что иное, как подавление этой точки, принуждение человека забыть об этом, вообще перевести его в формат подчинения Бытию, правилам игры, и в конечном счёте – Великому Существу. Язык функционирует в современном человечестве не в том аспекте, как он был принесён Адамом, не как средство мысли, а в компромиссном, искажённом, как средство коммуникации. Это некий компромисс между этим посылом, связанным с сознанием и Бытием, в котором заложен принцип «мудрости».

Традиционные метафизики, ориентированные на это существо из огня, называют «мудростью» тотальную покорность, полное совпадение с оригиналом и растворение во всех возможных состояниях этого оригинала. Это есть «мудрость». «Мудрость», которая изложена Платоном как «мир идей». Что такое «мир идей»? Это набор возможных состояний Бытия. Это Бытие и Великое Существо как Всё в практической реализации. «Мудрость» – это уход «туда».

Но человек стоит на двух ногах, где между ног пропасть. С одной стороны у него откровение Адама, а с другой стороны – его глиняная природа. И он совмещает это в форме актуальной цивилизации – римской, древнегреческой и так далее. Эти цивилизации ему языком Адама рассказывают об истинах Сатаны. В этом суть. И этот парадокс является дополнительными нитями паутины, которая человека опутывает, потому что проблема свободы явно подвергнута искажению. Например ему говорят, что свобода – это «свобода выбора». Свобода выбора между двумя объектами, феноменами. Это явная подтасовка. И самая главная «свобода выбора», которая является подтасовкой, – это предложение ему религиозного измерения этой подтасовки: «свобода выбора между добром и злом». Нет этого! Конечно, можно выбирать между добром и злом, но только это не является свободой. Это выбор между яблоком и

червяком, который это яблоко ест.

Если не ошибаюсь, ещё Конфуций задавал этот вопрос – если платить добром за зло, то чем же тогда платить за добро?

Возможна ли свобода (продолжение)

16.04.2016

Давайте поговорим сегодня о формах свободы.

Да. Этот разговор действительно является переходом к существенной части, потому что до этого мы пришли в целом к такой позиции, что под свободой имеется в виду эмансипация от Великого Существа, отражением которого является человек в зеркале этого мира. Помните, там был образ Джона Ди, который хлестал своё отражение, чтобы то сделало какое-то своё движение, не совпадающее с движением оригинала.

Оказывается, что общество, которое является тенью Великого Существа на земле и ответственным за корреляцию между отражением и оригиналом, ведёт жестокую, беспощадную борьбу со свободой. Я имею в виду реальное общество – не то, что называется «гражданским обществом» и так далее, не всякие там суррогатные подставки, – а то, что можно назвать «коллективным фараоном». Общество как пирамида, которая все свои элементы запирает в жёсткую систему, которая не позволяет никаких движений никакому элементу, то есть эти элементы не ходят, не играют.

Но есть различные поползновения различных типов человеческих существ сорваться с этого крючка, причём даже бессознательно. Философия на счёт отражения Великого Существа людям не присуща, не свойственна, но на уровне инстинкта они пытаются с этого крючка сорваться. И вот одним из наиболее широких, наиболее популярных, общеизвестных моментов выхода на рассогласование между оригиналом и отражением является так называемая «экзистенциальная спонтанность». Известно, что есть такая вещь, как

женская спонтанность. Причём я не говорю о том, что она именно женская в гендерном конкретном смысле. Это просто тип. Он может быть присущ и мужчине – такой лёгкий тип плейбоя, беззаботный тип такого…

■*Ну, у женщин я бы это объяснил всплесками гормонов, наверное… если это правильно так сформулировать…*

Это уже физиологическая сторона. На самом деле есть вот такая типология поведения – «жизнизм». То есть давать выход своему внутреннему бессознательному – это более или менее терпимо обществом. Хотя общество повело наступление и на эту, в женской версии довольно безобидную, спонтанность. В какой форме повело наступление? В форме феминизма. Потому что **феминизм есть не что иное, как наступление на право женщины на каприз, на право женщины быть женщиной, на спонтанность**. Это новая форма правил игры: требования равноправия – это обязательство женщины к участию в не свойственных ей общественных ролевых позициях, играх.

■*И, соответственно, необходимость управления эмоциями и этими самыми порывами, которые так или иначе и означают неудержимую свободу.*

Да. И здесь мы думаем – феминизм. Такой общественный процесс пошёл. Были суфражистки – требовали права голосовать, потом сделали шаг дальше – феминизм, мужененавистничество и так далее. И это всё растёт как кустарник. А вот нет!

Здесь есть определённое целенаправленное наступление общества как коллективного фараона, общества как пирамиды, даже на те островки как будто натурально обусловленной «свободы» (в кавычках), спонтанности с её редукцией. Это значит один вариант спонтанности – то, что называется, «женский».

Есть «мужской» вид спонтанности – искусство. Это креативная форма спонтанности, и здесь уже общество очень серьёзно воспринимает это как действительно реальную угрозу. Собственно говоря, в чём его смысл, зачем вообще существует искусство? Искусство – это попытка создать альтернативное зеркало, в котором как бы создаётся изображение «будто бы сорвавшееся с крючка», будто бы сорвавшееся с жёсткой точки фиксации с оригиналом.

■*Та самая несинхронность с доктором Ди: смотришь в зеркало, поднимаешь руку – а там руку никто не поднимает…*

Да, некая несинхронность. Но ты не можешь это воссоздать реально с собой, но ты делаешь это в искусстве, делаешь это в картинах, в литературе, в кино, в театре и так далее. И здесь уже возникает реальная угроза, потому что тут действительно создаётся альтернативное зеркало. Вот в чём смысл искусства. Поэтому общество сразу наводит зум на это дело и, конечно же, существует колоссальная не просто цензура, а целый аппарат контроля и подавления. Причём он существовал всегда. Наиболее общеизвестное – так называемое «сакральное традиционное искусство», которое подчиняет искусство символическим нормам обслуживания доктринальной идеологии, правящей на данный момент, или религии, – что то же самое. Иконы, фрески, соответствующие песнопения и гимны, соответствующая музыка, создание определённых правил, допуск людей, мастеров, ученичество и так далее.

Нужно понять, что в искусстве есть два полюса: один полюс связан с максимальной возможностью создать такое альтернативное зеркало свободы, а другой, фактически сливающийся с тем же самым Великим Существом, – минимальная возможность свободы. Максимальный полюс свободы – это слово, это литература. Потому что это связано со смыслом, мыслью, ситуативностью, созданием какой-то концептуальной ситуации и так далее, и это наиболее

опасно, и это вызывает наибольшее внимание и наиболее острую болезненную реакцию.

■*Если мы вспомним XIX век и потом XX век, то сначала у Чернышевского появился Рахметов, который спал на гвоздях, а потом появился у Николая Островского уже Павка Корчагин. Сначала появилась идеология, потом появился человек, который готов так жить, всех убивать и сам умирать.*

Да. Замечание очень грамотное. Но в данном случае это ведь не только Рахметов, но это и госпожа Бовари. А даже если мы пойдём в глубь веков, то и там мы увидим, что слово – это попытка создать опасную альтернативу, и, главное, это эффективная попытка. Это действительно альтернативное зеркало, которое работает уже со смыслами, с интеллектуальным пространством.

Есть другой полюс, совершенно противоположный слову, который фактически обслуживает, можно сказать, напрямую интересы тождества отражения и оригинала – Великого Существа и зеркала этого мира. Это музыка. Все мы знаем, что такое «музыка сфер». Музыка сфер – это как раз формы гармонии, которые уже выходят за пределы законов нашего мира. Музыканты, композиторы, творцы музыки – они как бы слышат эту музыку сфер и просто транслируют её сюда. И музыка – это вещь не просто бессловесная, она «антисловесная», потому что бесполезна любая попытка описать музыку как то, что ты слышишь и понимаешь. Всегда есть иллюзия, что, когда ты слышишь музыку, тебе кажется, что ты её «понимаешь», но когда ты хочешь сказать словами, что же ты понял, – получается чушь.

■*Это невозможно. Более того, я думаю, что человек пишет музыку или играет её тогда, когда у него не хватает слов объяснить то, что он чувствует…*

Нет. Это именно враждебные вещи, вот в чём дело. Но мы живём в мире компромиссов, и вообще человеческое пространство компромиссное: с одной стороны, у него сознание, с другой – Бытие. Поэтому в сфере искусства тоже происходит борьба и слияние. Появляется опера, где музыка и слово начинают взаимодействовать и сливаться.

Но между ними находится очень интересная вещь – между ними находится изобразительное искусство. Между ними находится изобразительное искусство в широком смысле: это и живопись, и скульптура, и новейшие формы «феноменологического» как бы искусства. Оно очень интересно, потому что, с одной стороны, апеллирует к феноменологии, непосредственно данной, – это не слово, мысль, а это некая фактура, изображение и так далее, – но, с другой стороны, в отличие от музыки оно поддаётся описанию, то есть это действительно зеркало. Вот картина – допустим, «Набережная в тумане» какого-нибудь французского импрессиониста, – это уже зеркало, это явная попытка сорваться с крючка.

Здесь что проявляется со стороны общества сразу? Во-первых, конечно же, жёсткая борьба против всякой инновации, против появления каких-то новых, непредусмотренных попыток, и во-вторых, самый эффективный способ – это, конечно же, превращение искусства в альтернативный вид валюты, ценности. Есть колоссальная система оценки искусства. Если у художника есть некое имя, то это всё равно, что он банкноты рисует. Это очень эффективный способ нейтрализации попытки сорваться с крючка. Потому что тут же убивается сама идея. Наиболее острая, инстинктивная, глубокая попытка уйти от фальсификации, прийти к наиболее резкому выражению воли к свободе, – это «Чёрный квадрат» Малевича, то есть создание зеркала, в котором имеется прямой отказ от отражения. Вот любое отражение – его перехватывают. А тут отказ от отражения. И его превратили в самое коммерческое из возможных ситуаций.

Но на самом деле искусство тем не менее остаётся всё-таки ещё наиболее опасной сферой проявления этой спонтанности, хотя сейчас уже понятно, что как сознательная борьба за свободу, искусство как метод уже достаточно давно обанкротилось. Были моменты в XIX веке – особенно с подъёмом романтизма, когда на искусство возлагались какие-то надежды, – что методологии, разрабатываемые в этой сфере могут дать какие-то прорывы в человеческом статусе. Сейчас уже понятно, что нет. Потому что выйти из тенет общества, выйти из тенет взаимоотношения «художник – маршан[52] – аукцион – публика как покупатель» невозможно. Но самовыражение какого-нибудь одинокого фрика…

Один из таких ярчайших примеров в том же самом изобразительном искусстве – абстрактная живопись, которая вызывала огромное возмущение у советских людей. Я, кстати, побывал на знаменитой американской выставке в Сокольниках 57-го года, если я не ошибаюсь. Мне было лет десять. Я побывал на этой выставке, и помню, что люди ходили плевались, ругались вслух. Я ещё удивлялся – почему их трясёт от негодования. На самом деле они, конечно, просто переживали, что это очевидная попытка создать альтернативное зеркало. Но она провалилась.

В чем её провал? Пытаясь уйти предельно в альтернативность, они всего-навсего сошли на наиболее низкий уровень изображения феноменологического бытия (как пятна Роршаха), то есть отказались от всякого смысла или дали возможность приписывать некий фиктивный смысл по произволу смотрящего, но ушли на уровень феноменологического восприятия. Но это капитуляция.

То есть превратить зеркало в шкуру зебры или в шкуру леопарда – это не есть срыв с крючка тождества с оригиналом, потому что есть, конечно, миры, где изображение ниже человека, – так называемые «доформенные» миры, которые настолько затуманены по отношению к оригиналу, что там в хаосе плавает что-то, и свободно оно или не свободно – это уже не имеет никакого значения. Ценность имеет то, что сохраняет форму. А здесь попытка уйти от

формы в дочеловеческие миры, которые лишают смысла идею борьбы внутри искусства. Это капитуляция, абстрактное искусство – это уже капитуляция. Хотя советские люди, я думаю, возражали против самой идеи поиска свободы.

Я хорошо помню своих бабушку и дедушку, которые действительно с большим негодованием воспринимали всю живопись, отличающуюся от соцреализма. Любое иное изображение просто вызывало негатив. «Так рисуют только какие-нибудь бумагомараки, так каждый может...»

Была такая идея, что если уж ты рисуешь, то ты должен «правдиво», фигуративно отражать реальность, – это требование, чтобы твоё альтернативное зеркало совпадало с тем зеркалом, от которого ты пытаешься уйти. Но зачем человеку вообще браться за кисть, за краски, если не пытаться сорваться с крючка и не создать альтернативное зеркало? Но ему говорят: нет – если уж ты создаёшь, то создавай «это».

Но общество не только борется со спонтанностью и натуральными попытками человека соскочить с этого крючка, но оно ему предлагает свои версии свободы, потому что нельзя бить по рукам, не предлагая при этом какую-то альтернативу. Значит, есть какие-то альтернативы, которые выдаются за свободу, будучи явным фейком. Я пришёл к выводу, что их четыре разновидности.

Есть так называемая «экономическая свобода». Она предполагает два важных полюса в себе: это свобода частной инициативы и свобода потребительского выбора. Ну да, сорта пива, бренды автомобилей. И свобода частной инициативы. Это свобода, которая является для современного общества наиболее важной, наиболее охраняемой, безусловной и так далее. Но и здесь идёт наступление на эту свободу, потому что, если взять, к примеру, Европу, то там как бы свобода частной инициативы. Но если вы попробуете открыть какую-то шаурму где-нибудь в уголке Берлина, то вам придётся

пройти через такие мытарства административных согласований совершенно совкового типа, что вы все проклянёте, потому что Европа в этом смысле абсолютно «заадминистрирована», – и это сознательный путь. В Америке полегче, там частная инициатива более защищена, но этот процесс тоже растёт.

Кафешку можно сделать, но в серьёзный бизнес не пройдёшь…

В серьёзный бизнес не пройдёшь, да и самый примитивный бизнес тоже будет подвергаться «наездам». Конечно, там нет бандитов, которые наедут и потребуют, но будут являться всякие фининспекторы, инспекторы по санитарии, плюс отчисления в пенсионный фонд и так далее, – в общем сойдёшь с ума. И в итоге ты будешь получать меньше, чем мелкий чиновник в бюрократической системе, перекладывающий бумажки. Ты будешь весь день стоять у печи, а получишь меньше, чем дворник, который работает в муниципалитете…

Да. Экономическая свобода – это тоже во многом фейк. Потому что пример Илона Маска, который выпускает «Теслу» и его ракеты садятся на платформы, – но все как-то забывают, что американское правительство его финансировало: порядка 5 миллиардов долларов он от него получил. На такие деньги можно и в космос летать…

Вторая разновидность предлагаемой обществу свободы – это «гражданская свобода». Свобода митингов, собраний, свобода слова. Понятно, что это очень двусмысленная вещь: с одной стороны, она не является никакой реальной формой экзистенции, с другой стороны, это очень удобное пространство контроля, – как бы такой «градусник» для замера общественной температуры. И это поле псевдодействия, которое никуда не ведёт.

И тут мы подходим к третьей, очень важной, псевдосвободе, которую предлагает общество, – это «политическая свобода». Эта

свобода, конечно, связана с демократией, с выбором.

Тут надо чётко различать: есть гражданская свобода – это свобода собраться, поговорить, а есть политическая свобода – это свобода проголосовать за некую политическую фигуру, представителя некой партии, и так далее. Эти свободы существуют по отдельности. Говорить ты говори – ради бога, это никого не касается. А тут проголосовал – значит ты уже как бы выбираешь себе лидера. Нам понятно, что это уже совсем издевательство над голосующими, потому что – ну проголосовал, ну выбрал себе, допустим, Меркель, мягко говоря, или Ципраса[53], который пообещал одно, делать начал другое, или цирк с этим Трампом, например.

Ну и четвертая свобода – это «социальная свобода». Что такое «социальная свобода»? Социальная свобода – это свобода, которая тоже была предметом большой борьбы, особенно в XIX веке, – ну с XVIII по XIX век и даже XX век захватила. Наконец она была достигнута. Что это за свобода? Это свобода развода, это свобода жить с кем хочешь, «свободная любовь» и так далее.

Вот видите, общество создаёт фейковые свободы. В альтернативе к спонтанности создаёт «свободы», а потом внутри этой предложенной им «свободы» начинает отгрызать куски: тебе предлагают, к примеру, свободный развод, а потом обкладывают мощными алиментами, штрафами и так далее.

■ *Логично же, ведь человека надо чем-то занять…*

Здесь дело не в том, чтобы занять, а в том, что предложив некое поле игры, «коллективный фараон» вытаскивает человека на площадку, которая создана не человеком. Не человек же предлагает обществу некую площадку, на которой предлагает поиграть. Нет этого. Общество предлагает площадку: вот тебе «свободная любовь», как было, например, в 20-е годы после революции. Потом приходит товарищ Сталин и начинает закручивать гайки: развод – это уже исключение из партии. Только что был «стакан воды»[54], а теперь это

уже жизненная катастрофа, это уже местком, женотдел и так далее, – начинается такое закручивание.

То есть четыре фундаментальные свободы, предложенных обществом:

• экономическая, которая блеф;

• гражданская, которая является выпусканием пара, но и по ней наносится удар;

• политическая – это уже просто поддаться на провокацию шапито;

• социальная, где «гуляй – не хочу».

Но там сразу идёт такой момент. Если ты хочешь делать карьеру, допустим, в наиболее демократической стране какой-нибудь. Про Америку мы не будем говорить, потому что Америка доказала, что это страна более страшная во всех отношениях, чем Советский Союз худшего периода. Там же теперь можно обыски проводить без присутствия хозяина. Про Америку мы не говорим. Ну, какая-нибудь демократическая страна. Вот ты хочешь быть профессором. Не дай тебе бог где-нибудь сказать не то что «ниггер», а «чёрный». Как профессор – ты уже никто. Будут собраны петиции возмущённых студентов: тебя заклюют. Ты сам подашь в отставку и уйдёшь оттуда. Всё. А если ты какой-нибудь мойщик на автостанции, автостоянке, да, ты можешь сколько угодно говорить «ниггер», ты можешь каждый день менять девчонку, и никто тебе слова не скажет. Но если ты хочешь куда-то пройти…

■*Подняться по социальным ступенькам…*

Да. Тебе придётся сразу отказываться от этих элементов свободы.

■*Чем ты выше поднимаешься по этой лестнице социальных благ и социального превосходства, тем от большего количества свобод ты отказываешься. Президент ограничен совсем…*

Президент позволит себе что-нибудь со своей помощницей в лифте – и всё: там уже вся нация стоит, прильнув к окошку, и подглядывает в диком восторге.

Мы на этом этапе поняли, что есть эти четыре фейковые свободы.

Мы сначала коснулись темы спонтанности – это то, что предлагает человек обществу: площадка, на которой он предлагает поиграть «коллективному фараону». Но «коллективный фараон» его там бьёт, ставит ему шах и мат. Дальше «коллективный фараон» предлагает человеку свои четыре площадки, на которых тоже бьёт его.

И где-то в XVIII веке люди докапываются до сути вопроса, и они всегда, – по крайней мере, некоторые из них, – переводят тему в интеллектуальную плоскость. И возникает вопрос ребром. Вот есть Джон Ди, который хлещет своё изображение, и есть изображение, которое никак не может сорваться с крючка: оно вынуждено повторять движения Джона Ди. Потом, в какой-то момент, изображение говорит: «А Джона Ди-то, между прочим, нету!». Я имею в виду возникновение атеизма, потому что на самом деле атеизм по сути есть отрицание отнюдь не Бога, о Котором атеист ничего не знает, а это отрицание Великого Существа, который является оригиналом, – архетипа, образом и подобием которого является человек.

Он говорит: «Бога нет». Ход предельно сильный. Но в чём здесь фокус – очень неприятный для тех, кто идёт этим путём? Как только человек вступает на путь простого и сильного нигилизма, атеизма, то это мгновенно заменяется отъявленнейшим идолопоклонством. Но не в буквальном смысле поклонением деревянным идолам, а в широком, метафорическом смысле. Потому что любой атеист сидит на крючке веры в человечество, в прогресс, веры в либерализм, в процветание, «позитивы». И если он правый, то он будет антикоммунист, но это будет правый либерал. Он верит в добро и зло, верит, что всё больше и больше реализуется добро и убывает зло, что «мы идём от пещер дикарей в какие-то хоромы электронного завтра», – на базе именно этого атеизма. Мгновенно

нигилизм переводит его к признанию в качестве доминантных императивов всякого рода глупостей, которые даже смешно обсуждать: они гораздо более сомнительны, чем понимание того, что Великое Существо всё-таки есть и оно является оригиналом. Более того, человек, который встал на путь отрицания Великого Существа, рванул на себе тельняшку и сделал такой предельный жест, – он становится, в общем-то, беззащитным и безоружным, потому что ведь известно, что стратегия дьявола заключается в том, чтобы заставить людей признать, что его, дьявола, нет. И когда они признают, что дьявола нет, он появляется во всей своей красе и полноте.

Очень хороший вы привели пример с Чернышевским, потому что русская литература в этом смысле – очень тонкий резонатор, который связан с такими токами, с такими интуициями, на которые Европа оказалась неспособной. И вот, я хотел бы обратить внимание на два великих нигилистических образа, которые были созданы русской литературой. С одной стороны, Базаров, а с другой стороны – Кириллов. И они объемлют в себе, как скобки, всю полноту борьбы с Великим Существом, зависимость от Великого Существа. Базаров говорит, что никакого Великого Существа нет, природа – не храм, а мастерская, и человек в ней – работник. Умирает жалким образом – это уже деталь, но деталь тоже…

■ *На могиле его вырос лопух, если я не ошибаюсь…*

Он говорит сам: «Одно знаю, я умру, и из моей могилы лопух вырастет». То есть он отказывается и от «человеческого» будущего, потому что это человеческое будущее тоже идол, – он не хочет в этого идола верить. Значит, он хороший, законченный нигилист. И это очень кстати подчёркивает то, что Тургенев – глубокий интуитивист: он не пишет ложный образ, исходя из неких установок «как должно бы быть», он пишет Базарова, исходя из интуитивной правды этого образа. Этот Базаров, в принципе – именно тот материал, из которого приходят первые большевики, которые строили советскую власть,

проводили индустриализацию, перекрывали реки и так далее. Почему? Потому что «природа – мастерская, а человек в ней – работник». Вот комиссары первых лет – они из Базарова.

А есть религиозный полюс – это Кириллов, который говорит: «Кто убьёт себя только для того, чтобы страх убить, тот тотчас богом станет». И это совершенно другой, глубочайший полюс, абсолютный полюс нигилистического отчаянья, который говорит: если невозможно сорваться отражению в зеркале с крючка оригинала, то единственно, что остаётся сделать, – это отражению в зеркале умереть и стать оригиналом. Такой могучий ход. И на это он идёт. Мы уж не знаем, как там дальше, но из этого получается Ницше, из этого получается много чего, но если брать наш собственный опыт, то из этого получаются «богоискатели», «богостроители», – но, в общем-то, они стали Кирилловыми в застенках ЧК. Но поскольку это был не их выбор, то я думаю, что результат тоже был не такой, как Кириллов рассчитывал. Но тем не менее это интересный религиозный ход, который очень сильно подействовал на европейское сознание. Базаров не подействовал, потому что Базаров у них уже был отработан в «Фаусте» задолго до этого…

■ *«Фауст», если помним, начинался ещё в шекспировские времена…*

Да. Фауст отработан. Базаров – это бледная тень Фауста.

Кстати говоря, Фауст работал с Мефистофелем, а Базаров понятия о Мефистофеле не имеет, он дурачок в этом плане. Здесь, конечно, Базаров точно проигрывает. А вот Кириллов – это очень глубокий ход, который был новым словом. Это новое слово было понято и услышано. Но оказалось, что и «Кириллов», мягко говоря, это тоже неубедительный и маргинальный ход, – острый, но маргинальный.

Из этого делаем вывод: невозможно осуществить восстание против Великого Существа, не получив инструкции в виде Откровения. Потому что человеческого ресурса – его изобретательности, его спонтанности, его методик – не хватает для

того, чтобы побить в этой карточной игре такого шулера, как «коллективный фараон», который, будучи тенью, как мы уже говорили, Великого Существа на земле, является охранителем, жандармом, координатором того, чтобы «образ и подобие» оставался верен, жёстко привязан к своему архетипу.

То есть побить его невозможно – но вот инструкция, которая идёт от Откровения и которая даёт возможность добавить непредсказуемое измерение. Ведь чем характерно отражение, почему оно фундаментально отличается от оригинала, чем оно бросается в глаза как «не то»? Во-первых, у него перевёрнуты стороны. А во-вторых, его глубина в зеркале – это псевдоглубина. Там два измерения, а третье виртуальное. Эта перспектива иллюзорна. Без инструкции Откровения эта иллюзорная глубина не становится реальной. Вот Вы можете спросить: а что такое Откровение и почему это не является очередным самообманом?

■*Очень хороший вопрос, я как раз его готовил… Вы наверняка знаете большое количество комментариев ко всем откровениям всех религий, где приводятся доказательства их материалистической основы и так далее и тому подобное…*

Естественно, знаю. Но вопрос-то в чём? Есть критерии, и понятно, что как только Откровение приходит к людям, то «коллективный фараон» включается на всю мощь и тут же стремится фальсифицировать это Откровение. И первое, что он делает, – он начинает снабжать это Откровение «комментариями», которые говорят, что это чёрное на самом деле белое и белое на самом деле – чёрное. И что бы там ни было сказано, «коллективный фараон» всегда это перевернёт. Поэтому каждое следующее Откровение старается обставить себя всё более и более глубоко проработанными «заградительными ходами». Но оно всё равно же попадает в руки каких-то «мудрецов». Есть пророки, и они приносят Откровения в чистом виде, потом приходят цари, они судят по этому

Откровению, но потом приходят просто судьи, а потом приходят «мудрецы». На последней стадии «мудрецы» просто фальсифицируют Откровение, а потом говорят: «Мы-то и есть те, кто является живым Откровением, и как *мы* сказали – так это Откровение и существует в жизни и действии». Но на этом уровне можно уже расстаться с любой попыткой увидеть правду, и следующая фаза – это скатывание в то болото профанизма, которое следует за религиозной эпохой.

Но есть такая вещь, как «инструкция» в прямом смысле слова, которая даётся так, что она прямо требует разрыва с понятиями и ориентациями естественного человека на добро и зло. Вот в Коране сказано: «…вам неприятно то, что является благом для вас, и вы любите то, что является злом для вас»[55]. Реально естественному человеку предлагают понять, что его естественные органические импульсы, исходящие из следования архетипу, – это как раз то, с чем надо рвать.

А как и на что опираться? Опираться на набор достаточно простых инструкций, которые основаны не на делении «добро и зло», а на «дозволено и не дозволено» («халяль и харам», «кошер и херем»). А они идут поперёк добра и зла в понимании естественного человека. Поэтому эта инструкция является реальным актом снятия с крючка, если следовать ей, но более того – если ещё осмыслять. Если, конечно, тупо следовать, с фанатизмом, то можно превратить в противоположность…

■ *Белое станет чёрным?*

Да, в любой момент. Но, если ты осмысляешь и следуешь этой «инструкции», и сознательно эмансипируешься от самого главного аспекта, на котором человек сидит, как на крючке, – от «добро и зло». Это же самый главный крючок Великого Существа – добро и зло. Дьявол ловит нас на идею «блага», и, следуя идее «блага», мы попадаем в его объятия. Кстати говоря, все язычники твёрдо стоят на

платформе блага. Платон, все шесть религиозно-философских школ индуизма, буддизм, – всё это стоит на платформе «блага». Сняться с этого крючка можно только через инструкцию Откровения.

А следующий шаг – это концепция «справедливости». А справедливость не связана с делением материальных благ. Она может, наоборот, выглядеть как резкая несправедливость с точки зрения, что называется, «бытовой»: «пайку надо делить на ровно выверенные части». Может, это совсем и не так. Справедливость – это смысл. И совершенно точно, что если нечто лишено глубинного смысла, это – несправедливость.

Бытие. Никто не сумел доказать и объяснить, что Бытие имеет смысл. Платон даже не пытался этого сделать, и Сократ не пытался этого сделать. Они сказали максимум, что Бытие есть благо. Но благо не есть смысл. Поэтому справедливость как смысл, которая как цветок поднимается на клумбе этой инструкции «харам – халяль», – это есть единственный костыль, опираясь на который, человечество может сделать шаг к свободе, уходя от экономической, гражданской, политической и социальной псевдосвобод и не пускаясь в небурные и довольно мутные воды искусства, которые всё равно никуда не ведут.

Нечеловеческий фактор

27.04.2016

Комментарий Джемаля к постановке вопроса:

Нечеловеческим фактором испокон веков считали Рок или судьбу как индивидуальное «отпочкование» Рока. Рок неумолим, но с судьбой можно договориться. Следование судьбе интересно, потому что есть ощущение сценарного продолжения. Однако всё это переживание людей старого времени. Для современного человека Роком стало общество. Точнее, общество приобрело характер неумолимого принципа, который давит, давит со всех сторон. В этих условиях личная судьба крайне приблизилась к Року: вариативность сильно уменьшилась. В дореволюционные времена человек либо кончал институт и делал карьеру, либо исключался с первого курса и шёл на ссыльное поселение в Сибирь.

Чем в большей степени исчезали элементы разнообразия, тем, соответственно, сильнее проступал Рок. В Сибири у ссыльных очень схожий образ жизни. Там Рок из сакрального и непостижимого становился ординарным, каждодневным.

Эта преамбула нужна для того, чтобы провести следующую мысль. Сегодняшний человек живёт непосредственно в Роке. Каждое его действие, каждый шаг фатален. Это не значит, конечно, что подобный человек заслуживает авантюрного романа. Нет. Будучи насквозь банальным, он одновременно фатален. С точки зрения людей конца позапрошлого и начала прошлого века – это абсурд. «Глупость какая-то!».

Совмещение фатальности и банальности – это специфическая характеристика новейшей эпохи. Можно сказать, что сам фатум стал

сер и безнадёжен. Поэтому современный человек не верит в пафос и не слышит романс тем же ухом, которым его слушали прадеды.

Но есть ли у фатального политическое измерение? Да, конечно, есть. Как мы говорили в начале, Рок не имеет отношения к человеческой субстанции. С точки зрения Рока, судьба какой-нибудь конкретной травинки или лягушки совершенно тождественна судьбе Наполеона.

Вот здесь, как говорится, «зарыта собака». Рок – это вопиющее торжествующее тождество, в конечном счёте – тождество всего всему. Там, где человек сталкивается с этой упраздняющей нивелирующей силой, которой он не намерен подчиняться, – там возникает политический эффект. Сегодня политика – это борьба сугубо человеческого с внечеловеческим. Борьба с Роком. Именно это даёт вспышку и полёт тому, что популярно называется пафосом. Кстати, в греческом языке это слово означает «боль». Место под этим названием – это, видимо, одно их тех мест, где «посвящённые» встречались с Бытием. Потому что такая встреча всегда сопровождается болью.

Когда германские воины бросили судьбоносный вызов «ледяной пустыне», они знали, что эта пустыня есть парафраз Рока. Встреча с Роком для этих людей была важнее победы. Потому что надежды, ожидания, планы Райха являлись всего лишь внешним поводом для реализации особых состояний, для оживления энергий великого дракона, Уробороса, обнимающего и сжимающего наш мир. Поэтому говорить о том, кто выиграл в этой великой войне, которая шла как минимум на трёх планах, ещё рано. Эта война с Роком продолжается и по сей день.

Может быть, уже не в ледяной пустыне, а в обычном нормальном пекле.

■*Сегодня мы подводим заключительный итог серии бесед. И назовём мы его «Нечеловеческий фактор».*

Да. «Нечеловеческий фактор», на мой взгляд, это, во-первых, характеристика Рока. Но раньше Рок выступал – мы об этом как-то говорили в предыдущих беседах – в форме «вечного времени», Колеса Времени, которое снимает и порождает, которое косит. Это нечто безусловное, неотменимое, – это не судьба, которую можно поменять. Не помню, кто сказал, что «география – это судьба»: родился в России – и это судьба. Но люди уезжают, становятся мигрантами, меняют судьбу. А вот есть более такой глубокий, страшный и неизменный момент: вот ты родился и ты умрёшь. Можно взывать к небу, можно биться головой об стену, но ты ничего не изменишь, – умрёшь. Это фатальность. Эта фатальность – характеристика Рока, против которой восставали древние герои, против которой очень маленькая часть человечества ведёт борьбу. Но этот Рок, как ни странно, который при Одиссее имел характер «бесстрастного неба», – жаркое, бесстрастное небо взирает на маленького человечка, плывущего среди островов, – оно, оказывается, тоже меняется во времени. Раньше это было Время – оно и осталось временем, но оно изменилось: оказалось, что человеческое пространство, пространство себе подобных, стало идентичным механизму, – Джаггернауту, жестокому и беспощадному. Человеческий социум стал Роком.

■*То есть сегодня человеческое общество взяло на себя функции «Вечного Неба»?*

Я бы сказал так: человеческое общество как бы «съело» Бытие. Я бы даже не стал употреблять слово «человеческое» – раньше можно было бы говорить «человеческое» и это было нормально, – а теперь надо просто говорить «общество», не имея в виду, что оно человеческое, потому что оно уже освободилось от этого предиката. Оно уже именно нечеловеческое, оно является просто неким механизмом, некой системой. Раньше общество было тенью Великого Существа, а теперь общество претендует на то, что это

Великое Существо «схлопнулось» с ним. В какой-то момент оригинал подошёл так близко к отражению, что зеркало его втянуло, – это как бы здешнее пространство так думает. Это хозяева и мэтры социума думают, что им теперь не нужен «мэтр снаружи», не нужно Великое Существо: теперь они во всей своей полноте и есть одновременно и Великое Существо, и его представители, – двойная такая функция. Бытие стало человеческим обществом, просто обществом.

■*Может, потому, что людей стало так много и так быстро разрослось информационное поле, ноосфера? И если раньше люди долго коммуницировали, то теперь они так близко друг к другу, так сильно друг на друга влияют, что подменяют этот Рок?*

Здесь многое верно замечено, особенно в плане коммуникации. Но нужно понять и разобраться в главном: что такое кризис реальности, потому что общество превращается в Бытие, – и это продукт кризиса. Реальность входит в некую очень болезненную фазу. Но чтобы понять, что такое кризис реальности, нужно понять, что такое реальность вообще. Реальность – это эффект противостояния нас, как свидетелей, тому, что есть «не-Я».

■*Сложно. Давайте ещё раз.*

Давайте так. Вот с самого начала, когда человек говорит «это реально» или «это реальность или это сон», он апеллирует к дихотомии «сон – реальность», он щиплет себя, чтобы проверить, реальность ли это; если он засыпает, он знает, что он уходит в некий внутренний мир, мир грёз.

Чем характеризуется этот мир грёз? В этом мире грёз он никому не противостоит, он уходит в домик своего физико-психического существа, в своё подсознание, в своё бессознательное, он отключается от внешнего и говорит: «Это – не реальность». Или он принимает наркотики и отключается от внешнего мира, уходит в

некий внутренний субпродукт. Значит реальность – это то, что не является чем-то внутренним, не тем, что присуще ему, что он может найти, отключившись от всего остального. Реальность – это внешнее. Но какое внешнее? Внешнее – не то абстрактно «внешнее», а то внешнее, с которым он борется, которому он противостоит, где существуют силы действия-противодействия, противонаправленные силы. Допустим, некое давление – то, что является принуждающим фактором. Вот говорят: «Сила тяготения – это же реальность», «То, что ты стареешь – это же реальность». Ну, в своих снах я могу не стареть, в своих снах я могу молодеть или летать. Но реальность говорит: «ты стареешь», «ты не можешь летать». Это – реальность.

Теперь, если это реальность, то в чём заключается её кризис? Кризис заключается в том, что исчезает момент противостояния. Это значит, что с одной стороны есть некий вызов, который на тебя давит, а с другой стороны есть «Я-свидетель», который является достойным оппонентом, полюсом.

■ *Протагонист и хор, как в древнегреческой трагедии.*

Совершенно верно. «Да, я проигрываю, я, конечно, не могу не стареть. Я старею. Я не могу взлететь. Я обречён по закону тяготения. Но это применяется ко мне, и я являюсь достойным объектом, на который это воздействует, потому что армия реальности меня преследует. Разные физические, моральные, психические и прочие фундаментальные законы не дают мне спуску. И я их отталкиваю. Даже становясь преступником, я борюсь с этой реальностью, кидаю ей вызов, и в этом смысле я переступаю какие-то законы, какую-то черту».

Можно же сказать, что первые воздухоплаватели, братья Райт, были «преступниками», потому что они нарушили закон тяготения, переступили его.

Я бы сказал – чуть ли не богоотступники.

Они бросили вызов этому закону и переступили его, и тем самым они «технически» преступники. Но происходит странная вещь: исчезает противостояние. В какой-то момент оказывается, что внешнее, которое давит, – есть, а вот то внутреннее, которое сопротивлялось, на которое это внешнее давило, – его больше нет. Нет больше того субъекта, нет больше той точки, на которую со всех сторон шли эти стрелки давления, – человек исчез.

То есть нет условного Леонардо да Винчи, который противостоял силам природы, в каком-то смысле, пытался открыть новые механизмы, – это вы имеете в виду?

Нет больше человека, который ощущает себя чем-то отдельным и самостоятельным от общества. Существует огромное количество сделанных под копирку людей, которые не то что себя ощущают, – а для них нет вопроса «ощущать, не ощущать». Это их данность, как у кроликов, которая не обсуждаема: не обсуждаемо, что мы являемся винтиками общества, мы являемся частью общества.

Конечно, Аристотель говорил, что «человек – это животное общественное», конечно, Ленин говорил, что «нельзя жить в обществе и быть свободным от него». Но они, по-моему, не то имели в виду, когда это всё говорили. Современный человек, когда говорит о себе как о достойном члене общества, он просто предполагает, что его бытие, его личное бытие является функцией от социума, что он просто встроен в социум. Клетка же не может существовать сама по себе вне организма: если выделить эту микроскопическую клетку, то она просто умрёт, потому что она вписана в ткань, является структурным элементом ткани, а ткань организована в более сложный высокий порядок. Поэтому клетка не может мыслить о себе, как о чём-то, играющем собственную роль, «оппонирующем» организму, и так далее. Если она так думает, то это уже раковая опухоль, и её хирургически удаляют. Поэтому человек – как

отдельный игрок, который противостоит обществу как некий антропологический полюс. Общество же – это не антропология. Социальная антропология появляется только сейчас, в результате того, что общество всё заполонило. А вообще антропология – это изучение человека, который, как вы помните, на рисунках того же да Винчи, – это макрокосм, человек стоит как пятиконечная звезда, и он является моделью всей реальности. Но такой человек исчез.

Кризис реальности – это исчезновение человека и поглощение его социумом.

■*Человек перестал быть самостоятельным. То есть если человек ещё несколько веков назад мог самодостаточно существовать, обрабатывать землю, охотиться, питаться, то теперь мы настолько все дифференцированы, что работник по установке пластиковых окон может делать только это – и ничего другого…*

Это внешняя часть, потому что, теоретически говоря, можно поставить этого офисного работника в условия Робинзона, когда он будет вынужден, чтобы не сдохнуть, сеять какой-то хлеб или рубить какие-то дрова. Но дело не в этом, дело в том, что его внутреннее самоощущение является просто чистым забвением того, что он есть отдельное существо, что он есть монада, микрокосм, что внутри него есть некий центр свидетельствования всего Бытия, «не-Я» вокруг, что есть он и есть великое небо над ним или природа, противостоящая ему, – вот это исчезло, потому что он находится внутри социума, как во сне. Общество стало для него сном, который стал явью, в нём нет зазора между «Я» и «не-Я», и это «не-Я» приобрело характер: оно, как лента Мёбиуса, переливается внутрь него самого, внутри него то же, что снаружи, у него нет зазора. Он стал абсолютно «пластиковым», как те окна, которые он делает в этом офисе.

Но тут суть происходит в следующем: почему этот процесс дошёл до этой степени, почему это наступление социума уничтожает человека полностью? Дело в том, что общество – это действительно

тень Великого Существа. Но некоторые могут назвать его «богом», другие называют его «сатаной», третьи называют его очень красиво – Люцифером или Аполлоном и так далее. Не будем говорить страшных слов, потому что все образы Великого Существа как этакого карикатурного зла с козлиной бородой, рогами и крыльями, являются, конечно, инфантильными, а образы, допустим, Аполлона, Зевса – это гораздо более близкие образы, потому что «бытие как благо» доступно человеческому сознанию, воображению. Естественный человек стихийно воспринимает, что Бытие и благо – одно и то же. Бытие и Великое Существо – синонимы. В западных языках между «существом» и «бытием» нет разницы. По французски «être» это и «существо», и «бытие». «Быть» и «существо» как монада – это одно и то же. То же самое being: «being» – это и «бытие», и «существо». В немецком и русском языках есть различие в этих словах.

Так вот, это одно и то же – Бытие и существо, – оно проявляется во многих зеркалах, зеркалах миров. А миры множественные. Когда Джордано Бруно рассуждал на тему «множественности миров», то его понимали и сейчас понимают, что он говорил о звёздах, которые сияют всюду, и что там тоже живут какие-то людишки, что эта множественность миров – в нашем пространственно-временном континууме. Но имелось в виду не это, и вообще в Традиции имеется в виду не это. В Традиции имеется в виду, что этот пространственно-временной континуум, который является бездной окоёма[56], в которую помещены галактики, где в околосолнечной системе вращаемся мы, – это просто один из таких листочков в бесконечной стопе листов или одно из зеркал в бесконечной анфиладе зеркал. Потому что таких миров, которые являются этим пространством, этой длительностью, очень много, и там другие пространства, другие длительности, другие закономерности. И вот во всех этих зеркалах отражается одно и то же Великое Существо – немножко различным образом, некоторые зеркала дальше от него, некоторые ближе, – но всюду отражается одно и то же Великое Существо.

И в данном случае это Великое Существо отражается в нашем мире. Это, в общем-то, модель, архетип для всего, что создано. Всё сущее создано по этой модели. Как говорят, допустим, «геном», – и по этому геному тиражируется. На самом деле геном – это буква на клавиатуре пишущей машинки. А вот сюжет «Войны и мира» – это не буквы на пишущей машинке, это не геном, это сюжет, это уже высокий порядок конструкта. Этот конструкт – Великое Существо. По нему создана масса всяких «романов», подобных «Войне и миру».

Великое Существо является, условно говоря, «лендлордом»[57]. Оно требует платы со всех нас – отражений его в этих зеркалах – за то, что мы существуем, за то, что мы живём на этих местах, на земле. Мы должны платить. И вот существуем мы, которые платим, существуют мытари, которые с нас берут, собирают. Вот власть имущие – это те, которые собирают с населения ресурс и передают его Сатане, Великому Существу. Ну, или Аполлону-Мусагету, сияющему с лирой, – не будем пугать словом «сатана», потому что оно имеет определённую коннотацию: опять же крылья, рога.

■ *А в каком виде могут они это передавать?*

Приведу один, очень прагматичный, очень практический, но доступный пример. Государство – это единственная, скажем, компания или фирма, которая производит дебет. Вот все, даже спекулятивные, абсолютно на «воздухе» основанные мошеннические компании создаются для того, чтобы в конце года показать рост. А государство создаётся таким образом, что в конце года оно показывает всегда убыток. Почему? Например, государство печатает деньги. Нет таких денег, которые бы не дешевели. Они дешевеют с разной скоростью – они могут дешеветь внезапно, скачком, они могут дешеветь по капельке. Но и доллар, и юань, и фунт дешевеют. И дешевели в прошлом. Это природа денег: деньги, напечатанные государством, дешевеют. Что это означает? Это означает, что государство выпускает то, что называется promissory note:

обязательство, расписка в том, что взято что-то в долг, – долговая расписка, долговое обязательство.

Эта долговая расписка стоит всё меньше и меньше. Некая масса денег вращается, а её надо пополнять и пополнять, потому что каждая бумажка соотносится всё более и более слабо, всё более она худеет по отношению к той массе физических предметов, которые она может купить. Вместо килограмма хлеба на следующий день – 950 граммов, потом ещё меньше и меньше, и это без видимых усилий, это природа. А куда идут эти «худения»? Непонятно. Но мы, как живущие под прессом государства, должны компенсировать этот зазор. Единица всё время дешевеет, и мы заполняем зазор кровью и потом, чтобы эта денежная масса, которая растёт в количестве, продолжала покупать всё то же самое известное количество товаров. Вот это заполнение куда-то исчезает, вот это усилие, идущее из нас, – оно энтропирует.

Что это – что же мы отдаём государству? Это наше жизненное время, которое определённым образом оценивается, и оно превращается в капитал. Этот капитал присваивается, этот капитал уходит. Но присваивается он кем? Не олигархами, не капиталистами – как бы печально это ни было слышать господину Марксу. Нет, на самом деле капиталисты отщипывают что-то, конечно: они такие же бедолаги, от которых точно так же отхватывают куски с боков и задницы, потому что это юдоль человеческая. Все люди платят своим жизненным временем. А государство – это просто оформленный механизм, который порождает дебет, который принуждает всех заполнять постоянно убывающую ценность тех знаков, в которых оценивается коллективный капитал.

■*Очень хороший пример. Деньги – действительно бумага, и как мой труд превращается в бумагу? В этом есть какой-то подвох…*

Можно заменить бумагу золотом – не важно.

Дело в том, что труд был учитываемым временем во времена Маркса, который считал, сколько там рабочий проработал на заводе, сколько из этих часов идут на воспроизводство его и его семьи, сколько берёт капиталист, чтобы поехать в Куршавель, сколько пойдёт на воспроизводство производственного процесса, – это всё был подсчёт жизненного времени, проведённого за станком. А сегодня этого не нужно, сегодня всё жизненное время в этом обществе, которое стало «всебытием», является считаемым, и оно всё капитал, – даже у безработного. Потому что нет такой минуты у обычного человека, который находится в муниципальной квартире, предоставленной ему муниципалитетом, безработный лежит на койке и думает, где бы найти покурить, куда бы пойти с друзьями выпить пива, где можно найти лишний шиллинг на лишнюю кружку. Вот это время оценено, и оно является потребляемым. Почему, например, количество безработных не пугает Систему? Потому что каждый безработный даёт работу сотне человек: это социальные работники, это психиатрические лечебницы, это бюро по трудоустройству, это та же полиция, которая пресекает противоправные действия безработных, и так далее. Куча людей связана с государством как машиной по удешевлению стоимости этих денег, чтобы эти люди заполняли собой этот разрыв, эту пропасть. Куча людей работает, потому что один не работает.

■ *То есть он косвенно является их работодателем…*

Да. Но при социализме говорили такому человеку, что он паразит, тунеядец, «мы тебя посадим, чтобы ты работал». А в западном мире не говорится, что ты тунеядец. Почему? Потому что его работа как таковая никому не нужна, а нужно напрямую его время, – оно может быть проведено в офисе, в лаборатории, в пивной, на диване или с детьми в зоопарке. Но когда он идёт с детьми в зоопарк, это время всё равно отчуждено, оно превращается всё равно в капитал, потому что на него работает этот зоопарк. Бесчисленные связи – это

культурное пространство, эти звери, которые обеспечиваются массой служителей, и вообще сама идея, что есть некие звери, которые культивируются этим социальным пространством, которое любит и презентует этих зверей детям, чтобы они понимали, что не они одни населяют эту планету, что они её делят со львами и жирафами… Всё это густо замешанное варево является экстрактом, высосанным из человеческой крови и постоянно перегоняется Великому Существу. Но в конце концов возникает кризис.

В данном случае какой? **Прогресс – это постоянное повышение стоимости времени.** Например, сколько стоит время неграмотного крестьянина, живущего в медвежьем углу? Очень мало. Он сам себе портки какие-то домотканые ткёт, ловит рыбу, собирает грибы, вообще никто ему не нужен и он никому не нужен, – его время стоит копейку. Он, может, раз в год приезжает на базар и продаёт сушеные грибы. А потом страшные преобразования – французская революция, русская революция – вытягивают его в мегаполис. И там уже происходит совершенно другая, мощная, переоценка, где его превращают в участника социального процесса.

Постепенно он становится этим винтиком. Через несколько этапов он вообще лишается собственной сути. Но его время дорожает. И обитатель мегаполиса – у него час стоит столько же, сколько у его деда год или вся жизнь. Переоценка идёт не только времени, но переоценка идёт и старых вещей, которые созданы предыдущими людьми. Например, какая-нибудь вещь, на которую современник, сделавший эту вещь, второй раз бы и не посмотрел и плюнуть бы не захотел, – сегодня, попадая в руки антиквара, вдруг стоит огромные деньги. Черепок разбившегося кувшина, который пролежал три тысячи лет в земле, – если его украсть из музея, то там поднимется дикий визг, Интерпол включится, потому что этот черепок может быть тайно продан каким-нибудь миллионерам в Израиле и криминальным образом занять место в тайной коллекции.

Постоянно идет переоценка всего сущего, всего имеющегося на земле в сторону повышения, – и переоценка времени людей. Им

говорят: «Есть резервы повысить стоимость вашего времени, раньше говорили по домашним телефонам, сейчас уже есть смартфоны, – и вы вступаете в гораздо большее количество связей, вы уже нигде не свободны». Но в какой-то момент наступает насыщение, в какой-то момент человек, как белка в колесе, вертится в современном социуме с такой скоростью, что повысить это нельзя, переоценить это выше нельзя.

Вот, допустим, хипстер или офисный планктон в Париже, который и в фитнес-клубе, и в какой-нибудь масонской ложе, и семья на нём висит, и кому-то он платит алименты, – но не выжмешь больше. Что делать? Есть ещё, конечно, огромная Африка, есть какая-то безумно бедная Латинская Америка, но повысить их до уровня парижского хипстера – это чудовищные деньги. Большевики отняли бриллианты у принцесс, чтобы 150 миллионов мужиков превратить в современных людей и сделать этот колоссальный рывок – повысить стоимость их времени. Но где взять этих принцесс, чтобы перевести в состояние французских хипстеров 800 миллионов умирающих от голода негров? Этих денег нет в современном мире.

И тогда хозяева мира вынуждены решать сложный вопрос. Великое Существо требует каждый новый день бóльшую плату за пребывание в этом мире, чем было до этого. Лендлорд приходит и говорит: «Вчера ты платил два фунта, сегодня будешь платить три фунта». Где их взять? Нет запаса переоценки времени в нечто более дорогое, чем оно уже было до сих пор. Мы подошли к пределу.

В своё время я с Капицей говорил на эту тему: была интересная встреча у нас, летели вместе. И он говорит: «В последнее время всё, что выдаёт суммарно человечество, – это и творчество, и коллективный продукт, ВВП и так далее, – всё это не повышается, то есть как у умершего больного вместо зигзагов на мониторе пошла ровная прямая. Это коллапс. Оно всё время должно расти, а оно не растёт, потому что количество работающих людей не повышается реально. Задача состоит в том, что надо демографически всех их нагрузить, вовлечь и так далее».

Ну я с ним заспорил и говорю: дело в том, что расти больше некуда. У нас перенасыщение жизненного времени и возник разрыв: есть люди, которые живут в аутсайде, за пределами мегаполисной макроистории, – их аутсайд используется для того, чтобы нагрузить их дешёвым производством. Идут в Китай – там они за копейку айфоны производят. Но теперь они там уже получают больше и больше, их жизненное время возросло, и тогда ищут, кто ещё может за копейку производить айфоны. И уже Китай сам хочет выводить производство. Есть регионы, в которые с айфоном не пойдёшь, – в Африку с айфоном не пойдёшь, но можно, допустим, в Малайзию прийти, в Индонезию, Вьетнам будет производить, но Африка не будет производить айфоны. Африка – это «психофизиологически» другое пространство, оно намного пока ещё свободнее, их нельзя поставить к станкам, к конвейеру в белых халатах. Мы знаем – были бунты в Китае на заводах Apple, потому что там нечеловеческие условия работы; время от времени взрывы, но терпят. Африка с самого начала не будет терпеть. И тут тупик.

И тогда хозяева мира говорят так: «Первое – мы не будем платить Великому Существу, а будем делать вид, что мы – это Великое Существо тоже, оно уже стало нами; и второе – надо сливать всех тех, кто не может подняться до уровня парижанина, нужно этих людей выносить за скобки, потому что они являются балластом». Они живут, но каждый час жизни африканца стоит дороже, чем он производит, – они так считают. Африканец, допустим, потребляет на три цента, а выдаёт на полцента или вообще ничего не выдаёт, – поэтому зачем он нужен? Хотя понятно, что весь этот продвинутый «золотой миллиард» живёт за счёт ограбления, за счёт неэквивалентного обмена с третьим миром, но с точки зрения оценки времени картина складывается другая.

■ *Когда вы рассуждали об Африке, я задумался вот о каком вопросе: ведь последние несколько десятков лет Запад уверенно уходил из*

Африки. На те самые колониальные завоевания в Южной Африке, на те места, где были бизнес-центры, пришли, условно говоря, негры из джунглей и стали там разводить костры. Я подумал сейчас: почему белые стали уходить из Африки? Разные гуманитарные были лозунги: «Пусть сами там живут, а то несправедливо их угнетали, эксплуатировали» и так далее. Но Запад ведь всегда был очень прагматичен…

Ответ очень простой. Например, до какого-то момента колонии давали больше, чем брали. Допустим, Французская Африка помогла Франции стать великой державой. За счёт ограбления, вывоза естественных ресурсов Франция поднялась. И жизнь людей, которые там существовали, была гораздо меньше, чем та руда или те бананы и кокосовые орехи, которые вывозились. Но в какой-то момент технологии в неэквивалентном обмене стали стоить столько, что один грузовик стал обмениваться на весь урожай кокосов целого Сенегала. Для того чтобы оплатить какую-то технику в Сенегале, нужно всему Сенегалу что-то выращивать, и руда стала стоить очень дёшево, а технологии стали стоить очень дорого. Поэтому жизнь этих людей не стала оправдывать себя и содержание колоний стало затратным.

Короче говоря, оказалось, что Франция должна содержать свои колонии. Тогда надо предоставить их самим себе. Пусть они разбираются с собой как хотят, а потом всё равно всё, что у них есть, они принесут и отдадут, потому что грузовики им нужны. Мы вам дадим грузовики, а вы нам за грузовик четыре тонны кофе, который надо выращивать трудами и бесконечным потом. Раньше кофе был очень дорог, а необходимость в грузовике относительна. Теперь необходимость в грузовике безусловна, способы его производства абсолютно секретны и недоступны в третьем мире, а кофе стал дёшев. И в результате возникает вопрос: не сделать ли шаг дальше? Потому что эти шесть миллиардов человек висят балластом, с одной стороны. А с другой стороны, хозяева мира решили притвориться, что они и есть целое Бытие. Небо – здесь, всё – здесь. Природа – это

министерство природопользования и экологии. «Бог», Олимп – это Ватикан. Всё, что было объективным, что находилось за пределами человеческого пространства, – всё стало «здесь» и стало социальным институтом. Всё под контролем.

А для того, чтобы происходил рост – потому что всё равно убыль-то идёт, и её надо покрывать, – надо перейти к «умной» экономике. Потому что если люди сидят за компьютерами, то можно пересчитать ценность времени, которое они проводят за компьютерами, не считаясь с тем, сколько и как они потребляют, – здесь уже есть свобода манипуляции. Если избавиться от навязчивого мира физического труда, если превратить всех в рабов «умной» экономики, тогда можно уже манипулировать цифрами, и тогда «прогресс» всё ещё продолжается. Но это уже, конечно, коллапс, это уже предельная черта, за которой идёт смерть.

■*Очень интересно мы сегодня поговорили про нечеловеческий фактор, который то ли мало кто фиксирует, то ли мало о нём говорят. Действительно, социум превратился в Рок…*

Социум стал Роком, и это приводит к тому, что переживается кризис человека, ибо человек перестал быть той антропологической «микрокосмической» фигурой, самодостаточной, являющейся неким центром, вокруг которого есть большая среда обитания. Сознание заменяется матрицей, мышление заменяется коммуникацией – это всё тоже аспекты этого кризиса реальности. Но в основе этого кризиса реальности лежит исчезновение противостояния, превращение всего в гомогенную социоткань. Помните, у Зиновьева была книга – по-моему, называлась «Глобальный человейник»?

■*Да, помню. Муравейник заменился словом «человейник».*

На самом деле тут всё страшнее. Потому что муравьи – это функциональные элементы. Здесь уже людей нет. Точнее, они есть, но

эти пугалки с массой спешащих машин, индивидуумы, это всё в 60-е годы пугало, – Зиновьев остался в шестидесятых. Сегодня можно наводить зум, как делают некие современные режиссёры, на проблемы пары, на проблемы какого-нибудь маньяка – не важно…

■*Получается, что теперь социум – это жизнь в туалете со стеклянными стенками?*

В общем, да. Индивидуализм и нарциссизм не спасают человека, потому что нарциссизм не делает его личностью, не делает его субъектом и не делает его центром противостояния. Тот факт, что он нарцисс и что он много о себе понимает как индивидуум, не делает его чем-то большим, чем манекен. Вот в чём дело.

Человеческий фактор

25.05.2016

Комментарий Джемаля к постановке вопроса:

Человеческий фактор в бытовом языке рассматривается как синоним ненадёжности, нестабильности. Что-то не получилось в большом проекте – как правило, «человеческий фактор» виноват. В таком бытовом обобщении заложена метафизическая истина двойственности человека. **Двойственность в человеке исходна.** Человек представляет собой прежде всего глиняную куклу, созданную по «образу и подобию» Сатаны. Причём если Сатана (для глиняных людей, конечно) «грандиозен и светел», то его образ и подобие представляют собой довольно удалённую от оригинала мятенькую пародию.

Но! Есть фактор языка, который принесён Адамом, сочетавшим в себе конституцию глиняной куклы и частицу Духа Божьего. Адам принёс глиняному человечеству язык – подключил их к своей искре Духа.

Однако лишь малый отряд пошёл за первым пророком. Остальная масса кинулась с воплями о прощении к своему архетипу, который, кстати, является отнюдь не глиняным (как говорит сам Сатана в Коране, обращаясь к Творцу: «Ты создал меня из огня…»).

Предательство людишек, переход глиняной толпы на его огненную сторону вполне устроили Сатану как частичный начальный успех в борьбе с Духом. Ведь человеческие существа унесли с собой адамическое наследие: язык.

Сатана приказал людям использовать язык для того, чтобы лгать. И этот факт создал цивилизацию. Цивилизация – это такое

пространство, в котором почти любое высказывание оказывается ложью. Сатана разделил людей на несколько категорий, среди которых выделяются те, кто творчески производит ложь, и те, кто бездумно повторяет её штампы. Существ, которые являются бездумными повторителями штампов, вероятно, больше 90 %. Всё, что делают эти существа, принадлежит к механическому воспроизводству придуманных наверху стандартов. Бесконечное производство селфи, постинг описаний съеденного и выпитого и прочий неудобосказуемый маразм подобны потоку омерзительной грязи, заливающей человечество.

Вернёмся, однако, к метафизике человеческого фактора. Язык, даже в самых брутальных извращениях, всё равно остаётся языком. Он – единственное зеркало, отражающее Дух Божий. Поэтому, поскольку человек участвует в цивилизации, используя язык против самой сути языка, он является врагом Бога и рабом Сатаны. Поскольку же, пользуясь языком, он сохраняет виртуальный шанс примкнуть к последователям Адама, возникает зыбкая двойственность в вопросе воздаяния этому глиняному существу за его преступления. Нужно следствие и нужен суд. Причём это следствие и этот суд – это ожидание неотвратимой расправы с человечеством как коллективным вечным Иудой – составляют вторую скрытую сторону человеческого фактора. Зыбкость и нестабильность самого человека, форм его организации, всего, к чему он прикасается, вырастают в гигантскую монументальную проблему. Исторический сюжет становится проблематичным. «Кастинг» героев, предназначенных для игры на мировой сцене, становится проблематичным.

Малый отряд, который во все времена следует за линией пророков от Адама, может освободиться от клейма этой проблематичности, только объявив человеческому фактору беспощадную войну.

■*Поговорим о человеческом факторе. Давайте попробуем разобраться с ним.*

Почему называется именно «человеческий фактор», а не просто «человек»? Речь идёт не о человеке как таковом, а о человеке как сложном, динамическом наборе «элементов влияния», векторов воздействий, соединённых определённым образом в одну точку. Что здесь главное? Социум выступает в качестве **нечеловеческого** фактора. Социум – это Рок и одновременно это Бытие, «социобытие».

Интересно, что на заре человеческой истории Рок представлялся косой, которая ничтожит, а Бытие, наоборот, было позитивной ценностью, которая утверждает и которая подвергается риску со стороны ничтожащего Рока. Бытие выступало чем-то таким цветущим, против чего выступала коса негатива, ассоциирующаяся со временем. В конце истории, в наши дни, в социобытии произошло слияние этих двух ранее противостоящих друг другу полюсов: Рок и Бытие соединились в социобытии или в социуме. Бытие или общество – теперь и Бытие, и одновременно Рок, который ничтожит.

■*Косит своей косой головы тех, кто поднимает голову над общим полем…*

Косит своей косой всех, потому что само наличие общего поля уже есть факт ничтоженья.

Но что такое «человеческий фактор» и в чём проблема человека? Человеческий фактор – это то, что противостоит социобытию. Потому что социобытие, общество живёт только за счёт того, что оно отчуждает, берёт от человека, оно питается им, оно превращает его в некую питательную массу, которую оно усваивает. А человеческий фактор сам по себе – это очень любопытная и причудливая вещь. Потому что человек, с одной стороны, выступает как объект, как вещь, – то есть это просто физическое присутствие. С другой же стороны, он претендует на то, чтобы быть субъектом, а это практически соединение огня и воды, это взаимоисключающие

вещи. Многие мыслители полагают, что объект и субъект – это как две половинки Магдебургских полушарий, которые, соединяясь, дают эффект полноты, но это абсолютно не так. Потому что каждый из этих полюсов – и объект, и субъект – претендует на исчерпывающую тотальность, иначе бы и смысла о них не было говорить как о полюсах реальности. Это исчерпывающая тотальность каждая в себе. Но в силу определённых обстоятельств, которые мы не будем пока расшифровывать, они сводятся вместе.

Но что такое Субъект в чистом виде? Абсолютный чистый Субъект – это Всевышний. Это непостижимый, трансцендентальный или, лучше сказать, трансцендентный Субъект. Который тождественен тому, что с точки зрения восприятия Его является невозможным, вне бытийным, не подлежащим никакому воображению, никакой аналогии, никакой ассоциации. Субъект – есть чистая дыра реальности.

А объект – это, в самом широком смысле, Бытие, которое охватывает все возможные состояния и которое в глубочайшей своей парадигме есть игнорирование Субъекта (Всевышнего) или, точнее, это декларация Его отсутствия. **Бытие есть утверждение, что Всевышнего нет.** Бытие есть просто-напросто некая реальность, в которой нет ни знания, ни памяти, ни опыта, ни намёка на допущение того, что есть Всевышний.

Человек имеет в себе нечто от Бытия и нечто от Субъекта. Это создаёт крайне неустойчивую ситуацию. Что, собственно говоря, в нём есть от Субъекта? От Субъекта в нём есть сознание, искра сознания, которая внедрена в его объектную массу, в его субстанциональную глиняную конституцию, и которая является чем-то совершенно противоположным по своей сути его воплощённой данности. Как любой объект, он, естественно, является соединением пяти возможностей, – универсальных фундаментальных возможностей, которые присутствуют в совершенном любом феномене.

Эти пять **возможностей**:

1) Человек индивидуален. Каждый человек сам по себе является уникальной данностью в самом брутальном смысле (физически).

2) Человек «тиражируем». Он член вида, он является экземпляром внутри некой тиражируемой, бесконечно повторяемой аналогии.

3) Человек конечен – это негативная возможность. Его не было и он не будет. Третья возможность относится лично к нему.

4) Возможность гибели вида. Вид не является безусловным императивом, тождественным вечному бытию, – он тоже возник и тоже может исчезнуть.

5) Эсхатологическая возможность конца мира, конца всех вещей, это возможность **ничто**.

Надо заметить, что эти пять возможностей присущи всем предметам, всем объектам. Мы берём чашку – мы видим, что она, во-первых, есть здесь и теперь, и это только эта чашка и ничто более. Далее мы прекрасно понимаем, что на месте этой чашки может быть любая другая. Далее мы понимаем, что эта чашка была сделана и если мы её разобьём, её не будет. Далее – понимаем, что эта чашка может вообще не существовать как вид, то есть чашек может не быть как таковых. И, наконец, из всего этого следует, что, вообще-то, раз это – предмет, то может вообще не быть никаких предметов, то есть на месте любых предметов может быть их отсутствие, тотальное отсутствие.

Но в чем проблема с человеком? В случае чашки все эти возможности абсолютно идентичны, абсолютно тождественны, – любая из них тождественна любой другой, и они все слиты воедино здесь, – но в случае с человеком это не так.

У человека либо одна возможность выступает вперёд, либо другая, либо третья и так далее:

• либо человек – законченный индивидуалист, который в своём уникальном самоутверждении вообще исключает некую аналогию между собой и любым другим существом, предметами;

• либо это человек рода, который вообще не имеет индивидуального сознания, а мыслит родоплеменными категориями;

• либо у этого человека гипертрофированно развито ощущение своей финальности, своего конца, он зациклен на свою смертность, – как, допустим, монах-старец, который ложится в гроб и ждёт смерть;

• либо он является серийным убийцей, маньяком, который бросает вызов всему своему виду и просто ходит с топором и рубит себе подобных;

• и, наконец, просто эсхатологи, которые ориентированы на конец мира или ждут этого конца, – и эта возможность в них является доминантной.

Почему так происходит? Происходит так потому, что внутри человека есть искра сознания, есть принцип, который совершенно не тождественен Бытию. Главный момент – нетождество, точка несовпадения ни с чем, за счёт чего существует феномен понимания, точка, которая ведёт игру, делает ставку то на одну из пяти возможностей, то на другую: акцентирует то, другое, третье.

■ *Я правильно понимаю: человек может решить, что «вот это – чашка», и он её как-то может оценить, а чашка, соответственно, человека не может оценить. И только потому, что в нас есть искра разума, мы способны понять эту чашку именно как чашку. Я помню, что как-то столкнулся с простым математическим доказательством «бытия бога», которое заключалось в том, что любой объект состоит из двух частей – одна предъявлена нам, а вторая существует как вещь в себе. Представим себе чашку, она состоит из двух частей: собственно чашка и наше представление о ней, без этого она не может быть. И если мы знаем, что есть Высшее Существо, у нас есть о нём какое-то представление, то оно на самом деле может существовать…*

Вы коснулись очень важной проблемы: можно сказать, что вы поставили палец на нервный узел крайне важной и интересной проблемы, – проблемы, к которой я только готовился подойти. Вот почему – потому что **сознание, как искра оппозиции сущему, может**

проявить себя только через язык, который является даром Всевышнего. А язык – это «имена», это набор имён, которые представляют собой концепты. Собственно говоря, чашка – она не существует вне имени и концепта «чашки», потому что вне этого – это просто «пятно Роршаха», это просто некий феномен, который существует до идеи «чашки». Оно существует как чашка только в этом имени, который дан в языке…

В нашем представлении…

Наше представление полностью исчерпывает эту чашку. За пределами нашего представления есть неизвестно что – есть некий всплеск хаоса, который фиксирован, идентифицирован как чашка только благодаря тому, что есть язык.

Весь мир благодаря языку организован как некое огромное шахматное поле, как некая театральная сцена, где человек выступает в качестве актёра, у которого есть некая роль. Я неслучайно дал этот образ шахматного поля, потому что это поле разбито на чёрные и белые клетки. Что имеется в виду под чёрными и белыми клетками? С самого начала, когда человек рождается, вбрасывается в этот мир, возникает различение «Я» и «не-Я», – с процессом усвоения языка через контакт, через боль, через приятное и неприятное, через восприятие слов языка от матери.

Условно говоря, пусть «Я» будет сфера белого (белая клетка), а «не-Я», то есть среда, которая отличается от его тела, противостоит его телу, будет чёрная клетка. Сцена, на которую попадает рождённый уже более или менее зрелым существом, разбита на эти клетки. По сцене он ступает из тени в свет, переходя – «Я» – «не-Я» – «Я» – «не-Я», – и каждый раз это ситуативно. Нам кажется, что «Я» – это перманентный фактор, который мы отождествляем с собой как понимающим субъектом. Но это не совсем так. «Я» существует как некая производная от его субъектности. Но субъект, то есть сознание внутри него, сознание как точка нетождества, равночужд как «Я», так

и «не-Я». Субъект внутри нас – точка нетождества – противостоит нам как телу. В нас, внутри, он находится, но при этом не тождествен ни нашему телу, ни нашей психике, ни нашим эмоциям, ни нашим страданиям, ни нашей боли. Давно известно, что всегда можно уйти в некие глубины себя, в некий центр себя, где человек эмансипируется от своих ощущений, от своих переживаний, от острой боли.

■*В индуистской традиции есть понятие о нирване.*

Условно говоря, это нирвана, но я бы сказал так, что если человек входит в тёмную комнату и вдруг кто-то кладёт ему сзади на плечо руку, или внезапно он видит там, где не ожидал никого увидеть, опять же в тёмной комнате, вдруг какую-то тень, зашевелившуюся фигуру, то он испытывает некий адреналиновый шок, его как бы подбрасывает и встряхивает, и какую-то долю секунду он перестаёт воспринимать что бы то ни было, кроме своей возможности восприятия, то есть некую чистую, чёрную дыру внутри себя. Это буквально длится какие-то доли секунды, это настолько мощная импрессия, что, если бы она продлилась дольше, то, возможно, он умер бы от разрыва сердца.

■*Человек ведь всегда пытается проанализировать себя и сам в себе разобраться. Но ведь дело-то в том, что он пытается понять себя изнутри системы. Для истинного понимания требуется выйти за границы этой условной системы и взглянуть на неё снаружи. Я не раз сталкивался с невозможностью проанализировать систему, находясь как бы в её координатах. Как можно справиться с этой ситуацией? Как мы можем понять человеческую искру, если находимся внутри замкнутого шарика?*

Прежде всего, человек в какой-то момент обнаруживает, что он является предметом колоссального давления извне, что он представляет собой некий центр, на который направлены со всех

сторон стрелки такого мощнейшего прессинга. Я бы сравнил это с неким батискафом, который опускается на колоссальную глубину, и чудовищная толща воды, чудовищная масса давит на каждый сантиметр поверхности этого батискафа. Я говорю не только о социуме, я говорю о некой реальности, которой он противостоит сразу, которая в определённом смысле…

■*То есть замеряя давление, можно что-то понять, – вы из этого исходите? Если толща на нас давит, то мы её можем как-то замерить?*

Если человек лежит в тёплой ванне и переходит в некую полудрёму, то понятно, что понять он ничего не может: он уже переходит в состояние эйфории, в некое состояние «беспроблемности», где разница между «Я» и «не-Я» исчезает. И это то, что называл Фрейд «океаническим блаженством», присущим зародышу в материнской утробе, это как раз то сладкое состояние Золотого века, к которому люди якобы инстинктивно стремятся (по Фрейду). А когда они рождаются, то сталкиваются с очень жёстким, ярким светом, громкими звуками, болью и так далее. И этот прессинг проявляется в массе всяких факторов: встреча с классным руководителем, агрессивными соучениками, грубыми прохожими и так далее, то есть весь мир оказывается очень неприятным и шероховатым. Это очень хорошо у Диккенса изображено: мир, в котором совершенно нет приюта израненной душе.

И вот это противостояние «Я» и «не-Я» – это та сфера, где искра сознания, точка нетождества ничему, ведёт свою игру через язык. И оказывается, что как игрок она имеет против себя очень опасного и страшно разумного оппонента. Бытие – это не просто хаос, это не просто набор неких возможностей, это некая структура, которая является анти-Мыслью. Потому что принципом этой структуры является принципиальное тождество всех возможностей и всеохватывающая полнота этих возможностей, которую некоторые

философы называют «мудростью». Что такое «мудрость»? Это представление о том, что любые усилия, любые тенденции имеют равнодействующие контртенденции, контрусилия, которые сводятся к нулю, то есть вся сумма поползновений, вся сумма возможностей в итоге даёт универсальный ноль, нейтрализацию: куда бы ты ни пошёл, влево или вправо, – ты всё равно придёшь туда, откуда начал, и так далее.

Другой формой этого представления является учение о тождестве. «Всё частное тождественно тому целому, из которого оно исходит: маленькая пылинка тождественна целому Абсолюту и без него она не могла бы существовать...» – и прочий весь набор таких моментов. Это «дословесная» доктрина, «дословесное», скажем так, знание, которое не нуждается в языке и враждебно ему, и оно играет против сознания. И человек – нестабильная структура этих пяти возможностей. Когда он выступает – и как уникальное, и как родовое, и как конечное, и как связанное с возможностью конца всего вида, и эсхатологическое существо, – в этом плане человек ненавистен Бытию, человек является нарушением гармонического порядка «мудрости». Потому что человек явно претендует на то, что не все усилия в любом направлении в конечном счёте дают ноль. А можем выскочить из этого абсолютного круга, абсолютной гомогенности, «мудрости». И «мудрость», совершенно сознательно, его преследует и давит. Но когда она превращается в общество, то это уже иной порядок вещей.

■*Социум берет на себя эти функции?*

Да. Это уже совершенно иной диалог между человеком и обществом.

Мы включены в некий сюжет, в котором на последнем этапе проговорена, обозначена возможность решения вопроса о выходе из заколдованного круга Рока. Но для этого нужны такие исключительные условия, такие исключительные обстоятельства, что

это практически равнозначно чуду. И что раз за разом мы можем повторять всю эту ситуацию и срываться вниз. В связи с этим я напомню миф о Сизифе. Вот интересно, в конечном счёте, Сизиф может закатить камень наверх так, чтобы этот камень остался на вершине горы?

Если я не ошибаюсь, это ведь наказание, которое было запрограммировано…

Да. Миф о Сизифе использован, если я не ошибаюсь, Камю как некий парафраз нашего существования. Это очень глубокий, мне нравящийся, подход, только я бы сказал так: в этом закатывании камня на вершину, собственно говоря, уже изначально заложен бесконечно малый, математически бесконечно малый шанс, что этот камень может остаться на вершине. Иначе само закатывание его как бы бессмысленно, потому что сама идея этого закатывания изначально не была бы возможна, если бы не было вероятности, что он докатит его когда-нибудь и оставит там…

Собственно говоря, вся история наша есть не что иное, как один из циклов этого закатывания. Существует представление, которое разделяют многие традиционалисты, о том, что это одно из человечеств, которому предшествовали другие и у которых ничего не получилось, так же как может не получиться и у нашего. Каждое человечество и каждая история, циклическая история от Адама и до конца Света, есть акт Сизифова закатывания этого камня на вершину. И каждый из нас со своим «Я» и «не-Я», со своим, как пешка, переходом с чёрной на белую клетку, является игроком в этой колоссальной игре, где его оппонентом выступает Бытие с большой буквы, Бытие как объект, который притворяется живым, но в действительности является мёртвым.

Если продолжить эту аналогию, булыжник или валун, который Сизиф закатывает в его инертной и враждебной отчуждённости, это и есть Бытие, это парафраз Бытия. Сизиф закатывает Бытие на

вершину, оно срывается вниз, – оно летит по законам энтропии, по законам принципа тяготения вниз. Это реализация всеобщего принципа инерции. Но он закатывает и закатывает, потому что в нём есть эта нестабильность, неверие в торжество «мудрости» А Бытие как булыжник, Бытие как камень, – это очень глубокое понимание сущего.

Вот несколько аспектов, позволяющих всерьёз настаивать на этой метафоре. Бытие представляет собой нечто хаотическое – валун аморфен, он представляет собой феномен досознательный, доязыковый, предшествующий воображению, нечто такое абсурдное, абстрактное и тяжкое, и к тому же это нечто внеположенное и враждебное. Образ валуна соответствует Бытию. Но здесь всё время блещет эта искра надежды. Представьте себе, что валуном становится общество, то есть эта огромная, враждебная и аморфная суть внезапно облекается структурированностью, приобретает способность использовать язык, отнимает у человека целый ряд элементов типа воображения, терминологии, рациональности и так далее, и валун тогда уже является не просто какой-то массой, а агрессивным и активным игроком.

Если мы примем аналогию, что валун – это общество, но ведь появлялись люди, которые смогли общество куда-то докатить на вершину. Я имею в виду, в первую очередь, пророков. Они умудрялись всё это дело принципиально изменить. Ведь было это?

Да. Они оставляли понимание, что вероятность есть, шанс есть, – но камень всё равно-то катился вниз. То, что Сизиф докатывает его почти до самой вершины, – это заложено в само описание мифа, но иначе бы и говорить было не о чем.

Конечно, в этом случае максимум успеха связан именно с линией пророков. Просто раз за разом это закатывание становится всё сложнее. Я бы сказал так: как в чудовищном сне или в какой-то фантастической жуткой истории, валун, который сначала был

пассивным и даже как бы послушным, становится чем-то живым, агрессивным, играющим, вырывающимся из рук, навязывающим собственную контрволю, вступающим в убийственный, смертельный диалог с Сизифом.

И если мы говорим о современном обществе, – это современное общество говорит как будто бы человеческим языком, но если присмотреться и прислушаться, это язык валуна, это язык абсолютной инерции.

Но, может быть, в этом и есть главная задача человека – совладать с этим обществом, выйти на какой-то новый уровень? Если мы берём ту же аналогию, то если ты закатишь этот валун, то выходишь на некий новый уровень, – может быть, этого от нас и ждёт Абсолют? Если мы представим себе картину мира, физических законов, некие физические константы нашей Вселенной, мы всё равно в форме этого Бытия, в этих параметрах пытаемся что-то сделать. И если мы представим себе Абсолют, и этот Абсолют всеведущ и всемогущ, то единственная форма его развития может заключаться в следующем: в том, что он отсоединяет от себя какую-то часть, перестаёт её контролировать намеренно, часть эта развивается, доходит до какой-то высшей точки, и потом Абсолют её к себе присоединяет и таким образом развивается. То есть другой формы развития для Абсолюта нет, кроме как что-то отделить: оно само как-то разовьётся – и потом к себе присоединить. Я все эти умозрительные конструкции говорю к чему? К тому, что, может быть, и в этом есть какая-то великая цель, может, в эту сторону и стоит двигаться и постараться добиться чуда?

Мысль интересная, хотя я бы тут же исключил идею развития, потому что Абсолют «развиваться» не может, иначе он не Абсолют. Если он развивается, значит, у него есть некий дефицит внутреннего состояния, – тогда он не Абсолют.

Но я понял вашу идею. То есть некая духовная сущность, которая решает вопрос с валуном, пустив на это дело Сизифа, потому что там существует некий внутренний запрет на то, чтобы заниматься этим валуном непосредственно. Сизиф как бы «делегирован» в качестве человечества на такую задачу. Но тут мы вплотную подходим к тому, что такое «человеческий фактор».

Человеческий фактор – это действительно Сизиф, который противостоит валуну и который способен повторять эту ситуацию, потому что это аналог этой валунной «объектности», но только в неустойчивом, крайне кризисном варианте. Это композиция, в которой все эти элементы (пять возможностей) подвижно играют за счёт наличия в нём точки нетождества, которая является этаким шарниром…

■*Правильно ли я понимаю, что человеческий фактор – это и есть та самая микронадежда на то, что когда-нибудь можно это Бытие победить?*

Собственно говоря, человеческий фактор – это единственное слабое место в монолите Бытия, которое самодостаточно, которое представляет собой чистое отрицание Бога. **Бытие есть отрицание Бога.**

■*То есть отрицание чуда?*

В Бытии есть разные возможности, которые с нашей точки зрения являются чудом, но для Бытия они чудом не являются, потому что они включены в парадигму бесконечных вариантов. Но само по себе Бытие мёртво, Бытие – это мёртвый валун. Хотя оно может казаться и живым: для очень многих людей Бытие – это чудесная весна, которая проявляется самыми разными сторонами, цветением, сезонностью и так далее. Но если мы посмотрим на это сверху глазами Духа, то это абсолютно мёртвый, инертный валун. Единственная точка, которая

приписывает всему этому цветение, невероятный потенциал форм, эстетику, структурирование, – это вот этот человек, которому свыше дан язык, имена. И в этой системе языка заключён потенциал божественного воображения, потому что каждый термин, каждое слово, которым мы пользуемся, каждое значение, – это создано абсолютно с нуля, из ничего. Это мы пользуемся продуктом творения. Когда мы говорим «дерево», то мы не то что называем нечто, существующее вне нас, мы пользуемся термином, который создан был Всевышним, и это творение сразу нам дано в виде этого слова. А никакого дерева на самом деле нет, есть просто клякса, которая в наших глазах стала деревом.

■*В тот момент, когда мы его обозначили – в этот момент оно и появилось. Если мы его не обозначим…*

…мы его не видим, да. Как не видим массу предметов, которых мы не знаем название, мы проходим мимо них не замечая: для нас это какая-то шероховатость такая. Поэтому, кстати говоря, в интересной работе «Заблуждения спиритов» Рене Генон, знаменитый традиционалист, говорит о межпланетных путешествиях (пишет в 30-е годы, между прочим), говорит, что напрасно рассчитывать на какие-то встречи с иными мирами и иными живыми существами, потому что, оказавшись на иных планетах, мы не найдём там ничего, кроме безжизненной пустыни, которая аналогична тому, что мы можем встретить у себя в Сахаре. Потому что всё, что там есть собственно реального и живого, оно не имеет для нас имён и поэтому мы этого не сможем заметить.

■*Вот рентгеновские лучи существовали, и пока их не открыл Рентген, про них никто не знал…*

Тут вопрос: существовали ли они?

■*Или излучение урана…*

Никто не знал в XVIII–XIX веках этого излучения, и никакой проблемы и гибели от излучения не было. Как только «открыли», в кавычках, появились Кюри, Склодовская-Кюри, – и смерть от облучения появилась одновременно с открытием.

Так что человеческий фактор, если переходить от предыдущей нашей темы «Нечеловеческий фактор», – это точка нестабильности в абсолютно инертной массе объекта, точка прорыва в объекте. Хотя само по себе это очень далеко от истинного Субъекта, это виртуальная субъектность, это шанс, это всего лишь обещание.

■*Маленькая искорка и надежда на чудо. Ну что же, этой беседой мы открываем цикл «Человеческий фактор».*

Человек как «часы Вселенной»

31.05.2016

Комментарий Джемаля к постановке вопроса:

Пространственно-временной континуум – это ничем не ограниченный хаос непрерывно меняющихся комбинаций и фигур, в которые складываются отражённые в зеркале этого континуума точки. Вернее, одна-единственная точка, будучи предъявленной зеркалу мира, становится в этом зеркале чистым множеством. Как известно, множество несчитаемо, поэтому сравнивать множества можно только через их мощность. Множество такой-то мощности, – допустим, необычайно плотная насыщенность, которая близка к плотности чёрной дыры. Если же мощность множества предельно низка, то это множество как бы образует лучащиеся сияния свободной энергии, ещё не начавшей переходить в вещество.

В идеале, если вся первоначальная энергия сгустится в чёрную дыру, «спираль времени» будет пройдена до конца. Проблема в том, что в безграничной протяжённости одновременно идут противоположно направленные процессы. Если в каком-то месте множества конденсируются и возникает звезда, то в другом месте такая же звезда взрывается, переходя в рассеянную энергию. Нет целостности однонаправленного процесса, в котором можно было бы считать последовательные позиции продвижения от начала к концу.

Конечно, такой процесс всё-таки идёт, потому что нисходящий гравитационный вектор от света к чёрной дыре всё-таки чуть-чуть превосходит противоположный вектор возврата к начальному состоянию. Но если делать «мгновенные снимки» происходящего во

Вселенной, помечая их последовательно числами из числового ряда (а это не ограниченно!), то, отвлёкшись от их порядковой последовательности, невозможно определить, какой снимок был сделан в «начале», а какой «в конце». Разумеется, у учёных есть свои представления о различии в картинах Вселенной: они говорят об архаических ступенях «развития» материи. Но с нашей точки зрения это ерунда. Нет никаких детерминирующих характеристик, которые говорили бы, что вот эта фотография сделана в начале, а эта – в конце.

Что это означает? Это означает, что во Вселенной нет времени, а есть длительность. Выражение «пространственно-временной» не имеет смысла. Длительность сама по себе существует только потому, что есть изменение. И эта длительность протекает достаточно сложным и запутанным образом.

Время предполагает содержательный нарратив, который движется от начала к концу. Образцом времени является сказка. Вариантом сказки выступает личная биография. Крупная сумма личных биографий в их взаимодействии даёт ткань истории. Из этой ткани поднимается сама по себе История тогда, когда этой множественной связи биографий придаётся постановочно-театральный смысл. Связь биографий превращается в сказку второго или даже третьего уровня. Причём разница между уровнями нарративов (личная биография – историческая драма) ясно ощутима и, собственно говоря, представляет собой ту почву, на которой растёт Смысл.

То есть мы видим, что время – это крайне сложное, эшелонированное явление, которое порождается человеком. Детишки, «маленькие принцы», оказавшиеся в компании кого-нибудь Волшебного Лиса на пустой планете, слушают сказку и засыпают под неё. Проснувшись, они обнаруживают, что у них много дел, что они должны идти туда-то или туда-то. Они обнаруживают себя в контексте собственной биографии. Именно это и образует нечто, что придаёт структурированный порядок хаосу Бытия нечеловеческой Вселенной.

Это и сила и слабость человека одновременно. Сила потому, что человек оказывается хозяином более значимой формы длительности, чем та, которой располагает Сатана. У Сатаны длительность «безлимитна». Она никуда не направлена, не имеет сюжета – и поэтому абсурдна. У человека его высшая форма длительности имеет Конец. Этот Конец становится центром, вокруг которого заворачиваются потоки сцепленных друг с другом биографий, нарративов всё более высокого и непрерывно повышающегося уровня сложности. Сам конец изменяется, в конце концов становясь концом Вселенной. И в этом конце участвует непосредственно Сам Творец.

■*Продолжаем цикл «Человеческий фактор». И речь на этот раз пойдёт о «Человеке как часах Вселенной».*

Предыдущий цикл был посвящён нечеловеческому фактору, но этот нечеловеческий фактор существует как оппозиция, как некое окружение, некая враждебная ситуация для фактора человеческого. А что составляет человеческий фактор? Что, собственно говоря, составляет суть того, что Тейяр де Шарден[58] в своё время называл «феномен человека»? В принципе, человек – это единственное существо среди всего, что живёт, дышит и так далее, которое обладает ясным и – иногда проявленным, иногда скрытым – сознанием финальности, конечности. Каждое человеческое существо смертно и знает об этом. И, в общем-то, эта смертность составляет острое экзистенциальное содержание самого материала внутри него, – интеллектуального, человеческого материала. И оно, собственно говоря, делает то, что называется временем, потому что время – это движение к концу, к финалу, в отличие от длительности.

Вне человека и вне человеческого сознания времени не существует вообще. Есть такой подход: делить время, называть «временем» длительность, смешивать эти понятия и говорить о «физическом времени», о «человеческом времени», «историческом

времени». В действительности о каком физическом времени можно говорить? Во Вселенной действует некий закон сжимающейся спирали, закон энтропии, который уплотняет вещество, сворачивает его в финальном состоянии в чёрную дыру. Но дело в том, что этот процесс идёт хаотично. Например, деревья растут под влиянием солнечного света, но потом их вырубают и сжигают. Мало кому приходит в голову, что это на самом деле движение «машины времени». То, что стало поленом берёзовым, росло и концентрировало в себе солнечный свет, – это движение времени в одну сторону. Но когда его жгут в камине…

■*Сжигают то самое время, которое в нём было?*

Тут длительность. Да. Это превращение вещества в энергию, это «машина времени», которая даёт задний ход. Представим себе, что вселенная – это некая сцена, куда человек заходит со стороны и смотрит на положение дел на этой огромной сцене. И ему предлагают сказать: «Ты находишься в начале времени, в середине или в конце?». Сказать никто этого не сможет в принципе, потому что «моментальные снимки» положения веществ и тел во вселенной, их изменения, – если не знать их предыдущую историю, то ничего не меняется. В движении длительности во вселенной нет ни сюжета, ни смысла. Где-то возникают чёрные дыры, где-то они взрываются и превращаются в звезды, и так далее.

■*Правильно ли я понимаю, что именно человек и придаёт какой-то смысл этому времени?*

Да. Потому что в нём есть финал.

■*То есть, поскольку мы знаем, что все умрём, мы считаем свои дни, мы их как-то отмечаем и пытаемся за тот промежуток времени,*

который нам отведён, что-то сделать. Если бы каждый из нас знал бы, что он бессмертен, то зачем торопиться, стоит ли вообще что-то начинать…

Естественно. Например, у животных нет ощущения финала, поскольку они не «индивидуализированы» и у них нет языка. А язык тесно связан с временем и принципом конца. И человек, благодаря тому, что он движется к финалу, имеет сюжетность, сюжетность своей собственной биографии, которая может называться «судьбой». Сюжетность на микроуровне – это личная судьба, личная биография. На макроуровне – это уже история. А история развивается как пьеса, многоактная постановка, в которой существует некая логика, потому что следующий акт является результатом и развитием предыдущего.

Собственно говоря, там любой момент встроен в очень сложную картину, которая идёт от некоего начала к некоему концу, – чего нет во вселенной. Потому что во вселенной любой моментальный снимок её состояния равен предыдущему. Их можно перемешать, и, скажем, «фотография номер один» станет «номером пятнадцать», «номер семь» станет «номером три», – и никто не сможет сказать, что не так или что-то изменилось.

Превращает длительность во время, которое обладает смыслом, только человек. Почему? Потому что в человеке сосуществует **свидетельствующее сознание —** та частица Божественного духа, которая представляет собой не что иное, как финал Бытия, отложенная внутри него конечность Бытия. Человек внутри себя несёт собственную смерть, которая работает как принцип сознания, пока он ещё жив. Человек несёт в себе заряд непостижимого и невыразимого, которое он сам не осознает, но которое приходит в контраст и клинч с тем Бытием, которое он собой представляет.

Вот представим себе, что у него этого нет. Собственно говоря, тогда нет и зазора между той глиной, из которой он сделан, и той глиной, которая его окружает. Он представлял бы собой просто ленту Мёбиуса. Так и было в Золотом веке, пока не было откровения Адама, который научил людей языку, потому что они представляли

собой просто инверсию некой глобальной среды, воплощённой в их райском состоянии: они были, если пользоваться выражением Фрейда, младенцами в околоплодных водах, зародышами в утробе матери, которые испытывают океаническое блаженство. Оно было нарушено языком – и после этого пошло время.

■ *Я хотел бы уточнить, как вы разделяете время и длительность? Если с точки зрения банальной физики рассмотреть, то времени не существует. Есть прошлое, которое только что прошло, и есть будущее, которое мы можем предполагать. А сама точка времени – мы только что в ней были, и она прошла, мы из неё ушли. То есть настоящего времени нет…*

Про эти категории, о которых вы говорите, – «прошлое», «будущее» и так далее, – нужно учитывать, что всё это вносится человеческим сознанием. Это всё в человеческом сознании: прошлое и будущее. Существуют изменения. Но, как я уже сказал, если изменение – это позиция А и позиция Б, – то нет никакой фундаментальной «обязательности», присущей именно этим состояниям, чтобы это состояние было А, а это Б. Их можно поменять.

Например, есть такая игра «Морской бой». И вот идёт какой-то процесс, который известен играющим, но если кто-то вышел, а кто-то незнакомый заглянул в эти бумажки, которые можно перемешать, то совершенно неясно, с чего началось и какой стадией является, кто побеждает. Потому что любая ситуация равна другой.

Да, можно сказать, что есть энтропия, есть движение от первоначального энергетического потенциала пространства к превращению его в вещество, в чёрную дыру и так далее, которая, тем не менее, идёт очень сложным, ветвистым образом, и постоянно, как с тем берёзовым поленом, происходят повторы где-то во вселенной.

Почему у людей есть иллюзия, что время не имеет начала и конца? Потому что это спиралевидный процесс, и он абстрактно как-то

движется к этой чёрной дыре. Но на самом деле, когда он её как бы достигает, он тут же переходит снова в состояние опять энергетической открытости. Это всё соответствует идее некоторых языческих метафизик, согласно которой смерти нет, нет финала. Что человек умирает, он тут же переходит в соседнюю комнату, в другие миры и так далее.

■*С точки зрения физики её действительно нет. Мы понимаем, что мы все состоим из атомов, из мельчайших частиц. Атомы могут разойтись, и структура распадётся, но потом они опять могут собраться, пусть даже и не все, и появится иная структура, другое биологическое тело, какой-нибудь лопух. Но в конечном счёте одно перешло в другое, и из одних и тех же атомов сформировалась другая сущность.*

Если бы не было принципиально противоположного Бытию начала, то есть точки нетождества, точки сознания, которая противостоит всем состояниям Бытия одновременно и поэтому является зеркалом, которое их отражает, то можно было бы так и сказать, что никакой разницы между телом, именуемым «человекоподобное существо», и лопухом нет: одно переходит в другое и равно другому.

Но поскольку есть эта точка нетождества, происходит страшный конфликт между непостижимым и бездонным, бесконечным. Потому что финал – это не просто финал, не просто конец, это некие двери в трансцендентное, которое реально порывает с представимыми, возможными и потенциальными состояниями. Это есть нечто **иное**, – как, допустим, в листе бумаги проколоть дырку, то в этом проколе бумаги нет, нет протяжённости. Можно говорить о площади этой бумаги (всё является бумагой), а в этой точке, в этой дырке, бумаги нет. Есть нечто **иное**, которое сразу этот лист центрирует. Это есть нечто **иное**, это центр, вокруг которого строится остальное пространство, но в этой точке – конец этого листа. Там, где нет

бумаги, – там, в этой дырке, конец этого листа, это граница. Это и есть тот принцип, по которому работает сознание. На этом листе можно писать всё, что угодно, но через эту точку, которая всё центрирует, все каракули получают некое значение и некую организацию.

■*Давайте попробуем разобраться вот с чем: известно, что основным законом константы является закон сохранения энергии, – на нём держится и теория струн, и многие другие физические концепции, конструкции. Всегда что-то во что-то переходит: сгорание переходит в энергию и так далее. Не буду подробно углубляться. А вот что происходит с той самой человеческой искоркой, о которой писал Кант, если я не ошибаюсь, как о «вечном законе внутри нас»?*

Поскольку она не принадлежит к этой реальности, она подобна солнечному зайчику, блику, наведённому на стену. Если вы убираете зеркальце в карман, то этот блик, зайчик, возвращается в тот световой принцип, который был манифестирован на стене с помощью зеркальца. Сам блик исчезает. А поскольку мы не воспринимаем свет как нечто существующее, как нечто выраженное (он для нас не манифестирован, просто есть некое условие), блик исчезает. Этот блик является индивидуализацией проявленного существа. Его больше нет. Та точка, которая была контрастна…

■*То есть мы по сути – зеркальца?*

Наши тела являются зеркальцами, через которые проявляется этот блик. Потом, собственно говоря, этот блик возвращается в ту первоначальную световую базу, из которой он изошёл благодаря этому фокусу зеркальца. Стена как стояла, так и стоит, она бессмысленна совершенно, является только тем, на чём это всё проявляется.

Но суть в том, что человеческий фактор принципиально связан с временем, которое есть не что иное, как финал. Вне финала длительность есть бессмысленное чередование состояний, которые равны один другому, они не имеют внутри себя логического сюжетного развития, потому что это определяется только концом. И вот это делает время совершенно особой вещью. Собственно говоря, время – это «золотой эквивалент» Бытия, которым Бытие измеряется как ценность, как некий потенциал. Человек несёт в себе, условно говоря, ту меру, которая превращает Бытие в отчуждаемую вещь, которая может становиться, например, капиталом. Всё, что мы видим вокруг себя, всё, что нас окружает, – это, собственно говоря, отчуждённое время умерших и живущих людей: дома, тротуары, по которым мы ходим, самолёты, в которых мы летаем, книги, которые мы читаем, – это всё время умерших, это всё капитал.

■*Time is money, «время – деньги», как говорят американцы. То есть время конвертируемо в какие-то активы.*

Оно конвертировано в то, благодаря чему человек оперирует, действует. Это капитал. Собственно говоря, мы живём, дышим и действуем в человеческом пространстве, которое образовано временем мёртвых, – застывшим, никуда не девающимся, отчуждённым. А отчуждает его общество. Собственно говоря, оно и становится главным инструментом отчуждения, потому что если человек живёт жизнью отшельника, схимника и так далее, то его время, не отчуждаясь, не превращается в капитал. И может быть, оно уже работает на каких-то других духовных планах, других духовных пластах, но оно не является уже мерой Бытия. А вот коллективное время человеческих существ, вовлечённых в социум, превращается в капитал.

Поэтому человеческий фактор начинается с времени. И этот человеческий фактор основан на дуализме. Дуализм сознания и Бытия – это же трагический, болезненный контакт. Потому что

сознание в контакте с Бытием производит травматический эффект боли. Боли, которое Бытие испытывает как язву, как травму. Потому что сознание и Бытие разноприродны.

У человека есть два момента, которые определяют его человеческую сущность. Первое – это способность к языку, причастность к языку. Время и язык теснейшим образом связаны, потому что время сюжетно, время логично. А сюжетность и логичность – это прежде всего контент языка, они описываются языком. **Без языка времени не существует...**

В тот момент, когда мы начинаем о нем говорить или вспоминать, – в этот момент оно и возникает?

Оно существует, потому что мы владеем языком. Если из человека сделать Маугли, то для Маугли времени не существует так же, как и для волков, которые его воспитали. Для волков времени нет и для Маугли времени нет, хотя он номинально, по своей физиологии и анатомии, человеческое существо, но поскольку у него нет языка, то нет времени. Время связано с языком, потому что время описывает движение смысла, а движение смысла всегда имеет начало и конец. Это фундаментальные условия смысла. Это – первое.

И второе – это боль. Боль существует в Бытии, но она существует в Бытии, потому что через человека в Бытие вброшено сознание. Вот эта искра оппозиции сознания, этот огонь, который вброшен в Бытие, вызывает саму идею боли, которую Бытие переживает, которое становится возможным для Бытия. И, конечно, Бытие стремится избавится от него.

Общество, как мы в прошлом не раз говорили, это структуризация, наведённая Бытием. Это не производная человека, а это производная онтологии, которая человека держит, поглощает, всё время превращаясь в нечто большее и большее, нежели оно есть. Бытие из того, чтобы быть чем-то глобальным и находящимся за пределами органов чувств, чем-то метафизическим, это Бытие в

конечном счёте становится социальным. Но это «социальное бытие» уже на последнем этапе стремится к тому, чтобы человека полностью сожрать, превратить его в свой элемент, в свой винтик и так далее.

Мы говорили о том, что социум берет на себя функции бога…

Да. «Бог» и религия просто становятся социальным институтом. Но, в сущности, ведь это есть не что иное, как борьба Бытия с болью, причиненной ему искрой божественного Святого Духа, которая является ни чем иным, как этим вброшенным на эту стену солнечным зайчиком, этим бликом от карманного зеркальца, который жжёт эту стену. И стена, соответственно, стремится зайчика этого как-то сожрать, и не просто сожрать, а превратить в часть себя, превратить энергию этого солнечного пятна на себе во что-то, что его согревает изнутри, освоить этот потенциал.

Мы тоже часть Бытия, поскольку у нас есть «душа», тело, – это всё субстанциональные элементы, это всё часть Бытия. Это не часть сознания – сознание этому всему противостоит. Мы, испытывая это, думаем, что мы испытываем это как мыслящие, свидетельствующие начала. На самом деле мы это испытываем как глиняные фигурки. Мы испытываем боль как тварные существа, потому что в нас жжёт эта искра сознания, и через нас Бытие стремится это сознание затушить, превратить в нечто иное, загасить и так далее.

Боль и язык, соединяясь вместе, образуют человеческий фактор в своём проявлении, в своём динамизме. Это манифестации, собственно говоря, времени. И если посмотреть дальше на то, что происходит с человеком: человек не может посмотреть внутрь себя и встретиться со своим сознанием иначе как в исключительной ситуации. Глаз не видит себя. Для того чтобы глаз себя увидел, надо подойти к зеркалу. Точно так же мы не видим, не осознаём то, чем мы осознаём. Условно говоря, эта **точка нетождественности ничему** позволяет нам быть зеркалом всего, что вокруг нас, но сама является

амальгамой зеркала, которая не проявляется, не присутствует в отражении, а делает отражение возможным.

Но в некоторых исключительных ситуациях – например, сильного шока, испуга, когда исчезает отражение из восприятия, когда опыт исчезает, – зеркало становится пустым. Тогда зеркало встречается с собственной амальгамой. Ну и каков же эффект? Эффект крайнего ужаса. Это тот шок, который, если бы продлился за пределами наносекунды, наверное, привёл бы к смерти. Когда мы входим в тёмную комнату, никого там не ожидаем, тянем руку к выключателю, и в это время кто-то появляется сбоку, или нам кажется, что появился, то нас подбрасывает, – это такой всплеск адреналина, и в этот момент мы испытываем сильнейшее потрясение, которое даже трудно описать в словах. Оно длится недолго, потому что так или иначе мы обнаруживаем, что это наш костюм, который висит, или просто тень и так далее. Но если бы это продлилось в таком состоянии чуть дольше, то возможно это привело бы к инфаркту, к смерти и так далее.

Собственно говоря, в дзен-практиках такое состояние, разбавленное примерно в тысячу раз, называется сатори. Только разбавленное, не в концентрированном виде. И поддерживать такое состояние – это задача и цель таких вот техник. Шок потрясения, который превращается в некий «микродопинг», сопровождающий каждую секунду. На самом деле с чем связан этот феномен? Это встреча с собственным сознанием, – фигурально выражаясь, это встреча с истинным Богом. Хорошо известно выражение: «Страшно впасть в руки Бога живого». Когда человек сталкивается с собственным сознанием, с точкой оппозиции всему, он, собственно говоря, сталкивается с искрой, которая происходит от Духа Божьего, и это производит тяжелейшее и совершенно разрушительное впечатление.

Это примордиальный ужас, первозданный, изначальный ужас. Что такое ужас? Я подумал над максимально понятным и доступным определением «ужаса» – это ведь очень сложно описать, – и я

пришёл к выводу, что это встреча возможного с невозможным. Наше бытийствующее, глиняное персональное оформление здесь, в качестве индивидуальности, – это **возможное**, это сочетание разных возможностей, которые сами по себе по определению конечны. А наше сознание, которое находится внутри нас, как точка оппозиции, не тождественная ничему, искра Духа, – это **невозможное**, оно происходит из бездны Невозможного. Их встреча и разрушительный эффект этого «ядерного взрыва» производят ужас. Это и есть встреча невозможного и возможного.

И дальше всё, что человек делает в своей жизни, – это «шифровка» этого ужаса, «заглушка» и отсечение этого ужаса от самого себя. Что это означает? Это означает, что человек создаёт ряд таких гештальтов, – ну, например, отчаяние, надежду, радость, страх, что очень важно, и так далее. Мы будем говорить об этом подробно. Ряд гештальтов, которые являются антитезой и заменой ужаса.

Итак, есть ужас, который скрыт, а есть вещи, в которых мы «купаемся», – в созданных нами антитезах ужасу, в которых как бы ужаса нет: мы чувствуем себя уютно даже в отчаянии, в тоске, тем более в радости и так далее, – но откуда они берутся? Дело в том, что есть оппозиция Бытия и сознания, а есть созданные вместо них конструкты «Я» и «не-Я», они существуют вместо Бытия и сознания, – это конструкты. Это «Я» и «не-Я», их взаимоотношение, их игра между собой, – они, собственно, и порождают эти состояния тоски, отчаяния, надежды, радости, страха и так далее. И в этом пространстве мы и живём. И, собственно говоря, благодаря этому пространству, которое ещё связано с языком, общество и манипулирует нами, оно накладывает на нас свою матрицу, которая нами усваивается через страх, через надежду…

Кстати, я хотел сказать, что страх – самая сильная эмоция…

Но она не имеет никакого отношения к ужасу. Страх – это встреча с другим, это встреча с «не-Я», которая является определённой

угрозой, – «не-Я» как неизвестное. Есть «не-Я» как известное, есть «не-Я» как нейтрализованное или подчинённое, – это даёт эффект радости.

Есть известная формула СМИ, что они должны в двух ипостасях выступать: или пугать, или развлекать…

Это другое. Эти «пугалки» – это другой момент, который я ещё не упомянул. Это тревога. Мы будем отдельно об этом говорить.

Я просто заранее всё это прописываю, с тем чтобы дать понять, что фундаментальная идея Времени предшествует всему этому, она предшествует феноменологической стороне человеческого существования. Каждый человек является обладателем некоего «золота», которое у него отбирают, которое у него крадут. Человек рождается с запасом этого золота, но оно актуализируется, когда он становится носителем языка. И тут же через язык, навязав ему конструкт «Я – не-Я» в социальном пространстве, начинают похищать вот этот сюжет, который образуется его жизнью, его биографией, его движением. Каков один из побочных эффектов? Вот рождается человек, перед ним есть дорога в определённое количество лет, – условно говоря, 70 лет, завершающиеся финалом. Этот финал безусловен, в отличие от идеи, что – как пел Высоцкий, «хорошую религию придумали индусы», – это всё попытка свести человека к трансформирующейся вселенной, которая всё время бессмысленно переходит из состояния в состояние. А время в действительности не предполагает, что мы ходим из комнаты в комнату, из этой жизни в другую жизнь. Время предполагает безусловный финал.

Вот ты – Иван Иваныч, ты родился Иваном Иванычем, и абсолютно не имеет никакого значения во что перейдут элементы, составляющие тебя: как Ивана Иваныча тебя не будет. Этот Иван Иваныч абсолютно конечен. И именно это даёт шанс Ивану Иванычу на некий прорыв за пределы имманентного, если это будет каким-то образом центрировано, усвоено и понято через (ну не будем

говорить) особые технологии или через Откровение и так далее. Откровение, собственно, сообщает Иван Иванычу, что Всевышний, Который послал ему эту искру божественного Духа внутри него, воскресит его именно как Иван Иваныча для страшного Суда, – в отличие от перехода из комнаты в комнату, который никогда не кончается.

Но вот в чём дело – Иван Иваныч рождается, перед ним 70 лет жизни, которые упираются в полный, совершенный и абсолютный конец. Это может быть наполнено чем-то, что вписывает его в большое время, в сюжет истории. А общество ставит перед собой задачу, чтобы он ни в коем случае не попал в этот сюжет, чтобы его время ничем не отличалось, допустим, от времени его любимой собаки, – то есть не времени, а длительности его собаки.

Простой пример: Степан Разин, который вписал свою биографию, своё время, окончившееся очень жестоким финалом, но он вписал его в историю. Теперь предположим, что он не участвовал ни в чём, не был Степаном Разиным, как и не было бесчисленного числа каких-то казаков-разбойников и так далее, других степанов крепостных, герасимов с Муму и так далее, – их время не стало частью истории, поэтому их время не актуализировалось как время, оно осталось просто длительностью, в которой был шанс на то, чтобы превратиться во **время**. Но общество сделало всё, чтобы их жизни, как и жизни офисных сотрудников, не превращались во время, а просто оставались длительностью.

То есть общество работает над тем, чтобы украсть подлинное содержание времени как смысла у каждого родившегося существа, за исключением элиты, которая организует историю под себя. Как мытари, которые забирают налог у людей и немножечко оставляют себе за свои услуги. И понятно в пользу кого забирается этот налог: в пользу Великого Существа.

Мне хотелось бы просто подчеркнуть, что стержневая, стратегическая линия понимания человеческого фактора, – это понимание разницы между длительностью и временем, оппозиции

смысла и абсурда. Абсурд, который принадлежит Бытию, и смысл, который принадлежит человеку и человеческой жизни, связанной с языком. И как фундаментальное проявление оппозиции сознания и Бытия – проявление боли, жгучей боли, которую Бытие испытывает через человека, внутри человека и распространяет на всё остальное. Благодаря тому, что существует человек как носитель боли, можно причинить боль любому живому существу, – и это только потому, что есть человек как человек.

Гипнотическая мощь реальности

07.06.2016

Комментарий Джемаля к постановке вопроса:

Люди сформулировали понятие «реальность» как нечто, противоположное фантомности, виртуальности, условности. Это то, по чему можно «постучать». Реальность неизбывна. Вместе с тем все эти представления есть не что иное, как **описание**. Самое начальное, с чего делают первый шаг: безусловность реального есть описание. И дальше идут одни описания. Реальность – это непротиворечивое собрание описаний.

Описания же возможны благодаря языку. Описания создаются внутри огромной площади макроязыка, как некие островки и «большие континенты», существующие на карте.

Но язык не для того сообщался Адаму Аллахом, чтобы строить всевозможные реальности, а для того, чтобы вне всякой коммуникации, в чистом одиночестве своих индивидуальных душ размышлять о Всевышнем, мечтая отразить в зеркале языка хотя бы тень Его заповедного Замысла. Вот сколько было дано человеку! Вместо этого он расходует язык на описания реальности, которые не имеют ничего общего у аборигенов Австралии и итальянцев, скажем, чистенького Милана. Арабы живут в одной вселенной, а евреи – в совершенно другой. И нет ничего, обо что все эти разные люди могли бы «постучать». Каждый камень, каждая звезда на небе, каждая банкнота совершенно разнится для этих существ.

Но некому сказать – нет всеобщего учителя – о том, что, дескать, все вы живёте в разных мирах. Даже мусульмане грешат

выковыванием особо крепких преград там, где они находятся, чтобы остаться в своём описании.

Конечно, есть очень маленькая часть тех, которые не поддались обработке всех этих «институтов», цепко опутывающих человеческое сознание. Эта малая часть спасается от того, чтобы быть поглощённой каким-то описанием, с помощью Святого Корана. Эта малая часть смотрит в Коран, читает его. А Коран есть «антиописание». Демонтаж реальности. Именно поэтому битва против чудесной книги на протяжении 1400 лет не привела ни к каким результатам. В Коране не изменена ни одна точка, ни одна буква. Есть силы, которые хранят его от этого.

Однако вне этого круга, вне тех, кто не просто читает, а ещё и понимает Коран, мечется бедное человечество. Можно поставить любопытный вопрос: было ли внезапное возникновение языков, разобщившее строителей Вавилонской башни, историей создания разных описаний? Человечество подчиняется языку. Язык имеет над ним огромную силу. И до тех пор, пока человек, служа Сатане, будет использовать язык для лжи, язык, в свою очередь, будет держать его сознание в плену описаний.

■ *Продолжим цикл «Человеческий фактор», и тема нашего разговора: «Гипнотическая мощь реальности».*

Я напомню, что тема предыдущей беседы: центром и осевой темой человеческого фактора является время, которое принципиально отличается от длительности, поскольку длительность хаотична, не имеет внутренней сюжетности, а время существует как некий сюжет, как сценарий, потому что время предполагает финальность человеческого существа, связанную с его двойственностью, – Бытие и сознание. Мы упомянули о том, что эта двойственность (Бытие и сознание) является проблемой не только человека, но прежде всего самого Бытия, в которое человек вставлен, как «пятая колонна», как «агент», который состоит большей частью из Бытия, но внутри него

есть оппозиционная искорка сознания. И Бытие на это реагирует крайне негативно, потому что эта искра сознания – это как песчинка, попавшая в раковину: моллюск отвечает на это выделением секреции, которая эту песчинку обволакивает…

Из песчинки может получится жемчужина, а может и опухоль…

В данном случае я не хотел бы «гламуризировать» это, потому что скорее выделяется гной. И этот гной является как раз тем, что мы называем «реальностью».

Я хочу остановиться на следующем, очень важном, вводном пункте: для всех людей в обыденном сознании реальность и Бытие эквивалентны, взаимозаменяемы, синонимичны. Когда говорится «Бытие», то имеется в виду «реальность», когда говорится «реальность», имеется в виду «Бытие». Но это принципиально разные вещи – как моллюск не тождественен этой жемчужине. Жемчужина – это как раз результат выделения секреции, это защитная реакция. Потому что Бытие представляет собой тень провиденциальной божественной Мысли, оно как бы анти-Мысль.

Некоторые категории и понятия многим могут показаться спорными, но Мысль и Идея – это принципиально различные вещи. Мысль Всевышнего основана на апории, на неравновесии, на нетождестве. А идея, о которой говорили Платон и Гегель, – это прежде всего концепция, структура, конструкт, основанный на тождестве. Что значит на тождестве? Любая точка манифестации внутри Бытия равна всему Бытию в целом: всё равно всему, всё эквивалентно всему. При этом Бытие апофатично. Нельзя сказать, что такое Бытие, – это многие отмечали: Хайдеггер и так далее. То есть оно неуловимо.

Нельзя сказать, что Бытие «есть». В каком смысле «есть»? В том смысле, в каком «есть» мелкие объекты, феномены, ангелы, бесы, деревья, зайцы, люди? В этом смысле нельзя сказать, что Бытие «есть». Берём какой-нибудь объект, теоретический, практический,

который можно потрогать, – вот он «есть», к нему предъявим предикат «есть».

Несмотря на Парменида, который говорил, что «бытие есть, а небытия нет», к Бытию неприменимо это «есть», потому что Бытие не имеет определения. Зайцы, деревья определяемы: они имеют границы, они определены так или иначе. Они описываемы, а Бытие не описываемо, но при этом оно внутри себя конечно, – как, допустим, числовой ряд представляется нам бесконечным. Но это ложное представление. Это то, что Гегель называл «дурной бесконечностью», – числовой порядок. Он никогда не кончается, но это не значит, что он бесконечен.

Так и Бытие – это анфилада зеркал, которые отражают сами себя, зеркалят друг друга, и поэтому создаётся впечатление разворачивающейся бездонности, но это конечная вещь. И уже здесь начинается фундаментальная ложь. Бытие – это фундаментальное условие ошибки, фундаментальное условие лжи, которое вскрывается тем, что туда через человека вбрасывается искра Духа, оппозиционная всему.

Теперь, если говорить о реальности, то реальность представляет собой, в отличие от Бытия, не что иное, как описание, «то или иное». В принципе, реальность – это система описаний. Люди думают, что описание – это что-то в голове, что-то субъективное, а вот реальность – это то, что можно потрогать. Это заблуждение. **Реальность – это описание, которое можно потрогать, потому что мы можем потрогать только то, что описано.**

■*То есть если мы отдаём себе отчёт, что это стол со стеклянной столешницей, то именно это мы можем сформулировать, мы будем описывать теми понятиями, которые уже есть?*

Да. Но описания бывают разнообразными. Вот, например, такой вопрос: а мифы – это реальность? Да, это реальность, потому что это описание. А наука? Наука – это тоже описание, но противоположное

мифам. Но наука тоже фальшива насквозь, подобно мифам; в каком-то смысле, мифы даже имеют больше права на существование, чем наука, потому что мифы соответствуют своему назначению. Они предполагают некий символизм, они не настаивают на своей тактильной, физической достоверности. Они отсылают нас к некой внутренней, не здесь находящейся правде, и в этом смысле они непогрешимы, – условно. А наука говорит, что «вот есть закон – мы его открыли, вот это – то, по чему можно постучать, – это объективно». На самом деле это не так. Потому что каждые два поколения научная картина мира полностью меняется и заменяется другими описаниями. Сначала верили во флогистон[59], потом другой процесс горения появился, а сейчас опять тема флогистона, между прочим, возникает.

■*На счёт мифов вы сейчас говорили, я вспомнил миф о памятнике самой любопытной и глупой женщине – жене Лота: соляной столб. Я был в Израиле и видел даже несколько этих столбов. Миф есть, и памятник тоже есть…*

Хотелось бы подчеркнуть, что описание – это не то, что является психологическим, дискурсивным отражением подлинного, – тем, что мы носим в голове, тем, чем мы можем обмениваться на словах и так далее. «А вот они есть настоящие столы и стулья», – нет! Описание – это и есть та реальность и та интерпретация реальности, которая одновременно дана нам в ощущениях. И они борются между собой.

Например, большевики, когда пришли к власти в 1917 году, несли с собой новое описание реальности. Вспомним «Голубые города» Алексея Толстого, «Аэлиту», то есть идею космического взрыва человечества, ноосферы, изменения законов природы, царства разума, которое освобождается от физических непреложных условий. И всё это длилось до конца Хрущёва. Конец Хрущёва – это Ефремов и его «Час Быка», «Туманность Андромеды». После этого

совершился коллапс – сваливание в цинизм, в некий «посткомсомол»… Поколение колбасы.

В период с 20-го по, условно говоря, 65-й – вот эти 45 лет, – это было время нового описания. Но оно не состоялось. Оно не состоялось по ряду причин, потому что, на мой взгляд, оно не было достаточно гибким и широким, оно носило сектантский характер, несмотря на то что в нём предлагался универсальный подход: «справедливость», «союз пролетариев», которые должны объединиться и так далее. Но в этом был сектантский момент.

Это не то чтобы идеализм, но всё это осталось в неких рамках международных рабочих и коммунистических партий, Коминтерна, – то, что окормлялось международным отделом ЦК. На примере гражданской войны в Испании видно, что это было что-то такое очень сектантское. Сталинисты били троцкистов вместо того, чтобы бороться с Франко.

Потом появилась попытка описания со стороны Рейха. С 40-го по 43-й год все напряглись, уши поднялись, потому что шло какое-то новое, острое и очень свободное от сектантства описание, которое было связано с совершенно ненаучным, вненаучным видением и ощущением мира. И прежде всего наносило удар по веку Просвещения, по англосаксонским лекалам, по рационально-либеральным наработкам. Но после Курской дуги стало понятно, что это новое описание проиграло и можно не заниматься им. И после 45-го года восторжествовало жёстко либеральное, рациональное описание всё более и более «математизирующегося» и рационализирующегося смысла.

Получается, описание формирует реальность?

Описание и есть реальность. Что я хочу подчеркнуть: описание и есть реальность, которую мы можем потрогать, понюхать, постучать по ней кулаком. Это и есть описание. И более того – ведь параллельно существуют разные описания. Одновременно

существует как бы такая пачка описаний, зажатая в чьём-то кулаке, которая трепыхается разными лентами. Потому что понятно, что у человека, выросшего в Центральной Африке или посреди Австралии, у человека в Европе, в Сирии, Ираке или в Китае, – это разные описания. Эти описания противоречивы, конфликтны, но не до такой степени, чтобы стол одного был чем-то другим для другого. Хотя в пределе это так.

Получается, разные описания… Кто написал описание – у того такая реальность существует. В России преподают, что войну выиграли СССР, а где-то там – союзники. В США – США… Реальность, получается, разная?

В Китае, я думаю, учат, что победил Китай и союзники, потому что для Китая Вторая мировая война началась не с атаки на Польшу Германии, а с атаки Японии на Китай. Формально они правы, и мировая война началась, по-моему, в 1935 или 1936 году. И дальше всё остальное пристёгивалось. Но это очень периферийный момент описания. А вот, допустим, разница между научным, антинаучным или внутринаучным – фундаментально различные подходы: скажем, ньютоновский мир и эйнштейновский мир.

Нужно понять одно: описание – это то, что составляет вокруг нас среду, составляет вокруг нас наш мир. И единственная общая черта, которая объединяет все описания – это некая фундаментальная непреложность реальности, фундаментальная непреложность того, во что мы погружены. Описание есть всегда юдоль. Яблоко всегда падает. Вот если у вас яблоко улетает вверх – это воображение, это сон, а не явь. Это символизм, это не реальность. В мире описаний яблоко всегда падает. Что это означает? Что описание делается не человеком, но для человека. Человек вызывает и провоцирует описание, без человека описания не было бы…

А кем же оно делается, это описание?

Я уже до этого сказал, что Бытие есть идея. Но чтобы самовыразиться, оно должно воспользоваться какими-то средствами. Этим средством является язык – язык, который дан человеку, как Откровение, через Адама. Язык дан человеку совсем не для того, чтобы его использовало Бытие, а для того, чтобы человек имел дело с некими подлинностями, которые являются непосредственным творческим продуктом Всевышнего. Но когда человек вброшен уже в Бытие, когда он в плену Бытия, то язык становится из механизма мышления, из процесса мышления средством коммуникации. И тогда, собственно говоря, Бытие как идея захватывает этот язык и начинает его использовать.

Например, мы же понимаем, что большинство философий и большинство метафизик пользуется языком, который был дан Адаму и передан человечеству, но описывают они и излагают некие «истины», которые основаны на тождестве, на пантеизме, которые основаны на клерикальном понимании Бытия, – это всё система утверждений, которая является антитезой к Откровению пророков. При этом используют язык, данный пророческой линии.

Здесь возникает очень фальшивый «симбиоз» или компромисс между Бытием и сознанием, который порождает цивилизацию. А цивилизация тесно связана с описанием. Каждая цивилизация покоится на том или ином модусе описания: Древний Египет описывает определённым образом реальность, Рим описывает другим образом, современная либеральная цивилизация – другим, и так и так далее.

Но что их объединяет? Все эти описания предполагают жесточайшую закономерность (ту или иную), фатальность, несвободу: яблоко ньютоновское всегда падает вниз; можно, конечно, упомянуть Шрёдингера и принцип неопределённости, когда кот то ли в ящике, то ли вне ящика, то ли жив, то ли умер. Но это очень жалкое поползновение к выходу из описания.

Я могу сказать, что есть фундаментальный разрыв, но с неожиданного подхода – с темы описания реальности. Он содержится в Коране. Почему? Потому что в Коране есть описание. Но это описание ада и рая – это не описание мира, в который мы погружены, это описание мира, который является дальним Бытием, не существующим в данный момент. И тут важно подчеркнуть, что ад и рай, согласно Корану, в данный момент не существуют, они будут после закрытия этого Бытия, после победы над этим Бытием. Поэтому эти описания не являются реальностью, но и не являются воображением, не являются ни мифом, ни символизмом, ни чем-либо таким, – это, в некотором смысле, завет о том, что эффективный разрыв с реальностью возможен. Описание, которое относится не к миру «как должно быть», а к тому, что будет после мира. А вот что касается мира – практически (если не считать очень немногих аятов, которые упоминают какие-то конкретные вещи, понятные людям), системного описания в Коране нет. Это очень важно.

Все остальные метафизические парадигмы, блоки и так далее, существующие вне Корана, предлагают именно описание. Все описания строятся на них. И все эти описания являются описаниями различных видов фатальной несвободы. Это Рок, юдоль.

В мифе мы находим Рок как неизбежность: допустим, Эдип так или иначе встречается с тем, что ему суждено, или в физике находим какие-то законы, которые мы не можем отменить и перевернуть, не можем уйти от этих описаний. Это связано с тем, что человек схвачен миром, как муха в янтаре, – это форма нейтрализации человека Бытием. При этом, подчёркиваю, Бытие и описание – это разные вещи. Бытие нам неизвестно, оно апофатично, оно не поддаётся определению, а описание – оно потому и есть описание, что оно определено, предъявлено, оно может быть исследовано, отменено, ему могут быть альтернативы.

Правильно ли я понимаю, что если мы видим какие-то хорошие описания, которые происходили во время истории человечества, – чем более ярко оно написано, тем больше востребованность у человечества? То есть кто лучше написал это описание, тот и молодец?

Опять же это «лучше» воспринимается «вкусовым» образом. Например, люди читали Руссо или Дени Дидро в своё время, и они приходили в буйный восторг, потому что им очень нравилось это просвещение, рационализм…

Мы вспоминали Ветхий Завет, автор которого не очень известен, но, если мы возьмём Новый Завет, – например евангелистов, – ведь они, по сути, написали четыре канонических Евангелия, то есть четыре литературных памятника. И это тоже описание определённой истории…

Это не совсем описание, это изложение некой биографии, повести. Когда я говорю «описание», я имею в виду систему восприятия мира. В Евангелии же не содержится то, в результате чего стол для нас «стол», солнце – «солнце». Я хочу привести пример, чтобы было понятно. Вот в сериале «Рим» два действующих героя, легионера, заночевав под открытым небом, рассуждают о звёздах. И один молодой спрашивает, мол, что такое звёзды? И дальше продолжает, что это, возможно, дырки в бумаге, в стене, которым является небо. Другой, более опытный, говорит тому, что тот дурак, и это просто свечки, которые там горят в высоте. Вот человек смотрит на небо и видит звезды, и он как бы «щупает» эти звезды, но глазами, и для него это либо прокол в стенке, где там с другой стороны море света, либо это такие факелы в полной чёрной пустоте. Потом оказывается, что это такие солнца, которые излучают колоссальные потоки энергии, термоядерные котлы в их недрах.

А другим описанием может оказаться, что Солнце – как, допустим, в античные времена, – материальное выражение божества. Сейчас

Солнце – это такой термоядерный котёл. Но в третьем описании это может быть сердце, или печень, или какой-то компьютер некой суперструктуры, которая вообще не по этой части, совсем не имеет к этому отношения. Все эти описания абсолютно ложны. Любое описание ложно заведомо. Как идея, что это «дырка в стене, через которую можно увидеть свет», так и идея, что это материальное выражение божества, так и представление о том, что это термоядерный котёл, – всё это наши «хотелки». Но это не наша «хотелка», а это некая сила, которая всё это нам навязывает через наше рождение в цивилизации, основанной на этой парадигме.

Поэтому реальность, хотя и имеет независимое от нас происхождение, она всё-таки есть оформление человеческого фактора, потому что она существует для человека, во имя человека, ради человека, спровоцирована человеком, и она погружает в себя человека и является доминантной силой.

В своё время мы говорили о разрыве отражения с оригиналом. Так вот, эта связь, эта привязка к оригиналу, когда мы вынуждены повторять каждое движение оригинала, – через что она осуществляется? Вот эта привязка и есть это описание. Реальность – это рефлекторная, невидимая связь оригинала с отражением.

Надо поставить вопрос: что описывается? Описывается мир, который определённым образом существует. Существует исчерпывающим образом для нас. Этот мир есть не что иное, как зеркало. А Бытие состоит из зеркал, которые повторяют друг друга. Это как лента Мёбиуса. Бытие есть бесконечное отражение зеркал, оно отражает само себя.

И в одном из этих зеркал есть его отражение в качестве нас и всего остального. Оно организовано вот этими описаниями, реорганизуется этими описаниями и так далее. Но ведь когда Всевышний открывал Адаму имена, которые в тот момент становились этими вещами, конструктами: в момент открытия имени открывалась и вещь, создавалась вещь. Имя и вещь – это одно и то же в архетипическом плане.

Это было совсем не то, чем мы пользуемся сейчас в качестве слов, названий, языка и так далее. Мы сейчас живём не в адамическом мире. Адамический мир первозданных слов, конструктов – это был мир господства Адама как наместника Божьего в центре земли, которая существовала в архетипическом плане. А мы живём как муха в янтаре, мы живём в абсолютной несвободе. И мы, соответственно, пользуемся не адамическим языком, а различными видами его искажений, прошедшими очень большой путь к деградации. Всё как бы обращено в свою противоположность.

Задача перед нами стоит, в какой-то степени, – вернуться к адамическому состоянию. Согласно хадису Пророка (да благословит его Аллах и приветствует) придёт Махди и избавит этот мир от гнёта и наполнит его справедливостью так, как ранее тот мир был полон гнёта (зульма).

Что такое «зульм»[60]? «Зульм» по-арабски означает тиранию. Тьма или тирания. Это надо понимать не в политическом смысле, хотя, может, и в политическом, но прежде всего это надо понимать в метафизическом смысле. Тьма или тирания есть наша зависимость от обстоятельств этой ложной действительности, наведённого на нас фундаментального морока, который связан с Бытием. А Бытие, напоминаю, есть Великое Существо, имя которого Иблис. Он отказался поклониться Адаму, когда Всевышний потребовал поклониться, и Великое Существо ответило: «С какой стати? Это глиняная кукла, а Ты меня создал из огня. Я бесконечно выше его. С какой стати я буду ему поклоняться?» – не подозревая, что эта глиняная кукла является носителем неведомого для него принципа Духа Божьего, Святого Духа.

Вот мы живём даже не в том, что является Бытием как таковым, а в том, что это Бытие создаёт для нашей нейтрализации в этой действительности, которая выдаёт себя за некую непреложность.

И здесь я вспоминаю очень интересный момент. Наверняка вы помните, как Белинский страдал из-за споров и вопросов разного понимания гегелевского тезиса «что разумно – то действительно, что

действительно – то разумно». Мы знаем, что Белинский был человеком особой психологической конституции. Это был недоучившийся семинарист из традиционно-поповской семьи, ушедший в разночинцы, в революционные демократы, и он не знал немецкого языка. Всему, что он узнал о Гегеле, научил его Бакунин, который просто, как другу, читал ему лекции, объяснял ему Гегеля. И Белинский на первых порах воспринимал Гегеля просто свято, – ну, это наша особенность: западные доктрины приходят, объясняются через третьи руки и заглатываются как наживка.

Но потом у него встал вопрос: «Действительно – это разумно, разумно – это действительно» – как же так? Значит, получается, что крепостное право – оно же действительно, и оно разумно, что ли? И что это – «разумно»?

Бакунин ему отвечал: «Да, получается, так». Потом по этому поводу ему говорили «ха-ха-ха», или уже после его смерти. Бедный Белинский так и не понял, что имел в виду Гегель, потому что Гегель-то имел в виду, что если это не разумно, то это **не** действительно. Значит, это надо снести революционным путём.

Тут есть одна закавыка. В своё время даже у нас в школе преподавательница обществоведения объясняла, что Белинский не понял пересказ Бакунина, а на самом деле «разумное» – это только то, что «по правде», а вот то, что существует, но «плохо» существует, – это зло и оно не действительно. У меня такой вопрос: извините, миллионы людей, которые родились в крепостном праве, – у них отцы были крепостными, деды были крепостными, их сыновья и внуки были крепостными, их продавали, они жили просто на положении животных, – это не действительно всё было? Это вообще что? Это воображение какое-то? Белинский-то был прав.

На самом деле и Николай I со своими бакенбардами и истериками, и крепостные, которых продавали за 25 рублей, разлучая с семьями, – это всё было действительно. На самом деле проблема в том, что для Гегеля, в его бездушном буржуазном рационализме, это было всё разумно. Он считал, что это разумно: да,

это действительно, потому что это разумно. Не забудем, что в Пруссии тоже было крепостное право, и гессенских гусар продавали англичанам, чтобы они воевали против американских колоний за короля Георга. Это были крепостные, которые воевали, потому что курфюрсту платили деньги из британской казны, и когда шла война за освобождение будущих Соединённых Штатов, Гегелю как минимум было лет шесть-семь. Фридрих Великий практически тогда же и родился, когда Пётр III дал задний ход после победоносных войн. Крепостное право в Пруссии было в полный рост. Человек, который в этих условиях говорит «что действительно, то разумно», не может не понимать, что рабство, которое тогда же касалось и его как немца, не могло быть недействительным, потому что это был бы цинизм, абсолютное лицемерие и фальшь считать, что это недействительно. Как нарисованная дверь на холсте в качестве приманки или обманки в известной сказке про «Золотой ключик».

Конечно, Гегель был в этом отношении совершенно философски циничен и, конечно, Белинский был прав. Но дело в том, что, если мы это отвергаем, давайте пойдём до конца: всё, что действительно, – в смысле описания, в смысле реальности, – является анти-мыслью, анти-разумностью. Это ложь и, собственно говоря, человек погружен в ложь, которая является продуктом и производным от ошибки, а ошибка содержится в самом Бытии, потому что Бытие генерировано Мыслью, Божественной Мыслью и является антитезой, которую по плану Всевышнего нужно преодолеть.

■ *Если человек – плюс, то Бытие – минус?*

По порядку. Мысль, как некая внутренняя духовная жизнь трансцендентного Субъекта, создаёт свою антитезу, свою тень, которая должна быть преодолена для решения некоторых внутренних вопросов. Весь негатив должен быть спроецирован вовне, он не должен быть внутри Мысли, он проецируется вовне. А потом искра, присущая самой Мысли, вбрасывается в этот негатив,

чтобы его преодолеть. Здесь вы уже правы: этот негатив получает искру, но не человека как позитива, как «плюса». Человек причастен к искре Духа, но он же может пойти путём полной капитуляции перед Бытием, перед той реальностью, которую Бытие порождает и навязывает ему в качестве описания. Либо он может противостоять.

И вот здесь возникает масса рамификаций, потому что – мы касались этой темы – человек, чтобы не смотреть в эту искру Духа, которая вызывает у него, как у глиняного существа, ужас, генерирует массу «заглушек» – страх, надежду, отчаяние, радость, ожидание и так далее: весь психический набор элементов, на столпах которых и покоятся все описания. Все описания обязательно – вплоть до того, что мы воспринимаем это как стол, а катер, идущий по Москве-реке как прогулочный катер, – все они покоятся на наших психических столпах: ожидание, надежды и так далее. Но связь не буквальная, но опосредована очень чётко…

■*Я вас слушал и вспомнил разговор с одним приятелем, доктором физических наук, который очень подробно мне объяснял, как физики друг с другом взаимодействуют. Вот физики тоже договорились, что «это – стол». Понимаете, в любой, даже точной науке необходимо договориться, что чем мы называем, потому что изначального понятия, откуда всё взялось, нет. И если мы по поводу какой-то сущности не договорились, то мы не знаем, как с ней поступить. Видимо, это очень похожие действия…*

Это следующий уровень, потому что договорённости – это уже вопрос прагматизма, потому что прагматик искренне считает, что всё, что есть вокруг нас, есть итог договорённостей. Не только в физике научные элементы, а абсолютно всё – это продукт договорённостей.

■*То есть электрон – это тоже, получается, продукт договорённости?*

И никакого электрона нет, он так же неисчерпаем, как известно, как и атом.

Вглубь менталитета прагматика, американского менталитета, лучше всего смотреть через Дьюи[61]. Чему он нас учит? Что договорённости бывают между двумя людьми, могут быть между сотней, а может быть ещё больше. И можно договориться по десяти признакам, а можно по ста признакам, а можно только по одному. И чем объёмнее договорённость по большему числу признаков, тем как бы больше проступает у нас реальность. Вот мы сидим, обсасываем, перетираем всё это, привлекаем других, расширяем, – для этого американцы летают и бомбят, чтобы вовлечь в договорённость как можно больше, чтобы признавали какие-то простые американские вещи: что домик с садиком – это мечта человека, но при этом они сносят все домики и садики, пока не признают. Но это уже как бы такой прагматизм.

Здесь мы получаем человеческий продукт. Потому что договорённость – это человеческий продукт. Но сначала американские прагматики садятся договариваться о чём-то. А это «что-то» откуда берётся? Оно уже предъявлено в качестве элемента описания **до**. И тут уже идут какие-то согласования, подвижки и так далее. Но эти элементы описания даются не из человеческих усилий, не из человеческого творчества, – они падают на нас как факт. Мы рождаемся уже в описанном мире. И, собственно говоря, первое, что нас держит в этом мире, где яблоко должно падать обязательно вниз, первое, что нас держит очень жёстко, – это страх. Потому что мы боимся расстаться с этим описанием, мы боимся сделать шаг в сторону. Это надежда, что следование этому описанию приведёт нас к чему-то хорошему, а не к плохому. Там ещё есть ряд «поддерживающих» элементов, о которых мы уже говорили, мы дальше будем их уже подробно разбирать. Но самое главное – страх и надежда – это те привязки, которые заставляют человека рабски стоять на коленях перед полученным изначально с колыбели

описанием.

Получается, что реальность нас гипнотизирует?

Мы загипнотизированы ею, конечно. В данном случае интересно, что Кант не осмелился пойти далеко: он сказал нам, что то, что мы видим, – это совсем не то, что есть на самом деле. Что есть некая «вещь в себе», которая непознаваема, но она пропускается через трансценденталии, через существующие в нас априори принципы времени и пространства. Очень интересно – особенно про время. Это, кстати говоря, один из гениальнейших прорывов человеческого духа: понимание того, что фактор времени является той призмой, тем фильтром, через который модифицируется восприятие окружающего. Но он не пошёл дальше: откуда эти трансценденталии, кто их дал? Он вопрос оставил открытым и быстро перешёл к «моральному разуму». И всё свёл к вопросу добра и зла, к вопросу нравственного императива. А ведь это тоже продукт описания.

Кант остался половинчатым: он разобрал описательность звёзд, земли и деревьев, но не стал трогать описательность добра и зла. А тут же самый главный вопрос. Потому что, если мы начинаем работать с такими фундаментальными понятиями, как «добро» и «зло», мы приближаемся как раз к самым корням темы ошибки, корням темы лжи. Потому что, как сказано, в Коране: «Быть может, вам неприятно то, что является благом для вас. И быть может, вы любите то, что является злом»[62].

Обожение как универсальная цель глиняного человека

18.06.2016

Комментарий Джемаля к постановке вопроса:

Человек до Адама находился в райском состоянии. Он не знал языка, но находился в прямом общении с подобными ему существами благодаря способностям телепатии. Телепатические возможности сохраняются и сегодня у детей почти до трёх лет (чаще меньше). В противном случае новорождённые не могли бы усваивать язык. Они ведь начинают с нулевой позиции по любому языку, поэтому им нельзя «объяснять» что-либо. Для того чтобы понять смысл какого-то слова, младенец должен «снимать» невербальную интенцию. Желательно матери. Если матери нет, то усвоение языка идёт значительно хуже.

Райское состояние «проточеловека», не знавшего Адама, было подобным блаженству зародыша в околоплодной жидкости, причём «маткой» для него выступал весь окружающий мир. Кстати, в арабском языке наиболее популярное имя Аллаха – Рахман – имеет общий корень со словом «рахма» – матка, фундаментальное первичное значение которого связано с переживанием покоя и защиты. С приходом Адама и началом распространения языка мгновенно кончилось это блаженное состояние. Естественно, что жизненной темой подавляющего большинства рода человеческого стал возврат в это состояние. Отсюда возникает идея посвящения и эзотерического пути: это преодоление барьера языка. Исихазм, даосские и тибетские техники молчания и прочие ограничения «вербализма» – это методики перешагивания через порог, назад в

доязыковое пространство. Эзотерические практики любят наглядные символы, предпочитают знания, полученные через молчаливое общение с учителем, с иронией и скепсисом относятся к «метафизическим разработкам», записанным в книги. Их постоянная тема: через уход от слова приблизиться к Бытию (то есть Великому Существу).

Однако несмотря на нелюбовь к гностическим и вообще философским размышлениям («мысль изречённая есть ложь»), в процессе повышения интеллектуальной сложности речь уже заходит о не просто переживании блаженства на высшей ступени посвящения, вопрос ставится о соприкосновении с реальным Бытием. И наиболее продвинутые в этом вопросе понимают, с чем это сопряжено: с огненной гибелью.

У продвинутого суфизма тема огня, огненного очищения, огненной смерти присутствует очень широко. Шейх Хамадани, напросившийся у своего амира на казнь[63], оставил после себя такое стихотворение:

> Мы попросили у друга мученическую смерть,
> И ещё две-три ценные вещи.
> Если друг сделает так, как мы хотим,
> Мы попросили жаркий огонь
> И соломенную циновку.

Здесь «другом» является, конечно, «двойник» самого Мастера, по образу и подобию которого он сделан. Мастер понимает, что речь идёт об Иблисе, хотя приписывает ему имя «Аллах». Он просит у Иблиса огня, потому что Иблис сделан именно из этого элемента. Соломенной циновкой является в этом разрезе символов сам мир. Шейх Хамадани просит у Великого Существа не только поглощения огнём при соприкосновении с истинным Бытием, но и

эсхатологического завершения Бытия неистинного, вторичного – этого мира.

Пожалуй, в суфизме наиболее полно и ярко конкретизировалась воля «идущего по пути» к идентичности, к тождеству с первоосновой, – с тем, что для абсолютного большинства человеческих существ представляется единственно возможным «богом». Проблема синонимичности Бога и Бытия разработана именно в суфизме, а не, к примеру, в индийских философских школах или даосизме. Почему это так? Ну, во-первых, упомянутые течения мысли не пользуются понятием «Бог», – по крайней мере в том же ракурсе, что и суфизм, для которого авраамическая, точнее, иудо-каббалистическая тема, сплетается с платонизмом, сквозь который дышит христианство. Именно на этом стыке оформляется концепция «совершенства», которое стоит выше предиката «есть». Его отличительным признаком является категория «нет», которую проще всего выразить через символизм всепожирающего огня.

Суфизм мастерски развил и проявил суть вопроса. Единственное, чего суфийские мастера не поняли, – это то, что Бытие есть совершенная ложь, анти-Мысль истинного Бога, которая настолько же отчуждена от Провидения, насколько фекалии в выгребной яме отчуждены от тех, кто их произвёл. При этом очевидно, что эта санитарная и некрасивая тема ужасающим образом подчёркивает не эзо-, а экзотеризм, поскольку даже семантически все определения отбросов определяются терминами «выведения наружу».

Так крайний эзотеризм мэтров блаженства в огненной печи оказывается крайним экзотеризмом, воплощённым в сырой и вонючей яме.

■ *Мы продолжаем цикл, который называется «Человеческий фактор». Что такое «глиняный человек»?*

«Глиняный человек» – это фундаментальная традиционная идея всей авраамической теологии по поводу появления человека.

Человек сотворён из глины. По поводу глины мы знаем, что речь идёт именно о метафоре субстанции, и Коран говорит нам, что для создания человека было использовано два сорта глины: одна звонкая и сухая, другая жидкая. Имеется в виду субстанция «нижнего типа» – жидкая, влажная, чавкающая глина. И качественная звонкая глина – та, из которой делается керамика и которая представляет собой тонкую небесную субстанцию.

Глиняный человек – это некая метафора такого «пустого человека»?

Нет, всякий человек является глиняным, потому что он телесный, субстанциональный, – это субстанция, протяжённость. Протяжённость, о которой говорит Декарт. Но глина (вещественная тварь) подчёркивает его оппозицию энергетическому полюсу. Потому что в Коране есть момент, когда после сотворения Адама Творец говорит Иблису, который является персонификацией Бытия в целом (это архетипическое Бытие), чтобы это архетипическое, глобальное Бытие поклонилось Адаму. Иблис отказывается поклониться и говорит: «Ты создал меня из огня, а его из глины», – то есть с какой стати он должен кланяться существу, которое на много порядков ниже него?! После чего вступает в конфликт с Творцом и наказан за непослушание. Адам, в свою очередь, низвергается тоже за свой ряд деяний в мир, в котором он становится первым пророком великой пророческой цепи и приносит сюда язык – человеческий язык, понятийный язык. Потому что до этого Всевышний учит его именам вещей и посрамляет ангелов, которые возражали против того, чтобы Адам стал наместником на земле.

Так вот, глиняный человек – это человек, созданный из субстанции, которая является вещественным полюсом. Мы не будем пускаться в герметические рассуждения о materia prima, materia secunda, то есть о «первоматерии», о «второй материи», которая является уже материей **нашего** мира, потенциальностью, из которой создаются

материальные вещи. Это лишнее. Просто скажем, что человек является существом вещественным, но внутри его «вещественности» есть полюс грубый и есть полюс тонкий. В этой субстанции присутствует как бы возможность рарификации, разрежения, то есть, с одной стороны, наиболее плотное состояние, подобное камню, а с другой стороны – лёгкое состояние, подобное облачку пара. И то и другое – субстанция. Но это разные состояния, разные модусы субстанции, разные модификации. Вода, допустим, имеет твёрдое, жидкое и газообразное состояния.

По совершенно справедливому определению Денницы или Иблиса, человек – вторичная тварь. Созданный из глины, он натуральным образом стремится к соединению с Бытием, – с совершенным и безусловным Бытием. Творец требовал от Бытия поклониться человеку, а человек – тварь, которая стремится именно к Бытию и противостоит Творцу, просто игнорирует Его как нечто, в целом принципиально к нему не имеющее отношения. Стремится именно к Бытию как к тому, что является полнотой реализации именно того фактора, из которого он состоит. Он состоит из некой вторичной бытийности, отражённой в зеркалах миров, а он хочет слиться с оригиналом. И, собственно говоря, на этом основаны все метафизические концепции, все «пути», – если мы обратимся к опыту индуистской метафизики, буддийской, даосской метафизики и так далее. И всюду мы видим стремление к подъёму и слиянию человека и Бытия…

И, соответственно, человека и Иблиса, дьявола?

Да. Здесь есть одна такая тонкость. В мире, в котором мы живём, всё дуально. Когда мы говорим о Бытии, что есть только оно и ничего кроме него нет, – это Бытие сразу разлагается на полюс света и полюс тьмы: Бытие как Ормузд, как Денница, Люцифер, и Бытие как Ариман, как нечто тёмное, как демоны, как сугубый «подвал» сущего,

который находится под человеческим миром. И они соединяются некой осью, где в середине оказывается человек.

Естественно, есть несколько путей обожения. Человек стремится к тому, чтобы стать богоподобным, а «богом» он называет Иблиса. Это надо ясно понять, что естественный человек, человек глиняный, который не принял откровения монотеизма, считает Иблиса, Денницу, Утреннюю Звезду, «богом». Когда он говорит «боги», то есть является политеистом, многобожником, то речь идёт не о чём ином, как о некоем «мультиплицировании» этого Единого Существа, скажем, в разных зеркалах или некоторых ипостасях его. Есть единый Олимп – и на Олимпе есть некий единый принцип, но этот единый принцип разлагается в активные парадигмы. По разным линиям этих активных парадигм можно добраться до самого центра.

В принципе, из этой, глубоко уходящей в недра естественного человека, языческой традиции воля к обожению переходит в некую особую ветвь авраамизма, которой является христианство. В христианстве обожение является важной фундаментальной вещью – самой главной. Какова цель человека? Обожение.

■*Это стремление к идеалу?*

Это не стремление к идеалу, это буквально. Что говорят христиане? Они учат, что Христос есть Бог, который стал человеком для того, чтобы мы – люди – стали богами. Сказано в Евангелии: «И Слово стало плотью и среди нас поселилось»[64]. Речь идёт о том, что Бог стал плотью, стал человеком, – что мы стали Словом, Логосом. Это тема трактата «О подражании Христу», который написал Фома Кемпийский. Это тема «стяжания божественных энергий», которая присутствует в византийской монашеской традиции и в исихазме. Но это не что иное, как обожение.

Но это проникает и в ислам – через суфизм. Внутри ислама идут споры, насколько суфии являются аутентичными мусульманами, потому что их платформа, дискурс – не коранический, он основан на

таком представлении о «встрече». Главным термином суфизма является то, что называется «встреча с другом». Под «другом» имеется в виду Всевышний, которого суфии называют Аллахом. Но вопрос-то в том, что под Аллахом они имеют в виду как раз Бытие в его абсолютной и безусловной форме. А мы знаем, что Бытие – это не Аллах, это не Творец, это как раз Иблис.

То есть, по сути, они носители ереси?

Они являются носителями ереси, и их идеологическая парадигма очень близка к христианству. На этом основан всякий «мистический» путь – в том числе мистический путь в исламе и в христианстве. Это «встреча».

И тут есть очень тонкая вещь, которую я хотел бы довести до понимания: Бытие совершенно. Оно содержит в себе все мыслимые возможные состояния. Совершенно оно не в том смысле, что каким-то образом является абсолютным плюсом, величественно-прекрасным, «добро и благо», – хотя для Платона это так. А совершенно в том смысле, что всё, что есть в этом Бытии и может быть, – оно совершенно.

А есть несовершенный человек, который находится в состоянии отражения, дефицита, вторичности, но он несёт в себе страждущую волю к этому Бытию, он несёт в себе страдание, он несёт в себе жажду вернуться и соединиться. Встреча совершенного с несовершенным. Это фундаментальная вещь – «встреча с другом», – когда несовершенное соединяется с совершенным, не поглощаясь и не стираясь. Это специфика мистицизма, которая предполагает не то, что просто человек исчезает в совершенном, добавляется и аннигилируется, как капля в море, – нет. Он добавляет несовершенное, как отдельно существующее, к совершенному, и после этой встречи этот союз действительно становится тем, что называется «бог» в сознании мистиков. Их «бог» – это Бытие, которое встретило и приняло в свои объятия блудного сына, несовершенного

человека, адепта, который стремился к встрече с ним. Именно эта встреча делает из безусловного Бытия то, что называется «божественным бытием», «богом», совершенной субъектностью. Человек как несовершенное стремится к совершенному, но это совершенное до встречи – ещё не «бог». Человек стремится, потому что знает, что «бог» возникает в момент этой встречи. Конечно, они не проговаривают это так. Но если мы глубоко погрузимся в изучение суфийских традиций – тему «встречи», тему «друга» и так далее, – то мы увидим, что здесь в момент «встречи» предполагается некое преображение, которое работает на обе стороны.

Что означает стремление к «встрече» и реализация этой встречи? Конечно же, это наслаждение, но это больше, чем наслаждение. Платон говорит: «Бытие есть благо». Что значит «благо»? Благо – это полнота позитива в субъективном переживании. Бытие объективно, а благо субъективно. Это полнота позитива в субъективном переживании. Что это такое? Это наслаждение, эйфория, но в мистическом контексте это больше, чем наслаждение, больше, чем эйфория, – это экстаз, блаженство, это то состояние, которое обретает мистик в момент «встречи», когда он действительно, реально как праведник достигает ступени обожения. Это мистический путь. Но есть совершенно другой путь.

■*Я для себя хочу уточнить. Есть древнегреческий термин «катарсис». Это такое откровение?*

Катарсис – это очищение.

■*Очищение одновременно с озарением?*

Катарсис – это разрешение кризиса. Кризис – это драматическое напряжение несовместимостей, которые взрываются, и появляется некий выход. Как в пьесе: либо ты убиваешь меня, либо я убиваю

тебя. Когда это убийство совершается, то это катарсис, кто-то снимается с доски.

А в данном случае это прорыв в некую реальность, которая больше, чем совершенное Бытие до «встречи», и больше, чем несовершенное. В этой встрече создаётся или проявляется «божественность», дремлющая и в Бытии, и в твари, которая стремится к соединению, потому что полагается, что тварь порождена этим Бытием, хотя это не так, – просто это архетип на самом деле. Здесь очень много путаниц, которые надо расшифровывать, потому что в этих мистических доктринах ясное, чёткое монотеистическое Откровение, которое занимает оппозиционную позицию к Бытию, смешивается с Бытием, подтасовывается под Бытие, используется терминологически для оправдания старых практик, связанных с мистическим путём внутри Бытия и так далее. Поэтому нужно проводить очень серьёзную работу по распутыванию этого дела.

Итак, это первый путь: мистический путь «встреча». «Встреча» и выявление той «божественной» сущности, которая скрыта до этой встречи и в Бытии, и в человеке, которая освобождается как ядерная энергия.

А есть совершенно другой, противоположный путь: «анти-встреча», путь индивидуации[65].

Мы помним, что человек – глиняный. Он занимает позицию между, условно говоря, землей и паром. У него одна рука направлена вниз к земле, другая направлена вверх. Которая вниз – там написано coagulo, которая вверх – solve. Solve et coagulo. Разрежай и сгущай. То есть либо он идёт путём разрежения своей субстанции, путём сублимации и приобретает свойство пара, то есть как бы одухотворяется. Либо он идёт путём сгущения, становится плотным и тяжёлым. Это конкретно не путь беатификации, то есть блаженства, это путь наслаждения. Путь вверх, solve, это магический путь. Был такой глубокий и серьёзный мыслитель-традиционалист Юлиус Эвола, он написал книгу «Магическое я и его возможности» в 20-е годы, это был первый его мощный том о возможностях высшей

магии. Он тогда был ещё не особо углублён в традиционализм, но уже встретился с Тантрой и написал эту книгу. Это путь solve, разрежения, связанный с повышением наслаждения, путь к благу субъективного плана. Это магический путь, путь для посвящённых. Но есть путь вниз, к сгущению. Путь, связанный со сгущением вещества, когда человек концентрирует глину, доводит её до максимальной концентрации. Это путь профанов. То есть это тоже путь индивидуации, но индивидуации внизу. Это путь разврата, наслаждения, путь Дориана Грея[66]. Дориан Грей идёт индивидуальным путём сгущения, прожигания жизни. Этот путь тоже даёт наслаждение, потому что сгущение освобождает какую-то энергию, что даёт эффект острого переживания.

Вы, наверное, обратили внимание, что во всех вариантах речь идёт о наслаждении, о субъективном переживании блага как блаженства, – так сказать, райской беатификации при «встрече», или «высокого наслаждения», когда человек становится таким магом, которому не нужен никто, кроме него самого. Это же путь «великого адепта», который освобождается от иллюзии какого-то внешнего Бытия: он «понимает», что он-то и есть это Бытие, которое вселенское, универсальное, тотальное и так далее. Некий магический путь шамана высшей категории. Либо это путь ночных клубов с наркотиками по туалетам: путь падения в бездну, путь на задворки реальности. И это тоже путь, это тоже индивидуация. И есть разные степени: есть нарциссизм осторожных мещан, которые не идут на крайности, но знают, что их «Я» является безусловным, абсолютным, кроме которого ничего нет, а есть экстремальная «золотая молодёжь» (тоже путь индивидуации). Но это всё разновидности сгущения.

О чём идёт речь в данном случае? О том, что мы собираемся серьёзно углубиться в понимание человеческого фактора. Для того чтобы углубиться в это понимание, нам нужно создать площадку, на которой этот человеческий фактор, то есть человек, описан. Описан исходя из первичного и доминирующего импульса, который его

образует и формирует. Так вот, этот первичный импульс – это обожение в любом случае.

Потому что когда мы говорим о магическом пути, когда не нужен внешний «бог», когда шаман приходит к тому, что внешняя идея Бытия как отдельного от него – это просто чучело или пугало, которое падает, когда он становится сам бессмертным, всемогущим, меняет состояние, меняет позиции, – это то, что называется в Библии «будем как боги». Это не встреча с «единственным Другом», это «будем как боги».

Я подчеркну, что в свидетельстве веры ислама говорится «Ля илляха илля Ллах». Там как раз говорится, что нет божества, нет никаких «богов». «Боги» отрицаются не как реальность, которая описана, не как нечто, как есть как этот стол, а отрицается как некий смысл, как некая ценность, это всё отрицается. Этому противопоставляется Аллах, Который есть не «понятие, подобное богу», а имя собственное. Аллах – это имя собственное. Это имя собственное, которым обозначается нечто совершенно трансцендентное, непостижимое, не имеющее аналогий, противостоящее Бытию, не пересекающееся с опытом твари, не входящее вообще в резонанс с тем, что тварь может испытать и пережить. И вот это утверждается как то, что является предметом утверждения, веры, так сказать, вектором ориентации. А всё, что можно найти в Бытии, перечёркивается: нет этих «богов», подобными которым можно хотеть стать, нет никакого божества ни в единственном числе, ни во множественном числе, не в виде идолов, не в виде оригиналов, ничего этого нет, просто всё перечёркивается. Ля илляхи!

Но это в крайней форме мы находим именно в Коране. Если мы обращаемся к Библии, то Библия содержит некоторые угрозы для монотеистического Откровения: изгоняются Адам и Ева из райского сада, потому что они именно хотели достичь этого состояния. Но не будем забывать, что Библия поправлялась несколько раз, в том числе она воспроизводилась заново в Вавилоне, и на это оказали большое

влияние вавилонские традиции. Поэтому здесь мы не можем говорить о Библии как о чистом источнике монотеистического Откровения: она несёт на себе печать очень серьёзных влияний. Значит, «будем как боги». Желание «быть как боги» в любой форме – в форме ли превращения в посвящённого шамана, который может быть свободным от времени и пространства, либо в форме профана, который чувствует себя божеством и просто рассекает на «мерседесе» и чувствует себя вполне «божественно».

И термин этот вполне подходит. То есть я правильно понимаю, что желание в каком-то смысле уподобиться Высшему Существу в разных религиях, в том числе через пост, епитимию и разного рода телесные практики («стать лучше»), – это и есть то самое обожение человека?

Да. Тут главное что? Намерение. Вот в исламе предписан пост, но он предписан не как путь к обожению, он предписан как некая техника жизни, техника постоянного воспоминания, памяти о том, что вам дано Откровение о том, чего вы не знаете и не чувствуете, – вы должны об этом помнить, повторять, вы должны испытывать некие тяготы в связи с этим, и эти тяготы – это просто техника, которая держит вас в определённом режиме. В других же системах пост, аскеза, самоистязание, умерщвление плоти будут обязательно путём к обожению, – будь то практики монашеские, или будь то практики тибетские, индийские, и так далее. Это будет обязательно путь к обожению.

Или это, наоборот, погружение в материю. Оно тоже даёт наслаждение, иллюзию индивидуации безусловного характера: «Ты стяжал что-то, нечто». Человек стремится к некой полноте, к некой реализации Универсального. Это присущая ему черта, она связана с темой субъективной стороны Бытия, о котором Платон говорит «Бытие – благо». Об этом говорят практически все языческие метафизики, то есть «сат-чит-ананда», «бытие – сознание –

блаженство» на санскрите, это индуистский тезис, или же платоновское «бытие – идея – благо». Что тут благо? Благо – это именно субъективное переживание Бытия как можно более полное, которое связано с наслаждением.

И здесь мы подходим к некой площадке, на которой мы дальше будем анализировать человеческий фактор…

Пока мы не перешли, я хотел одно для себя уточнить: я правильно понимаю, что когда человек добивается каких-то материальных вершин в этом мире и имеет какие-то силы, права, средства дать указание построить дворец, разрушить дворец, – он тоже в каком-то смысле уподобляется Высшему Существу?

Это определённое ответвление обожения. Стремление к власти – это тоже стремление к обожению. Причём, если мы говорим о власти в таком первозданном, архаичном значении слова, то это прямо стремление к воплощению чистого Бытия: поэтому фараон называл себя богом. Имея в виду не метафору и не то, что «я господин», а именно то, что «я тот самый бог, который держит землю и небо, я ваш верховный Господь». Это статус существа, которое встало в это пятнышко света, проходящее по лучу в тёмный храм. Вокруг темно, а вот здесь стоит пятнышко света через дырку в куполе. И вот надо встать туда, в это пятнышко света. Можно убить брата, отца, сына, который тоже претендует на это пятнышко света, потому что там может стоять только один. Встав туда, ты становишься Бытием здесь, в этой тьме, – это фараон или кесарь. Сегодня существует коллективный фараон. Но то, что мы видим предъявленным нам, это в основном симулякры. Персональные «микрофараоны» – это симулякр. Но как и симулякры, Бытие-то, как мы раньше говорили, социализировано, произошла индивидуация, – ночные клубы, куршавели и прочее.

И за всем этим всё равно стоит инстинкт обожения – именно он формирует человеческий фактор. Человеческий фактор – это то, что

образуется вот этой динамикой. Таракан хочет стать всемогущим и испытать безумную эйфорию этого состояния.

Субъективное переживание блага, субъективное переживание Бытия как блага, связано с болью. Есть блаженство – и это цель. Но на самом деле Бытие несёт в себе боль, причём оно несёт в себе именно для тех, кто стремится с ним встретиться. Мы будем об этом подробно говорить в следующих беседах, но суть вопроса вкратце заключается в следующем. Раньше мы говорили, что реальность есть описание. Виды описания, суммы описания, различные описания – это не само Бытие, – это наука, мифы и прочее, это реальность. Мы живём в матрицах. Само Бытие – это вещь в себе. Мы стремимся к нему. Вот выход к вещи в себе – это может быть формой обожения: либо это соединение с вещью в себе за пределами описания, либо же это индивидуация, когда тебе не нужна вещь в себе, когда говоришь: «Я сам – вещь в себе». Ты уже описываешь себя как то единственное, что есть – либо как шаман, либо как хипстер.

Но дело в том, что есть модус Бытия, который здесь присутствует неописываемым образом, поверх описаний. Мы не отдаём себе отчёта, что есть некая одна вещь, которая одна и та же в любых описаниях, и она эти описания отменяет. Это огонь.

Огонь в буквальном смысле, ну и переносном тоже. Огонь – это то, как Бытие проявляется здесь, на нашем плане. Если сунуть руку в пламя свечи, то сразу поймёшь, что это вне описаний. Если человека бросают в костёр – это вне описаний, это сразу жуткая боль и встреча с Бытием. Это не встреча с тем сознанием, которое тебе позволяет всё воспринимать и видеть, будучи не тождественным, – там совсем другое, та встреча – это ужас. Это отдельно, это противоположно. А здесь встреча с болью – это неотъемлемо от субъективного переживания Бытия как блага. Мы стремимся к Бытию как благу, которое внутри себя является блаженством. Но когда Бытие приходит к нам, оно приходит как жгущий фактор, как пламя, соприкосновение с которым нас умерщвляет. И вот здесь очень много есть любопытных аспектов, в том числе мистических. В

частности, уход в пламя, мистическая пиромагия, – это одна из форм посвящения и той самой либо «встречи», либо превращения в шамана, который освобождается от здешнего заземлённого статуса.

У Майринка есть потрясающее произведение «Голем». И в этом «Големе» всё кончается тоже встречей с суженой Мириам. Мириам – это прекрасная еврейка, которая постоянно ждёт чуда, дочь раввина, который является апофеозом мудрости и чистоты, и она сама есть мудрость и чистота. А с ней встречается Атанасиус Пернат. И в конце концов совершается преображение, когда они становятся вместе андрогином и исчезают в пламени горящего дома, в котором появляется каждые 33 года Голем. Это называется «пиромагия Мириам», то есть уход через пламя. Но, с другой стороны, хочу напомнить об аутодафе[67], которым церковь прекращала существование магов, шаманов и колдунов. Это тоже не просто так.

Мы потом разберём внутреннюю метафизику боли, но вкратце хочу сказать, что огонь присутствует как субстрат боли душевной и боли физической. Если мы проанализируем боль, которую мы испытываем от предательства, обмана или обнаружения своей несостоятельности или заброшенности и так далее, когда, что называется, «жжёт сердце, душа горит», и проанализируем ощущение, когда сунули палец в свечку, – мы обнаруживаем, что вкус этой боли совершенно идентичен в обоих случаях. Это боль огня.

А что такое «боль огня»? Бытие, когда оно соприкасается с глиной как дальним отражением себя в зеркале этого мира, нас не «разреживает» и не «сгущает», – оно забирает световой элемент, потенцию сублимации, которая есть (забирает у нас энергию, свет), и оставляет пепел, который возродиться уже не может. Физически посмотрим на это так: вы бросили в печку полено, оно в горении отдаёт весь световой потенциал, который в нём был от солнца, и остаётся кучка золы. Вот субъективное «переживание» полена, это, конечно же, боль. Это и есть боль, когда происходит «разъем»: субстанция отдаёт потенцию возгонки, потенцию превращения воды

в пар (условно), и остаётся вместо воды соль. Пар ушёл, а соль осталась. Вот здесь основа боли.

Я хочу сказать, что это необходимейший дуализм, который описывает человеческий фактор вчерне и глобально: с одной стороны, стремление к обожению, стремлению к «будем как боги», а с другой стороны – та же самая жажда Бытия, встреча с которым под другим углом является источником не блаженства, а чудовищного страдания. С одной стороны, «встреча» – это беатификация, блаженство, то, что обещано в раю, а с другой стороны, встреча с Бытием и жгущий огонь – это то, что обещано в аду. Вот **рай и ад в их проекциях совмещены в человеке как описание человеческого фактора**. Человек стремится быть богом, но на этом пути у него есть постоянный опыт горящего в печке полена. Это некая универсальная ситуация.

Ловушка для человека?

Человек сам для себя ловушка. У человека есть несколько пар фундаментальных свойств – они все основаны на боли. Потому что страх, отчаяние, надежда, депрессия и так далее, – где-то пять-шесть фундаментальных психологических переживаний, гештальтов, – они все имеют за собой боль. А противоположность к ним есть блаженство, к которому он стремится. Но управляется он в своей судьбе, и его судьба – боль. Поэтому эта судьба здесь – она и называется «юдоль», то есть «удел». Юдоль переводится на русский язык как «удел»[68]. Удел человека – боль. И этой болью он управляется.

Итак, с одной стороны, мы имеем жажду блаженства, с другой – управление через боль, – и здесь мы как раз выходим на более детальное, в перспективе, понимание человеческого фактора. То есть уже на разработку человеческого фактора как действующего в истории и во времени явления.

Боль и общество

29.06.2016

Комментарий Джемаля к постановке вопроса:

Общество давно освободилось от роли посредника в треугольнике «человек – боги (Олимп, Небо) – земля (природа)». Общество успешно «съело» два угла этого треугольника – небо и землю – и намерено покончить благополучно с человеком. Теперь об обществе нельзя сказать, что оно в лице своего единственного представителя, фараона или кесаря, является тенью Великого Существа на земле. Оно претендует – возможно, несколько опережая ход вещей, – на то, чтобы быть Великим Существом самому.

В онтологической системе координат статус Великого Существа – это просто чистое Бытие. Общество и рассматривает себя как Бытие. Ничто не может быть признано реальным, не пройдя социализацию. Археологи, встречаясь с мегалитами или пирамидами, на ступенях которых приносились жертвы, пытаются вычислить, во что «верили» хозяева этих сумрачных процедур. Им и в голову не приходит рассматривать контент тех подразумеваний как самостоятельную объективную данность, которая не зависит от характеристик «архаика», «современность» или иная тому подобная ерунда.

Итак, общество стало Бытием, а значит, узурпировало функции Бытия подлинного (понятно, что, став Бытием, общество не может приобрести характер «подлинности», оно остаётся имитацией, остаётся «тенью», но об этом запрещено говорить). Главная характеристика подлинного Бытия при встрече с отражениями, с отброшенными им на зеркала тенями, – это ожог нестерпимо мощным адским пламенем, которое ревёт в скрытой от глаз и

восприятий всего вторичного бездне. Бытие, таким образом, «лечит» наотмашь, вплоть до чистого уничтожения всего, что ему попалось на дороге. Как говорится, «что не излечивает лекарство, излечивает железо, что не излечивает железо, излечивает огонь»! Общество присваивает себе эту важнейшую функцию «врача».

Бессознательно обыватель говорит о социуме как о судьбе, о самой жизни и специфически – о некоем абстрактном, вроде Деда Мороза, «враче». Обычный разговор обывателя – «жизнь научит», «судьба так сложилась», «тюремные университеты» и прочее, – с установкой на то, что все щелчки по носу и ожоги по ходу жизненного процесса человек получает от общества. Для сегодняшнего обывателя общество стало настолько мистическим и пугающим ведомством (не путать со спецслужбой!), что он даёт ему различные клички, относящиеся к отдельным частным функциям. На некоторые из них – «судьба», «лекарь», «жизнь» – мы уже указали.

Общество управляет людьми через боль, воспитывает их через боль. Тут есть, однако, интересный момент. Если общество при всех своих позах и амбициях остаётся всё-таки симулякром Бытия, то и боль, которую оно способно причинить, оказывается симулякром боли.

Симулякр истинной боли! Вот что такое, по сути, многообразные формы социального давления, угнетения, «подхлёстывания», которые составляют путь на Голгофу обычного человека, полностью уверовавшего в общество как в Абсолют.

Отсюда следуют два вывода. Первое – чистый атеизм является конечной и категорической формой социализма. Не в смысле марксистского термина «левизны» или чего-нибудь такого, а в том смысле, что человек просто поклоняется социуму («социальному») как глобальной и последней инстанции. При таком поклонении у социума есть права на всё – право на любое унижение, любое вторжение, на любое насилие… И, кстати, непонятно, как логически можно совместить либеральную социократию с концепцией «прав

человека»? Чистый атеизм – полная социократия – ведёт к абсолютному демонтажу всякого личного достоинства.

Второй вывод заключается вот в чём. Если человек всё-таки хоть чуть-чуть не атеист, если он видит хотя бы некоторую разницу иерархического порядка между случайным булыжником и своей башкой, то тогда может оказаться, что его полоснёт по горлу не симулякром, а вполне настоящей болью, к которой он не готов. Не готов прежде всего потому, что на 99 % он сидит в комфортной трясине псевдоболи. Вот этот 1 % может закрыть его личную тему и «вылечить» его окончательно.

■*Сегодня мы продолжаем разговор на тему «Человеческий фактор», и тема нашей сегодняшней встречи – «Боль и общество». Боль является главной составляющей человеческого фактора, инструментом управления человека во все времена. Однако значение боли в глазах индивидуума с годами меняется…*

Не с годами, а со столетиями и даже тысячелетиями…

■*Давайте поговорим о боли как способе управления обществом.*

Я бы хотел начать с ошибки Фрейда. Как известно, его фундаментальная идея – что человек как бы танцует от некой точки отсчёта, от океанического блаженства, которое он испытывает в утробе матери, будучи зародышем. Человек находится в околоплодных водах, поэтому это называется «океаническим», и он испытывает то абсолютное чувство комфорта, безопасности, эйфории, блаженства, – как Фрейд сказал, – которое потом является бессознательной доминантой всей его последующей жизни. И к этому состоянию он стремится вернуться.

В чём, я считаю, здесь очень острая ошибка? Она заключается в том, что он назвал это чувство «блаженством», в то время как это на самом деле комфорт. Можно сказать «океанический», но это дела не

меняет, потому что между блаженством и комфортом фундаментальная, глубочайшая разница.

И здесь встаёт такой интересный вопрос: люди Золотого века, о которых мы в предыдущих беседах как-то походя упоминали, что они испытывали? Потому что как раз их ощущение было очень подобно зародышу в утробе матери, поскольку у них не было никаких проблем со средой. У них не было проблемы дождя, жара, духоты, мух, комаров и прочее. Они в этой среде себя чувствовали так же, как зародыш в утробе матери. Так вот, когда это называется «Золотым веком», когда это называется «земным раем», судя по всему, это должно предполагать некое блаженство. Ведь блаженство – это райское состояние. Но тут есть одна такая тонкость: это «земной рай». Не будем забывать, что это «земной рай», – это рай, который находится в зеркале нашего мира, это рай отражённого, вторичного Бытия. И я считаю, что конечно же в Золотом веке первые люди, «доязыковые» люди, испытывали именно комфорт, а не блаженство.

Почему это так важно? Потому что антитезой боли является не блаженство, а именно комфорт. Тут есть некоторая такая путаница, потому что серьёзно разбирать все эти нюансы стали только уже где-то в XVIII веке, когда появилась сенсуалистская школа, появились гедонисты, Локк, – люди, которые стали погружаться в исследования того, к чему стремится человек. Они стали смешивать блаженство и комфорт. А проблема-то в том, что блаженство – это, некоторым образом, сверхъестественное состояние. В прошлом мы говорили и, наверное, нелишне ещё раз повторить: блаженство – это переход, восхождение от более грубых и плотных состояний вещества, от телесной глины или глиняной телесности, к более тонким, разреженным уровням субстанции. Вплоть до того, как сказал один герметик в XVI веке – Меркурий ван Гельмонт, был такой алхимик: «Дело в том, что материя и дух – это два полюса одной субстанции. Наша задача сделать материю духовной, а дух материальным». Собственно говоря, тут речь идёт о блаженстве, потому что этот

переход по шкалам снизу от вещества – вверх, вверх, вверх к парообразному состоянию. Это и есть то, что даёт блаженство, максимально приближая гештальт человека, его экзистенциальное состояние, к чистому Бытию в платоновском смысле.

Ведь блаженство – это то, что присуще именно Бытию, согласно Платону. Платон говорил: «Бытие – идея – благо». Благо – это блаженство. Есть коррекция на санскрите – «сат-чит-ананда», «бытие – сознание – блаженство». Это аналог платоновской триады. И, собственно говоря, они имеют в виду то же самое, что Платон: благо, блаженство как чистое Бытие.

А вот комфорт не требует повышения вашего телесного статуса, вы находитесь в этом состоянии грубого вещества и не превращаетесь ни в сверхсущество, ни в ангела, ни в призрака…

■*Видимо, зародыш человека не может осознавать состояние блаженства: он, скорее, находится в комфорте, и когда зародыш появляется на свет через боль…*

Прежде всего матери больно. А ему уже больно появиться, потому что удар воздуха по лёгким, это самое главное – вторжение воздуха…

■*И это прежде всего дискомфорт для младенца, говоря современным языком…*

Антитеза комфорта – это именно боль. Нелишним будет вспомнить ещё раз, чтобы соединиться с предыдущими нашими темами, что боль – это встреча отражения с оригиналом. Когда Бытие напрямую сталкивается со своим отражением, воздействует на своё отражение сквозь реальность. Бытие и реальность, как мы уже говорили, не тождественны. Реальность – это система описаний и не более того. Она вся погружена в язык, она вся погружена в словесную ткань.

Бытие невыразимо словом и оно не является никакой вещью, поэтому оно не реально. Когда оно сталкивается с человеческим существом, с отражением, то оно просекает все тенета, переплетения описаний насквозь, и это всполох такого пламени, которое жжёт. Я напомню образ, который очень люблю, – я его приводил. Когда Джон Ди, возвращаясь с какой-то пьянки, в холле своего особняка видит в зеркале своё отражение, начинает избивать его хлыстом, чтобы оно сделало «лишнее» движение и освободилось от связи с ним, то есть воздействует на изображение болью. В данном случае он – оригинал, и он встречается с отражением. И для отражения это огонь, это боль. А сущность боли – это всегда огонь.

Но здесь мы обнаруживаем такую интересную вещь: человек зажат между двумя этими полюсами – боль и комфорт. А что такое комфорт? Боль каждый может себе представить: взялся за раскалённый утюг – и сразу человек узнает, что это такое; ребёнок, который обжигается или суёт пальцы в розетку – сразу имеет резкое и чёткое представление о том, что такое боль. А что такое комфорт? Комфорт описать сложнее, потому что люди настолько привыкают к комфорту в определённых условиях, настолько привыкают к отсутствию боли, что они не отличают комфорт от некомфорта, дискомфорта, – это же разные степени. Комфорт начинается с того, что из экзистенции человека устраняется риск боли, упоминание о боли, угроза боли, боязнь будущей боли. Это уже начало комфорта.

И здесь мы обнаруживаем очень интересную вещь: мы обнаруживаем, что все общества прошлого фундаментально строятся на боли и вокруг боли, а современное общество строится на комфорте. Поэтому, например, исторические сериалы или фильмы так шокируют зрителя (если они качественно сделаны), что они все построены на очень большом количестве боли. Взять хотя бы «Игру престолов».

Кровь, мясо, кишки наружу и всё такое прочее… И все страшно боятся будущей боли и в этом все живут…

Да. Но боятся ли? Интересный вопрос. Потому что боль для архаического человека есть вещь очень натуральная, очень близкая ему. Более того, – мы будем говорить об этом несколько подробнее, – ведь, опять же, мы начинаем с чего? Боль – это стержень человеческого фактора. Выскажу такой тезис – выскажу аксиоматически, потом можно попробовать его доказать, но сначала я выскажу его аксиоматически: боль очень тесно связана с верой. Включенность боли как постоянной константы внутрь личной экзистенции является основой и опорой религиозной веры в собственном смысле слова.

Религиозная вера имеет два эшелона. Но люди плохо понимают, что такое вера. Они считают, что их умственные предположения, «хотелки», или когда они говорят «я верю, что есть нечто высшее, высший разум» или «я верю, что есть нечто большее, чем мы», – вот эти неопределённые клише, которые они заимствовали из осколков культурных матриц, якобы являются верой или приобщают их к вере. На самом деле вера – это очень резкая, острая и болезненная встреча с совершенно чуждым. Ну не совершенно чуждым, как Откровение Бога монотеистов, которое вообще принадлежит к сфере радикально противоположного Бытию. А вот Бытие, которое отражается, но оно так же чуждо, как оригинал перед зеркалом. Как бы есть аналог, но при этом это трёхмерный объективный факт, а это отражение.

Правильно ли я понимаю, что вера в каком-то смысле «купирует» болезненные ощущения?

Она не «купирует», она является обратной стороной. Допустим, можно переживать боль как животное или, например, можно переживать боль, как переживает её современный человек, который тупо не понимает: за что это с ним, почему с ним, «за что это мне, что

я такого сделал»? Он это переживает как нечто абсурдное, бессмысленное, потому что он считает, что достоин только комфорта, он погружен в комфорт – это его натуральное, – и вдруг в это натуральное вторгается горячий утюг или фосфорная бомба. «За что это мне?!»

Но это не человеческое восприятие боли, а это «недочеловеческое» восприятие боли. Человеческое восприятие боли – это когда он воспринимает боль как страшную энергию поднятия над самим собой, выхода в некое утверждение. Боль – это утверждение его человеческого предназначения. И он обнаруживает внутренней стороной этого утверждения предмет боли. Условно говоря, Джордано Бруно с его домыслами о множестве миров, привязанный к столбу и с разложенным костерком под ногами, переживает эту боль как некое доказательство его миссии, как некий выход за пределы его ущербного человеческого Бытия. А есть ли это «множество миров» или это некое ля-ля такое… И вот за это «ля-ля» его привязали к столбу, и вот, когда он испытывает эту боль, предельную ситуацию сжигания его тела, он выходит в то состояние, в котором он обнаруживает, что – да, вся его жизнь была правдой. И в этом смысле боль является базой веры. Это одна сторона.

Вторая сторона, очень тонкая и гораздо более, наверное, ускользающая – это **интеллектуальная воля**. Это вера как постулат утверждения того, чего человек не имеет, не видит и не испытывает. Какой смысл верить в этот стол? Он передо мной – что в него верить? Какой смысл верить в какие-то системы описания? Вот тебе предлагают вариант, что звёзды – это громадные огненные шары, пылающие в космической бездне; тебе дают посмотреть в телескоп, говорят о красном свечении, разбегающихся галактиках. И тебе говорят: «Ты веришь в это?». Ну какой смысл в это верить (*смеётся*)? Я посмотрел в телескоп и так далее. Я могу верить только в то, чего нет, но о чем я утверждаю как об абсолютном «Да», как об абсолютно центральном.

Два полюса: боль, которая не требует интеллектуального преодоления отсутствия, – боль присутствует, она вторгается в нас; и интеллектуальная воля, которая говорит: «Этого нет для меня, но я утверждаю, что это самое главное». Вот это два в значительной степени взаимоисключающих момента, которые должны соединиться.

Для архаического человека – я условно говорю «архаического», потому что архаическим человек может быть и сегодня, – в так называемой «Тёмной» эпохе (которая для меня совсем не Тёмная), в Средние века, в Риме, были люди, вся жизнь которых была построена на боли. Для них боль была фундаментальным принципом. Эту боль им давало всё – начиная, конечно, с фараона, кесаря, короля, монарха, с первого лица, что называется. А современное общество построено на совершенно другом принципе – принципе комфорта, принципе исключения боли таким образом, что для человека боль является просто парадоксом и преступным, незаконным вторжением в нормальное существование.

■*То есть когда было больше боли, было и больше веры?*

Абсолютно точно.

■*И как только меньше становится в современном обществе боли (допустим, сейчас родители детей не наказывают физически), хотя, если посмотреть на начало XX века…*

Да, до недавнего времени в британских частных школах клали на скамейку и пороли…

■*То есть как только общество становится более «цивилизованно», даже воспитание детей, я уж не говорю про какие-то экзекуции, пытки, физические наказания, просто фактор боли начинает*

отсутствовать, то соответственно начинает отсутствовать фактор веры.

Вы очень точно уловили направление моей мысли. Более того, я хотел продолжить в том плане, что **комфорт есть не что иное, как парадигма расчеловечивания**, демонтаж человеческого фактора. Социальный комфорт раскладывается на два аспекта: легальный комфорт и нелегальный. Легальный – это когда обычное существо плывёт по течению: диван, телевизор, офис и прочее. И нелегальный комфорт – это наркотики, азартные игры, проституция и тому подобное. Понятно, что они смыкаются, что есть масса вещей, в которых всё сходится и находит друг друга: тот же самый легальный обитатель офиса и смотритель телевизора на диване время от времени оказывается в ночном клубе, на дансинге и прочее, где он встречается с «допинговой» стороной. Но если он идёт дальше, то это уже маргинализация. Есть мейнстрим, который не заходит далеко, и есть маргинализация, когда человек становится уже пассивной жертвой этого комфорта, который полностью съедает.

Комфорт расчеловечивает. Это видно на примере маргиналов – они просто иллюстрируют. Но социально-активные элементы, которые погружены в этот комфорт, не замечают этого, хотя это тот же самый процесс. И интересно, что комфорт – это мерило цивилизации. Для современного человека, когда он говорит «варвары», – кто такие «варвары»? Они несут с собой боль, демонстрируют эту боль: например, те ролики про ИГИЛ (террористическая организация, запрещенная в России), которые как-то становятся известными, демонстрируют и напоминают об этой боли (самое главное).

Почему такая истерика, почему всё время об этом говорят, воспроизводят этот дискурс? Потому что они напоминают о боли, а напоминание о боли – это конец комфорта, это незаконно. А комфорт – это легитимно, это законно. Это «цивилизация». И вот те, кто принадлежит цивилизации, должны исключить тех, кто напоминает о варварстве, то есть о боли. Но и, соответственно, вера

считается частью варварства, частью Тёмной эпохи. Почему она должна быть исключена и подавлена? Потому что она связана с болью.

Здесь мы подходим к некой фундаментальной алгебре ряда категорий, которые я выкладываю, рассуждая о человеческом факторе. Вот комфорт – он не имеет ничего общего с блаженством, которое является совершенно другой дорогой, совершенно другим состоянием. Он противоположен боли. Этот дуализм, это дуализм динамики истории. Но мы же не можем сказать, что боль ушла; комфорт – да, – комфорт присутствует и становится главным. Но боль-то не ушла.

Боль есть: во-первых, человек ревнует, берётся за тот же самый утюг, есть война, наконец, есть спецслужбы, суд и тюрьма. Но цивилизация умеет состроить, соорудить в головах людей такую матрицу, в результате которой они воспринимают комфорт как всеобщую данность, а боль – как эксклюзив, как некое вторжение.

Я приведу простой пример: США – это полицейское государство, в котором прав человека меньше, чем в СССР (это факт – тут спорить не будем). Кто-то скажет «Я там был – и там прекрасно», кто-то скажет «сильное преувеличение», но взять хотя бы Patriot act[69] и этот «патриот-акт» предполагает массу вещей, которые в СССР были немыслимы. Хотя бы обыск, проводимый без хозяина дома, или то, что выделывали ФБР и полиция в Бостоне во время поиска Царнаевых, когда 10 тысяч человек были вышвырнуты, как кролики, из своих домов, поставлены на колени перед своими домами на лужайках, руки за голову, и там проводился обыск в их отсутствие, и никто даже не пикнул. Но при этом все эти люди погружены – кроме некоторого количества левых, которые пишут возмущённые тексты о police brutality[70] и так далее, – все эти люди погружены в убеждение, что они живут в цивилизованном, комфортном пространстве. Самом комфортном.

Хотя количество боли в чёрных кварталах или азиатских кварталах достигает, может быть, даже и «архаического» уровня где-

то, если учесть пересекающиеся слои. Та же police brutality, та же деятельность мафии, те же самые разборки банд и так далее, то же отношение в семьях и прочее, но при этом эти люди чувствуют себя принадлежащими к цивилизации. Это великая иллюзия. Здесь мы сталкиваемся с феноменом диктата описаний, когда мы обнаруживаем, что действительно реальность – это не более чем описание.

■*К слову, об описании. Мне приходилось несколько раз бывать в Америке. И один раз мы проходили с друзьями мимо негритянского квартала, и на одном заборе была надпись «Мартин Лютер Кинг жив». И мой товарищ говорит, что если я вижу эту надпись, то лучше отсюда уходить, так как белым можно здесь огрести. Это народная примета. То есть, если «Мартин Лютер Кинг жив» – белым здесь не место.*

Я бы сказал, что это не совсем даже логично, потому что Кинг был как раз политкорректный, абсолютно «софт». Потому что если уж писать такие вещи, от которых белый может огрести, то «Малколм Икс жив» надо писать. А они друг друга терпеть не могли, потому что Малколм считал, что Кинг – «прогибающийся» такой сопляк, конформист, который всё сдал. А тот считал его, конечно, экстремистом. И между ними была только одна встреча. Они просто поговорили – примерно как Эрдоган с Путиным – и разошлись. После этого Малколм был убит. Но и Кинг тоже был убит. Так если писать уж что-то такое…

■*Тем не менее есть некое описание, и если ты рядом с ним оказываешься, то можно точно огрести…*

Здесь как раз я бы хотел подчеркнуть, что матрица построена на идее тотальности и легитимности комфорта, его абсолютной исключительности, которая всё занимает. А боль есть нечто

парадоксальное и внешнее. Человек, который живёт, сталкиваясь с болью, всё равно считает, что он живёт в цивилизованном обществе, где все играют по правилам, всё комфортно и так далее: риск исключён из его сознания, риск и боль, ожидание боли. Когда эта боль приходит, она является чем-то таким… Ну, преступники, например.

Государство присваивает себе право на насилие. А ведь в предыдущих обществах – я имею в виду общества фараонов, кесарей, да даже королевы Виктории, – государства в нашем смысле не было. Почему не было в нашем смысле государства? Потому что государство – это аппарат. И это аппарат – не просто аппарат, как говорил Ленин, «насилия и принуждения» (конечно, это так), – но это аппарат прекращения коммуникации между «верхом» и «низом».

Раньше такая коммуникация была. Если кому доводилось смотреть «Аббатство Даунтон», то там на протяжении нескольких поколений история аристократической семьи, которая очень хорошо иллюстрирует массу вещей, касающихся не только Великобритании, но и России и кого угодно: внизу, в подвальном этаже, в кухне, находятся слуги, вверху – господа. Но эти слуги и господа непрерывно в коммуникации. А сегодня господа пользуются услугами слуг, которые принадлежат к спецслужбам. Нет коммуникации – с улицы господа не берут себе слуг. А слуг берут из ближайшей деревни – вот в чём дело. Лев Николаевич Толстой брал себе обслугу из ближайшей деревни, и он находился в прямой коммуникации с народом – как любой британский граф или римский сенатор. Они опирались прежде всего на народ, на плебеев и даже на вольноотпущенников. Это значит, что у них не было государства.

Но вот при праведных халифах существовала прямая, хотя и несколько парадоксальная, коммуникация между верхом и низом. Собственно говоря, при праведных халифах нет особенно и «низа» – здесь просто некое братство. Здесь мы обнаруживаем второй полюс веры, – веры, которая основана на интеллектуальной воле утверждения в качестве единственно важного того, чего нет. Потому

что другой полюс, когда мы имеем дело с фараоном, от которого, как известно, Моисей вывел свой народ, являлся полюсом веры, основанный на боли.

Это два полюса, которые в неустойчивом равновесии: интеллектуальная воля, которая утверждает то, чего нет, и боль, которая раскрывает потенциал и сущность того, что только есть единственно, потому что ничего нет, кроме этой боли. А эта боль – это встреча с чистым Бытием, которое не имеет определений, потому что в конечном счёте настоящая боль не имеет определений. Вот два этих полюса.

■*Простое детское воспоминание: когда у тебя что-то болит, ты обращаешься к Всевышнему и говоришь: «Ну за что? Останови это». Есть такая интересная штука: когда ты не понимаешь, что с тобой происходит и тебе просто больно, ты обращаешься к «высшим силам» и просишь их это остановить – и тогда в тебе усиливается вера…*

Это «сырая» реакция, это реакция современного человека. Реакция «архаического» человека – это то, что он идёт навстречу этой боли. Я имею в виду зрелого архаического человека, который не бежит, например, от костра инквизиции и с радостью идёт на казнь. Или понимает, что эта казнь раскрывает его человеческую сущность, хотя является крайне нежелательным, предельно негативным фактором в его судьбе. Но именно этот предельно негативный фактор раскрывает последнюю правду его вброшенности в этот мир – боль и финал.

Но всё современное общество построено на, во-первых, комфорте, а во-вторых – на обмане, что боли нет. Но и здесь есть второй обман, потому что если мы посмотрим на глобальную систему, то получается, что комфорт весь на одной стороне, а вот в Сирии, например, – кассетные фосфорные боеприпасы, там боли

сколько угодно…

■*Общество не хочет слышать об этом…*

Вот почему такая ненависть к ИГ (террористическая организация, запрещенная в России)? Да потому что ИГ (террористическая организация, запрещенная в России) напоминает о боли, а это – табу, говорить о ней категорически нельзя, потому что боли нет. А если есть боль, то это должно изолироваться, подавляться и уничтожаться. А при этом боль-то всё равно существует в руках этой государственной машины, которая не допускает, чтобы кто-то зашёл с улицы в штаб управления делами и поднёс там обнажённое лезвие к горлу первого лица и сказал, что, если он сойдёт с какого-нибудь пути, – марксистко-ленинского к примеру, то тебе будет больно (*смеётся*)…

Эксклюзивное, легитимное право на насилие, на причинение боли находится, собственно говоря, не у фараона, а просто у какого-то аппарата, потому что…

■*У писцов, проще говоря…*

У писцов находится это легитимное право! И получается, что «писцы» – террористическая организация, которая просто борется с другой террористической организацией. Или, точнее, сами называют «террористом» всякого, кто подозревает, что тут дело не чисто: они тут же оказываются в «террористах». Вот в чём проблема.

Комфорт – это расчеловечивание. Человек, который идёт по пути комфорта, может, естественно, воздерживаться от экстази или героина, не ходить на всякие дансинги и просто считать, что семья, досуг, хождение с детьми в зоопарк, поездки на море, – это всё законные вещи, в рамках которых мы должны существовать. И это общество предоставляет массу возможностей. Как американцы очень любят говорить, что «у нас равные возможности, ты можешь пойти

куда угодно, делать что угодно, но вот ты, к сожалению, избрал такую дорогу тёмную, плохую и сел в тюрьму… а мог бы поступить в Гарвард или более скромный университет, и если бы ты хорошо учился, то получил бы стипендию от штата»…

Это всё колоссальная ложь, потому что на самом деле в чём смысл этих «возможностей выбора»? Они абсолютно тупиковые, потому что они никогда и нигде не кончаются. И когда читаешь американскую литературу, то потрясает то, что ключевым словом там является normalcy[71]. Люди могут испытывать невероятные, занятные приключения (иначе читать никто не будет), они проходят через всякие интриги, риски, опасности. Но к чему они выходят и что является финалом и подарком в конце? Normalcy. Когда после всех интриг герой наконец выходит на улицу, вдыхает воздух и смотрит, как дети играют, машины едут, и он понимает, что мир идёт своим путём, всё на кругах своих и наконец мы видим normalcy.

■ *Да, тот самый комфорт.*

Верность и предательство

20.07.2016

Наша тема: «Человеческий фактор. Верность и предательство». Давайте сопоставим две эти противоположные сущности.

Верность и предательство – это две фундаментальные характеристики человеческого пространства. Мы раньше говорили о том, что стержнем человеческой ситуации, человеческой юдоли, рождения, является боль. И эта боль формирует всё.

Но я хотел бы начать с того, что нашей интеллектуальной задачей в этой беседе является освобождение категорий «верность» и «предательство» от этического содержания, от этического характера. Рассматривать эти категории не как этические, а как экзистенциально-гносеологические. Верность и предательство как инструменты познания или как инструменты реализации того, как человек познает мир и как он в этом мире себя позиционирует.

Мы ещё раньше говорили о том, что когда человек рождается, находится в колыбели, он ещё просто воспринимающий «кусок мяса», который не знает, что он – «Я», что вокруг него чужая среда. Ничего он не знает, но мать сюсюкает над ним, через его телепатический потенциал вгоняет в него смыслы, даёт ему язык. А язык соединяется с чувственными впечатлениями: «боль», «удовольствие» и прочее.

И первым результатом этого у маленького существа появляется различение «Я» и «не-Я». Это самое первое – «Я» и «не-Я». Собственно говоря, 90 % людей, а может быть и 99 %, на этом тормозят: «Я» и «не-Я». Но дальше может быть сложное развитие понятия «Я». Скажем так: подавляющее большинство не отходит от

тела. «Я» – это то, что связано с непосредственным переживанием тела, телесности: моя кожа – это граница моего «Я». А вокруг – среда. И желательно, чтобы эта среда была комфортна, не несла боли. Но ребёнок учится ожидать подвоха, учится тому, что среда может в любой момент обернуться неожиданным: горячим, колющим, режущим и так далее. Среда враждебна.

Освобождая понятие «предательство» от этического содержания, мы полагаем, что предательство есть не что иное, как идентификация себя как тела: это «Я» – а вокруг меня «чужое». Это то, что человек избирает в качестве линии поведения по отношению к среде. Вот, я должен защитить себя, это «Я», от посягательств «чужого». Потом ребёнок вырастает, становится большим и говорит: «Знаете, ребята, идите вы лесом». Но ему говорят, что он должен то-то и то-то. «Вот есть семья, которую ты должен защищать, есть родина, которую ты должен защищать, ты должен быть верен тому-то и тому-то… есть общечеловеческие ценности», а он отвечает: «Идите вы лесом, потому что всё это – не я!».

И когда социум работает с человеческим материалом, он работает, скажу резко, с «предателями». Люди – это предатели, потому что люди ориентированы на собственное «Я», вокруг них чуждая среда. И эта организованная среда в виде страны, государства, иерархии и так далее, должна манипулировать, «развести» этих предателей так, чтобы держать их «предательство» под контролем: чтобы они служили социуму. А как это сделать? Ведь 90 % людей ориентированы на предательство и не понимают, что это предательство, они не знают, что это предательство. Они думают, что они в своём праве…

■*Что же они предают?*

Да всё что угодно. Вот школьника поставь перед выбором: или ты сейчас сдашь того, кто разбил окно, или тебя исключат. И понятно, что 90 % школьников сдаст того, кто разбил окно, и скажет всё, что

нужно, потому что он про себя думает: «Ну это же Я, и Я-то ближе к себе». «Своя рубашка ближе к телу» – эта фундаментальная народная мудрость описывает экзистенциал, этот гештальт основной массы людей. И поэтому они готовы предать всё что угодно, при этом считают искренне, что защищают себя. Вот есть моё «Я», а вот там – чужое, которое на него посягает: «А я вам что – должен, что ли?!».

Ребёнок в колыбели очень скоро научается чувствовать себя один против всего мира. Но когда он идёт уже в ясли, в детский сад, в школу, то, в общем-то, это всё продолжается. И когда на него наступает серьёзный вызов, сопровождающий угрозы боли, то конечно он готов сдать всё, потому что он даже не понимает: «А какое это отношение имеет ко мне? Почему я должен скрывать того, кто разбил окно? Я-то чем ему обязан? Меня ещё выгонят. Да, конечно, я его сдам». И это 90 %, если не 99 %, людей. Поэтому всё, что работает с людьми, работает с предательством как исходным материалом.

Откуда же берётся верность? Прежде всего есть один процент, у которого тоже есть идентификация «Я» и «не-Я», но по другой чуть-чуть линии. Прямо скажем, что вот это «Я» и «не-Я», которое мы описали, – это инфантильное «Я» и «не-Я»: там вообще фактор воли отсутствует. Есть некое тело, и оно озабочено прямыми потребностями ускользнуть от неприятного, ускользнуть от вызовов. Но если расширить идентификацию, то ситуация становится сложнее.

Если у человека есть воля, а воля – это очень сложный феномен, рождение и генерацию которого очень трудно проследить. Но можно сказать одно: человек, который имеет верность как качество, он всегда принадлежит к архаическому сообществу. «Архаическое» – это на современном, либеральном, языке. Потому что всё, что является не инфантильным, «крутым», либералы называют «архаическим». И вот человек говорит: «Я не сдам своего сюзерена, потому что я самурай; я не сдам своего батьку, потому что я бандит и принадлежу банде, а в нашей банде такие понятия», – то есть он принадлежит какой-то общности, которая для него важна для более

глубокой самоидентификации, нежели телесное «Я», оболочка. Это уже аристократический момент – он самурай, он рыцарь, он воин, он бандит, он человек, который принадлежит к некоему ядру, противопоставленному более низкой и долженствующей быть преодолённой среде.

Тот, который идёт без воли по течению и ускользает от боли, он ведь не видит, что среда вокруг него каким-то образом ниже его, – наоборот, он является убегающим, защищающимся, он подчиняется. Это та же самая тема, которую развивал, кстати говоря, Гегель, когда говорил, чем отличается господин от раба: раб убегает от смерти, а господин смотрит ей в лицо. Здесь, в данном случаем, мы видим, что господин всегда имеет некую принадлежность к определённому кругу избранных, он не одинок. Инфантил, лишённый воли, одинок.

Но тут есть такой интересный момент: социум заставляет, в случае необходимости, обеспечить себя со стороны массы предателей некоторой верностью в определённые периоды, – в периоды стрессов, войны и так далее, – когда им навязывается некое большое коллективное «Я», не требуя при этом от них волевого усилия и избранности, «самурайскости» и так далее. Им говорят «Родина-мать зовёт!» и так далее, – и они даже, может быть, испытывают какое-то экстатическое чувство, погружаясь в некую общность…

■*Они тоже чувствуют себя «верными»…*

Да, они чувствуют себя верными. Но, конечно, всё зависит от того, насколько жёстко на них действует внешняя среда. Может быть эта жёсткая среда что-то разрушает, но в определённых границах они чувствуют себя верными, и они исполняют, определённым образом, свои функции. От них не требуется в данном случае воли. От них требуется только подчинение. И здесь мы не выходим за рамки различения «Я» и «не-Я»: просто «Я» становится «другим», «Я» становится «не-Я». Вот был Пётр Петрович, который весит столько-то,

с плохими зубами, с болями в печёнке и так далее, а теперь «Я» – это уже весь СССР.

Просто задача расширить это «Я» – это манипулятивная вещь. Тут очень интересно обратить внимание на то, что охотно использующий всякие ярлыки в адрес Средневековья, архаики и так далее, либеральный прогресс, – это движение от верности к предательству. Чем больше склонен человек к защите своего телесного «Я» или к уходу в собственный очаг с наплевательством на все остальные, так сказать, «проблемные деполитизации» и так далее, тем он более мил либеральному мировоззрению, «либеральной» оценке людей. А чем он более ориентирован на волевое отношение к жизни, идентификацию себя через верность, через посвятительные, говорят ещё – инициатические структуры, – тем он «архаичнее».

■*Есть какая-то связь между верностью, о которой вы говорите, и понятием чести, то есть человек ради своих убеждений или родства с группой людей, готов был идти на смерть и защищать свои убеждения.*

Очень правильно вы коснулись этой темы, потому что это другая сторона, ещё более углубляющая эту тему.

Верность – это всегда идентификация себя через смерть как свою истинную сущность, как свою истинную природу. Это Танатос, это воля к смерти, которая должна сопровождать, в той или иной степени, такого потенциального «самурая».

■*В кодексе Бусидо, если я не ошибаюсь, самурай должен начинать свой день с мысли о том, что сегодня он умрёт…*

Можно быть не самураем, а настоящим бандитом или принадлежать каким-то структурам аналогичного типа, – допустим, мафиозным структурам. Например, мексиканские и колумбийские наркомафии тоже имеют жёстко разработанные кодексы чести. Они

очень тесно связаны с проблематикой экзистенции смерти. Особенно мексиканцы, у которых это уходит в глубочайшую традицию, – тема смерти, тема макабра, тема скелетов и так далее.

Здесь просто стоит вопрос, что проблема предательства и верности – это проблема восприятия «Я» как жизни у инфантила, который останавливается на колыбельном уровне, и восприятия себя как смерти у того, кто является аристократом духа, условно, и стоит на принципах верности.

Но всё человеческое пространство зажато между этими двумя точками. Все отношения между людьми – между друзьями, между начальником и подчинённым, между родственниками в семье, – все отношения находятся в поле колебания между полюсами верности и предательства. Причём их надо воспринимать, подчёркиваю, не как этические категории, а просто как формы экзистенциально-гносеологической идентификации своего «Я» и среды вокруг. И ещё из этого следует, что человечество как таковое есть, в экзистенциально-гносеологическом смысле, сборище предателей, которое подлежит манипуляции и движению таким образом, чтобы оно не разбежалось по щелям, как тараканы, в процессе любого исторического деяния.

Не есть ли это предательство божественной искры, о которой мы говорили?

Мы говорили о божественной искре, которая принесена пророками. Эта божественная искра живёт в языке, а не в людях. Непосредственно она живёт в пророках, они являются реальными, эффективными носителями этой искры. Но поскольку первый язык – это тот метаязык, который был принесён Адамом как первым пророком, то люди приобщаются к этой искре виртуально постольку, поскольку они воспринимают язык. Язык им сообщает, естественно, мать в колыбели. Именно она проводит, во-первых, разграничение между Я и не-Я, и именно она является посредником между Я и не-Я,

то есть тем мостом, который организует эту связь безболезненно. И она является антитезой среды.

Если среда колет, жжёт, делает всякие гадости и так далее, то «мать» – это принцип комфорта, защиты. И если и есть проявление верности у обычного человека, который не имеет воли, не имеет вообще никакой другой заботы, кроме как уйти вообще от любой конфронтации, то последний бастион, который он защищает, это верность «матери», – хотя бы на словах. Предательство «матери» – это уже последняя степень падения, последняя степень разложения, за которой уже идёт срыв в пропасть.

И здесь мы переходим к другой теме. Верность и предательство. С одной стороны, самураи, жертвующие собой рыцари, авантюристы – тоже, кстати, достаточно серьёзная ступень в пассионарности, ибо ищут личного преуспеяния, но при этом рискуют и жертвуют на этом пути жизнью, как Франциско Писарро, Кортес, Магеллан. Это одна такая группка. И «волнующееся море» человечества, которое состоит из пиявок-предателей. Это всё на одной плоскости – вот что удивительно.

Потому что это всё – работа с идентификацией «Я». Жизнь и смерть. Обычный человек, естественно, считает, что он выбирает жизнь, а Магеллан или самурай, или рыцарь, идущий в крестовый поход, – он по этой руке, протягивающей ему жизнь, бьёт, зёрнышки рассыпаются, он берёт другую руку, и в другой руке там камушки, которые свидетельствуют или символизируют, что он выбрал смерть. Но опять-таки это две руки. Две руки, предложенные ему из одного источника.

А есть совсем другое. Верность и предательство. А где же вера? Вера – ведь это иное. Мы в прошлых беседах говорили, что религиозная вера связана с интеллектуальной волей. Несомненно, что у самурая воля есть. Но она не интеллектуальная, она связана с экзистенциальным переживанием себя как существа смертного. Воля, которая стремится эту смертность превратить в драгоценность, в некий центр, в некий источник энергии, трансформировать эту

смерть в ощущение своего превосходства над средой. Отсюда рождается его воля, и эта воля поддерживает его верность принципам, сюзерену, традициям и так далее.

Но интеллектуальная воля, мы это обсуждали, это совсем другое. Интеллектуальная воля ищет и формулирует то, что должно быть утверждено. Как Авраам искал, что же является предметом, достойным его веры. Ни один из тех предметов, которые ему предлагал его опыт, не был достоин, потому что он не обладал характеристикой трансцендирования, не обладал характеристикой выхода за край, он был всегда чем-то определён. Метафорически говоря, ветер – утихал, звезда – гасла утром, солнце – закатывалось и так далее. Всё было не то. И тогда он пришёл к выводу, что предметом его веры является непознаваемое. Непознаваемое является точкой его абсолютного утверждения и непреложности. Но ведь что это означает? Это означает, что религиозная вера обращается к тому, что выходит за дихотомию «Я» и «не-Я». «Я» и «не-Я» остаются где-то внизу как некая плоскость, а религиозная вера утверждает Утверждение (это, конечно, тавтология, но тут без неё не обойтись). Она утверждает нечто, не зависящее от этого противопоставления «Я» и «не-Я», – причём на каком бы уровне мы ни взяли «Я», как бы мы его ни расширили, ни сократили. Например, сделали это «Я», допустим, маской некой группы (масонской или рыцарского ордена, или банды), или же «Я» – это трясущееся желе человечка, который ни о чем не заботится, кроме выживания, – не важно! Вот религиозная вера – она по ту сторону этого.

■*Мне кажется, что вера даёт этим предателям некое ощущение того, что они тоже чему-то верны? Человек ведь стесняется немного своего эгоизма («всё для меня, всё мне»), а ему же нужно какое-то оправдание.*

Мы говорим же не о лицемерах, которые, скажем, ведут социальную игру, притворяясь верующими и так далее. Мы говорим

как бы о «химически чистых» ситуациях. Это всё не имеет отношения к самой вере, и они сами не генерируют ведь веру, они примыкают. Мы говорим о тех, кто веру генерирует, о тех, кто встаёт и говорит: «Я утверждаю». Понятно, что предатель ничего утверждать не может, но он может спрятаться под зонтиком на какое-то время уже существующей, декларированной веры. Мы никогда не забудем, как Христос сказал Петру: «Прежде чем петух прокричит, ты трижды отречёшься от меня». И это как раз с этим связано.

А Иуда – это немножко другой вариант, более сложный вариант. Разберем впоследствии, может быть. Вот то, о чём мы говорим, это более простой вариант, – это вариант Петра, это именно страх: внезапно он вспомнил, что он «простой человек» и что судьба Христа для него – это «не-Я». Помните, к нему обращаются? Он отвечает: «Нет, я не знаю Его». Это классический вариант «Я» – «не-Я», но вознесённый на уровень парадигмального выбора, когда речь идёт о последней сакральности.

■ *Но ведь Пётр перешёл из предателей в верные. Вернее, он переходил несколько раз…*

Он вышел не через верность самурайского типа. Хотя тут очень интересно. Потому что мы как раз касаемся всех этих тайн. Он же в джамаате Христа был как раз самураем, кшатрием, он меч носил и этот меч вытаскивал при необходимости: он же отрубил ухо рабу Малху. Вот она – самурайская верность. И вдруг оказалось, что при определённых обстоятельствах он легко скатывается в предательство. Пётр теперь – «обычный человек», который просто живёт: «Я – не я, лошадь не моя; моя рубашка ближе к телу». Это подчёркивает, что верность и предательство находятся на одной плоскости, как ни странно. Но это маятник, исходящий из одного центра. Он потом-то выходит из своего гештальта, из парадигмы измены, не через возвращение к самурайскому пути, а он выходит

через религиозную веру, потому что она трансцендентна этому дуализму, потому что она является совершенно чем-то иным.

И вот тут нужно понять следующее. И для предателей, и для самураев, и даже для «наполеонов, которые право имеют», самое страшное – это носители религиозной веры. Потому что они обладают интеллектуальной волей, которая постулирует утверждение, лежащее за пределами человеческой плоскости. Волей, которая является утверждением Неведомого как исходной точки знания. Потому что утверждение – это базовое знание («я утверждаю, что дважды два – четыре»). Но, если я утверждаю, что неведомый Бог есть абсолютная истина, – более того, Он Бог постольку, поскольку Он неведом и не проявлен, поскольку Он вообще вне круга моего опыта, круга моих аналогий! Именно поэтому Он – Бог!

Если я это утверждаю, то это колоссальный вызов и Наполеону, и трактирщику Тенардье, если вспомнить образ из «Отверженных» Гюго. Помните мерзавца, который всех продал, предал, исходя из своих шкурных потребностей? С одной стороны – Наполеон, с другой – трактирщик Тенардье. Для того и другого утверждение религиозной веры является абсолютно деструктивным фактом. И они всегда сойдутся на этом, и всегда «Наполеон» будет опираться на массовые ощущения наиболее стадного, косного, шкурного порядка, чтобы блокировать вызовы религиозной веры. Это мы видим всегда. И путь секуляризма есть не что иное, как выстраивание барьеров, защищающих социум от тех людей, которые являются носителями интеллектуальной воли и которые есть инструменты стратегии Духа, – стратегии, которая вводит принцип утверждения в колеблющуюся человеческую материю.

■*Интересный момент разграничения понятий воздействия веры на социум и на индивидуумов-эгоистов, и на тех, кто выбрал большее поле, чем собственный эгоизм. Действительно, они готовы скорее*

поменяться местами, чем перейти в плоскость веры. Хотя ведь лицемеров тоже много. Если вера выгодна, то тогда лицемерие в пользу своего же собственного «Я»…

Лицемерие легко разлетается, как солома, при малейшем испытании. И если Левиафан социума начинает наезжать на людей, подписавшихся под определённым утверждением, то все лицемеры из них очень быстро разбегутся или начнут искать какие-то оппортунистические формы согласования между своей «декларацией веры» и наездом общества. Но только та небольшая часть избранных, как тот же Андрей Первозванный или Пётр, предпочтет умирать на аренах в лапах хищников или на косом кресте «андреевском»[72].

Мы, помните, говорили, откуда берётся боль? Боль берётся от столкновения чистого Бытия (оригинал, Великое Существо), которое отбрасывает тени, и эти тени в разных мирах, в разных стенах, на которые они ложатся, или в разных зеркалах, где появляются эти отражения, – это существа, и есть какие-то пути коммуникации, нормальной коммуникации между отражением и оригиналом. Вот этим мостом являются организованные традиции. Я не говорю «религии», я говорю именно «традиции», потому что Традиция – вне веры, традиция не является утверждением, традиция является просто каналом коммуникации между вторичным и первичным, между отражением и оригиналом. Потому что оригинал смотрит на себя в зеркало, но и отражение в зеркале смотрит на него. И это отражение внутри себя обладает какой-то долей ощущения самоприсутствия, некой теневой суверенностью (десятеричной, вторичной), но оно стремится к своему оригиналу, стремится к тому, что стоит перед зеркалом. Вот эту связь наводит pontifex maximus. Я не говорю о папе римском, я говорю о том, что значит это слово, – «наводитель мостов». То есть суперпоп, суперклерик, за спиной которого стоят «великие посвящённые», Великие Неизвестные, которые поддерживают этот канал.

Это Бытие может смотреть благожелательно на это отражение, а оно может неожиданно войти в коммуникацию с этим отражением. И тогда эта огненная буря врывается внутрь зеркальной поверхности. Мы говорили, что огонь есть единственно ощущаемая вещь, которая не подлежит описанию. Реальность – это описание. И можно менять описание. Но огонь не описывается. Просто огонь тебя уничтожает и всё. Джордано Бруно долго описывал реальность не так, как нравилось церкви: изгнание торжествующего зверя, множество обитаемых миров и так далее, – всё описывал и описывал. Потом его потащили на крест, и там уже нечего было описывать, потому что огонь вне описаний, – это уже встреча с чистым Бытием. Огонь – это не есть само Бытие, а это встреча, это то, как Бытие действует на отражение.

Так вот, я хочу сказать, что истинная вера, интеллектуальная воля, которая постулирует Неведомое как Бога (здесь очень важно: не неведомого Бога, а неведомое как Бога), абсолютно ненавистно Бытию. А поскольку социум – это всего лишь аппарат, проецирующий Бытие, проецирующий его намерения и задачи (проще говоря: «султан – тень Иблиса на земле»), то поэтому социум есть аппарат, который боролся и будет бороться с верой.

В том числе социум, который, казалось бы, основан на этой вере. Вот пришёл пророк – не важно, Моисей, Мухаммад (да благословит их Всевышний), – они основывают некие общности, джамааты, общины, следующие за ними. И социумы, возникая на базе этих джамаатов, будут бороться с верой, которая связана с утверждением, принесённым этими пророками. У них нет другого выбора. Потому что иерархизированный человеческий коллектив ненавидит это, он служит световому Существу, он служит принципу блага, который понятен, конкретен, но просто возведён в какую-то непостижимую степень превосходства, но это благо. А Неведомое – вне блага.

Если мы разделим человечество на две категории – на овец и пастухов, – то представим, что предатели, у которых личное «Я» заканчивается на коже своего тела, это овцы. Представим себе, что есть небольшая часть пастухов, которые ставят своё «Я» выше, чем границы своего тела, для них есть какие-то другие ценности (круг людей, понятия чести и так далее). И первый вопрос, который я хотел бы задать: с годами пропорция остаётся прежней, или пастухов, самураев становится меньше? И ещё один: как же так получается, что для пастухов и овец, для этих двух категорий, пророк, пришедший и создавший общину, добивается этого? Ведь ни те, ни другие не хотят этой веры? Одни хотят всё для себя, другие хотят для своего круга. Как так получается, что они принимают для себя «незнаемое»?

Сначала на первый вопрос. Видите ли, вот эти пастухи, их способности, их превосходство над овцами, их способность пасти являются для них драгоценной, сверхценной самоидентификацией. Его статус пастуха для него очень дорог, и для него «Я» – это то, что он пастух, а «не-Я» – это овцы и трава. И поскольку всё равно он становится функционалом в парадигме «Я» и «не-Я», то он будет проявлять верность, и он будет проявлять следование всей системе обязательств, которые касаются его идентичности как пастуха. Овцы не способны собраться, как известно, в банду, – они будут стадом. А пастухи понимают друг друга, и они всегда будут бандой; пастухи всегда будут вместе, и они будут понимать других пастухов, которые имеют и пасут другое стадо. И они верны себе как пастухам, верны своему статусу, верны этой группе. Это фундаментально.

Если переносить это в историю, то самураи – это промежуточный и служебный класс, они служат господам. Их верность – это верность оруженосцев рыцарям. Рыцари тоже, конечно, служащие. Не «служащие» в советском смысле – как шкрабы, школьные работники, – а те, кто несет служение.

В какой-то момент реальные господа, реальные пастухи, понимают, что наличие этих самураев становится проблематичным

для сохранения их господства. Овец становится слишком много, и нужно провести разделение труда между овцами. Простая дихотомия «самурай – мужик» перестаёт работать. Мужиков надо поднять до избирателей, до людей, которые о себе понимают. И тогда оказывается, что функции воина, который центрируется на смерти, понимает свою индивидуальность как волю к смерти, как некую вертикальность, воинскую магию духа и так далее, – эти функции ни к чему. Появляются армии, которые маршируют, поворачиваются по команде, офицеры имеют лицензию (это лицензированные проходимцы, торгующие шпагой, выращенные в определённых школах), армия превращается в механизм. А личный героизм становится деструктивен и малоэффективен, потому что когда группа личных героев встречается с марширующей, поворачивающейся по команде машиной, то, как правило, такая группа героев проигрывает. Это известно даже из встречи кельтов с Цезарем. Кельты были в целом намного храбрее, чем средний римский легионер, и их было больше. Но они ничего не могли сделать с римской машиной. А эта римская «машинность» – это главное открытие Запада, с помощью которого он потом, как страшная колесница, прошёлся по всему миру и создал колониальные империи, начиная с Рима.

Что же делает такое общество, в котором больше не нужны самураи? Оно их разгоняет, оно им говорит: «Вы больше не самураи».

Идите в таксисты…

Идите в таксисты. Прежде всего создаётся аристократия, которая основана не на воинской доблести, а на близости к телу. Потом отнимаются феодальные лены[73] у тех, кто их добыл шпагой. Они передаются в распоряжение тех, кто их добыл курбетами, отважно жертвуя затылком. И потом вот люди, которые были героями, уходят в народ. Никогда не становясь, конечно, «народом» в полном смысле этого слова, но они становятся странными маргиналами. Это

одинокие герои. Это люди, которые ждут своего часа, это некий класс или каста, которая пока не осознает своего предназначения, пока её наконец-то не соберут в будущем, как касту революционеров. Это Че Гевара, это, возможно, какие-то другие, более острые, более интересные фигуры. Но они – бывшие самураи, которые, будучи освобождёнными от социального статуса, являются этой чашей, которая ждёт принятия в себя благодати провозвестия о том, что у них есть назначение: покончить, бросить вызов этой ситуации. Это что касается самураев. Теперь, конечно, на место самураев приходит огромное количество бюрократии, которая исполняет функциональные роли в интересах хозяев, в интересах пастухов. А настоящих пастухов, я думаю, не становится больше или меньше.

■*Есть такая концепция, что в каждом поколении – 3–5 % лидеров…*

Владельцы человечества, хозяева дискурса – не лидеры. Сорос, Ротшильд – не лидеры, или, скажем, королева Великобритании – она же не лидер. Более того, император Японии даже во Второй мировой войне не был лидером. Он был сакральной фигурой, но он не был лидером. Это ответ на первый вопрос.

■*У нас уже время передачи подходит к концу, и такая интересная тема, может быть мы её на следующую часть перенесём?*

Перенесём ответ на второй вопрос? «Почему „предатели“ и „верные“ слушают и обращают внимание на проповедь пророка?» Замечательная тема, пожалуй, так и сделаем. Это будет наша завершающая в цикле «Человеческий фактор»[74].

■*Замечательно. Спасибо.*

Общение и мышление: взаимно исключающие функции

27.07.2016

Комментарий Джемаля к постановке вопроса:

Главное, что следует положить в основу данного дискурса – это различие между мышлением и мыслью. Мышление возможно при условии, что где-то там есть Мысль. Это похоже на то, как конкретные феномены могут являться и быть, ибо где-то там есть Бытие. Только следует иметь в виду, что Бытие есть антитеза Мысли, анти-Мысль. Соответственно, и феномен есть манифестация «антимышления». Мышление – это некое движение на человеческом уровне тех теней и бликов, которые благодаря языку отбрасываются Мыслью. Мысль – одна. Когда говорится, что есть мысли о том, о сём, то речь идёт о неких клише, оформленных исходя из «домыслящего» уровня. Это не продукты Мысли и даже не продукты мышления.

Мысль одна, потому что она есть Божественное созерцание своего нетождества абсолютному **Всё**. Суть Мысли – именно вот этот сакральный парадокс Невозможного. Всё есть всё. И в таком виде это чистый покой – Ничто. Но Трансцендентный Субъект – обладатель этого **Всё** – не тождественен ему. Благодаря этой нетождественности само Всё становится возможным как данность, имеющая Хозяина. Вот эта апория, находящаяся в мёбиусовом непрерывном самоотрицании, – она и есть Мысль.

Теперь в центре этой Мысли оказывается невозможность такого положения, невозможность одновременно быть Всем и «другим» в одном флаконе. Эта невозможность есть сердце Трансцендентного Субъекта. Эта невозможность есть то, что в Откровении называется

«Он» (Хува). Это третье лицо в единственном числе, которое в арабской грамматике определяется термином «отсутствующий», – «тот, кого нет». Именно из этого отсутствия в придонный ил Бытия падает искра, становящаяся сердцем Адама.

Для того чтобы связать два этих полюса – «Он» и «я здесь и теперь», – нужен язык. Тогда Мысль, обращаясь к архетипическому Адаму, открывает ему имена. Эти имена являются не просто образами каких-то феноменов, которые, кстати, возникают только одновременно с этими именами и только для тех, кто эти имена слышит. Имена становятся множественным соединением образов на разном уровне, под разными углами, – возникают чудовищной мощности и глубины конструкты. Грубо говоря, конструкт «дерева» представляет собой пересечение «художественного» внешнего образа, биологической ткани с её секретами, волокон, накладывающихся кольцами, образ моста между энергией света и тьмой хтонической бездны, куда эта энергия утекает. И бесчисленное количество других аспектов, приобретающих организующую символическую природу. Идея коры, например. Всё это насажено на одну единственную точку подразумевания. Точку, которую мы называем «деревом».

Количество имён бессчётно и безлимитно, но это не значит, что оно бесконечно. Конструкты, растущие вокруг понятийных «точек сборки», организованы так, что обязательно хотя бы один из образов, заложенных в некий конструкт, участвует и в других, пронизывая таким образом этот ковёр, созданный из имён, подпольной ассоциативной сетью. Это сверхязык, и только в поле этого огромного ковра узоров, которые не имеют никакого отношения к описаниям, мирам, так называемой «реальности», можно вырезать куски, которые будут конкретными языками на человеческом уровне, – пошире или поуже. Эти куски можно накладывать на Бытие, точнее, на отражения Бытия в зеркале, и тогда получается организованный мир с теми же деревьями и крокодилами, если не летающими ящерами (для изобилия).

Следует понять, что язык – это средство для одной единственной коммуникации: между сознанием Адама и Невозможным, выделенной частицей которого это сознание является.

Теперь, что такое мышление? Это расположение имён таким образом, что для носителя адамического сознания эта ткань имён становится специфическим зеркалом, отражающим саму Мысль. Отражающим смутно, несовершенно и не в том аспекте, где речь идёт о Невозможном, где эта мысль есть ускользающий от самого себя парадокс. Нет! Отражающим только фабулу.

Что такое фабула? Есть парадокс, который непостижим и неотражаем ни в чём. Но парадокс – он как взрыв. Он ищет путей своего разрешения. Взрыв несхватываем, но последствия взрыва, давление, которое, так или иначе, открывает себе выход наружу, – это проявление взрыва. В нашем случае это фабула. Это описание того, как решается парадокс Божественного Замысла. Отблеск того, можно уловить сетью имён, созданных Аллахом и сообщённых Адаму. Этот отблеск, который в силу своей вторичности нестабилен и движется, называется «мышлением».

Язык, как мы не раз указывали, попадает в обстоятельства анти-Мысли – Бытия. Бытие использует язык для того, чтобы формулировать ложь, то есть позиционировать идеи, представляющие собой отрицание сути Мысли. Так, например, идея тождества, идея бесконечности, которая есть будто бы то же самое, что и неопределённость и тому подобное. Метафизика язычников, состоящая из подобных перевёртышей относительно правды, выражена в языке и с помощью языка, который имеет только одно назначение: служить каналом Духа, который спускается в чёрную ночь потенции и возвращается оттуда с просьбой-мольбой адамического сердца (сознания) тому, что выше восприятия и выше отсутствия (хотя выглядит как «богооставленность»).

Вот вместо этого язык становится инструментом создания цивилизации, в которую вовлекаются толпы обладателей виртуальных сердец. Они – каждый из них – могли бы превратить

свои виртуальные сердца в живые и реальные, но они погружаются в цивилизацию, из которой для них уже выхода нет. Это и означает то самое «сбитие с пути» при заходе «справа, слева, спереди и сзади», о чём Иблис сообщил Аллаху как о своей глобальной и первоочередной миссии. Следует подчеркнуть, чтобы не осталось никаких сомнений, что цивилизация есть аппарат Бытия (Великого Существа), разрабатываемый исключительно для дезориентации Духа в пустыне, состоящей из множеств. Любая цивилизация – индийская, древнеегипетская, либерально-западная и так называемая «арабо-мусульманская». Последняя цивилизация показывает, что и носители последнего Откровения на самом раннем этапе своего проявления в мире могут быть уведены в болотную топь. Только евреи не создали цивилизацию – по крайней мере матрицу материально-психического обустройства, которое переводится в термины квазирелигиозной культуры. Благодаря этому евреи способны выступать в качестве операторов-посредников между любыми матрицами.

Общение происходит внутри матрицы, внутри цивилизации. Это коммуникативная функция языка, которая ему несвойственна, – функция из довербального прошлого телепатического человечества, которую навязали языку. Потому что единственную коммуникацию, которая для языка законна, мы уже описали, и единственная практика, которая открывается на этой линии, это практика созерцательная, практика концентрирования, которая предполагает общение только **личного** сознания со Всевышним. Выход наружу такого общения есть коллективная молитва, синхронизированная через имама. Другого общения правильно поставленное использование языка не предполагает, – по крайней мере там, где речь идёт о мышлении.

■*Сегодня мы продолжаем говорить о человеческом факторе и тема нашей передачи – «Общение и мышление: взаимно исключающие*

функции. Фундаментальные внутренние противоречия языка».

Это очень важная тема, коль скоро мы говорим о человеческом факторе. В предыдущей беседе мы говорили о том, что боль является фундаментальным стержнем человеческой реальности, точнее – человеческого фактора. Допустим, если боль – это бумага, то язык – это то, что на этой бумаге нарисовано, это то, что делает бумагу картиной. Язык делает, собственно говоря, потенциальность человека, превращает потенциальность человека в человека как такового. Согласно адамической традиции – точнее, традиции авраамических пророков, – язык был открыт Творцом Адаму. Он назвал ему имена вещей. Причём оказалось, что Адам является эксклюзивным получателем этого знания, потому что ангелы, которых Творец вопросил, наряду с Адамом, о том, что это или то такое, – они развели, условно говоря, руками, и сказали, что не знают. И таким образом Адам был назначен наместником Творца на земле.

Что такое «адамический язык»? Адамический язык – это метареальность, потому что это не описание, не средство описания, это некая фундаментальная система, связь образов, которая существует для того, чтобы быть площадкой или зеркалом для отражения провиденциальной Мысли Всевышнего. Провиденциальная Мысль Всевышнего, которая одним из своих аспектов включает статус Адама в качестве наместника, его роль, его миссию, – тот проект, ради которого он поставлен на землю. Это Замысел. Этот Замысел отражается в мышлении, которое представляет собой связь этих открытых ему образов. Причём эти образы – это не то, что Платон называл «идеями». Платон называл «идеями», собственно говоря, архетипические проекты того, что мы застаём здесь, на земле. Я помню, что у него в «Диалогах» фигурирует лошадь как такой известный пример: вот есть идея «лошади», и есть здесь реальная лошадь. В данном случае, конечно, эти метареальности, эти фундаментальные образы, – это не есть та конкретика описаний, которые мы застаём в обычном языке и, соответственно, в обычной нашей действительности. Это

фундаментальное условие последующих описаний, уже когда есть проявленное рабочее действие языка в человеческой общественной среде.

■*Если боль приводит к вере, если боль – это чистое полотно, и язык, соответственно, письменность, – это то, что показывает путь, к какой вере она приведёт?*

Это очень хорошее возвращение нас к теме боли. Кажется, раньше мы говорили – возможно, даже в «Нечеловеческом факторе» – о том, что когда Адам спускается к людям Золотого века, которые находятся в состоянии блаженной эйфории, блаженного комфорта, то с тем, что он приносит им язык, этот блаженный комфорт кончается: взрывается и уничтожается. Возникает острое противоречие между существом как биологической, хрупкой, нежной монадой и жёсткой, отрицающей его, давящей на него средой (палящей, поливающей, морозящей и так далее), то есть включается это столкновение. Столкновение «Я» и «не-Я», которое возникает с приходом языка. Язык, конечно, связан с болью, но вместе с тем язык тут же трансформируется людьми. Потому что адамический язык не создан для общения. Он открыт Адаму как уникальному Первосуществу – носителю Духа. Не первосуществу в Бытии, а Первосуществу как носителю Духа, как первому среди истинных людей. И это существо одно, и оно посвящено и посвящает себя мышлению. Отразить в мышлении, отразить в оперировании этими суперобразами свою миссию, своё назначение как наместника Творца.

■*То есть в самом начале язык был более сакрален. Есть любопытный пример о том, насколько наш язык сейчас профанируется. Сакральность языка может осталась ещё, допустим, в уголовной среде. Раньше за каждое слово нужно было нести ответ, а сейчас нет. А в бытовом общении язык потерял свою сакральность:*

мы можем говорить друг другу что угодно, и это никого не задевает, не обижает. То есть видимо первоначальный язык был в каком-то смысле сакральным, когда за каждое слово приходилось отвечать?

Он был сакральным не в том смысле, что это был язык общения. Потому что язык общения сразу перестаёт отвечать своей адамической предназначенности. Он попадает к существам, которые находились в режиме общения до языка. Люди Золотого века находились в телепатическом общении друг с другом, они и так были некой общиной, неким роем, которые были связаны друг с другом телепатической коммуникацией. И они не нуждались в образах, в идеях, в концептах, в словах, и их общение, конечно же, было ситуативным. Тут нужно подчеркнуть, что общение всегда ситуативно, в том общении реально нет сослагательных наклонений, нет допущений в силу той грамматической сложности, которая предполагает язык, нет прошлого времени, нет будущего, это всегда ситуативная коммуникация существ, которые живут вне времени.

Но язык вброшен и разрушает их эйфорию, их погруженность во вневременность. Естественно, на них обрушивается негатив среды. И тогда это общение начинает перестраивать язык, который ими получен. Язык начинает становится «средством общения», то есть язык теряет свои свойства аппарата мышления, которым он был у Адама, и становится механизмом коммуникации. А это совершенно другое.

Язык – это мышление одиночки, абсолютного одиночки. А общение – это взаимодействие разных монад, взаимодействие разных существ. Когда язык выведен в сферу множества, его природа становится совершенно другой. И здесь мы начинаем жить в режиме существенных, фундаментальных, неискоренимых противоречий. Скажем, человек, когда рождается, получает язык от матери; когда она его учит языку, то она его учит прежде всего одиночеству. Первый язык, первые импрессии языка – это уроки одиночества. Почему? Потому что именно с языком пришедшее в мир существо, новорожденный, получает различение «Я» и «не-Я».

Когда он ещё только появился из утробы, он не способен в доязыковой период отличать себя от среды. Но с языком это различение приходит. И в какой-то момент он достигает точки одиночества, точки ужаса, понимая, что он балансирует на краю какой-то пропасти, потому что одиночество перед средой не тождественно среде, оно всегда сопряжено с ужасом. Но в следующий момент он попадает в среду, попадает в среду детского сада, школы и так далее, где язык используется для общения. И этот момент «Я» и «не-Я», который он получил в первые годы восприятия языка в колыбели и в общении с матерью, разрушается общением, когда на него уже накладывается матрица, созданная в стихии языка искажённого, переформатированного.

■ *Получается, что общение и мышление противостоят друг другу?*

Они противостоят друг другу. К сожалению, существует устойчиво вбиваемое в нас такое убеждение, что «язык – это средство общения», что это его изначальная роль. У «диалектических материалистов», у Энгельса язык вообще возникает в ходе «трудового процесса», хотя непонятно, как это логически обосновать. Потому что представить себе, что не знающие языка существа – условно говоря, питекантропы, – с нуля изобретают язык, когда им приходится совместно тянуть бревно и делать что-то коллективное, просто невозможно. Представьте себе, что для того, чтобы что-то сделать вместе, нужно организоваться. Для того чтобы организоваться, нужно иметь язык. Здесь телега впереди лошади. Но нам это вбивают. Нам вбивают, что «язык – это средство общения», а мышление возникает уже после как результат этого общения. На самом деле реальность совершенно противоположна этому.

Мышление связано прежде всего с глубочайшим одиночеством, с различением «Я» и «не-Я», которое отражает этого внутреннего свидетеля, – прежде всего через язык, – свидетеля, обнаруживающего свою нетождественность любым объектам, любым

образам. Поскольку эти образы даны как кирпичики мышления, постольку человек обнаруживает, что он как «он как свидетель» есть не то, перед чем он предстоит, не то, с чем он имеет дело, а нечто иное, нечто принципиально иное, нечто вброшенное сюда как оппозиция тому, во что он вброшен.

Поэтому этот конфликт создаёт драму постоянного искажения мысли, которое идёт во время общения. Ведь не случайно было сказано, что «мысль изречённая есть ложь». Это очень глубокая интуиция. Хотя вряд ли автор так это продумывал в «филологическом» плане, – скорее всего это такой поэтический образ, но он попадает в точку. **Мысль, изречённая в целях коммуникации, есть уже капитуляция перед матрицей, которая сформулирована обществом для того, чтобы запрограммировать людей, уже вписанных в коммуникацию через язык.** Ну и, конечно, деваться им некуда.

И здесь совершенно понятно, что проблема возвращения человека к мышлению, возвращения человека к подлинному, есть преодоление общения.

■*То есть отказ от общения?*

Преодоление общения. Собственно говоря, не знаю насколько глубоко сознательно, но об этом писал Ницше в «Заратустре». Уход Заратустры от людей в горы, удаление в сосредоточенное безмолвие именно от людей, – это как раз возвращение к истинному мышлению, или попытка вернуться к истинному мышлению. Кстати, напомню, что миссия Заратустры была связана с учительством. А учительство – это адамический архетип, который связан с пророчеством, то есть принесением Адамом первого языка. Здесь где-то ницшеанская интуиция бродит вокруг этой тематики, хотя она нигде не выражена явно, она всюду проходит как некая поэтическая интуиция.

В этом смысле можно сказать, что адамический язык – это условие последующего человеческого фактора. Он не является человеческим фактором, он является неким условием, потому что описание, которое мы создаём, матрица, которая формируется обществом и накладывается на вновь приходящих в этот мир, – это всё кляксы на той огромной бумаге, на том огромном листе, который задан адамическим языком.

Допустим, Древний Египет, древнеегипетский язык, древнеегипетская религия, древнеегипетская матрица с фараоном в центре, – это одна клякса. А вот, допустим, американская цивилизация с гаджетами, авианосцами, с какими-то открытиями, Массачусетским технологическим институтом – это другая клякса в другом углу этой бумаги. Собственно говоря, всё это есть такие пиксели, которые становятся возможными только потому, что существует колоссальная заданность метареальности с её образами, превосходящими любую конкретизацию, которой располагал Адам и которая, собственно говоря, сокрыта или, скажем так, затушёвана языком в нашем обыденном понимании, то есть языком с его лексикой, с его понятийной системой, с его избирательной конкретикой и так далее.

Становится особенно ясным, что реальность – это описание, когда мы понимаем (особенно полиглоты – для них это достаточно чётко), что человек, который живёт в одном материнском родном языке и не знает других языков (вырос просто в конкретном языке), и человек, который живёт в другой языковой семье, – их реальности, хотя бы они жили в нынешней глобальной цивилизации, это разные реальности, они видят разные вещи. Эти вещи играют разную роль, даже когда в руки, допустим, одного и другого попадает один и тот же смартфон или автомобиль, – это разные предметы для обоих. Реальности у них не пересекаются или пересекаются очень частично. Это понятно, когда знаешь два языка и просто представляешь себе, что ты в этом языке, не зная других, или ты в том языке: понимаешь, что это совершенно разные реальности.

Потом это всё частные случаи. Сегодня языки, на которых говорят люди, народы, – это частные случаи, это как бы «бобок», я бы так сказал, вспомнив рассказ Достоевского, когда он, оказавшись на кладбище, слышит бормотание из-под земли ещё не до конца умерших покойников…

Гейдар, я хотел бы вернуться к теме нашего разговора, поднятой чуть выше. Вот вы говорили о том, что чем меньше человек общается, тем больше ему есть о чем подумать в одиночестве…

Это так, но не механически. Потому что, если берём обычного человека и кидаем его в одиночку, он просто сходит с ума.

Но тем не менее ведь нельзя отрицать, что большинство философских и научных открытий сделано интровертами в первую очередь?

Мы подходим здесь к очень интересной теме. Потому что следующий момент, который я хотел бы осветить, это то, что из этого искажённого языка, которое создаёт общество, защищаясь от среды, используя, деформируя саму возможность языка, принесённого когда-то Адамом, – вот из языка возникает экономика. Язык рождает экономику. Что такое экономика? Экономика – это обмен веществ между «Я» и «не-Я», человеком и средой. Но поскольку искажённый язык – это средство общения, то это люди (это не один человек, который общается со средой), которые общаются со средой. Это коллектив, множество людей, которые общаются со средой. И определяется это общение, этот обмен веществ, сформулированный матрицей, которая может быть такой, может быть иной, и так далее. И вот здесь интересно, что развитием языка управляют, условно говоря, некие жрецы, – управляют развитием этой матрицы. Из этой динамики матриц рождается развитие производительных сил.

Вот у нас есть нулевое состояние экономики – допустим. Не будем идти в непонятные, недоказанные дебри архаики, а просто уйдём в какую-нибудь до-промышленную Англию, где овцы бродили по зелёным лужайкам, росла какая-то культура на полях и так далее. С какой стати появляются мануфактуры, с какой стати овцы используются не для того, чтобы их есть, а для того, чтобы их стричь и делать шерстяные сукна? Почему вдруг появляются эти станки? Почему потом совершается промышленная революция? Почему меняется формат взаимодействия между коллективом людей и средой? Никто не объясняет, и в том числе марксисты, исторические материалисты, такую вещь, как «развитие производительных сил». Они говорят: «Да, по мере развития производительных сил возникают новые противоречия, когда социальные отношения отстают от развития производительных сил». А с какой стати происходит развитие производительных сил? Кто их развивает? Почему вдруг возникает необходимость перейти, допустим, от приводимых ручным трудом этих прялок и веялок к паровой машине?

На самом деле потому, что возникает новая матрица, пересматривается язык. Пересматривается язык, условно говоря, мэтрами, хозяевами дискурса, стоящими за цивилизационной спиной, за цивилизационной ширмой. В этом случае люди являются просто пассивно принимающим концом. Здесь очень интересна роль философии. Потому что философ постоянно стремится к уединению, к возвращению языка к статусу первого языка Адама в какой-то малой степени. Понятно, что между Адамом как тем, кто пришёл с первообразами, и Гегелем как вершиной классической человеческой философии – непереходимая пропасть. Ну уж как смог.

На фоне формирования матрицы, на фоне коллектива, обменивающегося веществом и энергией со средой, возникает острая проблемная попытка сделать снова язык инструментом мышления и зеркалом, в котором отражается Замысел. И отражение Замысла есть одновременно и отражение, и присутствие невидимого

субъекта, то есть невидимого внутреннего свидетеля, которого нет способа и нет средств увидеть вне мышления, как глаз не может увидеть сам себя, помимо зеркала.

Поэтому экономика рождается из языка, освоенного обществом. А общество, как мы помним, есть фактор нечеловеческий, который всё время стремится к тому, чтобы стать судьбой, Роком, Бытием в конечном счёте и полностью узурпировать все человеческие элементы. И в результате в своей динамике общество, становясь Бытием без исключения, Роком, который исключает всё, кроме себя, губит язык. Коммуникация, которая сравнительно долгое время сохраняет на себе некие следы мышления, но при этом, естественно, становится всё более и более ситуативной. Потому что, напомню, что общение является всегда ситуативным.

Чистое общение – это перекрикивание соседа через улицу. И это абсолютная ситуативность. Эта ситуативность доходит до максимума, а потом переходит в посткоммуникацию. Современное общество, современное государство, современный аппарат входят в режим посткоммуникации, когда, собственно говоря, язык окончательно утрачивает связь с мышлением, а это означает, что и со смыслом. И любое высказывание, сохраняя, допустим, у «культурных» политиков, у «образованных» бюрократов грамматические правила и формальную гладкость, становится бессмысленным потоком слов, содержание которых невозможно держать в памяти, потому что в них не за что зацепиться. Это некие высказывания, которые представляют собой образец бюрократической белиберды.

Есть такая максима: «Если хочешь что-то сделать – не говори». То есть если ты хочешь что-то написать умное или создать и подумать, и как только ты начинаешь это выбалтывать, то у тебя пропадает желание это делать…

Ну и просто обесценивается Замысел, обесцениваются те смыслы, которые ты нёс. В детстве мне ещё отец сказал: никогда не

рассказывай никому свои мысли, потому что ты их обесценишь, и они сразу пропадут в своём значении для тебя же самого.

■*То есть, если у тебя появляется какая-то идея или ты чувствуешь, что ты близок, – понятно, что не к Адаму и не к авраамическому языку, – ты просто чувствуешь, что внутри у тебя что-то есть, и это не надо выбалтывать, а это надо делать, если понимаешь, что это ведёт к действию. Тогда из этого может что-то получиться. А если просто это всё выбалтывать, то понимаешь, что из мышления это всё переходит в общение и всё растекается в такую муку…*

Конечно. Наш мир предельно диалектичен и там, как в Инь-Янь, нет до конца Инь без чёрной точки Янь, и наоборот. И общение является тоже не без позитива.

■*В общении можно что-то набрать для себя?*

Вот Герцен об этом очень точно сказал в своей работе «Былое и думы». Когда он вспоминает общение с друзьями, с единомышленниками, он говорит, что очень часто ставили в упрёк им, что они всё время общаются, проводят время в каких-то студенческих пирушках, болтовне. «Но разве наше общение не было работой, разве наше общение не было тем самым действием, из которого родилось смысловое пространство, в котором мы теперь живём?» В какой-то степени это не лишено определённого смысла, потому что общение создаёт – по крайней мере, в оппозиции господствующей, доминирующей матрице (общение интеллектуалов своего времени типа Герцена), – анклавы смысла, анклавы духовного присутствия…

Может это на каких-то переходных периодах, когда неясно было, что дальше было делать?

Ну я говорю это как некий диалектический штрих, который, тем не менее, не мешает в методологических интересах жёстко противопоставить мышление и общение как два полюса языка, противоречащих друг другу, взаимоисключающих и борющихся на человеческой площадке. И именно из языка как средства общения рождается экономика, которая развивает свои производительные силы через предварительное изменение матрицы. Собственно говоря, даже те историки экономической культуры, экономического пути цивилизации отмечают, что прежде возникновения того или иного формата новых отношений, новых производительных сил, возникают новые интеллектуальные школы, новые философы, которые прокладывают интеллектуальный путь к этому. Перед тем, как перейти к Новому времени, появляется Декарт, потом Кант, классическая философия. Тут телега и лошадь опять, но на самом деле внимательное изучение показывает, что без этих философов, которые удалялись в мысль и при этом способствовали переформатированию матрицы, было бы невозможно и изменение описания, той части описания реальности, которая связана с обменом между «Я» и «не-Я», между средой и человеческим коллективом.

Экономика – это показатель трагедии человеческого существа, вброшенного в этот мир, показатель «на выходе». Маркс считал, что прежде, чем что бы то ни было делать, человек должен одеться, обуться, покушать плотно, завести крышу над головой и тогда уже думать о «надстройке». Но это достаточно безумная и абсурдная мысль, потому что, во-первых, факты показывают, что при любых обстоятельствах человек всегда одет, обут и будет иметь крышу самую непритязательную, во-вторых, если бы речь шла только об этом, то никакого бы развития экономики не было, потому что, раз одевшись, обувшись и поев, необходимости что-то менять в этой ситуации, увы, не существовало бы.

Все противоречия – в том числе и наш нынешний экономический кризис и так далее – заложены в языке и драме языка.

У меня тоже всегда вызывали удивление всякие такие утверждения (пирамида Маслоу и так далее). А как же эти старцы, аскеты, пустынники, которые уходили прятаться?

От общения. В поиске адамического языка.

И для них материальная сторона вообще не была важна, и они уходили в поисках языка. То есть для них вся эта материальная история – поесть, одеться и крыша над головой – была совершенно не важна…

В принципе, она действительно не является **главной целью экономики**. Как мы уже раньше говорили, главная цель экономики, рождающейся, опять-таки повторю, из языка, – **это трансформация времени, которое отнимается у человека** и присваивается определёнными силами. Человек ангажирован в своём жизненном времени в процесс обмена веществ, он как бы насильственно приведён к этому обмену в коллективе, который обслуживается языком, форматируется языком, коллектив, над которым довлеет язык. Социум, который использует коллектив как свою физическую базу, является коконом, который защищает человечество, условно говоря, от боли. Той самой боли, которая возникла с приходом языка и которая является стержнем человеческого. Вот это общество его защищает и заставляет обмениваться веществом и энергией со средой. В процессе этого обмена человек теряет безусловную, абсолютную дистинкцию свидетеля и противолежащего ему объектного мира, то есть «Я» и «не-Я». Потому что в мышлении человек устанавливает противоположность себя как свидетеля всем объектам, которые ему предъявлены. А в общении он становится

частью того мира, который рождается в этом описании…

Получается, что общение – это некая «обманка»?

Общение есть одна из форм дегуманизации, причём кардинальная форма дегуманизации. Раньше мы говорили о том, что **прямым инструментом дегуманизации является комфорт**. Но ведь одним из фундаментальных инструментов комфорта, как ни странно, оказывается именно общение, потому что именно в общении рождается чувство защищённости, чувство «отведённости» от тебя рисков, – то, что так ценится в современном социуме в узких кругах. Если мы берём широкие круги, там общение как бы разрушается. А в узких элитных кругах общение очень ценится.

И это общение – общение людей, которые присваивают себе очень много прибавочного продукта и комфортно сидят в холле Хилтона за бокалом хорошего «Хеннесси», – это общение является не просто составной частью, оно является опорой комфорта. Опорой комфорта, в которой раз за разом подтверждается их протектированность от любых угроз. И здесь язык, который очень много в этом общении заимствует таких невербальных моментов, очень ценящихся именно в общении: невербальная коммуникация между «своими» – это один из таких инструментов отделения «своих» от «чужих».

Естественно, что когда эти люди вынуждены обращаться к тому, кто находится за пределами их круга, то они переходят на (они же не могут говорить тем языком, который является общением со своими) язык посткоммуникации. Удивителен в этом плане некоторый мой опыт с американскими сенаторами, которые приезжали на медиафорум в Алма-Ату, где я с ними встречался сразу после избрания Обамы. Один был, между прочим, республиканец, руководитель национального комитета республиканской партии, а другой – сенатор-демократ. Оба были цветные. Причём демократ был как две капли воды похож на Обаму, только полегче, помельче, – то

есть та же фабрика, но дым пожиже. Он был очень говорлив, ему задавали вопросы, – воспроизвести это невозможно. Единственное, что можно было запомнить, он каждый свой ответ начинал с того, что «Я очень вам благодарен за то, что вы задали этот вопрос, я очень уважаю ваш интерес», – и это всё, что можно было понять, потому что дальше шла просто околесица (*смеётся*), но на очень хорошем, правильном языке, где вообще не было никакого смысла. Я понял, что нашим очень далеко до этого уровня, потому что американцы довели посткоммуникацию до совершенства. Кстати говоря, Обама – это тоже блестящий образчик посткоммуникации. Ну это, так сказать, лирическое отступление.

■*Но тем не менее оно очень характерно, потому что иногда приходится встречать людей и в политическом поле, и в общественном. Когда они начинают говорить, то такое ощущение, что они не хотят говорить, а что просто положение обязывает.*

Чтобы подвести некий итог и сделать некоторые выводы в этой беседе, я бы хотел суммировать всё сказанное. А именно: язык Адама приносит феномен боли. Феномен боли ведёт к появлению общества как способа защиты от этой боли. Общество узурпирует принесённый язык, извращает его и превращает из инструмента одинокого мышления в инструмент коллективной коммуникации. Коллективная коммуникация порождает взаимодействие со средой, где человек мало-помалу теряет свой статус отдельного уникального субъекта, становясь частью той среды, в которой он коммуницирует.

Из этого рождается экономика. И, скажем так, «мэтры социума» играют, пользуясь определёнными знаниями и технологиями, эволюцией матрицы, чтобы менять динамику производительных сил и переоценивать отчуждаемое у людей жизненное время, превращая его во всё более и более высоко оцениваемый капитал, отложенный капитал, отложенное время. Это связано именно с извращением

языка, который в конечном счёте идёт к смерти (именно через социум, в социальном пространстве).

И гибель языка означает конец мира в эсхатологическом и религиозном смысле. Конец мира не означает, что начнётся невероятная гроза, которая своими страшными молниями будет всё испепелять, землетрясения и прочее, хотя такие аспекты вполне реальны, но они не самые существенные. А вот самое существенное – это, когда, представьте себе, все семь миллиардов людей в один прекрасный день просыпаются, забыв язык. В их голове не только нет языка, но нет и памяти о том, что когда-то был язык. Они просыпаются как чистые Маугли, но только Маугли, не прошедшие подготовку общения со средой у волчицы.

Языка нет, и в этом случае они просто смотрят на абажур, проснувшись, и видят кляксу, видят «пятно Роршаха». Но лиса, например, смотрит на куст и находится с ним в конкретном взаимообмене: это сигнал, что там, за этим находится другое пятно, заяц, и надо броситься туда и поймать этого зайца. А вот таких сигналов у человека-то нет, когда он смотрит на абажур, потому что он не лиса. Просто вокруг него хаос. И, естественно, мир исчезает. Но после этого и человек исчезает, потому что физически он, конечно, обречён на гибель, будучи частью этого хаоса. Он становится частью этого хаоса, потому что за счёт исчезновения языка исчезает его оппозиция среде. Раз нет языка, значит нет и свидетеля. Нет свидетеля – значит он часть среды, которая есть «пятна Роршаха», этакий калейдоскоп, камешки, перетекающие друг в друга. И это коллапс мира. Всё. А к этому ведёт развитие современного общества, развитие посткоммуникации и так далее.

Язык, несомненно, является развитием темы боли, которая, как стержень человеческого фактора, даёт базу для попытки вернуться к языку как мышлению, чтобы быть зеркалом Мысли Творца, и даёт возможность для извращения языка, которое есть основание для экономики, являющейся способом эксплуатации, отчуждения

времени, переоценки жизненного времени и превращения его в капитал.

Это как бы моя попытка переосмыслить политэкономию с точки зрения чистой теологии.

■*Я так понимаю, что мысль и слово – это в каком-то смысле враги, если мышление и общение мы противопоставляем друг другу…*

Дело в том, что слово – даже в той форме, в которой мы этим словом располагаем, – не обязательно является инструментом общения. Потому что слово можно рассматривать как знак, то есть помахать кому-то рукой, «кирпич» повесить при въезде в переулок – и это знак. И в этом смысле каждое слово можно рассматривать как знак. Но ведь можно слово рассматривать как некий образ, в который можно уходить как в зеркало того, что это «не-Я». И вот когда оно становится зеркалом, то раскрывается полнота и богатство внутреннего значения этого образа. Ты уходишь в это «не-Я» как в очень сложную структуру, которая не нуждается в том, чтобы её сообщать кому-то, излагать что-то по его поводу. И так обстоит дело с каждым словом. Почему филологи так любят сидеть со словарями и уходить туда. Я лично люблю уходить в словари и работать со словами. Поэтому слово есть не обязательно инструмент общения, оно двойственно. Оно может вести либо в созерцание, либо же в такой оперативный знак, который просто нужен ситуативно.

Кстати говоря, интересный момент: общество настаивает на общении, но в обществе есть пусть подвергнутые этому компромиссу, извращению, но осколки старого значения языка, которые связаны с культурными измерениями. Например литература. Общение всегда ситуативно. Но литература внеситуативна, потому что мы сегодня читаем Достоевского и понятно, что «Братья Карамазовы» происходят не здесь и теперь, а это некое отчуждённое от времени, в котором мы читаем, не имеющее к нам отношения описание, которое будет читаться и после нас поколениями, и до нас читалось

поколениями. И здесь язык обнаруживает свою некоммуникативную природу, потому что литература – это не коммуникация. Кому-то это может показаться странным, но литература – это не коммуникация.

Это форма мышления, может быть?

Осколок, остаток мышления. Как всё в нашем пространстве. Как всё в социальном пространстве, это тоже подвергается извращению и пародированию, потому что возникает «роман-поток», возникает просто некий поток слов, некий бессюжетный поток ассоциаций и так далее, который читать реально невозможно, и это считается суперсовременно, супермодно. И литература тоже присоединяется к общей динамике деградации языка в сторону посткоммуникации.

Но если брать классику, которая вызывает постоянный интерес, всегда находит себе спрос у новых и новых поколений, – вот это момент, который резко дистанцируется от общения, от коммуникации и от ситуативности, от обусловленности моментом, который, как я уже сказал, лучше всего выражен в перекличке соседок через улицу, вешающих белье и кричащих друг другу что-нибудь…

«Эй, как ты?»…

«Эй, как ты?» и так далее. На одном конце «Эй, как ты?», а на другом конце – «Братья Карамазовы».

Наша программа подошла к концу. У нас идёт цикл передач «Человеческий фактор», и сегодня мы говорили о противопоставлении общения и мысли…

Мышления. Мысль только у Всевышнего. А мышление может быть у нас.

Что такое традиционализм?

23.09.2016

■*Сегодня мы продолжаем наши философские беседы, и речь пойдёт о традиционализме. Что есть традиционализм?*

Или «К вопросу о традиционализме»[75].

■*Именно так, наверное, сформулируем.*

Я бы сказал, что это одна из наиболее интригующих тем и наиболее, может быть, непонятных для широкой публики, потому что широкая публика погружена, в общем-то, в либеральный дискурс, который является антитезой традиционализма. И либеральный дискурс стал настолько органично присущ всем ментальным движениям широкой общественности, что воспринимается как таблица умножения.

Одним из наиболее серьёзных возражений, которые предъявляются «широкой общественностью» при возвращения каких-то религиозных моментов на передний план общественной жизни, – возражения и комментарии типа «это Средневековье, мракобесие, это противоречит духу современности, идее современности». Причём современность не становится этакой «ползучей» категорией, словно бегунок на логарифмической линейке: не переходит «современность» из века в век. Мол, была своя современность, наверное, в XIV веке, но нынешняя современность не подобна ничему. Это «современность в себе».

Интересно, почему либералы не любят традиционализм или Традицию? Ну да, свобода, ну и что? Всё отрицаем?

Нет, в сущности спор-то ведь идёт не об этом, а о ценностном порядке. Дело в том, что существуют три главные идейные установки в современном мире. Если мы взлетим над узкими клановыми или национально-государственными интересами, попытаемся посмотреть на всё это немножко сверху, то увидим, что есть три главных гештальта, три ментальные установки, которые делят между собой мир и находятся в противоборстве. Это традиционализм, либерализм и радикализм. Других нет. Ответственно заявляю: четвертой установки нет. Четвёртый вариант есть «молчаливое большинство», то есть человеческая пыль мегаполисов, которая является реципиентом воздействий на неё.

В чём заключается этот треугольник, драма, танец этого «тройственного союза» и антитезы одновременно?

Либералы воспринимают реальность как хорошую жизнь здесь и теперь, то есть просто надо захватывать как можно больше благ, пользоваться ими: кто силён, тот и съел.

Быстрее всех пробрался к корыту…

К корыту – и за пределами этого корыта нет ничего. «И не надо нас лечить, в принципе, всё остальное – Средневековье, мы современные люди, у нас есть гаджеты, бисексуальность, мы кайфуем в холлах каких-нибудь хилтонов. В общем, всё нормально».

Что такое традиционализм – о чём мы будем говорить? Мы оставим это напоследок, потому что это наша главная тема.

Что такое радикализм? **Радикализм исходит из того, что реальность построена на ошибке, что есть фундаментальный сбой в законах справедливости, который нужно исправить.** Причём под «сбоем в законах справедливости» надо понимать не нарушения правил распределения материальных благ, а то, что жизнь бессмысленна. А она не должна быть бессмысленной. Но она

бессмысленна по факту. Мы вброшены экзистенциально в абсурдный мир, в котором существование, как оно есть, не может оправдать само себя, то есть оно не может предъявить права на то, чтобы быть таким, как оно есть, – вот это бессмысленность. И её надо исправить. Это радикальная позиция.

Что такое традиционализм? Прежде всего традиционализм, нравится это либералам или не нравится, является фундаментальной подосновой мышления современного западного человека. Вот западный человек – либерал, а мышление его всё равно построено на тех фундаментальных принципах, которые были заложены Платоном, существовали две с лишним тысячи лет после Платона и завершились, в творческом плане, повторением Платона в лице Гегеля.

Есть, конечно, либеральная доктрина, «либеральное мировоззрение» – это такое «пиксельное» восприятие реальности, со ссылкой на опыт, прагматизм, на «полезность» и так далее. Но это уже деконструкция фундаментальной базы. А что такое эта фундаментальная база? Её изложил Платон в той форме, которая известна любому ученику хорошей школы: «внизу» есть вещи, которые представляют собой тени или отражения идей в «верхнем», тонком плане. «Что вверху, то и внизу, но внизу», – это грубые отблески того, что в идеальной форме находятся в эмпиреях, где, собственно говоря, живут «идеи».

Главной «суперидеей» является само Бытие, чистое Бытие, которое генерирует феноменальные идеи. У Платона встречается такой образ лошади: есть лошадь, которая у нас скачет по лугу, а есть «лошадь» как идея лошади. И идея «идеи» – это Бытие. Бытие есть благо и Бытие есть же и сознание, – по Платону. Бытие и сознание у него едины – это две стороны одной монеты. Это, естественно, благо как антитеза всякому злу и ориентация на Бытие как благо.

Собственно говоря, в этом платоновском контексте Бытие есть «бог», и тут других вариантов нет. Быть атеистом означает отрицать Бытие. Не просто бытие «бога». Тут есть такая хитрая закавыка –

мало кто решится отрицать Бытие, то есть спросить: «Как по-твоему, Бытия нет?» Человек, наверное, споткнётся на этом. А когда Бытие зашифровано эвфемизмом «бог», то это легко: «Да, я считаю, что бога нет». Что это значит? В принципе, если человеку растолковать, что «бог» – это маска или другое название, и просто там есть «этические коннотации», коннотации персонального характера.

Тут есть ещё такой вопрос: Бытие – это некая абстракция, логическая категория, нечто, что нельзя пощупать и нельзя фиксировать, или же это личность? С точки зрения, допустим, христиан и очень многих других религиозных традиций, Бытие – это личность, это персональная вещь. По-английски «being» – это и абстрактная логическая категория, то есть Бытие, бытийствование, но это и существо – human being (человеческое существо). Если мы говорим о Бытии как о такой великой и абстрактной вещи, мы можем сказать «the great being», «la grand être», «Великое Существо» или «бытие в себе и тотально», – это будет одно и то же. Тогда мы оказываемся перед лицом того, что все люди инстинктивно воспринимают как «бога». Но «бог» – это точка стремления, ориентация для всех «спиритуалистически» ориентированных людей, для религиозных вне контекста Откровения. «Бог» индуиста, «бог» древнего грека, «бог» даоса – это не Бог мусульманина, это не Бог иудея. Для авраамиста это не Бог.

Интересно почему? Давайте этот вопрос попробуем разобрать.

А потому что Бытие в чистом виде есть антитеза Духа. Потому что Дух скрыт, не проявлен, непостижим и, вообще говоря, невозможен. С точки зрения Бытия, Дух – это то, чего нет. Дух совпадает с личным свидетельствующим сознанием. Мы живы и мы свидетельствуем мир вокруг нас благодаря нетождеству этому миру, благодаря тому, что в нас есть некий центр, который не является ни этим столом, ни этими камнями, ни этим небом с облаками и так далее.

Ни этой кожей, ни этим мясом…

Ни этой кожей, ни этим мясом! То есть это нечто. А что это? Получается, что сознание действует только благодаря тому, что оно апофатично (оно – «не то» и «не то»), и именно поэтому оно отражает всё. Это есть Дух в его активном действии. Но это контр-Бытие: Бытие «ненавидит» Дух, потому что Бытие самодостаточно, оно стремится к тому, чтобы ничто не нарушало его первозданной целостности и тождественности самому себе. А сознание является «дыркой» в этом Бытии, оно – оппозиция этому Бытию. Поэтому здесь необходимо вырастает то, что носители этого послания, Откровения о том, что Бог есть нечто Иное, нежели Бытие, что не описывается категорией «бытие», а противостоит категории Бытия, – это линия Откровения.

А линия традиционной метафизики, основанной на созерцании, на принципе «что вверху, то и внизу», на принципе аналогии, – это языческий принцип, это традиционное язычество.

Если я правильно помню, у Платона, кажется, была такая картинка: огонь в пещере отражается на стене…

Правильно. Это тема «небесных зёрен» – таких идеальных конструктов, которые проявляются здесь, внизу, несовершенной мерцающей тенью, которая для обычных людей является плотной, ясной, феноменологической действительностью, но на самом деле это зыбкая тень, потому что подлинная реальность – там, вверху, на которую здесь только намекают эти вещи. Это суть традиционализма, то есть «то, что внизу, то и вверху». Аналогический принцип, проходящий от земли до неба. Но Традиция – это как раз связь с неизменным архетипом, с «идеей идей», с чистым Бытием, которое проявляется в зеркале нашего мира, куда отбрасывается всё вниз. Здесь сидят люди, которые либо знают об этом, и тогда они причастны к Традиции. Либо они думают, что это и есть то, что есть, и

другого варианта нет, – и тогда они вне Традиции, они профаны или, как говорили в Греции, «идиоты», потому что идиот – это существо, которое живет само по себе и ни в чём не участвует…

Традиционализм свою философию обозначает как perennial philosophy, «вечная философия». Это философия, которая учила об одном и том же две тысячи лет назад, три тысячи лет назад, потому что предмет этого объективен. И сегодня, если скажем, что мы теперь в современности и у нас есть айфон, – это никак не сказывается на истинах «вечной философии». И плевать на эту современность, она равна себе в любое время – при Рамсесе, при Путине, – она всегда тождественна сама себе. И сегодня люди, которые ориентируются на такой подход (правда, вынуждены делать какие-то оговорки, естественно, потому что давление среды и победившего либерализма: могут же и морду набить), но тем не менее те, кто ориентируется именно на этот подход, образуют традиционалистский клуб.

Но доминантным является либеральный клуб после 45-го года, когда американцы, которые представляют собой штаб либерализма, взяли под контроль Европу, а в наши дни оттяпали и то, что получил в качестве своей доли победителя Советский Союз, – либерализм установился как таблица умножения. Ведь большинство людей впитывают обстоятельства своего проявления на свет в качестве непререкаемых законов физического мира. Они воспринимают социальные привходящие обстоятельства как яблоко Ньютона, которое может только вниз упасть, но никак не вверх. Подавляющее большинство людей – независимо от того, что они родились не в Штатах и не во Франции, а, допустим, в Египте, – думают как либералы, и у них бывает когнитивный диссонанс и раздвоение личности. Потому что они, с одной стороны, принадлежат к некой Традиции – в частности, они могут быть мусульманами, – а с другой стороны, у них рефлексы и ментальные тики либеральные. Это очень «пропитывающая» вещь.

Но при том, что это доминанта, рядом, сбоку, сидят другие совсем люди, которые представляют собой некую наследственную линию: это потомки тех, кто были у руля до 1914 года. Они были в такой же силе, как сегодня либералы, они были номер один. Это клерикалы. Естественно, за клерикалами стоят всегда «старцы», всегда стоят «посвящённые». А клерикалы опираются на людей с титулами, на династии, на знать. И это сословная организация общества.

Это такая элита, которая, скажем так: те, кто сегодня носит титул, – это люди, которые существуют в качестве династических домов последние 400 лет. Конечно, когда человек говорит, что «он потомок крестоносцев и его предки брали Акру», это может быть либо вранье, либо эксклюзив. В принципе, в наиболее таком достоверном варианте, это люди династических домов, которым 400–300 лет. Это достаточно круто. Но где-то 400–300 лет назад произошла смена, когда знать из «знати шпаги» поменялась на «знать двора». После ухода реального дворянства – дворянства меча – возникла аристократия (то, что называется аристократией). Это придворная камарилья, уже начало бюрократического аппарата. Легко проследить на Бурбонах Франции, как это всё складывалось.

Ну и с Кромвелем, наверное, в Англии тоже произошёл некий такой переход…

В Англии в этом плане было немного сложнее. Но в итоге Англии удалось стать штабом традиционализма, в то время как Франция, которая была совершенно традиционалистской, «гипертрадиционалистской» страной, это утратила. Она прошла через кризис бонапартизма и превратилась в профаническую республику, где угольки только дремлют под пеплом. А Англия сохранила монархический стержень, который, дезавуируя себя, обложен подушками некой демократии, с джентельменскими нашивками на локтях клетчатых пиджаков, очками и замшевыми гамашами. Но за всем этим стоит железный кулак традиционализма.

Хотя есть определённые конфликты с континентальным традиционализмом. Скажем, англо-германский конфликт – это очень серьёзная вещь, одна из определяющих ход истории в XIX–XX веках. Германцы с одной стороны, англосаксы – с другой. Этакая лента Мёбиуса, потому что нет такого немецкого барона или графа, который не имел бы английских родственников в Палате лордов, но тем не менее. Они все кузены, но задачей британской династии была ликвидация монархии в Германии, – вообще ликвидация Германии как таковой к чёртовой матери. В этом смысле у них были задачи, выходящие за пределы семейственности.

Когда начиналась Первая мировая война, задача была закончить её в несколько месяцев и объявить народам, что это либералы-демократы, парламенты, партии, вся эта новомодная сволочь развязала войну, а мы, монархи, отцы народов, её останавливаем и сейчас делаем мировое правительство. Вдруг это всё перешло в неуправляемую стадию на четыре года такого смертоубийства, когда там то ли 10, то ли 20 миллионов было уничтожено, ещё 50 миллионов погибло от «испанки».

И после этого традиционалистам пришлось сильно подвинуться. Произошло то, что Ортега-и-Гассет называет «восстанием масс» в своей одноименной книге («Восстание масс»): массы хлынули на пляжи, курорты, в театры и учебные заведения, которые раньше были резервированы для узких кругов элиты. И, соответственно, изменилось и содержание этих элитных мест, потому что, скажем, театр, в котором публика сменила свою сословно-классовую природу, не может остаться тем же театром, – в противном случае никто туда не будет ходить. Всё это радикально меняется, меняется это пространство.

Но традиционализм выживает под пеплом, и внезапно именно во Франции, где положение Традиции хуже всего, появляется как взрыв. Видимо, некие крупные невидимые нам силы постановили, что это должно возникнуть и вспыхнуть во Франции. Как социальная революция должна была произойти в России, в которую Маркс

меньше всего верил, так и взрыв традиционализма должен был произойти во Франции, которая больше всего ненавидела Традицию и ближе всего была к либерализму.

И вот появляется там Рене Генон, родившийся в 1886 году. Он становится рупором традиционалистского клуба. Он пишет ряд работ, которые выражают основное доминирующее направление в традиционалистском дискурсе. Это «Кризис современного мира»[76], который задает тон всему дальнейшему изложению традиционалистских истин. Одна из первых его книг – это «Восток и Запад». Где Восток – это парадигма всего позитивного: свет с Востока, сакральные учения, традиционалистские ценности. А Запад – это полная дегенерация, инволюция, дошедшая до своего максимума, разложение, которое коснулось всех и достигло уже костного мозга на Западе. Поэтому «Кризис современного мира» – «установочная» работа.

В Италии появляется примерно в то же самое время барон Юлиус Эвола[77]. Он, почти ровесник Генона, молодым лейтенантом, добровольцем, принял участие в Первой мировой, пошёл в артиллерию. В принципе, он такой дадаист, близок к Маринетти[78], но при этом активно искал идеологическую базу, опору в традиционализме, эзотеризме, оккультизме. Потом они, конечно, установили контакты с Геноном, но у него немного другая позиция.

Генон – это прямой выразитель клерикально-брахманской верхушки традиционалистского социума, это рупор эзотерической поповщины. Он принимает в 1912 году ислам. Естественно, ислам суфийский: становится членом тариката Шазилийа. Тарикат, который в качестве одного из своих исторических членов включал Мухйиддина ибн аль-Араби[79]. Генон ссылается на него как на своего мэтра. И ещё его мэтром является Данте, которому он посвятил потрясающую, великолепную работу «Царь мира» (La roi du monde). Он ориентируется на эти центральные фигуры, но надо иметь в виду, что вообще всё это некая конкретизация

неоплатонизма. Генон становится рупором этой эзотерической поповщины, он становится шейхом.

Но ислам является антиклерикальной доктриной. Это как раз то, что я сказал: это конфликт Бытия и сознания. Либо сознание является функцией от Бытия, слито с ним, то есть Бытие – оно же есть и сознание (это версия языческая, традиционалистская), либо сознание противостоит Бытию, оно абсолютно апофатично, и в силу своего апофатизма является амальгамой, которая делает возможным отражение всего окружающего (свидетельствование за счёт чёрной амальгамы, которая не пропускает свет и даёт отражение). Это уже Откровение – это уже совсем другая линия, это линия радикалов. Радикалы стоят на платформе «сознание против Бытия», потому что сознание несёт в себе смысл, сознание отрицает констатацию, что «всё есть так, как оно должно быть, потому что это Декрет Абсолюта, за пределы которого невозможно выйти, и кто это постигает, тот является посвящённым, реализовавшим идентичность с этим Абсолютом». Авраамическое послание отрицает этот абсурд, эту бесцельность.

Но в данном случае мы говорим о традиционализме, и тут у нас есть второе крыло – это Юлиус Эвола, который является апостолом второй касты, касты кшатриев, но не радикальных кшатриев как носителей воли к Трансцендентности, а это скорее принцип стяжания[80] силы. Это эго, ориентированное на бессмертие и стяжание силы любой ценой (этакий «сакральный люциферизм»).

И в этом смысле Юлиус Эвола – антитеза Генону. Он представляет собой, скажем так, полюс эзотерического фашизма. Во-первых, он позитивно воспринял фашистскую революцию Муссолини. Но он не стал фашистом, он рассматривал фашизм как популизм, заигрывание с чернью, бюрократический этатизм, то есть государственничество, «шебуршение на низах». Когда Муссолини предложил ему стать главным редактором очень серьёзной партийной газеты, он мягко, снисходительно сказал: «Но я же не фашист, дуче». Но этот «нефашист» ездил в Германию и читал в закрытых эсэсовских кругах

лекции «Арийское учение о борьбе и победе», «Языческий империализм». Серьёзные такие лекции – это предельно ясно изложенная доктрина силы, доктрина империализма, господства. Он написал ключевую книгу – если Генон пишет «Кризис современного мира», то Эвола пишет «Восстание против современного мира». Это очень толстая, серьёзная книга, где он подробно, по пунктам, разбирает, почему перед лицом традиционализма современность преступна, она феминистична, она за Égalité, Fraternité[81]. Современность является продуктом негодования рабов, их недовольства своей экзистенциальной ситуацией. Серьёзная компетентная книга, которую любопытно прочесть.

Две эти книги – «Кризис современного мира» Генона и «Восстание против современного мира» Эволы – это два столпа традиционалистского клуба. Есть, конечно, книги аффирмативного, утверждающего плана: например, «Царство количества и знаки времени» Генона уже ближе к книге «Восстание против современного мира» Эволы.

Про Генона мы поговорим, я думаю, в другой беседе, когда будем отдельно обсуждать личности наиболее крупных, фундаментальных апостолов эзотеризма, апостолов традиционализма, но сейчас мы вынуждены упомянуть, потому что говорить абстрактно о традиционализме, не касаясь имён наиболее главных фундаторов, мы не можем. Вокруг этих двух имен вырастает концентрами широкий круг последователей. У Генона был очень важный последователь Фритьоф Шуон[82] (по-моему, он швейцарец, хотя имя звучит по-норвежски: дали имя в честь арктического путешественника). Это швейцарец, который тоже принял ислам. Кстати, кроме, по-моему, Юлиуса Эволы, который открыто занимал языческие позиции, почти все остальные эзотерики-традиционалисты принимали ислам.

■ *Я спрошу вас: почему именно так?*

Они делают ставку на наиболее мощную силу современности, которую они хотят оседлать, – оседлать через суфизм, через тарикаты. Есть гигантская пассионарная сила, – она пассионарна в силу того, что стоит на радикальном фундаменте. Это люди (я имею в виду мусульман), которых полтора миллиарда человек, – знают они, не знают, грамотны они, не грамотны, но они все находятся в луче культа сознания вопреки Року и закономерностям Бытия. Вот есть Бытие, которое выступает как Рок, как судьба, как некая глобальная фатальность, но есть сознание, которое внутри меня, которое позволяет мне свидетельствовать окружающее, но это сознание связано с принципом божественности, божественного трансцендентного Субъекта, воля Которого совершенно свободна от законов, от принципов фатального Бытия. Это принцип свободы, принцип превосходства над неизбежным.

Мы живём в мире кривых зеркал, потому что у большинства людей ислам ассоциируется с чем-то фатальным. Лермонтова возьмём, – вообще всё отражение ислама в русской литературе недалеко ушло от отражения ислама во французской или немецкой: фатализм, ещё что-то. Все, противоположное исламу, собрано в «имидже» мусульманина, предъявленного западному человеку.

Почему это так? Потому что западный человек воспринимает ислам через суфизм. А это антитеза ислама. Потому что суфизм – это введение клерикального принципа с чёрного хода. Старцы, гуру, шейхи… Сакральность, старость, тождества низшей натуры и вечного круговращения одного и того же и так далее, – введение всего этого через чёрный ход. Как правило, это осколки гностицизма, которые при завоевании арабами Ближнего Востока закамуфлировались в мусульман, но сохранившие доисламский контент. Как христианство является (это неприятно услышать христианам) зороастризмом, пересказанным библейским языком, с употреблением всех дискурсивных ходов Библии, Ветхого Завета. Это иранский дуализм. Некая версия, некий извод[83] иудаизма, куда через греков и жрецов зороастризма вводится новый контент, и под видом этого извода

создаётся новая религия, которую называют «авраамической», но которая от авраамизма имеет только терминологию. Ну и Ветхий Завет почему-то включён в корпус священных книг.

В исламе попытались сделать то же самое, то есть традиционалисты «влезли» в ислам и попытались его переформатировать. И поэтому внутри ислама идёт непрерывная гражданская война вот уже 1400 лет. Потому что, с одной стороны, есть люди «ветхого» убеждения, – это перенниалисты[84], которые стоят на платформе тождества и господства Бытия. И мусульмане как мусульмане, которые являются частицей революционного Духа, – они стоят на платформе сознания как божественного присутствия (антитеза Бытию). А Бытие, что очень важно, это Великое Существо. А кто такой Великое Существо? Это есть Иблис, который был архетипом, по модели которого созданы все остальные существа, то есть архетипическое существо, которому Аллах (Свят Он и Велик) приказал поклониться Адаму. И сам факт того, что для Всевышнего было так важно, чтобы именно Иблис поклонился Адаму, говорит о том, что Иблис был Первосуществом, архетипическим существом, что он является «главным» по онтологическому весу. Иначе какой смысл к нему обращаться, чтобы он поклонился Адаму…

И этот конфликт, который идёт в исламе, является отражением глубинного исторического конфликта между радикалами и традиционалистами, потому что либералов тогда ещё не существовало. И почему традиционалисты в XIX веке, в XX веке в Европе принимают ислам? Да потому что они хотят через суфизм оседлать эту глыбу пассионарного давления. И, собственно говоря, они хотят, чтобы халифат, который в перспективе должен возникнуть, был «их» халифат, был халифатом, принадлежащим членам Палаты лордов…

Социальная основа традиционализма

28.09.2016

Мы продолжаем наш разговор о традиционализме, и сегодня речь пойдёт о социальных основах традиционализма.

Да. Это продолжение общего разговора, перед тем как начать говорить конкретно о столпах, которые образуют традиционалистский клуб, о фигурах, которые являются репрезентантами традиционалистской мысли. Но прежде чем перейти к таким именам, как Генон, Шуон, Титус Буркхардт, Эвола, Мирча Элиаде, нужно всё-таки разобраться с тем, что такое традиционализм в социальном и в политическом смыслах.

Почему традиционализм, который, собственно говоря, апеллирует к «Вечной Традиции», – к Традиции, которая есть и не может не быть? Потому что, с точки зрения традиционалистов, исчезновение Традиции из человеческого пространства – это смерть человечества. Оно живо, пока есть неведомая большинству, но тем не менее работающая, тайно присутствующая Традиция. Почему вдруг в конце XIX века (но если шире, то это Фабр д'Оливе, Сент-ив д'Альвейдр[85], – но это уже мы сдвигаемся к середине XIX века), почему с этого времени вдруг начинается подъем этой темы, появляется (правда, её числят по рубрике «неоспиритуализма»), допустим, мадам Блаватская[86]? Мадам Блаватская, кстати – это серьёзная фигура, я бы не советовал к ней относиться легкомысленно, хотя её «разоблачению» посвятил целую книгу «Теософизм как псевдорелигия» Рене Генон. Но тем не менее Блаватская – это человек, который ввёл в оборот огромное количество знаний, фактов, тем, которые потом уже в более

аутентичном ключе разрабатывались серьёзными именами. Но впервые они были «вброшены» именно в её работах. Скажем так, она создала это поле интереса к спиритуализму, эзотеризму, к Традиции в широком смысле слова. Очень многие вещи она, в общем-то, формулировала достаточно близко к тому, как их формулировал потом тот же Генон. Но главный вопрос – а почему? Почему в конце XIX века всё это так мощно появилось, а уже в XX веке стало завоёвывать себе позиции интеллектуального мейнстрима? Страшная битва за «мейнстримность», за место под солнцем. Битва, естественно, против либерализма и либерального сознания – в том числе «рационально-научного», и битва с неоспиритуализмом, кстати говоря (то есть со всякого рода имитациями и симулякрами).

Правильно ли я понимаю, что в ответ на рванувший технический прогресс начала XX века, с появлением паровозов, самолётов, пароходов и так далее, был какой-то ответ со стороны традиционализма?

Я думаю, дело сложнее. Конфликт между архаическим типом сознания и тем, которое порождено техническим прогрессом, – это яркое противопоставление, но оно не решающее. Потому что, во-первых, «антипрогресс» и критика технического развития была и у тех, кто не стоял на традиционалистской платформе. Например, Хайдеггера нельзя назвать традиционалистом в геноновском смысле слова. Он, конечно, работал очень глубоко с греческой мыслью, с греческой инспирацией и так далее, но всё таки это острый философ. Не традиционалист, который работает, прежде всего, с «объективной» такой истиной, которая дудит в дуду с неба и ничего персонально привнесённого быть не может. Это индивидуальный философ. Но тем не менее он против технического прогресса, он считает, что в этом осуществляется духовная смерть человечества. Это с одной стороны.

С другой стороны, тот же Рене Генон, – он получил великолепное физико-математическое образование, был математик, активно пользовался математикой Лобачевского, Пуанкаре, гильбертовыми пространствами, прекрасно понимал суть современной физики, той же теории относительности, и он умел это использовать. В том же «Символизме креста» есть такие чисто научные задвиги. Поскольку он говорит именно о пространстве, о геометрических и физических аспектах пространства, мы понимаем, что имеем дело не с невеждой, который считает, что земля на трёх китах, на трёх слонах, на черепахе и так далее, а мы имеем дело с человеком, который обогнал средней руки учёного, может быть на 200 фарсангов вперёд.

Возвращаясь к вопросу: думаю, что дело не в этом. Дело в том, что западный империализм в конце XIX века восстал против глобального либерализма. Глобальный универсальный либерализм (тоже как бы западный), охватывающий весь мир некой «усреднённой» универсальной цивилизацией, в которой все вертикальные ценности стёрты, смыты, мотивации высшего порядка упразднены, – вот западный империализм, который базируется на вертикальных ориентирах, на духовных мотивациях, взбунтовался. И если посмотреть на логику того же Рене Генона, он говорит, что осколки и всё ещё присутствие традиционалистских истин, сверхчеловеческих истин сохранились на Востоке, а на Западе от этого осталась мёртвая буква, – христианство стало мёртвой буквой, католицизм (а он католик по рождению) стал мёртвой буквой.

На самом деле он это не акцентирует, но по его тону мы слышим, что он считает эту ситуацию абсолютно неправомерной. Запад в духовном смысле провалился, превратился в нечто убогое. Восток, поставленный на колени военной и административной силой, превращённый частично в колонию, частично в полуколонию, в зависимую территорию, – от чего он зависит? Восток стоит на коленях перед либералами, которые представляют собой не Запад в его мистериальном значении, он стоит на коленях перед либералами, которые знать не знают и не хотят ничего знать о

«духовных ценностях», о «высшем смысле», ради которого все мы живём. Просто как бы борьба за ресурсы, борьба за то, чтобы хорошо качать нефть, контролировать финансовые потоки, ресурсы, и так далее.

Это отвергается. Но на самом деле предлагается восстание во имя западного империализма, который построен на духовной ценностной основе. Это скрыто всё, это достаточно завуалировано, то есть он делает реверансы перед Востоком, который сохранил именно этот символический потенциал («тайное знание»). Но возмущение тем, что Запад является духовным банкротом, и неприятие этой ситуации, просто проходит сквозь все тезисы и всё мировоззрение Генона и его учеников.

Бунт, который у Генона зашифрован, а у Эволы уже открыт. Потому что Ю. Эвола – это человек, который стоит на платформе ариософии, человек, которого итальянские фашисты ошибочно принимали за своего в силу его империалистического радикализма, да который попросту написал книгу «Языческий империализм», где сказал, что христианство есть убогая синкретическая религия, которая по своей сути сформирована периферийными существами без пола, людьми третьего пола, «людьми лунного света». Это такая женственная доктрина, которая лишает героической остроты западную цивилизацию. А западная цивилизация вся выстроена вокруг мужского кшатрийского драйва. Это цивилизация воинов, это цивилизация Рима, это цивилизация лязгающих мечей, бьющих о щиты легионов, которые идут в атаку с орлами, и так далее. Здесь мы имеем дело с достаточно откровенным посылом. Но понятно, что когда, тут же воспользовавшись этим, левые популисты начинают тыкать пальцем и говорить «фашизм, фашизм», то это глупое упрощение. Потому что Эвола гораздо страшнее для этих левых популистов, они даже не подозревают, насколько. Потому что для него фашисты – в итальянском контексте – это люди, которые вышли из среднего класса, из рабочих, из мелкой буржуазии, которые являются популистскими демагогами. Непричёсанные грязные

люмпены – вот кто такие фашисты. И когда (я по-моему это упоминал, но нелишне будет повторить) Муссолини предложил ему стать главным редактором одной из центральных, если не центральной, партийной газеты, он мягко ему ответил: «Ведь я же не фашист, дуче». И сказал это, конечно, мягко, но с пренебрежением: то есть «я живу принципами орденского рыцарства, а вы мне предлагаете стать заведующим месткомом в каком-то социал-демократическом управлении, системе».

Но был же левый фашизм, а был и правый фашизм. Вот левый фашизм сразу остаётся за скобками: это Штрассер, это национал-большевизм, – это всё понятно. Был правый фашизм, или правый нацизм, который не так вызывал отвращение у людей, подобных Ю. Эволе. Но, более того, сам Генон солидарен был с определёнными фашиствующими элементами католицизма (с Дарланом[87], например). С некоторыми именами, которые представляли собой праворадикальный католицизм, Генон позволял себе в конце двадцатых годов определённое сотрудничество. Потом он, правда, сожалел, что это было потерянное время, но факт есть факт. Это, конечно, не вишистский фашизм. Во время вишизма Генон очень ловко жил в Египте – удалился, так сказать, от тех проблем, которые…

А к тому моменту он уже принял мусульманство?

Он принял ислам в 1912 году, то есть до Первой мировой войны. Это тоже, кстати, интересный вопрос. Ведь ислам принял не только он, ислам приняли почти все его ученики, самый широкий круг. Но опять же – какой ислам? Ислам суфийский, тарикатский. Можно сказать, что они «технически» приняли ислам, потому что если мы посмотрим на тысячи страниц, написанных Геноном (у него больше дюжины сборников только посмертных статей, которые были опубликованы после его смерти, а при жизни – это 20–30 книг по 300 страниц в среднем), конкретно исламу в этом огромном массиве

глубочайших знаний посвящено две или три статьи. Я думаю, это сто страниц, но скорее всего меньше.

У него знаменитая была такая статья «Тайны буквы Нун», «нун» – это арабская буква в виде ковчега с точкой на нём. Какие-то периферийные тексты. Про ислам он предпочитал вообще не писать. Большая часть того, что он написал, посвящена самым прилежным и позитивным настроем, на минуточку, индуизму, то есть предельному и максимальному выражению язычества, на втором месте – даосизм (написал книгу «Великие триады»), где-то упоминал христианство («Символы священной науки», «Символизм креста»). Где ислам? Ислам – это парочка статей и какие-то ссылки. Нет у него ислама никакого…

А почему?

Потому что ислам, авраамическая Традиция монотеизма, разрушает его главную концепцию. Главная концепция Генона – это единство Традиций вообще. Вот есть единая Традиция, она проявляется в разных вариантах. Проявляется, допустим, в индуистской метафизике, и проявляется в монотеистической авраамической религии, которые о том же самом, но в сниженном варианте. Потому что высокие истины индуизма и даосизма уже не вполне адекватны и не вполне усвояемы современным человеком. И поэтому для людей попроще, для людей с ограниченным потенциалом духовного восприятия посылаются пророки. И это всё приходиться исправлять. Приходит Моисей – это хорошо, но его приходится дополнять каббалой. Каббалистические мудрецы поднимают это для избранных до некоего уровня, адекватного общему эзотеризму, общему потенциалу Традиции. Приходит пророк Мухаммад – соответственно нужно его исправлять и поднимать с помощью суфизма: суфийские мэтры всё корректируют, дополняют, рассказывают. На экзотерическом уровне сказали, что «дважды два – четыре», а вот в гильбертовых пространствах, скажем так, это не

совсем так, у Лобачевского это не совсем так: дважды два уже не совсем четыре.

На самом деле, если бы Генон сосредоточился на исламе, он быстро попал бы в ситуацию, очень неудобную для себя, мягко говоря. Потому что есть не одна Традиция, а две Традиции: одна Традиция – это действительно Традиция языческая, Традиция, основанная на созерцании (contemplatio); а другая – Традиция Откровения, которая абсолютно идёт вразрез, перпендикулярно, абсолютно враждебно этой языческой Традиции. Это Традиция не созерцания, потому что созерцать нечего. Откровение приходит из Той Сферы, которую человек не может воспринимать, не может созерцать, потому что между ним и человеком нет аналогий. В языческой метафизике между тем, что внизу, человеком с его восприятием, и тем, что вверху, есть определённый мост или иерархия эшелонов манифестаций, когда мы можем подняться к некоему верху. А Откровение приходит Оттуда, куда никакая лестница не ведёт – там чёрная дыра. И это всё о другом, абсолютно о другом. Я думаю, что Генон прекрасно понимал, о чём речь, но он заметал это всё под ковёр: одна Традиция и всё, всё остальное – издержки партикулярности, издержки особой формы изложения. Дескать, это религия, это то, что обращается к человеку с его эмотивным, аффектируемым, психическим потенциалом.

■*Может, ещё потому, что истоки веры Запада размывались, может, не стоило на счёт этих двух Традиций как-то сильно запутывать людей…*

Не будем забывать, что он француз и он писал по-французски. И в первую очередь его книги были доступны франкофонной публике. Что такое франкофонная публика, будет понятно, если мы посмотрим на фотографии, которые французские солдаты из Алжира слали домой, где они позируют с отрезанными головами алжирских борцов

сопротивления: они слали эти фотки своим девушкам, матерям и так далее.

В своё время мне попала в руки интересная книга «Учебник католической теологии для семинарии» для молодых кюре, которых выпускали французские семинарии. Толстенный учебник, основанный на Фоме Аквинском, на атомизме. Так вот, конец этого учебника был посвящён анализу того, что такое ислам, поскольку почти всё колониальное пространство французской империи, связанное с Африкой, было мусульманским. Про Вьетнам там ничего не сказано, а про мусульманство там сказано достаточно много, и сказать, что это глубочайшая кипящая ненависть, – это не будет преувеличением. Про орден Сенусийя[88] там сказано, что вот эти сволочи возглавили сопротивление французской администрации, французскому присутствию. Как бы французское присутствие – это божественное присутствие, а эти черти с рогами позволили себе выступить против него. Это примерно как о чеченцах после взрывов домов в Волгодонске и в Москве.

Я подчёркиваю, это часть, большая историческая глава об исламе в учебниках теологии для выпускников духовных семинарий, которые готовили священников для сельской Франции, для глубинки. Это форматирование исламофобов на самом раннем уровне. Это 80–90 годы XIX века – никакого там ещё «11 сентября», никаких таких коллизий, никакой «арабской весны», никакой «Ниццы», «Брюсселя», а просто установка на то, что это исчадие ада, их надо мочить.

Я к чему это всё излагаю: Генону, который принял ислам, приходилось писать по-французски в среде, которая позволяла себе вот такие исторические справочки в учебниках по теологии. Если бы он пустился в рассуждения, какой ислам хороший…

Дождался бы погрома…

Дождался бы во всяком случае как минимум непонимания. А ему хотелось быть понятым. Поэтому он на безопасный индуизм

перешёл. Но контраст очень сильный, потому что об индуизме с придыханием и очень глубоко пишет человек, который выбрал ислам как официальную свою принадлежность.

Интересно, что первая его книга – «Общее введение в изучение индуистских доктрин» – была принята очень двойственно. С одной стороны, её поддержал католический философ, который был тогда на подъёме, шёл к пику известности и славы как католический мыслитель, – Жак Маритен. Очень известный философ, неотомист, большой человек в католическом интеллектуальном мире. Он поддержал эту книгу. Против неё выступил – и его рекомендации заблокировали путь Генона в академическое пространство, отрезали его от академического мейнстрима, – Сильвен Леви, известнейший индолог на тот момент, который просто подверг уничтожающей критике. Почему? Конечно же, Сильвен Леви стоял на платформе глобального либерализма – того самого, против которого взбунтовался традиционализм, западный империализм. Он стоял на позициях рационального глобального мирового порядка, который весь плоский, двумерный, горизонтальный и исходит из чисто прагматических целеполаганий.

Естественно, что в этом контексте индуистские доктрины можно изучать только как культурный феномен: «Вот, есть какие-то люди, живущие в этом уголке земли, у которых есть набор таких верований, вот, мы это будем изучать, во что эти люди верят; как бы это ни было странно, но тем не менее мы как учёные должны просто систематизировать знания о том, что у них там в голове делается». А идея Генона о том, что это объективная истина и что они не просто человечки верующие, бегающие по Индостану, а что это некая объективная истина, которая передаётся, что индуистские доктрины являются депозитарием фундаментальных правд реальности, – это дикая идея. Человек должен быть представителем западного рационализма, а становится на сторону этих дикарей и говорит, что эти дикари, эти архаичные персонажи в тюрбанах, оказывается, имеют отношение к какой-то объективной реальности, что они что-то

знают, что нам не открыто. Это полная чушь для Сильвена Леви, рационалиста и глобалиста. Во-первых.

Во-вторых, он по сути предъявляет претензии Генону. Генон исходил от того, что веданта и адвайта-ведантизм – это есть весь индуизм, они полностью покрывают весь индуизм и все даршаны, то есть философские школы, сводятся именно к ведантизму. Леви говорит, что есть как минимум шесть философских школ, и они друг к другу не сводятся. И так далее. Леви исходит из конкретного ползучего эмпиризма: «Здесь мы имеем романский стиль, здесь готический стиль и это всё не одно и то же».

■*Когда вы сейчас рассказывали о его большой работе про Индию, индийскую философию, я подумал, что в какой-то момент началась формироваться мода на преклонение и уважение перед Индией и индийскими ведами. И, соответственно, мы вспомним Рериха, вспомним легенды о Шамбале и так далее. Видимо, в конце XIX века начало формироваться ощущение, что где-то там, далеко, есть Шамбала и всё, что с этим связано?*

Если мы отступим на несколько столетий назад, то мы столкнёмся с поисками царства пресвитера Иоанна. Это такая достаточно старая традиция на Западе – «поиск сакральности на Востоке». И для этого, как нам показал наш соотечественник Лев Гумилёв, некоторые основания имелись. Потому что была империя Хулагу, которая, правда, не соответствовала ожиданиям, связанным с царством пресвитера Иоанна[89]. Тем не менее это был сакральный центр в период, когда сакральность на Западе переживала тяжелейший кризис, прежде чем перейти к гуманистическому финалу в виде Возрождения, а там дальше – Новое время, модерн и так далее. Как бы в последний час, связывающий ещё сакральность Запада с сакральностью Востока, начались эти отчаянные попытки связаться с Востоком и оседлать потенциал Востока для того, чтобы спасти Запад.

Такого рода поиски были всегда. Это уходит в золотую древность. Потому что, если мы вспомним, у кого учились греческие философы, у кого учился тот же Платон, мы обнаружим, что они были тесно связаны с институтами древнеегипетского жречества.

И тема Атлантиды, которую излагает Платон, которая с тех пор постоянно живёт, постоянно обновляется в европейском мире, – это же тема, которая была внедрена в греческий разум древнеегипетскими жрецами, претендовавшими на своё происхождение из Атлантиды. То есть, что пророк Нух (да благословит его Всевышний) или Ной, как его зовут западные люди, непосредственно имеет отношение к колониям атлантов (в частности одной из колоний был Древний Египет). Тут можно говорить о том, насколько это соответствует или не соответствует реальности… не будем забывать, что время, которое описывает Платон, то есть крах Атлантиды – это время 13-тысячелетней давности. 13 тысяч лет – это сложно для того, чтобы Египет как бы пересидел и дожил до нашего времени в виде такой колонии. Но здесь есть такая вещь, как сакральная преемственность или сакральная принадлежность.

Например, тот же Данте называл себя учеником Мухйидина ибн аль-Араби, а между ними было больше ста лет разницы. Для преемственности в Традиции необязательно, чтобы такой-то человек видел такого-то. Эта преемственность может осуществляться и в символическом, нематериальном ключе.

Поэтому, говоря о том, что Запад всегда в духовном смысле зависел от Востока… я уж не говорю о том, что авраамизм… откуда авраамизм, откуда христианство? Но и в греческие времена: это тоже Иран с его дуализмом, зороастризмом, Египет с его ритуальной сакральностью и такими загадками тайн, касающимися горизонтальной ветви традиции.

Согласно Традиции, у неё есть две линии: одна идёт от Гипербореи сверху вниз, а другая идёт от Атлантиды горизонтально. Атлантическая линия вторична, и она связана с преодолением очень тёмных моментов. Атлантизм – это линия зла, которая должна быть

преодолена. И вот именно поэтому пророки посылаются в те центры, которые связаны с наследованием атлантизма. Потому что семитская Традиция – это Ваал, это жертвоприношение детей и так далее, и вот именно туда приходят пророки. Библейские пророки приходят в зону наибольшей концентрации культа зла.

Ритуальное зло…

Да, ритуального зла. Есть белая линия гиперборейская, которая идёт в Индию.

Но дело не в этом. Это мы путешествуем внутри традиционалистского пространства, приняв уже как данность, что оно является объективным. Здесь мы имеем дело не с элукубрациями[90] воспалённого разума, а с некой серьёзной фундаментальной правдой.

Но на что опирается в человеческом плане эта фундаментальная правда? Надо полагать, что у традиционализма должна быть серьёзная социальная база. И эта социальная база связана с попыткой восстановления кастовой структуры западного общества. В XIX веке мы имеем дело уже с выродившейся аристократией, которая перестала иметь какое бы то ни было отношение к кшатризму, то есть к касте воинов. Это люди, которые в некоем условном ключе имеют, опять же, очень условное отношение к родам, фамилиям, домам, прославившимся, допустим, в X–XIII веках. А все, кто на поверхности, кто является фасадом аристократического западного общества, имеют за собой 300–400 лет. Вот если мы возьмём Великобританию, то любое имя берём, анализируем его генезис и упираемся в то, что это 300–400 лет. После войны Алой и Белой роз фактически уже нет фамилий, которые бы восходили к Вильгельму Завоевателю. Идёт какое-то странное новообразование, генетически не связанное с этим рыцарским воинским прошлым. Возможно, какие-то имена наследуются благодаря поместьям. Но это новые люди, вот в чём дело.

И вообще аристократия предполагает очень мутные источники происхождения. Где-то здесь содержится уже переход к богеме. Аристократия со своими позами, именами, со своими возможностями, – в какой степени она аутентик, в какой степени она симулякр?

Это очень важный вопрос, потому что на самом деле для реального традиционализма главным врагом – политическим, социальным врагом – является именно симулякр тех каст, к которым традиционализм апеллирует. Есть симулякр брахманов, симулякр жречества, есть симулякр кшатриев. Это чандалы, говоря санскритским термином. Это люди, возникшие на смешении каст, но высокого разлива, высокого порядка. Допустим, с какими-то бывшими аристократами, воинами, кшатриями смешиваются буржуа либо какие-то клерикалы второго, третьего ряда, и в итоге возникают люди, которые на сцене могут сыграть человека большого света, но за душой ничего нет.

А сцена может быть не только театральная, она может быть и социальная, и историческая сцена. Если мы приходим в так называемое светское общество конца XIX столетия в Европе (в Вене, Лондоне и так далее) – это некая сцена, на этой сцене мы обнаруживаем псевдокнязей, псевдобаронов, то есть то, что обречено уступить своё историческое место либералам. А либералы – это кто такие? Либералы – это тоже чандалы, тоже люмпены. Разница между чандалами и люмпенами в том, что люмпены происходят из смешения низших каст, а чандалы из смешения более высоких каст.

■ *И на одном срезе появляются адвокаты…*

Да, адвокаты, актёры…

А на следующем – бароны и графы, только неизвестного происхождения…

Неизвестного происхождения. И гениально это выражено в личной судьбе Карла Маркса, который женится на Женни фон Вестфален, а эта семья родственна Гогенцоллернам. Сын еврейского адвоката, левак, радикал, экстремист, написавший позже «Капитал», становится мужем одной из наиболее рафинированнейших аристократических фамилий Европы. И более того, там не было особого сопротивления семьи этому союзу. Это очень показательно.

Не будем углубляться в конкретику всего этого, но скажем так: левые либералы позируют в роли симулякра кшатриев, то есть они хотят быть воинами, они выдают себя за воинов, они хотят быть героями. Почему? Потому что есть некий образ рыцаря, барона, воина, который ведёт угнетённых против несправедливости. Допустим, крестьян в крестьянских войнах. Вот есть Флориан Гайер[91]. Флориан Гайер – это рыцарь, воин, родственник графа, который его, кстати, и убил за предательство классовых интересов. Флориан Гайер возглавляет чёрный отряд, им же самим набранный из крестьян.

Что такое идея партии профессиональных революционеров, «меченосцев»? Это же всё надо расшифровывать. Вот нам товарищ Сталин говорит о «партии меченосцев», профессиональных революционеров, и мы думаем, что это метафора. А он нам конкретно говорит о том, что это аристократия, которая реально является воинами, аристократическим воинским авангардом, и которая возглавляет пролетариат. Но пролетариат, который должен осуществлять диктатуру, сам не может организовать эту диктатуру. Должны быть люди, которые ему покажут и поведут. Здесь профессиональные революционеры – это наследники опыта Флориана Гайера.

А если мы имеем дело с симулякром брахманов, то мы попадаем к правым либералам, попадаем к фашистам. Мы попадаем к фашистам, и ещё через шаг мы попадаем в неоспиритуализм, в нью-

эйдж, во всякую такую игру с эзотерическими тайнами. Это уже у нас будет правый либерализм…

Столпы традиционализма

07.10.2016

Сегодня тема нашего разговора: «Столпы традиционализма».

Предыдущие две беседы мы говорили о традиционализме вообще, мы нащупывали подходы к этой теме пока что в «безличном» ключе. Но рано или поздно надо уже подойти к тем фигурам, которые на своих плечах вынесли эту концепцию на очень высокий элитарный уровень, теперь ассоциируемый с несколькими этими именами. Этих фигур было не так уж много – пять-шесть фигур.

Прежде всего, конечно, это Рене Генон, который является настолько слитым с концепцией традиционализма, что некоторые даже говорят «генонизм», имея в виду традиционализм, то есть смешивают два этих слова. В частности, Марк Сэджвик написал книгу «Традиционализм и тайная интеллектуальная история XX века»: общее название «Против современного мира», подзаголовок «Традиционализм и тайная интеллектуальная история XX века». И он там говорит, что в какой-то период он пользовался для себя термином «генонизм», потом понял, что речь идёт о традиционализме. Он не знал всей глубины, всего масштаба этого вопроса, но, постепенно в него входя, он понял, что генонизм – это аспект традиционализма, но не весь традиционализм.

Генон – это человек, который по своему масштабу, по своему весу, по своим перспективам более объёмен, более весом, чем вся немецкая классическая философия вместе взятая. Немецкая классическая философия тоже ведь близка к традиционализму, это тоже вещь глубоко масонская, это не профанический какой-то там

рационализм Просвещения. Это, в общем-то, очень масонская вещь. В этом плане выдающимися фигурами являются Шеллинг и Гегель. Шеллинг – это эзотерическая фигура, он откровенно делает ставку на интеллектуальную эзотерическую интерпретацию реальности. Гегель – это всё-таки в большей степени логик, который опирается на традицию Аристотеля, на понятийно-категориальную связь логических понятий. Но они близки друг к другу. Есть ещё, конечно, и фигура Фихте – очень масонская фигура. Фихте, Шеллинг, Гегель, Кант. Вот этот кватернер образует весь объем большой западной мысли, который подводит итог двум с половиной тысячам лет: от Платона до середины XIX века. После этого начался распад, деконструкция, появились Ницше и Шопенгауэр, появились ещё более какие-то поздние авторы, и в конце концов уход в постмодернизм. Особняком, конечно, стоит Хайдеггер. Но вот этот кватернер четырёх имён – это всё, что человек может сказать современным философским языком о глубочайших проблемах реальности и в логическом, и психологическом срезе.

Так вот, я без преувеличений, достаточно смело, буду утверждать, что Генон на одной чашке весов весит столько же или больше, сколько четыре названные фигуры на другой чашке весов…

На основании чего вы делаете такое заявление?

Генон, прежде всего, знает во всей полноте, во всех нюансах послание каждой из этих четырёх фигур. Он понимает их место: это всё-таки периферийные в традиционализме фигуры. Они центральны в профанической философии, то есть в философии, которая преподаётся с кафедр. Это мейнстрим, это огромные имена, бесценные кладези мысли. Один Фихте с его науковедением, с его концепцией субъекта, с ролью науки и обращением к немецкой нации по поводу её интеллектуальных возможностей и необходимости науки для того, чтобы она превратилась в великий народ, – это всё огромная вещь. Но это в профанической философии

некая…

Хороший вы термин сейчас употребили – профаническая философия…

Философия профанична, потому что она вне храма. Это не гностицизм, это не гнозис, это не теология, это не метафизика. Метафизика – это всё-таки нечто больше, чем философия. Философия включает в себя слишком много мелких дробных подразделений, занимающихся не существенными вопросами, – особенно сегодня, когда наступила эпоха постмодерна. Философия может заниматься совершенно периферийными делами, в общем даже отказываться от системы: после Гегеля, как известно, философия зареклась создавать системы, она перешла на пиксельный характер описания реальности. Поэтому эти гигантские фигуры – они гигантские в масштабе этого маленького лужка.

Но Генон ставит проблемы, которые выходят за рамки, которые даже серьёзно не описываются. Но они описываются где-то краем, они хватаются этими философами. Он ставит перед собой, прежде всего, проблему утверждения: что есть «утверждение»? Утверждение – то, что он называет по-французски l'affirmation absolue, безусловное утверждение, – это то, к чему ничего нельзя добавить, то, за пределами чего ничего нет. За пределами Утверждения существует только внешний мрак и «скрежет зубовный»[92], то есть только ошибка, которая фиктивна, которой нет, её не существует. Утверждение – это фундаментальная вещь и это тотальное Всё. В этом тотальном Всё все феномены, все реальности, которые мы можем встретить, обретают финальное тождество. Потому что нет ничего такого, чтобы осталось без знака равенства, которое идёт к этому Утверждению. Эта постановка вопроса, которая содержится имплицитно у Платона, у Гегеля, но почти нигде (даже у Шеллинга) она не ставится в такой прямоте, в такой глубине. Генон даёт ключи, которые никто из этих четырёх не даёт. Он даёт ключи символизма.

Он объясняет, на чём основана фундаментальная аналогия, аналогия этого мира и того мира, аналогия спиритуального и материального.

У Платона есть общая идея, что небесные архетипы отбрасывают здесь тень в виде вещей, которые им соответствуют. Но Генон раскрывает эту тему на конкретных примерах, особенно в такой книге, как «Символизм креста». Он раскрывает на конкретных примерах, что такое аналогия между «земным» и «небесным». И именно этот момент аналогии между земным и небесным, этот момент тождественной внутри себя двойственности является фундаментом учения традиционалистского клуба. Это вместе с тем и политическая доктрина. Она антилиберальная, это вторая доктрина, которая в своё время была единственной, а сегодня это вторая после либерализма, оспаривающая политическое верховенство. Доктрина, претендующая на то, чтобы контролировать судьбы человечества. Третьей, как известно, является радикализм, который противостоит и традиционализму, и либерализму.

Генон – это человек, который дал описание парадигм ведущих сакральных цивилизаций: индуизма, даосизма. В меньшей степени ислама, хотя он был мусульманином, принявшим ислам в 1912 году, но в наименьшей степени он писал об этом. Тем не менее он дал такой корпус представления о том, что такое «сакральная цивилизация».

Понятно, что и Шеллинг, и Фихте, в особенности и Гегель были европоцентристами, а в Европе они были германоцентристами. И для Гегеля за пределами прусской монархии, за пределами Фридриха Великого, очень мало существовало каких-то реальностей, стоящих описания. Генон рассматривает Европу как точку крайнего упадка, Запад как страну заката в буквальном смысле, – «свет с Востока» и так далее. И в этом смысле о Геноне можно говорить как о человеке, который поднял огромную волну, и сегодня он является очень читаемым и известным автором. Он преодолел, прежде всего, мощнейший негатив Католической церкви к себе.

Генон – это человек, который исторически обозначен крайним недоверием, крайней нелюбовью, если не сказать «криптоненавистью». Церковь, правда, не может открыто сказать, что она кого-то ненавидит, – «церковь выше всего этого», – но можно сказать, по факту, про ненависть со стороны Католической церкви. Почему? Потому что это выходец из очень старой католической семьи, из традиционной французской высокой буржуазии с большим культурным наследием. И это человек, который сам начинал как католик, как человек, который хотел слить воедино католичество и масонство, который хотел оживить католичество через масонство, а масонство через католичество, оживить эту мёртвую букву через Дух. В какой-то момент он, конечно, пришёл к выводу, что это безнадёжные усилия, безнадёжные старания, – как говорил Шекспир, «бесплодные усилия любви», – и он принял ислам. Принял ислам по линии одного из выдающихся шейхов – Абделькадера (алжирский шейх), который посвятил его в тарикат Шазилийя; орден Шазилийя посвятил и его друга – художника, шведа, который был старше его и который вскоре после всего этого умер.

Генон, получив посвящение, стал одной из лидирующих фигур в суфийском эзотерическом интеллектуализме исламского мира. Он кончил свои дни в Каире, где он жил с середины 30-х годов. Он был вне политики – по крайней мере по формальным утверждениям. Хотя на самом деле были моменты в 20-е годы и в начале 30-х, когда он поддерживал связь с крайне правыми католиками. До самого конца его интересовало прежде всего возрождение Европы. До самого конца он видел Европу как ту страну сумрака, ту Похьёлу[93], которую надо просветить изнутри эзотерическим светом. Этот свет он находил для себя лично в исламе, а для Запада почему-то объяснял постоянно в своих книгах, что такое индуизм («Общее введение в индуистские доктрины»).

Это один из моментов, который требует объяснения – почему человек, принявший ислам, пишет всё время об индуизме. Я думаю, для того, чтобы нейтрализовать ислам, деструктивную силу которого

по отношению к эзотерическим концепциям – индуизму, даосизму – он слишком хорошо понимал. Он пытался это нейтрализовать.

Естественно, через некоторое время у него созрели ученики – и большие ученики. Одним из этих учеников был Фритьоф Шуон. Фритьоф Шуон, несмотря на норвежское имя, которое было дано ему, по-моему, в честь какого-то арктического первопроходца-исследователя, это швейцарец. Это человек, который изначально был глубоко ангажирован в исследованиях оккультного эзотерического характера; встретился с текстами Генона, читал их, штудировал их, в конце концов он принял ислам и стал одной из наиболее активных организующих, «менеджерских» фигур в исламском пространстве. Он создал орден «Марьямийя». Почему «марьямийя»? Потому что у него были какие-то личные проблемы, была некая возлюбленная (я бы сказал даже – в смысле рыцарского цикла короля Артура) женщина Марьям (Мария), которую он ассоциировал ещё, между прочим, и с Девой Марией. Там ассоциатив шёл очень глубокий и очень странный. Вообще это была скандальная фигура.

Не удивляйтесь, потому что Шуон – это фигура скандальная. Но насколько глубоко идёт эта скандальность? Вот Марк Сэджвик, например, начал с того, что стал читать Генона и Шуона. Я сам Шуона читал очень давно, и первая книжка, которая мне попалась, называлась «Понять ислам». Это была хорошая компилятивная книга, некий компендиум, который говорил номинально более или менее причёсанные вещи, но она была глубоко банальна. У него есть получше книга, которую я изучил впоследствии, – «Тропинки гнозиса»[94]. Более острая, более вызывающая, более глубокая, более эзотерическая. Но «Понять ислам»… Почему-то люди, которые пишут об исламе, всё время скатываются в какие-то клише и в банал такого «хорошистского» плана. То есть ислам хороший, ислам – это добро, это благо, это свет…

■*Слова неофита…*

Нет, тут другое. Во-первых, конечно, это отсутствие истинного понимания: человек заменяет какие-то острые, реально пугающие людей вещи, отстраняет их, заменяет причёсанными, «добрыми», не пугающими призывами кота Леопольда («давайте жить дружно»), «ислам – это самое толерантное, что бывает на свете», «всем сестрам по серьгам», что это одновременно про трансцендентное, но это и про имманентное (Бог в исламе трансцендентен, но одновременно и имманентен), и всё в исламе округло, хорошо…

Это фундаментальное непонимание того, что такое ислам. Потому что ислам – это прежде всего отрицание Традиции, той самой Традиции, на которой взошли Пико делла Мирандола[95], взошли эзотерики, алхимики, герметики времён Возрождения, тот же Генон, – все эти люди поднялись на идее «вечной философии» (perennial philosophy), «вечной мудрости». «Вечная мудрость», которая передаётся от поколения к поколению. Она передаётся определёнными методами, ритуалами, в определённых организациях. И все Традиции, все религии, все метафизические системы являются модификациями этой «вечной мудрости». Ислам с этим рвёт. Ислам является ударом по «вечной мудрости». Ислам отрицает «вечную мудрость». Это очень неприятно для носителей традиционализма. Это скандально. Это нужно каким-то образом замазать, затереть, заштукатурить.

Почему ислам – это вызов и почему ислам – это отрицание? Потому что, как я неоднократно говорил в прошлом, есть две великих Традиции: одна Традиция связана с естественным, «глиняным» человечеством, которая основана на прямом созерцании реальности (как зеркало, которое добросовестно отражает предметы, стоящие в комнате, среди которых оно есть одно из предметов); а другая великая Традиция есть жёсткое сомнение в том, что эти описания чего-то стоят, она есть отрицание содержания этого созерцания.

Созерцание даёт очень поверхностное представление о реальности. Сама реальность, подлинная реальность, подлинное

существо Сущего ускользает от созерцающих, она находится в послании пророков. А пророки связаны не с реальностью как таковой, они связаны с трансцендентным Субъектом, они связаны со Всевышним. Всевышний непостижим, Он находится вне аналогий, вне подобия чему бы то ни было. Это сфера непроглядной тьмы. Но тьмы не в негативном смысле, а тьмы, которая является чёрным светом, чёрным сиянием. Это то Непостижимое, которое является Смыслом всего. Потому что мы не можем искать смысл, не можем обретать духовное утешение в том, что раскрывается до конца как представленное здесь имманентно. Нам требуется нечто, что представляет собой такую чёрную дыру…

■*За которой как бы нет никакого смысла, но она придаёт смысл всему остальному…*

Абсолютно точно. Именно это. И **оттуда** приходят пророки. Почему? Потому что они являются наследниками Адама, а Адам получил оттуда частицу, вложенную в его сердце. И собственно, вот то Непостижимое беседует с этой искрой в сердцах пророков через архангела Гавриила (Джабраила). Это совершенно другое поле, это совершенно другое пространство, которое вступает в конфликт с Бытием. Потому что это **мир сознания**. Это даже не мир сознания, а это путь сознания, это методология сознания. А сознание противостоит Бытию. Бытие не имеет ни смысла, ни ценности, ничего, – оно просто есть. А сознание является чистой апорией. Это конфликт двух взаимоисключающих моментов – «Это» и «То».

■*Хорошо, вернёмся к столпам традиционализма. Традиционалисты, хотя и писали больше о буддизме, даосизме, они правильно понимали ислам? Вы сказали, что Шуон слишком сглаживал всё это. Почему?*

Они понимали ислам, я думаю, «про себя», «близко к тексту», потому что они боролись с ним фактически. А бороться можно только

с тем, что ты понимаешь. Вот ты понимаешь, что такое коммунизм, и ты с ним борешься, понимаешь, что такое империализм – и ты с ним борешься. Но при этом можно прикинуться и коммунистом для эффективной борьбы. Вот они как раз пошли по этому пути. Они прикидывались «коммунистами», то есть в данном случае – мусульманами, для того чтобы нейтрализовать то, что они считали ядом ислама. Если ты погружаешься в изучение ислама, то ты не можешь этого избежать, ты сразу сталкиваешься с тем, что ислам – это вызов всему, что является аксиомой, общим местом для традиционализма.

И вот мы попадаем к Шуону, который представляет собой, наверное, второе, после Генона, имя. Попадаем к Шуону, как Марк Сэджвик попал к нему. Он стал его изучать, он стал собирать все сведения, и вдруг он попадает на пачку фотографий, которые касаются Шуона. И у него глаза лезут на лоб. Потому что он знает, что Шуон – швейцарец, который принял ислам достаточно давно и является шейхом: он является суфийским лидером, руководителем, старцем, эзотериком посвящённым. Он видит фотографии, на которых, во-первых, Шуон позирует в одежде индейского племенного вождя…

Какой-то фрик, я прошу прощения…

Как бы! А он был в Америке и, оказывается, встречался с определёнными индейскими кругами, прошёл посвящение у индейских шаманов и получил определённый статус, получил имя. Он выступил в роли Карлоса Кастанеды задолго до того, как Кастанеда уже объявился в качестве известного нам автора, известной нам контркультурной фигуры со своим Доном Хуаном. Задолго до этого, как оказалось, Шуон выступал в такой же роли. Но мало этого – он сидит в перьях, и вокруг него сидят ещё голые женщины…

Но это же язычество в чистом виде. Тем более он там прошёл посвящение, получил имя…

Я вам об этом и говорю. Дело в том, что для этих людей нет язычества как понятия. Потому что они верят в универсальную традиционалистскую доктрину, модификацией которой является всё, в том числе и христианство, и иудаизм, и ислам. И это является чем-то вариативным по отношению к даосизму. Но это ни в коем случае не контрпоток, не контрапункт. Они не верят в язычество.

Язычество – это термин монотеистический, это как раз термин исламский, христианский, иудейский, который отрицает вот эту, основанную на созерцании, традиционалистскую доктрину. Монотеизм отрицает её. Монотеизм основан на Откровении. Откровение отрицает созерцание.

А эти люди как раз всё это сглаживают, затирают и стараются представить это всё общей такой кашей, – интеллектуальной кашей, интеллектуальным варевом. И теперь он сидит с голыми женщинами – но не только это. Есть его изображение Девы Марии в голом виде, причём подчёркнуто выражены, описаны её гениталии, прошу прощения…

Зачем это? Уже на грани кощунства…

На грани кощунства. Но я же сказал с самого начала, что он создал орден «Марьямийя», потому что у него была возлюбленная, которую он ассоциировал, во-первых, с прекрасной дамой в этаком рыцарском смысле, во-вторых, он её ассоциировал, скандальным образом, с Девой Марией. Это целая история. Причём он эту историю скрывал от большинства последователей своих. Почти все члены ордена «Марьямийи» были не в курсе, что их мэтр, их шейх Шуон имеет такие выходы в эту область.

Более того, эти фотографии находились под запретом. Когда они попали к Марку Сэджвику, он поехал с этими фотографиями к

одному из мэтров, который жил где-то в очень хорошем месте для отдыха (пляж, вилла, коттедж), – это был такой профессор, солидный учёный, интеллектуал, эзотерик, к нему приезжали ученики. И вот к нему приходит Марк Сэджвик. Кстати, ко мне он тоже приходил и включил меня в описание этой секретной истории XX века. Ну, он пришёл к этому учёному и говорит: «А как быть с этими фотографиями?». И тот – ну, не заорал на него буквально, – но сказал что-то типа: «Что вы хренью занимаетесь? Это какая-то ерунда. Вы серьёзные вещи изучайте. Ну что эти фотографии? Вам что, жареное нужно, сенсации нужны? Вы же серьёзный человек. Занимайтесь большими вещами». И Сэджвик понял, что всё это мелко, несерьёзно: все эти перья, голые бабы… ну-ну…

Он как бы констатирует, пишет как есть, не давая моральных оценок. Но я о Шуоне знал это совершенно отдельно и совсем из других источников. Источников мусульманских, гораздо более близких лично ко мне, чем Марк Сэджвик. Сэджвик – это профессор американского университета в Каире, который занимается исследованиями традиционализма, оккультизма, эзотеризма. А что мне рассказали наши люди про Фритьофа Шуона? Прежде всего мне рассказали то, что он црушник, что вообще линия «Марьямийя» – это курирующиеся ЦРУ структуры. У меня нет основания этому не верить, потому что я знаю, что эти люди включены в очень серьёзное понимание вопроса. Это первое: Шуон – црушник.

Второе (очень интересная вещь): после того как он умер, его наследником и тем, кто взял под себя всё это дело, был Сейд Хусейн Наср. Это третья фигура, которой я хотел бы коснуться. Ну, наверное, мы коснёмся большего количества фигур, может быть, если мы не успеем, они перейдут на следующую передачу. Но Сейд Хусейн Наср должен появиться сразу.

Сейд Хусейн Наср был посвящённый эзотерик, который был у шаха Ирана Пехлеви личным советником по исламу. Я бы, конечно, пошутил, если бы темы были не так серьёзны, и сказал бы, что шаху Ирана требовались советники, потому что меньше знать об исламе,

чем знал шах Пехлеви, и больше ненавидеть ислам, чем он, было трудно. Вообще он окружал себя зороастрийцами, бабитами[96], персонажами как можно более далёкими от ислама, сектантами всевозможного рода и так далее. Но он же был монарх исламской страны – хочешь не хочешь, но ему нужны были какие-то советники. Ну и был такой советник – Сейд Хусейн Наср. Он был человеком, близким к Генону, человеком, глубоко разрабатывавшим суфийские темы, – что называется, «верховной высшей идентичностью» или «верховным тождеством». Он занимался фигурой Муллы Садра, который является основоположником национально-политического мировоззрения Ирана. Весь гештальт иранского менталитета – это писание Муллы Садра, и Наср этим занимался. Сейд Хусейн Наср – один из авторов огромной (и один из организаторов и инициаторов) «Большой исламской энциклопедии».

И, конечно, когда шаха Ирана свергли, он уехал в Америку. Шах Ирана, как известно, не получил разрешения умереть в Америке, которой он очень верно служил. Его выгнали, и он умер на койке военного госпиталя в Мексике в довольно, я думаю, скромных условиях.

Но что касается Сейда Хусейна Насра, то, я думаю, кто из конкурирующих этих двух фигур – Гюлен или он, – находится в более роскошных и более охраняемых ФБР и ЦРУ условиях. Потому что у Сейда Хусейна Насра замок, огромный участок во много гектаров, фбровская охрана, запись заранее с большой проверкой по американской линии спецслужб. К Обаме легче попасть в Овальный кабинет, чем к Сейду Хусейну Насру. И, в общем, я знал, что этот человек шахский.

Я же очень много ездил в Иран, у меня очень большие связи (не хвастаюсь) среди аятолл, среди высшего клерикалитета Ирана. Неоднократно открывая книги, изданные в Куме, видел его предисловие или его комментарий, – что-то написанное им в качестве некоего интеллектуального вклада в издание этой книги. Это всегда вызывало у меня недоумение. Как же так? Мы имеем дело

с исламской республикой Иран – а здесь человек, который агент шаха, его теснейший соратник, да ещё под защитой ФБР, – и он публикуется в изданиях Кумской духовной академии. И я спросил аятоллу Тасхири[97], который в 1995 году, благодаря моим усилиям, в условиях козыревщины приехал впервые в Россию.

Я спросил Тасхири: «Скажите, меня просто очень волнует этот вопрос, – я же искренне отношусь к теме, – вот это враг… это же враг? Вот почему вы его издаёте? Он у вас в каждой бочке затычка, всюду пишет предисловие к серьёзным книгам. Нет без его комментариев ничего, что бы выходило». И он отвечает: «Да, это так. Ну, понимаете, этот человек объясняет нас Западу. Он является «понтифексом», мостом, который находясь там, нас объясняет. Он объясняет, потому что иначе был бы такой гиатус зияющий. Мы бы не могли найти диалог. Нам нужен диалог, мы общаемся с продвинутой западной масонерией, но есть серьёзные методологические провалы, которые мы не можем покрыть. А этот человек одной ногой глубоко стоит в масонерии, а другой ногой наш полностью». Это давно всё было, лет 25 назад.

Я расставил точки над i, я просто получил подтверждение того, что существует – поверх всяких партийных, сектантских и прочих разногласий – сговор. Сговор традиционалистских элит. Более того, что он, говоря с масонами в Штатах, объясняя клерикализм исламской республики, теократию исламской республики, он же не с традиционалистами имеет дело (им ничего объяснять не надо, они всё и так понимают), он с либералами имеет дело, он имеет дело с эзотерическим крылом либерального клуба, – крылом, которое свободно от материалистических клише и предрассудков.

■ *В определённом смысле, он мост от традиционализма к либерализму…*

Да. Вот что меня заставило последнюю точку над i поставить, что – да, есть этот сговор, есть фундаментальная укоренённость на очень

высоком уровне в общее понимание реальности. Настолько общее, что оно включает в себя принципиально взаимоисключающие вещи.

И вот, этот Хусейн Наср унаследовал движение, созданное Шуоном, и является его интеллектуальным лидером, – движение, которое поддерживалось ЦРУ, которое росло на этой клумбе, которое ЦРУ выделило, окучивало, заряжало торфом и так далее.

В этом смысле забавно сравнивать, и, может быть, мы должны написать на эту тему работу, которая бы провела сравнение и аналогию между двумя этими фигурами. Фетхуллах Гюлен, турецкий «мусульманин», живущий в Штатах, главный оппозиционер Эрдогана, миллиардер с пятью миллионами последователей, с огромным количеством школ, со своим мировоззрением, – не очень серьёзным, но достаточно чётко выраженным, которое разделяют много людей, в том числе и в России. И вот, сравнить эту фигуру с Хусейном Насром, эзотериком, человеком закрытым, но тоже располагающим гигантскими средствами, гигантскими возможностями, но как бы с другой стороны. И эти фигуры символически выражают дух и имидж каждой из этих двух стран: Турции и Ирана. Турции как более демократической, открытой: если там идёт скандал или конфликт, то он весь наружу. И закрытый Иран, где тебя вдруг огорошивают тем, что «ну, понимаете, он же нас объясняет, он враг, но он объясняет тем людям, а тех объясняет нам». Вот, я считаю, что надо провести сравнение и изучение.

Сейд Хусейн Наср – это третья фигура, которая сегодня, в наши дни определяет имидж традиционалистского клуба. Это первая тройка. Мы можем перейти к следующей тройке. Я не знаю, хватит ли у нас времени…

[Времени не хватило… Тяжелобольной Гейдар Джемаль умер через два месяца в Алматы. Да помилует его Аллах!]

ЛУЧШИЕ КНИГИ О БИЗНЕСЕ С ЛОГОТИПОМ ВАШЕЙ КОМПАНИИ? ЛЕГКО!

Удивить своих клиентов, бизнес-партнеров, сделать памятный подарок сотрудникам и рассказать о своей компании читателям бизнес-литературы? Приглашаем стать партнерами выпуска актуальных и популярных книг. О вашей компании узнает наиболее активная аудитория.

ПАРТНЕРСКИЕ ОПЦИИ:

- Специальный тираж уже существующих книг с логотипом вашей компании.
- Размещение логотипа на супер-обложке для малых тиражей (от 30 штук).
- Поддержка выхода новинки, которая ранее не была доступна читателям (50 книг в подарок).

ПАРТНЕРСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ:

- Рекламная полоса о вашей компании внутри книги.
- Вступительное слово в книге от первых лиц компании-партнера.
- Обращение первых лиц на суперобложке.
- Отзыв на обороте обложки вложение информационных материалов о вашей компании (закладки, листовки, мини-буклеты).

У вас есть возможность обсудить свои пожелания с менеджерами корпоративных продаж. Как?

Звоните:
+7 495 411 68 59, доб. 2261

Заходите на сайт:
eksmo.ru/b2b

ГЕЙДАР ДЖЕМАЛЬ

ПОЗНАНИЕ СМЫСЛОВ

ИЗБРАННЫЕ БЕСЕДЫ

Примечания

1

Все «Комментарии» написаны Джемалем после бесед – перед подготовкой книги к изданию. Некоторые беседы не содержат Комментария.

Вернуться

2

Здесь и далее по всей книге под «Традицией» с заглавной буквы имеется в виду сакральное философско-религиозное учение, критикующее современный мир и выявляющее во всех культурах и религиях логику единой интегральной Традиции, некогда существовавшей, но утраченной. Не путать с «традицией» в «антропологическом» смысле – системой норм, представлений, правил, образцов и навыков, которые передаются из поколения в поколение и выступают одним из регуляторов общественных отношений. В этом контексте это слово тоже встречается у Джемаля. (*Все комментарии – от редактора.*)

Вернуться

3

Генри Томас Бокль (1821–1862) – английский историк, автор «Истории цивилизации в Англии» («History of Civilization in England»).

Вернуться

4

И по личному предложению Дзержинского начал служить в ЧК, где выполнял «самые деликатные поручения».

Вернуться

5

Эмманюэль Жозеф Сийес, широко известный как аббат Сийес (1748–1836) – французский политический деятель. В книге «Что такое третье сословие?» писал: «Что такое третье сословие? – Все. Кем оно было до сих пор? – Ничем. Чем оно желает быть? – Чем-нибудь».

Вернуться

6

Джемаль здесь имеет в виду религиозные движения, которые с точки зрения церкви и власти рассматривались как «еретические».

Вернуться

7

В апреле 2014 года.

Вернуться

8

Ингерентный – внутренне присущий.

Вернуться

9

Партмаксимум – максимальный месячный оклад, существовавший для членов ВКП(б), являющихся руководящими работниками учреждений и предприятий. Партмаксимум был введен декретом ВЦИК от 23 июня 1921 г., который установил, что зарплата ответственных работников не должна превышать 150 % от уровня средней зарплаты в подконтрольных им учреждениях и предприятиях. Этот декрет ограничил для руководителей возможности дополнительных заработков на стороне.

Вернуться

10

Космизм – ряд религиозно-философских, мистических, художественных, эстетических и научно-футурологических течений начала XX века, объединяемых в одну общность на основании наличия в них представлений о человеке и человечестве как элементах, связанных в единое целое с космосом и развивающихся вместе с ним по неким общим закономерностям.

Вернуться

11

Рамификация (лат.) – разветвление, подразделение.

Вернуться

12

Николай Клюев:

Есть в Ленине керженский дух,
Игуменский окрик в декретах,
Как будто истоки разрух
Он ищет в «Поморских ответах».

Вернуться

13

Под «библейским поясом» имеется в виду регион в Соединённых Штатах Америки, в котором одним из основных аспектов культуры является евангельский протестантизм.

Вернуться

14

Точная фраза из «Так говорил Заратустра»: «Я люблю всех тех, кто являются тяжелыми каплями, падающими одна за другой из темной тучи, нависшей над человеком: молния приближается, возвещают они и гибнут, как провозвестники. Смотрите, я провозвестник молнии и тяжелая капля из тучи; но эта молния называется сверхчеловек».

Вернуться

15

Фаланстер – в учении утопического социализма Шарля Фурье дворец особого типа, являющийся центром жизни фаланги – самодостаточной коммуны из 1600–1800 человек, трудящихся вместе для взаимной выгоды. В романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?» Вера Павловна видит фаланстер в четвёртом сне.

Вернуться

16

Согласно Жан-Жаку Руссо (1712–1778), примитивный человек – дикарь – был принципиально добрым и органичным существом.

Вернуться

17

Ф. М. Достоевский. Записки из подполья.

Вернуться

18

Инфернальный – демонический, адский, дьявольский.

Вернуться

19

Яса Чингисхана (яса – тюркская форма монгольского джасак, буквально – закон) – свод постановлений, обнародованный Чингисханом на курултае в 1206 году.

Вернуться

20

Магдебургские полушария – эксперимент немецкого физика Отто фон Герике для демонстрации силы давления воздуха и изобретённого им воздушного насоса. Из собранных в сферу медных

полушарий выкачивался воздух, и полушария удерживались давлением внешней атмосферы.

Вернуться

21

Джемаль имеет в виду советский сатирический фильм 1979 года.

Вернуться

22

Конвергенция (политология) – сближение экономических и политических систем, уподобление их друг другу.

Вернуться

23

«Solve et coagula» (*лат*. «Разлагай и соединяй», «Растворяй и сгущай») – алхимический девиз, иллюстрирующий следующую циркуляцию: растворять и снова соединять вещество столько раз, сколько будет необходимо для получения самого совершенного симбиоза материи и духа – философского камня.

Вернуться

24

Авгур (*лат*. augures) – член почётной римской жреческой коллегии, выполнявший «официальные» государственные гадания для предсказания исхода тех или иных мероприятий по ряду природных признаков, поведению, полёту и крикам птиц.

Вернуться

25

Бернард Клервоский (1091–1153) – французский средневековый богослов, мистик, общественный деятель, цистерцианский монах, аббат монастыря Клерво.

Вернуться

26

Ян Гус (1369–1415) – чешский проповедник, мыслитель, идеолог чешской Реформации. Национальный герой чешского народа. Был священником и некоторое время ректором Пражского университета. 6 июля 1415 года в Констанце был сожжён вместе со своими трудами. Казнь Гуса вызвала Гуситские войны (1419–1434).

Вернуться

27

Мы обнаружили в архиве Джемаля два варианта комментария и решили представить оба.

Вернуться

28

Станислав Косиор (1889—1939) – советский партийный и государственный деятель. Первый секретарь Коммунистической партии Украины, заместитель председателя правительства СССР.

Вернуться

29

Во время Октябрьской революции М. Д. Бонч-Бруевич стал первым русским генералом, перешедшим на сторону большевиков. Его родной брат – Владимир Дмитриевич, большевик с 1895 года – стал управляющим делами Совнаркома.

Вернуться

30

Отсылка к популярной гипотезе о некоем разломе, супервулкане на территории Йеллоустонского парка как причине грядущей вселенской катастрофы.

Вернуться

31

Франц Омар Фанон (1925—1961) – франкоязычный вест-индский революционер, социальный философ и психоаналитик. Один из теоретиков и идейных вдохновителей движения новых левых и революционной борьбы за деколонизацию в странах третьего мира на протяжении уже более чем четырёх десятилетий.

Вернуться

32

Федерика Могерини – итальянский политик, была министром иностранных дел Италии (род. в 1973 г.).

Вернуться

33

Меттерних, Клеменс фон (1773–1859) – австрийский министр иностранных дел в 1809–1848 годах, главный организатор Венского

конгресса 1815 года. Руководил политическим переустройством Европы после наполеоновских войн.

Вернуться

34

Джефри Чосер (ок. 1340–1400) – средневековый английский поэт, «отец английской поэзии». Считается одним из основоположников английской национальной литературы и литературного английского языка.

Вернуться

35

Бенджамин Дизраэли (1804–1881) – английский государственный деятель Консервативной партии Великобритании, 40-й и 42-й премьер-министр Великобритании в 1868 году и с 1874 по 1880 год, По поводу его отца Джемаль здесь утрирует: отец Дизраэли получил элитное образование, посвятил себя литературной деятельности и написал несколько книг об английских писателях.

Вернуться

36

Отсылка к строкам Киплинга: «О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут…»

Вернуться

37

Готфрид Бенн (1886–1956) – немецкий эссеист, новеллист и поэт-экспрессионист, врач. Сначала был сторонником, а затем критиком

нацистского режима. Бенн оказал большое влияние на немецкую литературу до- и посленацистского периода. Несмотря на весомый вклад в поэзию XX века, Готфрид Бенн по-прежнему мало известен широкой публике, особенно в России.

Вернуться

38

Чархи фаляк – в зороастрийской Традиции Небесное Колесо, Колесо Рока.

Вернуться

39

Берндт Андреас Баа́дер (1943–1977) – один из основателей и лидеров Фракции Красной Армии, городской леворадикальный террорист. Ульрика Мария Майнхоф (1934–1976) – западногерманская террористка, журналистка, педагог, социолог и теледокументалистка, общественная деятельница, одна из лидеров и теоретиков Фракции Красной Армии.

Вернуться

40

Цезаропапизм (от *лат.* caesar – «цезарь» и *лат.* papa – «папа») – термин, введённый католической историографией XIX века для обозначения таких отношений между императорской властью и церковью в Византии, в которых глава государства (император) выступал главой Церкви.

Вернуться

41

Илиодор (1880–1952) – русский иеромонах-черносотенец, протеже Григория Распутина. После Октябрьской революции предложил свои услуги большевикам. По личному предложению Дзержинского начал служить в ЧК, где выполнял «самые деликатные поручения». В апреле 1921 года создал в Царицыне секту «Вечного мира». Тогда же объявил себя «епископом Царицынским и Патриархом всея Южныя России». Активно использовался органами ВЧК-ОГПУ для раскола Царицынской епархии.

Вернуться

42

Леон Мишель Гамбетта (1838–1882) – французский республиканский политический деятель, премьер-министр и министр иностранных дел Франции в 1881–1882 годах.

Вернуться

43

Гвельфы – политическое течение в Италии XII–XVI веков, представители которого выступали за ограничение власти императора Священной Римской империи в Италии и усиление влияния папы римского. Гибеллины – враждовавшая с гвельфами политическая группировка XII–XIV веков, приверженцы императора.

Вернуться

44

«Чувства масс вскормлены были исключительно религиозной пищей: поэтому, чтобы вызвать бурное движение, необходимо было собственные интересы этих масс представлять им в религиозной

одежде». Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии.

Вернуться

45

Жак Аттали́ (род. 1943) – французский экономист, банкир, писатель и политический деятель. Автор десятка книг. Согласно Аттали, глобализация порождает новую кочевую элиту, которая необходимо должна быть оторванной от своих национальных корней. В этой концепции человек – придаток к кредитно-регистрационной карточке, кочевник в глобальном разделении специальностей, профессий – без семьи, без родины.

Вернуться

46

Перевод названия – от Джемаля, который читал книгу на французском. Как называется книга в оригинале, установить не удалось. Возможно – Lignes d'horizon, 1992.

Вернуться

47

Сура 79, аят 24.

Вернуться

48

Бидонвиль – жилища бедняков в странах Азии, Африки и Латинской Америки.

Вернуться

49

Юдоль – устар. Место, где страдают, мучаются (обычно в сочетаниях: юдоль скорби, юдоль печали). Жизнь с ее горестями и печалями. В настоящее время слово используется как поэтический и религиозный символ, обозначающий тяготы жизненного пути с его заботами и сложностями.

Вернуться

50

Интеллигибельный – философский термин, обозначающий объект, постигаемый только умом и недоступный чувственному познанию.

Вернуться

51

Сура 7, аят 17.

Вернуться

52

Маршан (фр. Marchand) – торговец.

Вернуться

53

Речь о премьер-министре Греции в 2015–2019 годах.

Вернуться

54

Джемаль имеет в виду популярную в первые годы Советской власти «теорию стакана воды» – взгляд на любовь, брак и семью, который заключается в отрицании любви и сведении отношений между мужчиной и женщиной к инстинктивной сексуальной потребности, которая должна находить удовлетворение безо всяких «условностей», так же просто, как утоление жажды (заняться сексом просто, как выпить стакан воды).

Вернуться

55

Сура 2, аят 216.

Вернуться

56

Окоём – устар. пространство, которое можно окинуть взглядом; горизонт.

Вернуться

57

Лендлорд (*англ.* landlord, буквально «земельный лорд») – 1) в средневековой Англии крупный феодальный землевладелец из числа привилегированной аристократии; 2) в современной Англии – крупный земельный собственник, сдающий в аренду фермерам земельные участки и получающий от их эксплуатации высокую земельную ренту.

Вернуться

58

Тейяр де Шарден (1881–1955) – французский католический философ и теолог, биолог, геолог, палеонтолог, археолог, антрополог. Один из создателей теории ноосферы, однако, в отличие от Владимира Вернадского, в понимании де Шардена в основе ноосферы лежит божественная воля, а не законы природы. Создал своего рода синтез католической христианской традиции и современной теории космической эволюции. «Тейярдизм», первоначально осуждённый, затем интегрирован в доктрину Католической церкви.

Вернуться

59

Флогисто́н – в истории химии «огненная субстанция», якобы наполняющая все горючие вещества и высвобождающаяся из них при горении.

Вернуться

60

Зульм (*араб.* – гнет, притеснение, тирания, несправедливость). Языковое значение слова «зульм» и его значение в терминологии исламского права близки между собой.

Вернуться

61

Джон Дью́и (1859–1952) – американский философ и педагог, представитель философского направления «прагматизм». Утверждается, что философия Дьюи очень популярна в США, и 80 % американцев, знакомых с философией, считают Дьюи лучшим философом Америки своего времени.

Вернуться

62

Сура 2, аят 216.
Вернуться

63

Видимо, имеется в виду Мир Сайид Али бин Шихаб-уд-Дин Хамадани (1314–1384) – похороненный в Кулябе, Таджикистан, персидский философ, суфий, поэт, видный мусульманский ученый-теолог. Но он в итоге не был казнен.
Вернуться

64

Евангелие от Иоанна, глава 1, стих 14.
Вернуться

65

В общем случае «индивидуация» – одно из основных понятий аналитической психологии К. Г. Юнга, означающее процесс становления личности, такого психологического развития её, при котором реализуются индивидуальные задатки и уникальные особенности человека.
Вернуться

66

Дориан Грей – герой романа Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея», юноша, наделённый невероятной красотой. Попадая под влияние идей нового гедонизма, посвящает свою жизнь жажде наслаждений и порока.

Вернуться

67

Публичное сожжение еретиков, еретических сочинений по приговорам католической инквизиции в Средние века.

Вернуться

68

«Удел» как жизнь с её печалями и заботами.

Вернуться

69

«Патриотический акт» (*англ.* USA PATRIOT Act) – «Акт „О сплочении и укреплении Америки путём обеспечения надлежащими средствами, требуемыми для пресечения и воспрепятствования терроризму“ 2001 г.») – федеральный закон, принятый в США в октябре 2001 года, который даёт правительству и полиции широкие полномочия по надзору за гражданами.

Вернуться

70

«Жестокость полиции» (англ.)

Вернуться

71

Норма, нормальность, неизменность, нормальная жизнь.

Вернуться

72

Андреевский крест – косой крест, символизирующий распятие Андрея Первозванного.

Вернуться

73

Лен – земельный надел, получаемый вассалом от своего сюзерена.

Вернуться

74

К сожалению, тема не была продолжена.

Вернуться

75

Джемаль шутит: здесь отсылка к названиям нескольких работ Ленина, которые начинались с «К вопросу о...». При Сталине заголовок «К вопросу о...» стал чуть ли не каноном.

Вернуться

76

Рене Жан-Мари-Жозеф Генон (1886–1951) – французский философ, автор трудов по метафизике, традиционализму, символизму и инициации. Рене Генон считается родоначальником интегрального традиционализма – направления мысли, фундамент которого составляет положение о существовании Примордиальной традиции, или «Вечной мудрости». При этом Генон не использовал термин «традиционализм» и не связывал себя с конкретными направлениями философии, считая последнюю выражением индивидуальных «мнений».

В работе «Кризис современного мира» (1927) Генон оценивает состояние, к которому пришло человечество к началу XX столетия, как «Тёмный век», предвещавшийся всеми традиционными доктринами. Его черты даны автором в названиях глав книги – «социальный хаос», «индивидуализм», «профаническая наука», «материальная цивилизация», примат «действия» над «знанием», «экспансия Запада».

Вернуться

77

Барон Юлиус Эвола (1898–1974) – итальянский философ-эзотерик, писатель, поэт, художник, культуролог и политический деятель. Представитель интегрального традиционализма, автор ряда работ по эзотеризму и оккультизму. Ряд исследователей рассматривает его как идеолога неофашизма.

Вернуться

78

Филиппо Томмазо Маринетти (1876–1944) – итальянский писатель, поэт, основатель футуризма, один из идеологов фашизма.

Вернуться

79

Мухйиддин Абу Абдуллах Мухаммад ибн Али аль-Андалуси (1165–1240) – исламский богослов из Мусульманской Испании, крупнейший представитель и теоретик суфизма. Известен как «Величайший шейх» (аш-Шейх аль-Акбар) суфизма. Ибн Араби разработал учение о единстве бытия (вахдат ал-вуджуд), отрицающее различия Бога и мира. Критики (Ибн Таймийя и др.) видели в этом учении пантеизм, сторонники – истинный монотеизм (таухид). Отстаивал концепцию совершенного человека (аль-инсан аль-камиль).

Вернуться

80

Стяжание – приобретение, накопление

Вернуться

81

«Равенство, братство» (фр.)

Вернуться

82

Фритьоф Шуон (шейх Иса Нур ад-Дин Ахмад; 1907–1998) – швейцарский философ-метафизик, автор работ в области сравнительного религиоведения, исследователь традиционного искусства и цивилизации, художник и поэт.

Вернуться

83

Извод – редакция рукописного текста, отличающаяся от других списков этого памятника.

Вернуться

84

Сторонники незыблемости мировоззренческих догм.

Вернуться

85

Антуан Фабр д'Оливе (1767–1825) – французский драматург, учёный-эрудит и философ-мистик, писавший об изначальном сакральном языке всех народов («Восстановленный гебраический язык», 1815), о космогонии. Жозеф Александр Сент-Ив д'Альвейдр (1842–1909) – французский оккультист. Последователь Антуана Фабра д'Оливе.

Вернуться

86

Елена Петровна Блаватская (1831–1891) – религиозный философ теософского (пантеистического) направления, публицист, оккультист и спиритуалист, путешественница. Блаватская объявила себя избранницей некоего «великого духовного начала», а также ученицей братства тибетских махатм, которых она именовала «хранителями сокровенных знаний», и проповедовала авторскую версию теософии.

Вернуться

87

Франсуа Дарлан (1881–1942) – французский адмирал, один из лидеров вишистского режима в 1940–1942 годах.

Вернуться

88

Санусия, Сенусия, Сенусийя – суфийский религиозно-политический орден (тарикат) в Ливии и Судане, основанный в Мекке в 1837 году Мухаммадом ибн Али ас-Сануси. Последователи братства сыграли значительную роль в политических событиях стран Северной Африки XIX–XX веков.

Вернуться

89

В Средние века большую популярность приобрели легенды о могущественном христианском государстве, полном всех благ мира и христианской гармонии, на территории Азии, а точнее – в Индии. Во главе его стоял легендарный правитель, царь-священник пресвитер Иоанн, который в русской литературе известен также как поп Иван.

Вернуться

90

Элукубрация – *устар.* разглагольствование; измышление, досужий вымысел.

Вернуться

91

Флориан Гайер (1490–1525) – немецкий рыцарь и дипломат, один из предводителей Крестьянской войны в Германии, действовал в Швабии. Фридрих Энгельс писал о Флориане Гайере в своей работе «Крестьянская война в Германии» как об одном из первых борцов за интересы пролетариата. Во время Второй мировой войны его имя было присвоено 8-й кавалерийской дивизии СС.

Вернуться

92

Из Библии. Иносказательно: крайнее выражение горя, раскаяния, досады.

Вернуться

93

По́хьёла – далёкая суровая страна в карельских эпических песнях (рунах) и в поэме «Калевала».

Вернуться

94

Названия упомянутых книг даны в переводе Джемаля: сам он читал книгу Шуона «Comprendre l’Islam» на французском. На русском она более известна под названием «Познать ислам». Оригинальное название второй книги «Sentiers de gnose».

Вернуться

95

Джованни Пико делла Мирандола (1463–1494) – итальянский мыслитель эпохи Возрождения, представитель раннего гуманизма.

Он стремился к всеобщему «примирению философов» исходя из того, что все религии и философские школы являются частным выявлением единой истины и могут быть примирены в универсально понятом христианстве.

Вернуться

96

Бабиты – последователи религиозного учения, основанного во 2-й пол. 40-х гг. XIX в. Бабом (наст. имя – Сайид Али Мухаммад; род. в 1819 или 1820, в Ширазе, Иран). Под видом реформы ислама Баб фактически основал новую религию со своими догматикой, представлениями и социальной концепцией. Согласно его учению, Бог един, и Баб – это зеркало, в котором Бог отражается и в котором каждый может Его созерцать, и т. п.

Вернуться

97

Аятолла Тасхири (1944–2020) известен как «глашатай единства и сближения исламских мазхабов».

Вернуться